СОЧИНЕНІЯ

Ф

ДАЖЕЧНИКОВА

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

PRESENTED BY

891.73
L45
I1899
v.7-8

The person charging this material is responsible for its return on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

University of Illinois Library

DEC 1 1 1989

L161—O-1096

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА
ТОМЪ СЕДЬМОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 линія, соб. домъ
1913

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СМОТРЪ

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

Пушкинъ

Поникъ задумчивой главой.
Пора весны его, съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече....

Онѣгинъ.

Боже мой! Что за шумъ, что за веселье на дворѣ у кабинетъ-министра и оберъ-егермейстера Волынскаго? Бывало, при блаженной памяти Петрѣ Великомъ не сдѣлали-бы такого вопроса, потому-что веселье не считалось диковинкой. Грозенъ былъ царь только для порока, да и то зло долго не помнилъ. Тогда при дворѣ и въ народѣ тѣшились безъ оглядки. А нынѣ, хоть мы только и въ четвертомъ днѣ святокъ (замѣтьте 1739 года), нынѣ весь Петербургъ молчитъ тишиною келіи, гдѣ осужденный на затворничество

читаетъ и молитвы свои шепотомъ. Послѣ того, какъ не спросить, что за разгулье въ одномъ домѣ Волынскаго?

Только-что умолкли языки въ колоколахъ, возвѣстившіе конецъ обѣдни, всѣ богомольцы, по-одиночкѣ, много по-двое, идутъ домой, молча, поникнувъ головою. Разговаривать на улицахъ не смѣютъ: сейчасъ налетитъ подслушникъ, переведетъ бесѣду по-своему, прибавитъ, убавитъ, и, того гляди, собесѣдники отправляются въ полицію, оттуда и подалѣе — соболей ловить или въ школу заплечнаго мастера. Вотъ, сказали мы, идетъ народъ домой изъ церквей, грустный, скучный, какъ съ похоронъ, а въ одномъ углу Петербурга тѣшатся себѣ на распашку и шумятъ до того, что въ ушахъ трещитъ. Вскипаетъ и переливается пестрая толпа на дворѣ. Какихъ одеждъ и нарѣчій тутъ нѣтъ! Конечно, всѣ народы, обитающіе въ Россіи, прислали сюда по четѣ своихъ представителей. Чу! да вотъ и бѣлорусецъ усердно надуваетъ волынку, жидъ смычкомъ разогрѣваетъ цимбалы, казакъ пощипываетъ кобзу; вотъ и пляшутъ, и поютъ, несмотря, что морозъ захватываетъ дыханіе и костенитъ пальцы. Ужасный медвѣдь, ходя на привязи кругомъ столба и роя снѣгъ отъ досады, ревомъ своимъ вторитъ музыкантамъ. Настоящій шабашъ сатаны!

Православные, идущіе мимо этой бѣсовской потѣхи, плюньте и перекреститесь! Но мы, грѣшные, войдемъ на дворъ къ Волынскому, продеремся сквозь толпу и узнаемъ въ самомъ домѣ причину такого разгульнаго смѣшенія языковъ.

«Мордвы! чухонцы! татары! камчадалы! и такъ далѣе...» выкликаетъ изъ толпы по четѣ представителей

народныхъ великій-превеликій, или, лучше сказать, превысокій кто-то. Этотъ кто-то, котораго за ростъ можно-бы показывать на масляницѣ въ балаганѣ, гайдукъ его превосходительства. Онъ помѣстился въ сѣняхъ, танцуя невольно подъ щипокъ мороза и частенько надувая себѣ въ пальцы пѣсню проклятія всѣмъ барскимъ затѣямъ. Голосъ великана подобенъ звуку морской трубы; на зовъ его съ трепетомъ является, по порядку, требуемая чета. Долой съ нея овчинные тулупы, и національность показывается во всей красотѣ своей. Тутъ, неслишкомъ учтиво, оттираетъ онъ суконъ рукава своего иному, или иной, побѣлѣвшую отъ мороза щеку или носъ, и, отряхнувъ каждаго, сдаетъ двумъ скороходамъ. Эти ожидаютъ своихъ жертвъ на первой ступени лѣстницы, приставивъ серебряныя булавы свои къ каменнымъ, узорочнымъ периламъ. Легкіе, какъ Меркуріи, они подхватываютъ чету и съ нею-то мчатся вверхъ по лѣстницѣ, такъ что едва можно успѣть за красивымъ панашемъ, вѣющимъ на ихъ головѣ, и за лоснящимся отливомъ ихъ шелковыхъ чулокъ, то пинками указываютъ дорогу неуклюжимъ воспріемышамъ своимъ. Говоря о скороходахъ, не могу не вспомнить словъ моей няньки, которая нѣкогда, при разсказѣ о золотой старинѣ, изъявила сожалѣніе, что мода на бѣгуновъ-людей замѣнилась модою на рысаковъ и иноходцевъ. — «Подлинно, чудо были эти скороходы, — говорила старушка,—не знали одышки, отъ того-де, что легкія у нихъ вытравлены были зѣліями. А одежа, одежа, мое дитятко, вся какъ жаръ горѣла; на головѣ шапочка, золотомъ шитая, словно съ крыльями; въ рукѣ волшебная тросточка съ серебрянымъ набалдашникомъ:

махнетъ ею разъ, другой, и версты не бывало!»—Но я съ старушкою заговорился. Возвратимся въ верхнія сѣни Волынскаго. Здѣсь *маршалокъ* [1]) разсматриваетъ чету, какъ близорукій мелкую печать, оправляетъ ее двумя пальцами легонько снимаетъ съ нея пушокъ, снѣжинку, однимъ словомъ все, что лишнее въ барскихъ палатахъ и, наконецъ, провозглашаетъ ставленниковъ изъ разныхъ народовъ. Дверь настежь, и возгласъ его повторяется въ передней. Боже мой! опять смотръ. Да будетъ-ли конецъ? Сейчасъ. Вотъ кастелянъ и кастелянша, оглядѣвъ на-бѣло пару и объяснивъ ей словами и движеніями, что она должна дѣлать, ведетъ ее въ ближнюю комнату. Фаланга слугъ, напудренная, въ ливрейныхъ кафтанахъ, въ шелковыхъ полосатыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ огромными пряжками, даетъ ей мѣсто. И вотъ бѣдная чета, волшебнымъ жезломъ могучей прихоти перенесенная изъ глуши Россіи, отъ боговъ и семейства своего, изъ хаты или юрты, въ Петербургъ, въ кругъ полутораста паръ, изъ которыхъ нѣтъ одной, совершенно похожей на другую одеждою и едва-ли языкомъ, перенесенная въ новый міръ черезъ разные роды мытарствъ, не зная для чего все это дѣлается, засуечонная, обезумленная, является, наконецъ, въ залѣ вельможи передъ судъ его.

Пара входитъ на лѣстницу, другая пара опускается, и въ этомъ безпрестанномъ приливѣ и отливѣ рѣдкая волна, вставъ упрямо на дыбы, противится на мигъ силѣ вѣтра, ее стремящей; въ этомъ стадѣ, которое гонитъ бичъ прихоти, рѣдко кто обнаруживаетъ въ себѣ человѣка.

---

[1]) Дворецкій.

Было-бъ чему и нашимъ современникамъ подивиться въ залѣ вельможи! Глубокія окна, наподобіе камеръ-обскуры, обдѣланныя затѣйливыми баральефами разныхъ цвѣтовъ, колонны по стѣнамъ, увитыя виноградными кистями, огромныя печи изъ пестрыхъ изразцовъ, съ китайскою живописью и столбиками, съ вазами, съ фарфоровыми пастушками, похожими на маркизовъ, и маркизами, похожими на пастушковъ, съ китайскими куклами, узорочные выводы штукатуркою на потолкѣ и посреди его огромныя стекляныя люстры, въ которыхъ грань разыгрывается необыкновеннымъ блескомъ: на все это и намъ можно-бы полюбоваться. Бѣдные дикари не знаютъ гдѣ стать, чтобы не ступить на собственную фигуру, отражающуюся въ налощенномъ штучномъ полу. Смѣшно видѣть, какъ и наши простодушные предки, входя въ залу вельможи, принимаютъ картины въ золотыхъ рамахъ за иконы и творятъ передъ ними набожно крестныя знаменія.

Посреди залы, въ богатыхъ креслахъ, сидитъ статный мужчина, привлекательной наружности, въ шелковомъ свѣтло-фіолетовомъ кафтанѣ французскаго покроя. Это хозяинъ дома, Артемій Петровичъ Волынскій. Онъ слыветъ при дворѣ и въ народѣ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ. По наружности можно дать ему лѣтъ тридцать съ небольшимъ, хотя онъ гораздо старѣе. Огонь черныхъ глазъ его имѣетъ такую силу, что тотъ, на комъ онъ ихъ останавливаетъ, невольно потупляетъ свои. Даже замужнія, бойкія женщины приходятъ отъ нихъ въ смущеніе; пригожимъ дѣвицамъ мамки, отпуская ихъ съ крестнымъ знаменіемъ на куртаги, строго наказываютъ беречься, пуще

огня, глаза Волынскаго, отъ котораго, говорятъ онѣ, погибла не одна ихъ сестра.

Изъ-за высокой спинки креселъ видна черная, лоснящаяся голова, обвитая бѣлоснѣжною чалмою, какъ будто для того, чтобы придать еще болѣе достоинства ея рѣдкой чернотѣ. Можно-бы почесть ее за голову куклы,—такъ она неподвижна,—если-бы въ физіономіи араба не выливалась душа возвышенно-добрая и глаза не блистали то негодованіемъ, то жалостью при видѣ страданій или неволи ближняго.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Волынскаго, по правую его сторону, сидитъ за письменнымъ столомъ человѣчекъ, котораго всего можно-бы спрятать въ медвѣжью муфту. Лицо его въ кулакъ стянуто, какъ у старой обезьяны; на немъ видно и лукавство этого рода животныхъ. Онъ ужимистъ въ своихъ движеніяхъ, уступчивъ или увертливъ въ рѣчахъ; глаза и уши его всегда на стражѣ. Ни одна исправная гауптвахта не успѣваетъ такъ скоро отдавать честь, какъ онъ готовъ на всѣ отвѣты. Эта маленькая каракулька, ученая, мудреная и уродливая, какъ гіероглифъ, секретарь кабинетъ-министра, Зуда. Онъ записываетъ имена и прозванія лицъ, являющихся на смотръ, замѣчанія, долетающія къ нему съ высоты креселъ и собственныя свои. Чего Волынскій не договариваетъ, то онъ дополняетъ.

Въ отдаленіи, почти у двери передней, стоитъ молодой человѣкъ. По одеждѣ онъ не солдатъ, не офицеръ, хотя и въ мундирѣ; наружность его, пошлую, оклейменную съ ногъ до головы штемпелями нижайшаго раба, вы не согласились-бы взять за всѣ богатства міра. Чего въ ней нѣтъ! И глупость, и развратъ,

и низость. Одинъ свинцовый носъ, достаточный изъяснитель подвиговъ, совершенныхъ его обладателемъ, и указатель пути, по коему онъ идетъ. Это Ферапонтъ Подачкинъ, вольноотпущенный Волынскаго въ должности пристава. Ему-то поручено было доставить въ Петербургъ изъ Твери сто разноплеменныхъ паръ, собранныхъ тамъ съ разныхъ мѣстъ Россіи, — доставить живьемъ и незапятнанныхъ морозомъ. По какой-же *протекціи* получилъ онъ столь важный *постъ?* Мать его *барская барыня* въ домѣ кабинетъ-министра. Она спала и видѣла, чтобы произвесть своего сынка въ офицеры, то есть въ такіе люди, которые могутъ имѣть *своихъ* людей: высшая степень честолюбія подобнаго класса и образованія женщинъ! Волынскій, хотя человѣкъ умный и благородный, имѣлъ слабость не отказать въ просьбѣ Подачкиной, помня старыя заслуги мужа ея, бывшаго его дядьки: за исправное, честное и усердное исполненіе порученнаго Ферапонту дѣла обѣщанъ ему первый офицерскій чинъ. А тамъ, кто вѣдаетъ, на какую высоту полѣзъ-бы онъ, открывъ себѣ ключемъ 14 класса врата въ капище почестей! Надо замѣтить, что въ тогдашнее время не нуждались въ аттестатѣ на чинъ коллежскаго асессора,—о, охъ! этотъ уже аттестатъ! И вотъ Ферапонтъ, по батюшкѣ Авксентіевичъ, близокъ уже къ своей цѣли. Еще одинъ шагъ, одно барское спасибо—и новое ваше благородіе въ Россіи. Участь его должна рѣшиться на сегодняшнемъ смотру: или дворянское достоинство, или палки на спину. Онъ теперь необыкновенно низко повѣсилъ голову—признакъ, что духъ его встревоженъ и онъ ожидаетъ невзгоды за какую-либо неудачу или промахъ.

Сравните бѣлое лицо кандидата въ благородія и черное лицо невольника: кажется, они помѣнялись своими назначеніями. Гдѣ-жъ маменька ужаснаго честолюбца?—Видите-ли направо, у дверей буфета, эту пиковую даму, эту мумію, повязанную темно-коричневымъ платочкомъ, въ кофтѣ и исподницѣ такого-же цвѣта! Она неподвижна своимъ туловищемъ, вытянутымъ, какъ жердь, хотя голова ея трясется, вѣроятно, отъ употребленія въ давнопрошедшія времена сильнаго притиранія; морщиноватыя кисти рукъ ея, убѣжавшія на четверть отъ рукавовъ, сложены крестообразно, какъ у покойника; вѣками она безпрестанно хлопаетъ и мигаетъ, и если ихъ останавливаетъ, то для того, чтобы взглянуть на свое созданіе, на свое сокровище, на свою славу. Прошу хорошенько замѣтить: это она, дражайшая родительница драгоцѣннаго дитятки.

Мы сказали уже, что Подачкина (по имени и отечеству Акулина Саввишна) *барская барыня*. Это званіе встарину было весьма важное: въ него избирались, обыкновенно, жены заслуженнаго камердинера, дворецкаго, дядьки и тому подобной почетной дворни. Она присутствовала при туалетѣ госпожи своей, завѣдывала ея гардеробомъ, служила ей домашними газетами, нерѣдко докладчицею по тайнымъ дѣламъ мужниной половины, и играла во дворѣ *своемъ* посредническую роль между властителями и слугами. Замѣтьте, она *барыня*, не только *барская!*... Придумать это званіе могла лишь феодальная спѣсь нашихъ вельможъ тогдашняго времени. Впослѣдствіи и мелкіе дворяне завели у себя такое должностное лицо. Еще и нынѣ въ степной глуши звучитъ иногда имя барской барыни, но потеряло уже свое сильное значеніе.

Ни одного шута, ни одной дуры и дурочки въ залѣ! Ужь по этому можно судить, что Волынскій, смѣло пренебрегая обычаями своего времени, опередилъ его.

— Какъ думаешь, Зуда? — сказалъ кабинетъ-министръ, обращаясь съ примѣтнымъ удовольствіемъ къ секретарю своему, — славный и смѣшной праздникъ дадимъ мы государынѣ!

— Объ немъ только и говорятъ въ Петербургѣ, — отвѣчалъ секретарь, привставъ немного со стула. — Думаю, что онъ долгое время занимать будетъ стоустую молву и захватитъ себѣ нѣсколько страницъ въ исторіи.

Кабинетъ-министръ далъ знакъ головою, чтобы секретарь садился, и продолжалъ, усмѣхаясь:

— Развѣ нашъ г. Тредьяковскій удостоитъ сохранить его въ своихъ виршахъ...

— О которыхъ всѣ столько кричатъ.

— Потому-что ихъ никто не понимаетъ.

— Извѣстно, однако-жъ, что ваше превосходительство съ нѣкотораго времени сдѣлались самыми ревностными поклонниками нашего Феба и очень частенько изволите черпать въ тайникѣ его.

— Ты хочешь сказать, съ того времени, какъ милая молдаванская княжна стала учиться русскому языку. Да, бывшій надутый школьникъ Тредьяковскій, нынѣ Василій Кирилловичъ, въ глазахъ моихъ великій, неоцѣненный человѣкъ; я осыпалъ-бы его золотомъ: не онъ-ли выучилъ Маріорицу первому слову, которое она сказала по-русски?... И если-бы ты зналъ, какое слово!... Въ немъ заключается краснорѣчіе всѣхъ твоихъ Демосѳеновъ и Цицероновъ, вся поэзія избранной братіи по Аполлону. Василія Кирилловича за него непре-

мѣнно въ профессоры элоквенціи! Я ему это обѣщалъ, и настаю въ своемъ словѣ.

Волынскій говорилъ съ особеннымъ жаромъ; только слова: *молдаванская княжна, Маріорица*, старался онъ произнести такъ тихо, что, казалось ему, слышалъ ихъ только секретарь. Этотъ, замѣтивъ, что лицо барской барыни, можетъ быть, поймавшей на лету нѣсколько двусмысленныхъ словъ, подернуло кошачьею радостью, старался обратить разговоръ на другое.

— Слышно, что г. Тредьяковскій,—сказалъ онъ,—дѣйствительно собирается описать подробно, въ нѣсколькихъ томахъ, праздникъ, который вамъ поручено устроить.

— Потянемся и мы съ тобою, любезный, къ потомству въ вереницѣ скомороховъ. Завидная слава!... Расхохочутся-же наши внуки, а можетъ быть и пожмутъ плечами, читая въ высокопарномъ слогѣ, что кабинетъ-министръ занимался шутовскимъ праздникомъ съ такимъ-же вниманіемъ и страхомъ, какъ-бы дѣло шло объ устройствѣ государства.

— Развѣ, утѣшая этимъ больную владычицу сѣвера, которая столько жалуетъ васъ, вы не творите полезнаго...

— Для одного курляндца... Посмотри, онъ еще затѣетъ какія-нибудь торжества, игрища, все подъ видомъ неограниченной преданности къ государынѣ, но для того только, чтобы меня занять и между дѣйствіями сыграть ловче свои штуки....

Барская барыня сдѣлала опять легкую гримасу; сынъ ея вытянулъ шею и силился что-то настигнуть въ словахъ Волынскаго, но, за недостаткомъ дара Божьяго, остался при своемъ недоумѣніи, какъ глупый

щенокъ хочетъ поймать на лету проворную муху, но щелкаетъ только зубами. Зуда спѣшилъ наклониться къ своему начальнику и шепнулъ ему:

— Осмотритесь! вы забыли уроки Макіавеля...

Послѣднее слово, казалось, было условнымъ паролемъ между кабинетъ-министромъ и секретаремъ. Первый замолчалъ, другой свелъ свои замѣчанія на приходящихъ, которыхъ разнообразіе одеждъ, лицъ и нарѣчій имѣло такую занимательность, что дѣйствительно могло оковать всякое прихотливое вниманіе.

Вотъ статная, красивая дѣвушка изъ Торжка, съ жемчужнымъ *вѣнцомъ*, наподобіе отсѣченной сахарной головы; онъ слегка прикрытъ платкомъ изъ тончайшей кисеи, котораго концы, подвязавъ шею, прячутся на груди. На лобъ опускаются, какъ три виноградныя кисти, *рязки* изъ крупнаго жемчуга, переливающаго свою млечно-розовую бѣлизну по каштановымъ волосамъ, слегка обрисованнымъ, искусно заплетенная коса, роскошь русской дѣвы [1]), съ блестящимъ бантомъ и лентою изъ золотой бити, едва не касается до земли. Ловко накинула дѣвушка на плечи свой парчевой полушубокъ, отъ котораго лѣвый рукавъ, по тумѣстной модѣ, виситъ небрежно, изъ-подъ него выказывается круглое зеркальце, неотъемлемая принадлежность *новоторжской* красоты. Богатая *ферезь* ея какъ жаръ горитъ. Легко ступаетъ она въ цвѣтныхъ сафьянныхъ черевичкахъ, шитыхъ золотомъ. Рядомъ съ нею ея чичисбей—вы смѣетесь?—да таки чичисбей: горе тамошней дѣвушкѣ, если она его не имѣетъ!

---

[1]) Въ Торжкѣ есть поговорка: «Ты расти, расти, коса, до шелкова пояса: выростешь коса, будешь городу краса».

Это знакъ, что она очень дурна: мать сгонитъ ее съ бѣлаго свѣта, подруги засмѣютъ. Разъ избранный, онъ неотлученъ отъ нея на вечернихъ и ночныхъ прогулкахъ. Какой молодецъ! Удальство кипитъ въ его глазахъ: зато онъ и слыветъ первымъ кулачнымъ бойцомъ на поголовномъ новоторжскомъ побоищѣ. За ними дородная мордовка, въ рубашкѣ, испещренной по плечамъ, рукавамъ и подолу красною шерстью, какъ будто она исписана кровью; грудь ея отягчена серебряными монетами разной величины въ нѣсколько рядовъ; въ ушахъ ея по шару изъ лебединаго пуху, а подъ нимъ брянчатъ монеты, какъ бляхи на уздѣ лошадиной. Вотъ человѣческій ликъ, намалеванный бѣлилами и румянами, съ насурменными дугою бровями, подъ огромнымъ кокошникомъ въ видѣ лопаты, вышитымъ жемчугомъ, изумрудами и яхонтами. Этотъ ликъ носитъ сорокаведерная бочка въ штофномъ, съ золотыми выводами, сарафанѣ; пышные рукава изъ тончайшаго батиста окрыляютъ ее. Голубые шерстяные чулки выказываютъ ея пухлыя ноги, а башмаки, безъ задниковъ, на высокихъ каблукахъ, измѣняютъ ея осторожной походкѣ. Рекомендую въ ней мою землячку, коломенскую пастильницу. Далѣе миловидная, стройная казачка держится такъ, что хочетъ, кажется, пристукнуть мѣдными подковками свою національную пляску. Вотъ и калмыкъ разѣваетъ свои кротовьи глазки, чтобы взглянуть на чудеса русскія; съ нимъ все житье-бытье его, колчанъ со стрѣлами и божки его, которыхъ онъ изъ своихъ рукъ можетъ казнить и награждать. Вотъ... Но всѣхъ занимательныхъ лицъ не перечтешь на сценѣ.

Пары являлись и уходили попеременно,—говорили

мы. Распорядитель праздника съ вниманіемъ модистки разсматривалъ одѣянія (замѣтьте) пригожихъ женщинъ, какого-бы онѣ племени ни были, и нѣкоторыхъ изъ нихъ пригласилъ даже остаться въ залѣ, чтобы погрѣться. Ласковое вниманіе знатнаго барина, котораго наши прадѣды почитали за полубога, и къ тому-жъ барина пригожаго, зажигало привѣтливый огонь въ глазахъ русскихъ дѣвушекъ и, какъ сказали-бы тогдашнія старушки, привораживало къ нему. Мелькнуло еще нѣсколько паръ. Вдругъ хозяинъ дома глубоко задумался. Голова его опустилась на грудь, черные, длинные волосы пали въ безпорядкѣ на прекрасное, разгорѣвшееся лицо и образовали надъ нимъ густую сѣть, въ глазахъ начали толпиться думы, наконецъ, облако печали пріосѣнило ихъ. Долго находился онъ въ этомъ положеніи. Никто изъ домашнихъ этому не удивлялся, ибо съ нимъ такой припадокъ съ недавняго времени случался нерѣдко, даже на дружескихъ пиршествахъ и придворныхъ балахъ: — дѣйствительно-ли это былъ болѣзненный припадокъ, или срочная дань какому-то предчувствію,—мы того сказать не можемъ. Все молчало въ залѣ, боясь пошевелиться: казалось, всѣ въ одинъ мигъ окаменѣли, какъ жители Помпеи подъ лавою, на нихъ набѣжавшею. Гдѣ были тогда думы Волынскаго? Куда перенесся онъ? Не игралъ-ли беззаботно на родномъ пепелищѣ среди товарищей дѣтства; не билъ-ли о-земь на пирушкѣ осушенную чашу, заручая на вѣки душу свою другу одного вечера; не принималъ-ли изъ рукъ милой жены рѣзвое улыбающееся ему дитя, или, какъ тать, въ ночной глуши, подъ дубинкой ревниваго мужа, перехватывалъ съ устъ красавицы пламенный поцѣлуй. Зачѣмъ также

не полагать, что онъ засѣдалъ въ совѣтѣ, гдѣ бросалъ громы краснорѣчія на ябеду и притѣсненія, или въ дружескомъ кругу замышлялъ паденіе временщика? Кто знаетъ, можетъ статься, онъ грозно смотрѣлъ въ очи палачу, когда тотъ поднималъ на него сѣкиру! Гдѣ были тогда думы Волынскаго, неизвѣстно намъ, но, судя по характеру его, онѣ могли быть вездѣ, гдѣ мы дали имъ мѣсто. Въ его душѣ страсти, добрыя и худыя, буйныя и благородныя, владычествовали попеременно; все было въ немъ непостоянно, кромѣ чести и любви къ отечеству.

Женатый лѣтъ съ восемь на пригожей, милой женщинѣ, онъ между тѣмъ искалъ, гдѣ только могъ, любовныхъ приключеній, которыя обращать въ свою пользу былъ большой искусникъ. Впрочемъ, ничто не нарушало согласія четы. Сердце Волынскаго не знало постоянной страсти, а послѣ мгновенной вѣтренности онъ возвращался всегда пламеннымъ любовникомъ къ ногамъ супруги. Ея душевныя и наружныя достоинства умѣлъ онъ лучше оцѣнить послѣ сравненія съ другими предметами его волокитства. Сказывали также, или онъ говорилъ, что жена его смотрѣла будто-бы довольно хладнокровно на его проказы. Онъ не имѣлъ дѣтей, но всегда ихъ желалъ. Лаская чужихъ, забывалъ, что они не его, и эта любовь къ дѣтямъ, соединяясь съ мыслію, что судьба отказала ему быть отцомъ, дѣлала его иногда особенно грустнымъ. Съ нѣкотораго времени жена его гостила у родныхъ, въ Москвѣ, гдѣ и занемогла опасно. Носились даже слухи, что она умерла. Можетъ быть, старался подтвердить ихъ и самъ Волынскій. Въ продолженіе этой разлуки барская барыня составила порядочный входящій журналъ его

проказамъ для поднесенія своей госпожѣ; особенно одинъ новый нумеръ, по необыкновенной важности, требовалъ большихъ трудовъ для очистки.

Но вѣтренникъ въ дѣлахъ сердечныхъ былъ совсѣмъ другой въ дѣлахъ государственныхъ, и еслибъ порывы пламенной души его не разрушали иногда созданій его ума, то Россія имѣла-бы въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ министровъ. Природные дары старался онъ образовать чтеніемъ лучшихъ иностранныхъ писателей, особенно политическихъ, для перевода которыхъ держалъ у себя Зуду, ученаго, хитраго, осторожнаго, служившаго ему секретаремъ и переводчикомъ, ментором и повѣреннымъ. Любя свое отечество выше всего, онъ тѣмъ съ большимъ негодованіемъ смотрѣлъ, какъ Биронъ полосовалъ его бичемъ своимъ, и искалъ удобнаго случая, открывъ все государынѣ, вырвать орудія казни изъ рукъ, которымъ она ввѣрила только кормило своего государства. Въ то время, когда раболѣпная чернь падала предъ общимъ кумиромъ и лобызала холодный помостъ капища, когда желѣзный уровень безпрестанно наводился надъ Россіею, — одинъ Волынскій, съ своими друзьями, не склонялъ предъ нимъ благороднаго чела. Возвышенному характеру его давали эту смѣлость и нужда въ немъ по дѣламъ государственнымъ, и милостивое вниманіе къ нему государыни, знавшей его преданность къ ней и любовь къ отечеству. Трудно было разувѣрить въ этомъ императрицу. Биронъ-же, добиваясь возможности погубить своего соперника, не только не показывалъ, что оскорблялся его гордостью, но, напротивъ, казался къ нему особенно внимателенъ и при всякомъ случаѣ старался обратить на него милости

ея величества. Впрочемъ, оба измѣряли другъ друга, чтобы вѣрнѣе и ловче уронить. Одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ былъ пасть.

Мы оставили нить нашей повѣсти въ залѣ Волынскаго, когда онъ задумался. Минуты эти канули въ вѣчность — онъ встрепенулся, поднялъ голову, заложилъ за уши черныя кудри свои и осмотрѣлся кругомъ. Передъ нимъ стояли цыганъ и цыганка. Послѣдняя, красавица въ полномъ смыслѣ этого слова, но красавица уже отцвѣтшая, съ орлиною проницательностію разсматривала вельможу съ ногъ до головы. Казалось, она любовалась имъ. Если-бы насъ спросили, что она думала тогда, мы-бъ сказали: такого браваго мужчину желала своей дочери! Можно-ли повѣрить?— кабинетъ-министръ устыдился, что былъ застигнутъ въ своемъ припадкѣ взоромъ цыганки, пристально на него устремленнымъ! Однакожъ, это было такъ: онъ смутился, какъ будто пораженный чѣмъ-то.

— Чудесная игра природы!.. — воскликнулъ онъ, наконецъ, обращаясь къ Зудѣ.—Замѣчаешь-ли?

— Я видѣлъ... только раза три... и пораженъ необычнымъ сходствомъ,—отвѣчалъ секретарь, сощуривъ лукаво свои глазки.

Во время этого переговора на лицѣ цыганки переливалось какое-то замѣшательство, однакожъ, побѣдивъ его, она своими смѣлыми взорами пошла на встрѣчу пытливымъ взорамъ кабинетъ-министра и секретаря его.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ ее Волынскій.

— Маріулой,—отвѣчала она.

— Даже имя! Диковина!.. Знаешь-ли, Маріула, что лицо твое самое счастливое?

— Таланливо оно и тѣмъ, что полюбилось вашей милости.

— Останься здѣсь; я съ тобою еще поговорю.

Цыганка благодарила, приложивъ руку къ сердцу и немного наклонившись, потомъ стала позади кресель вельможи, въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Кто далѣе?—спросилъ Волынскій.

Явилась малороссіянка, одна.

— Гдѣ-жъ пара ея?—былъ грозный вопросъ Артемія Петровича. — Эй, Подачкинъ! Я тебя спрашиваю.

При этомъ вопросѣ свинцовый носъ Подачкина побѣлѣлъ; матушка его необыкновенно дрогнула плечами и затрясла головой, какъ маріонетка, которую сильно дернули за пружину. Этотъ вопросъ поднялъ всю нечисть со дна ихъ душъ.

Правящій должность пристава сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, запинаясь, отвѣчалъ:

— Это пьяница, ваше превосходительство, презлой, и пресердитый, и преупрямый, ваше превосходительство.

— Такъ чтожъ? ты не могъ его усмирить?

— Дорогой я уломалъ было его. Да подъ Санктъ-Питеромъ онъ началъ было огрызаться на меня, ваше превосходительство, мы ужь и побаивались, что кусаться станетъ. Памятуя долгъ присяги и точный смыслъ данной мнѣ инструкціи, я поспѣшилъ набить на него колодки.

— Лжешь! тебѣ дана инструкція обходиться какъ можно лучше съ людьми, которыхъ тебѣ поручатъ: на это была собственная воля государыни.

— Божусь Богомъ, ваше превосходительство, чтобъ мнѣ въ тартарары провалиться, колодки прелегкія, и коли позволите, я пройду въ нихъ цѣлую версту не вспотѣвъ. А онъ ѣхалъ въ нихъ, да еще въ крытой кибиткѣ!

— Куда-жъ онъ теперь дѣвался?

— Колодки съ него сбили, когда вели его сюда на смотръ, и онъ, невѣсть какъ, пропалъ...

— Бездѣльникъ! Знаю все... я хотѣлъ только испытать тебя... ты продаешь меня фавориту... Гмъ! людей сбываютъ, какъ поганую кошку!... люди пропадаютъ среди бѣла дня! Но я отыщу, хотя-бъ мертваго... хотя остатки вырву изъ волчьей пасти!... Пора, пора и волка на псарню!—Савишна! — прибавилъ грозно Волынскій, взглянувъ на барскую барыню, — полюбуйся подвигами своего сынка. Какъ думаешь, мало его повѣсить за такое дѣло!

Савишна поклонилась, сложа руки, и отвѣтствовала голосомъ глубочайшаго смиренія:

— Буди твоя барская воля, батюшка! Ты надъ нами владыка, а мы твои рабы.

— Ты въ этихъ дѣлахъ не участница, — продолжалъ Волынскій, смягчивъ голосъ,—я знаю, ты всегда была предана роду нашему. Но этому мошеннику стоило-бъ набить колодки, такія-же легонькія... кабы я не далъ себѣ слова...

— Батюшка! отецъ родной!—завопила барская барыня,—помилуй за службу покойнаго мужа моего, а вашего дядьки. И я тебѣ, милостивецъ, служу, сколько силъ есть, готова за кроху твою умереть... Вотъ что ты, глупый, надѣлалъ, — прибавила она, обратясь къ своему сыну и горько всхлипывая.

— Съ глазъ моихъ долой, негодяй! Счастливъ, что е по тебѣ отецъ и мать. Теперь оставьте меня, вы всѣ, кромѣ тебя, мой дорогой Зуда, и тебя...

Здѣсь Артемій Петровичъ далъ знакъ рукой цыганкѣ, чтобы она не уходила.

— Смотръ остальнымъ завтра!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЦЫГАНКА

Я цыганка не простая...
Знаю ворожить.
Положи, баринъ, на ручку,
Всю правду скажу.
Опера „Русалка".

Волынскій, цыганка, сдѣлавшая на него какое-то чудное впечатлѣніе, и Зуда остались втроемъ. Тогда Артемій Петровичъ подозвалъ ее къ себѣ и ласково сказалъ ей:

— Смолоду ты была вѣрно красавицей?

Цыганка, несмотря на свои лѣта, покраснѣла.

— Да, баринъ, — отвѣчала она, — въ свое время много такихъ знатныхъ господчиковъ, какъ ты, за мною увивалось; можетъ статься, иной цѣловалъ эти руки,—нынѣ онѣ черствыя и просятъ милостыню! О! тогда не выпустила-бы я изъ глазъ такого молодца. Но прошлаго не воротишь; не соберешь уже цвѣта облетѣвшаго.

— Нѣтъ-ли у тебя дочки? Мнѣ любопытно было-бы видѣть ее.

— Кабы имѣла, я сама привела-бы ее къ тебѣ на колѣна. Народила я дѣтокъ не для свѣта Божьяго; да

и кстати! не таскаются за мной, не пищатъ о хлѣбѣ. Уложила всѣхъ спать непробуднымъ сномъ.

— Жаль, очень жаль, что у тебя нѣтъ взрослой дочки, а то-бъ сличилъ... Чудесное сходство! Чѣмъ болѣе всматриваюсь, тѣмъ удивляюсь болѣе... Даже маленькая едва замѣтная веснушка на лѣвой щекѣ!... Знаешь-ли, Маріула, что ты походишь на одну мою знакомую княжну, какъ розанъ увядающій на розанъ, который только-что распуккивается?

Во время этихъ замѣчаній на лицѣ цыганки показались бѣлыя пятна, губы ея поблѣднѣли, но она, силясь улыбнуться, отвѣчала:

— Покажи мнѣ, желанный мой, когда-нибудь мою двойнюшку.

— Пожалуй, я доставлю тебѣ этотъ случай. Во дворцѣ, какъ и вездѣ, старыя и молодыя дѣвки любятъ ворожить объ суженыхъ.

— Такъ эта княжна живетъ во дворцѣ?—спросила Маріула, и глаза ея необыкновенно заблистали, и румянецъ снова выступилъ на лицо.

— Подъ бочкомъ у самой государыни. Государыня ее очень жалуетъ.

— Куда-жъ намъ, воронамъ, въ такія высокія хоромы! Чай, одышку схватишь, считая ступени вверхъ по лѣстницѣ, каково-жъ, когда заставятъ считать внизъ!

— Со мною сойдешь и взойдешь безопасно, только чуръ, уговоръ, поворожить княжнѣ на мою руку, понимаешь...

— Понимаю, понимаю, это наше дѣло!... Видно, ты больно заразился ею?

— По уши!

— И... вѣрно она... также тебя любитъ?

— Ты ворожея; отгадай сама!

— Изволь, господинъ таланливый, пригожій; да только и отъ меня будетъ уговоръ: теперь ты долженъ положить мнѣ золотой на ручку, а за первый поцѣлуй, который дастъ тебѣ твоя желанная, подарить мнѣ богатую фату.

— Вотъ тебѣ рублевикъ; золотую фату получишь, когда сбудется, о чемъ говоришь. Чего-бъ я не далъ за такое сокровище!

— Побожись, что не обманешь!

— Глупенькая!... Ну, да будетъ мнѣ стыдно, коли я солгу.

— Давай-же руку свою.

Волынскій усмѣхнулся, посмотрѣлъ на Зуду, слегка покачавшаго головой, и протянулъ ладонь своей руки. Цыганка схватила ее, долго разсматривала на ней линіи, долго надъ ней думала, наконецъ произнесла таинственнымъ голосомъ.

— Давно пѣли вамъ съ пригожей дѣвицей подблюдныя пѣсни; были на вашихъ головахъ вѣнцы изъ камени честна, много лобызаній далъ ты ей; да недавно ей спѣли: «упокой Господи!» далъ ты ей заочно послѣднее земное цѣлованіе.

Волынскій покачалъ печально головой въ знакъ подтвержденія.

— Какъ будто по писанному разсказываетъ,—произнесъ лукаво Зуда, едва не хлопая въ ладоши.

— Дѣтокъ у тебя нѣтъ; тебѣ ихъ очень хочется.

— Ты вырѣзала мое сердце и прочла въ немъ, — сказалъ вздохнувъ Волынской.—Чтожъ далѣе?

— Скоро, очень скоро опять золотой вѣнецъ!... твоя суженая дѣвица... ростъ высокій, черный глазъ

иза ума выводитъ... бровь дугой... бѣла, какъ кипень...

— Скажи лучше, съ маленькимъ загарцемъ, какъ чесанный ленъ; но что твои бѣлянки передъ ней!

— Статься можетъ, и ошиблась,—сказала цыганка покраснѣвъ.—Молвлю еще тебѣ, что она не изъ земли русской, а изъ страны далекой, откуда лебеди сюда прилетаютъ...

— О! — да это слишкомъ много: ты ужь успѣла поразвѣдать кое-что...

Секретарь пожалъ плечами и сдѣлалъ руками знакъ восклицанія. Маріула, углубясь въ разсматриваніе ладони, продолжала:

— Линіи такъ выходятъ; не я ихъ проводила! Смотри, береги сокровище, не расточи его своею вѣтренностью; береги и себя! Въ твоей суженой не рыбья кровь здѣшнихъ русскихъ женщинъ... Первое дитя будетъ у тебя мужескаго пола... Далѣе черты путаются такъ, что не разберешь! Довольно для руки сердечной, дай мнѣ правую ручку.

Волынскій передалъ ей другую руку.

— Эта владѣетъ мечомъ кладенцомъ, или.. перышкомъ, которое, говорятъ, рѣжетъ исподтишка, что твое желѣзо! Правая ручка дастаетъ деньги, честь, славу!... О! для этихъ вещицъ забываете вы и про любовь, а наша сестра горюй и сохни!

— Да, какая-же ты краснорѣчивая!... Гдѣ всему этому набралась? Видно, вспомнила старину!... Вотъ теперь-то и запутаешься...

— Попытаемся!... Слушай-же! Ты въ силѣ у матушки-царицы, но борешься или собираешься бороться съ человѣкомъ, который еще сильнѣе тебя. Брось свои

затѣи, или укроти свой ретивый нравъ, уложи свое сердце. Силою ничего не возьмешь, развѣ возьмешь лукавствомъ. Выжидай всего отъ времени... Уступай шагъ первому: довольно, если будешь вторымъ...

— Хоть десятымъ, — воскликнулъ Волынскій внѣ себя, — но только за человѣкомъ, который этого-бы стоилъ, который-бы любилъ Россію и дѣлалъ-бы ее счастливою.

— А то, смотри, если эта вторая линія напрямикъ переступитъ эту первую, бѣда тебѣ!

— Въ сторону нашего мертваго Макіавеля! — сказалъ Зуда, — примемся за живого, который, право, даетъ совѣты не хуже хитраго секретаря Цезаря Боржія!

— Маріула: — произнесъ ласково кабинетъ-министръ, — ты умна, какъ хорошая книга, видишь много впереди и назади, похожа на одну особу, которую... я уважаю, и потому мнѣ очень полюбилась.

— Дорога мнѣ твоя ласка, господинъ, дороже злата и серебра.

— Когда-жъ ты хочешь... видѣть свою двойню?

— Хоть сейчасъ,—хотѣла сказать цыганка, и удержалась.—Нынѣ, завтра,—отвѣчала она: — мнѣ все равно, лишь-бы твоей милости въ угоду было.

— Нынѣ я никуда не выѣду, но завтра поговорю о тебѣ, какъ о славной ворожеѣ, придворнымъ барышнямъ; явись въ полдень во дворецъ, спроси меня— тебя позовутъ, я за это берусь.

— Во дворецъ?... Меня заранѣе дрожь пронимаетъ.

— Пустяки!... Домъ съ людьми, какъ и мы!... Только не забудь условія.

— Коли надо тебѣ будетъ приворотный корешекъ или заговоры....

— Скорѣй твое лукавство и мастерство на нѣкоторыя дѣла. Смотри!

Волынскій положилъ палецъ на свои губы.

— Не бойся, баринъ; ты напалъ не на такую дуру! Если-бъ пытали меня, скорѣй откушу себѣ языкъ и проглочу его, чѣмъ проговорюсь. Прощайже, таланливый мой, не забудь про фату!

— У меня, обѣщано—такъ сдѣлано! Зуда, напиши отъ имени моего записку, чтобы ее и цыгана, который съ ней, полиція нигдѣ не тревожила, и что я за нихъ отвѣчаю.

Записка была готова въ одну минуту, подписана самимъ кабинетъ-министромъ и вручена чудесной сивиллѣ. Онъ отправился съ Зудой въ другую комнату, а Маріула, произнеся вслѣдъ имъ вполголоса, но такъ, чтобы они слышали:

— Зачѣмъ я не знатная госпожа Зачѣмъ нѣтъ у меня дочери?—спѣшила къ товарищу своему.

Старый, дородный цыганъ, дожидавшійся своей подруги на дворѣ, очень обрадовался ея появленію. Жестокій, слишкомъ въ 20 градусовъ, морозъ прохватывалъ его до того, что онъ, за неимѣніемъ съ кѣмъ погрѣться вручную, готовъ былъ побарахтаться съ медвѣдемъ. Но какъ Маріула, послѣ милостиваго обхожденія съ нею кабинетъ-министра, сдѣлалась важной особой въ домѣ его, то и доставила входъ въ кухню своему товарищу, едва не окостенѣвшему. Тамъ его отогрѣли, и обоихъ накормили, какъ свиней на убой. Во время ихъ обѣда сбѣгали не разъ въ кухню дворовые люди и перешептывались о чемъ-то

съ поварами. И потому цыганка, на вопросы свои, издали забѣгавшіе о семейной жизни гостепріимнаго и добраго барина, получила только отвѣты, утвердившіе ее въ мысли, что Волынскій вдовецъ.

Выходя изъ дому, она дѣлалась болѣе и болѣе задумчивою и что-то бормотала про себя.

— Какой морозъ!—сказалъ ея товарищъ, нахлобучивъ плотнѣе свою шапку и подвязывая себѣ бороду платкомъ.—Того и гляди, что оставишь носъ и уши въ этомъ чухонскомъ городкѣ, который ближе-бы назвать городскими слободками. Тамъ палаты, около нихъ жмутся мазанки; здѣсь опять палаты, и опять около нихъ мазанки, словно ребятишки въ лохмотьяхъ связались въ игру съ богатымъ мужикомъ. А межъ ними луга да площади, какъ будто нарочно, чтобъ вѣтру ходить было разгульнѣе!

Цыганка молчала.

— Сильно-же машутъ мельницы! только онѣ и нагрѣваются нынѣ. Уфъ!

Цыганка все хранила угрюмое молчаніе.

— Ге, ге! да у тебя щека побѣлѣла; оттирай скорѣй.

— Пускай бѣлѣетъ!..: Кабы морозъ изрылъ мнѣ все лицо, такъ чтобы признать меня нельзя было!

— Что съ тобой, Маріуленька? Ты больно сердита.

— Лишь-бы носа не откусилъ!—Цыганка закрыла его рукавомъ своимъ.—Безъ носу страшно было-бы показаться къ ней. Сердце пѣтухомъ поетъ во мнѣ отъ одной мысли, что она меня испугается и велитъ выгнать. (Немного помолчавъ.) Завтра во дворецъ?... Я погублю ее сходствомъ, я сниму съ нея голову... На такой вышинѣ, столько счастія, и вдругъ... Нѣтъ,

я не допущу до этого... Вырву себѣ скорѣе глазъ, изуродую себя... Научи, Василій, какъ на себя не походить и не сдѣлаться страшнымъ уродомъ.

— Дай подумать въ теплѣ, а то и мысли стынутъ.

— Придумай, голубчикъ, камень съ груди свалишь. Меня не жалѣй, пожалѣй только мое дитя, мое сокровище. Возьми все, что у меня есть; мало, я пойду къ тебѣ въ кабалу.

— Я твой слуга, ты моя кукона и благодѣтельница: поишь, кормишь, одѣваешь меня.... Развѣ только убить себя велишь, тогда тебя не послушаю. Да изъ какой-же бѣды хочешь себя исковеркать?

— Вотъ, видишь, Вася, по соизволенію Божью, моя Маріорица здѣсь.. На чтожъ-бы я пришла сюда, какъ не посмотрѣть на ея житье-бытье? Маріорица въ чести, въ знати... за нею ухаживаютъ, какъ за княжной, за нее сватаются генералы... и вдругъ узнаютъ, что она... дочь цыганки!... Каково мнѣ тогда будетъ? Что станется съ нею?... Нѣтъ, не переживу этого! Скорѣй накину на себя петлю!... На бѣду, она похожа на меня, какъ двѣ капли воды; вотъ ужь и Волынскій и его приближенный признаютъ, и другіе!... Господи, Господи! отъ одной мысли меня въ полымя бросаетъ!... Изъ княженъ въ цыганки!... Каково такъ упасть!... Я ее лелѣяла, я берегла ее отъ этого позора; она не знаетъ, что я мать ея,— пусть никогда и не узнаетъ!... Мнѣ сладко быть матерью, а не называться только ею: сладко видѣть Маріорицу счастливою, богатою, знатною; не хочу ничѣмъ потревожить ея счастія.... Умру съ тѣмъ, что я могла-бъ однимъ словомъ... да! таки однимъ словомъ... и не сказала его. Видишь, мнѣ одной обязана

она всѣмъ. Богъ это знаетъ да я! Вотъ что меня утѣшаетъ; вотъ, Васенька, что меня утѣшитъ, когда глаза мои станутъ на вѣки закрываться.

Маріула утерла слезы на щекахъ.

— Ну, Маріуленька, разогрѣла ты меня пущи водки,—сказалъ старый цыганъ, покрехтывая:—я помогу какъ-нибудь твоему горю—вотъ тебѣ мое слово свято!

Оба замолчали.

Пусто было на улицахъ и площадяхъ; лишь изрѣдка мелькаетъ курьеръ, сидя на облучкѣ закрытой кибитки, повременамъ шныряли подозрительныя лица, или гремѣли мѣрнымъ звукомъ цѣпи и раздавалась заунывная пѣснь колодниковъ: «будьте жалостливы, милостивы до насъ, до бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ, Христа ради!» На всемъ пути нашихъ цыганъ встрѣтили они одинъ экипажъ: это былъ рыдванъ, облупленный временемъ; его тащили четыре клячи веревочными постромками, а на запяткахъ стояли три высокіе лакея въ порыжѣлыхъ сапогахъ, въ шубахъ изъ красной собаки и съ полиняльми гербовыми тесьмами; изъ колымаги-же проглядывалъ какой-то господинъ въ бархатной шубѣ съ золотыми кистями, причесанный à la pigeon. Окошки были опущены, вѣроятно, потому, что не поднимались, и отъ того-то грѣлъ онъ себѣ концы ушей, не закрытые пуклями, то правымъ, то лѣвымъ рукавомъ шубы. Василій частенько озирался, стараясь, по примѣтамъ домовъ, не сбиться съ пути.

— Что ты такъ посматриваешь по сторонамъ?— спросила цыганка. — Не сбились-ли мы съ дороги? Вѣдь я сказала тебѣ, ко дворцу.

— Не бойся: я Петровъ городъ знаю, какъ ты свои Яссы. Былому русскому матросу, да еще матросу Петра Алексѣевича, стыдно не знать этого корабельнаго притона. Нырну и вынырну здѣсь, гдѣ хочу. Пожалуй, я перечту тебѣ всѣ дома. Вотъ эти каменныя палаты, какъ сундукъ съ высокой крышкою, Остермановы [1]). Неподалечку выходитъ на лугъ деревянный домикъ со столбиками: это подворье новогородскаго архіерея Прокоповича. Направо церковь каменная, огороженная деревяннымъ заборомъ, Исаакія Далмятскаго. Странно! какъ ни приду въ Питеръ, все она строится. Диковинные были на ней часы съ курантами! 35 тысячъ стоили: какъ часъ, такъ и заиграютъ свои штуки. Года за четыре, говорятъ, разгнѣвался батюшка Илья Пророкъ, что музыка надъ церковью, да и разбилъ громомъ часы. Вотъ, идемъ мы теперь мимо адмиралтейской крѣпостцы: небось, не перемахнешь чрезъ валики, даромъ, что водица въ канавахъ заморожена. Смотри-ка, куполъ-атъ надъ башнею горитъ, будто славушка Петра Алексѣевича. То-то былъ великій государь, хоть и больно бивалъ изъ своихъ рукъ! Зато при немъ все шло какъ по маслу, и житье было привольное, веселое, лишь своего дѣла не запускай. По этой луговой линіи выступали здѣсь чинно изъ болотъ мазанки, да въ мазанкахъ слышны были съ утра до ночи пѣсни. А теперь, какъ очистилъ ихъ пожаръ, встали наперекоръ ему высокія палаты—эки гордыя, такъ и прутъ небо! Мало высокой кровли, давай и на кровлю надѣть шляпу или

---

[1]) Нынѣ домъ сената.

бутку чванливую.... Зато—ни гу-гу! молчатъ, какъ домовища, и скучны, какъ остроги.

Цыганка плохо слушала разсказы своего товарища и съ нетерпѣніемъ высматривала впередъ, не видать-ли дворца. Вдругъ кто-то, слѣдовавшій за ними такъ тихо, что скралъ шумъ своихъ шаговъ, закричалъ:

— Стойте! *слово и дѣло!*

— Батюшка! голубчикъ!—завопила цыганка, поспѣшивъ сунуть въ руку незнакомца мелкую серебряную монету:—отпусти; мы идемъ по дѣлу Артемія Петровича Волынскаго.

При этомъ имени незнакомецъ осмотрѣлся; видя, что по близости ихъ не было никого, взялъ деньги и промолвилъ:

— Ступайте! хорошо, что на добраго человѣка напали, а то-бъ не легко распутались.

И въ самомъ дѣлѣ, эта встрѣча могла-бы повести цыганъ къ *заплечному мастеру*. Молча шли они далѣе. Но скоро показался трехъ-ярусный домъ съ корабликомъ на каждыхъ воротахъ по сторонамъ, а за нимъ Зимній дворецъ. При видѣ этихъ палатъ, языкъ старика вновь развязался.

— Видишь-ли,—сказалъ онъ:—этотъ домъ съ корабликами по бокамъ?

— Вижу, ну?

— Это домъ Апраксина. А за нимъ палаты, вотъ что солнышко играетъ въ окна незамороженныя?

— Не дворецъ-ли ужь?

— Да, славное житье въ немъ, а пуще всего, что тамъ больно тепло. Чай, матушка-государыня ходитъ теперь спустя рукава, или поваливается на пуховикахъ! Уфъ! брръ! экой морозина, такъ и хватаетъ за сердце!

Цыганъ, говоря это, проворно плечами переминалъ и частенько похлопывалъ рукавицами.

— Знаешь-ли,—произнесла съ восторгомъ Маріула, удвоивъ шаги и поднявъ выше голову:—знаешь-ли, что моя Маріорица живетъ вотъ тутъ, въ этомъ дворцѣ?

Старикъ покачалъ головою.

— Да, да, невѣрный, таки живетъ въ этихъ большихъ каменныхъ палатахъ!... Маріорица княжна... ее ласкаетъ, любитъ сама государыня...

— Не морочитъ-ли ужь кто тебя?

— Поспорь, я тебѣ выцарапаю глаза! Сто человѣкъ мнѣ это сказывали. Спроси любого прохожаго. Всѣ ее любятъ... О! она и сызмала была добрая... А Волынскій?... Кабы это случилось!... Почему-жъ и не такъ? Вѣдь она ему ровнюшка!... Маріорица княжна... Милая Маріорица!... Вася, дурачекъ, миленькій, другъ мой, чтожъ ты не говоришь ничего, глухой?

И глаза цыганки прыгали отъ радости, и щеки ея на морозѣ разгорались. Казалось, она готова была идти плясать на площади.

— Не съ ума-ли ты сошла, моя кукона [1]).

— Правда, есть съ чего рехнуться! Погоди, остановимся-ка противъ дворца.

— Чтобы на насъ опять закричали *слово и дьло* и посадили въ каменный мѣшокъ.

— Пускай кричатъ, пусть запрячутъ! Не боюсь никого. Видишь, видишь, у одного окна кто-то двигается... можетъ быть она смотритъ... Она, она! Сердце ея почуяло свою мать... Василій! вѣдь она смотритъ на меня? Василій! говори-же...

---

[1]) По-молдавански: госпожа.

— Смотритъ,— сказалъ старикъ, вздохнувъ и качая головой.

— Божье благословенье надъ тобой, дитя мое! Ты во дворцѣ, милая Маріорица, въ теплѣ, въ довольствѣ, а я... Да что мнѣ нужды до того! Тебѣ хорошо, моя душечка, мой розанчикъ, мой херувимчикъ, и мнѣ хорошо; ты счастлива, ты княжна, я счастлива вдвое, я не хочу быть и царицей. Какъ сердце бьется отъ радости, такъ и хочетъ выпрыгнуть!... Знаешь-ли, милочка, дочка моя, дитя мое, что это все я для тебя устроила...

Вотъ къ крыльцу подаютъ двѣ кареты золотыя, всѣ въ стеклахъ, какъ жаръ горятъ. Экой осьмичекъ!... А шоры, видно, изъ кована золота! Знать, сама государыня изволитъ ѣхать, а когда она ѣдетъ, не велятъ стоять на дворцовой площади.

— Побѣжимъ къ крыльцу!

— Воля твоя, наживемъ себѣ петлю, а пуще всего, какъ ты говоришь, погубишь свою...

— Погубишь? Дуракъ! развѣ я не мать? Можетъ статься, Маріорица поѣдетъ... хоть однимъ глазкомъ взгляну...

И цыганка въ нѣсколько прыжковъ у крыльца дворцоваго, и покорный товарищъ за ней, ни живъ, ни мертвъ. Въ другое время палки осыпали-бы ихъ, но было уже поздно.

Появилась государыня Анна Іоанновна среди толпы придворныхъ. По лицу ея, смуглому, рябоватому, но величавому, носилось облако унынія, которое, замѣтно было, силилась она прикрыть улыбкой. Она недомогала, и медики присовѣтовали ей какъ можно болѣе разсѣянія и движенія на свѣжемъ воздухѣ. Теперь

ѣхала она въ манежъ Бирона, гдѣ обыкновенно упражнялась съ полчаса въ верховой ѣздѣ. Ей вздумалось быть тамъ нынѣ, не предваривъ никого, и только едва успѣли придворные послать къ герцогу нарочнаго, увѣдомить его объ этомъ, и двухъ дежурныхъ пажей въ самый манежъ, приготовить тамъ все къ пріѣзду государыни. За нею шло нѣсколько придворныхъ кавалеровъ и дамъ въ бархатныхъ шубахъ свѣтлыхъ цвѣтовъ.

Между этими дамами одна отличалась чудною красотою и собольею островерхою шапочкой, наподобіе сердца, посреди которой алмазная пряжка укрѣпляла три бѣлыя перышка неизвѣстной въ Россіи птицы. Черные локоны, выпадая изъ-подъ шапочки, мѣшались съ соболемъ воротника. Еслибъ встарину досталось описывать ея красоту, наши дѣды молвили-бы просто: «она была такъ хороша, что ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ написать». Это была молдаванская княжна, Маріорица Лелемико.

Государыня сѣла въ первую карету съ придворною дамою, постарше, въ другую карету вспрыгнула Маріорица, окруженная услугами молодыхъ и старыхъ кавалеровъ. Только-что мелькнула ея гомеопатическая ножка, обутая въ красный сафьянный сапожекъ—и за княжною полѣзла ея подруга, озабоченная своимъ *роброномъ*. Въ это время надо было видѣть въ толпѣ два неподвижные черные глаза, устремленные на молдаванскую княжну; они вонзились въ нее, они ее пожирали: въ этихъ глазахъ былъ цѣлый міръ чувствъ, вся душа, вся жизнь того, кто ими смотрѣлъ; еслибъ они находились среди тмы лицъ, вы тотчасъ замѣтили бы эти глаза; они врѣзались-бы въ ваше сердце, пре-

слѣдовали-бы васъ долго, днемъ и ночью. Это были два глаза *матери*... Оглянувшись изъ кареты, замѣтила ихъ и княжна: она вздрогнула и невольно стиснула руку своей подруги. Кареты двинулись. Раздался въ толпѣ крикъ, глухой, задушенный, скипѣвшійся въ груди... Въ этой-же толпѣ хохотали.

— Что такое?—спрашивали другъ у друга.

— Упала какая-то цыганка, — отвѣчали голоса: — видно, сдавили въ тѣснотѣ... Да палка не свой братъ, сейчасъ подниметь и умирающаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛѢДЯНАЯ СТАТУЯ.

Итакъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья,
И неоплаканъ отъ друзей!
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей.
„Пѣвецъ. Журавли". *Жуковскій.*

Лѣтній дворецъ, Лѣтній садъ—сколько цвѣтущихъ воспоминаній увиваются около этихъ двухъ именъ! Тамъ, говорите вы, въ маленькихъ покояхъ Петръ I созидалъ дѣла великія, которыхъ послѣдствія осѣнятъ и нашихъ потомковъ. Тамъ, подъ тѣнью деревъ, имъ самимъ посаженныхъ, любилъ государь, послѣ заповѣданныхъ трудовыхъ дней, тѣшиться, какъ добрый, простой семьянинъ. Кому также не извѣстно, что этотъ садъ бывалъ сборнымъ мѣстомъ всего Петербурга, когда царь, отъ избытка удовольствія, спѣшилъ сообщить своимъ любезнымъ подданнымъ и дѣтямъ вѣсть объ успѣхѣ важнаго подвига, совершеннаго имъ для блага Россіи? Радость передавалась безусловно; всѣ состоянія въ ней равно участвовали. Ужь и наши прадѣды не любили ломаться на зовъ надежды-государя и угощенія матушки-царицы и великихъ княженъ.

Хмѣльные отъ вина, медовъ и торжества, они не чинилися, тѣмъ болѣе, что, по простому обычаю старины, и самъ державный бывалъ иногда навеселѣ. Всѣ говорили вслухъ о томъ, что было у нихъ на душѣ, потому что въ душѣ ничего не таилось противъ хозяина. Аллеи кипѣли и шумѣли; на скамьяхъ обнимались; въ гротѣ, убранномъ надиво заморскими раковинами, слышались поцѣлуи; водометы плескали, и самыя мраморныя статуи, между перебѣгающими группами, казалось, двигались. На Царицыномъ лугу народъ роился; тамъ деревянный левъ, обремененный сѣдоками, безпрестанно нырялъ въ толпѣ и высоко возносился на воздухъ; покорныя подъ всадниками лошадки и сани съ обнимающимися парами кружились такъ, что глазамъ зрителей было больно. Тутъ-же любопытныхъ допускали смотрѣть въ звѣринцѣ двухъ живыхъ львовъ и слона. Только темная ночь разгоняла пирующихъ. Когда-же государь, распрощавшись съ гостями своими, уходилъ въ двухъ-этажный домикъ, охраняемый любовью народной, онъ могъ слышать какъ провожали его виваты иностранцевъ и благословенія русскихъ.

И вдругъ исчезаетъ на время очарованіе этихъ воспоминаній. Порогъ этого храма переступаетъ Биронъ, поставивъ у входа его сѣкиру. Въ жилищѣ державнаго и вмѣстѣ Великаго святотатственно водворяется онъ, не прикрывъ доблестями душевными рода своего, не скрасивъ славными подвигами своего властолюбія. Наружнымъ величіемъ старается онъ замѣнить истинное: къ маленькому дому сдѣланы огромныя пристройки; блестящій дворъ и гвардія герцога курляндкаго наполняютъ его. Видны вездѣ власть, велико-

лѣпіе, Фортуна; вездѣ вытягивается временщикъ; но гдѣ сила народной любви? гдѣ человѣкъ народный, вѣковой? Домъ перемѣнилъ хозяина, и все въ немъ и вокругъ его измѣнилось: бывало, походилъ онъ на кордегардію, и его все-таки величали дворцомъ; Биронъ силится сдѣлать его дворцомъ—и онъ смотритъ кордегардіей. Ужасъ царствуетъ вокругъ этого жилища; садъ и въ праздникахъ и въ будни молчаливъ; не нужно отгонять отъ него палкою,—и безъ нея его убѣгаютъ, какъ лабиринта, куда попавшись, попадешься къ минотавру на съѣденіе; кому нужно идти мимо жилища Бирона, тотъ его дальними дорогами обходитъ.

Зимой—именно въ то время, въ которое происходитъ начало дѣйствія нашего романа—зимой, говорю я, садъ съ окованными водами, съ голыми деревьями, этикетно напудренными морозомъ, съ пустыми дорожками, по которымъ жалобно гуляетъ вѣтеръ, съ остовами статуй, безпорядочно окутанныхъ тогами, какъ саванами, — еще живѣе представляетъ ужасъ, царствующій около его владѣльца.

Благодареніе Богу, нечистый духъ выкуренъ изъ этого жилища съ того времени, какъ посѣтилъ его добрый геній дщери Петровой; очарованіе воспоминаній снова окружаетъ маленькій домикъ въ Лѣтнемъ саду.

Но обратимся къ зимѣ 1739—40 года.

Мы не взойдемъ теперь въ жилище Бирона, а перенесемся черезъ Фонтанку въ манежъ его. Онъ расположенъ на берегу въ длинной мазанкѣ съ нѣсколькими осьми-угольными окнами по стѣнамъ и двумя огромными, изъ пестрыхъ изразцовъ, печами на кон-

цахъ. Полдѣ одной печи сдѣлано возвышеніе въ видѣ амфитеатра съ узорочными перильцами и балдахиномъ изъ малиноваго сукна съ золотой бахромой. Подъ балдахиномъ стоятъ кресла съ высокою спинкою, обитыя малиновымъ бархатомъ. У ручекъ вытягиваются два пажика въ высокихъ напудренныхъ парикахъ, съ румяными щечками, какъ два розана, уцѣлѣвшіе подъ хлопьями снѣга, въ блестящихъ французскихъ кафтанахъ, которыхъ полы достаютъ почти до земли, въ шелковыхъ чулкахъ ибашмакахъ съ огромными пряжками. Поврименамъ кладутъ они на перила свои дѣтскія головы въ стариковской прическѣ, какъ-бы высматривая кого-то. Вотъ все, что замѣчательно въ манежѣ. За нимъ, черезъ обширный дворъ, тянутся каменныя великолѣпныя конюшни, въ которыхъ красавицамъ-лошадямъ, выписаннымъ изъ Голштиніи, Англіи и Персіи, тепло и привольно. Какъ ихъ холятъ и нѣжатъ! Люди, ухаживающіе за ними, завидуютъ ихъ житью-бытью. Отъ конюшенъ идетъ каменная ограда до набережной; за оградою нечистый дворикъ и посреди его колодезь съ насосомъ, ручкою для качки воды и жолобомъ, проведеннымъ въ конюшню. Подлѣ самаго колодца дерево почти безъ сучьевъ. На главный дворъ два въѣзда, съ Фонтанки и съ Невы.

Вообразимъ, что мы пришли къ манежу за полчаса до пажей, и посмотримъ что дѣлается на заднемъ дворикѣ.

Къ дереву крѣпко привязанъ подъ мышки мужчина—высокій, сутуловатый, желтоликій, съ отчаяніемъ въ дикихъ взорахъ; на немъ одна рубашка; босыя ноги оцѣплены. Хохолъ на бритой головѣ изобличаетъ родъ его. Это малороссіянинъ, котораго недоста-

вало на смотру Волынскаго. Жестокій морозъ хватаетъ жгучими когтями все живое; людямъ тяжело дышать; полетъ птицъ замедляется, и самое солнце, какъ раскаленное ядро, съ трудомъ выдирается изъ морозной мглы. Каково-жъ, въ одеждѣ тропичныхъ странъ, стоять въ снѣгу подъ вліяніемъ такой атмосферы? Однакожъ малороссіянинъ еще стоитъ—не стонетъ, а только скрежещетъ зубами. Сначала онъ дрожалъ, теперь окаменѣлъ; ноги его горѣли, какъ на раскаленномъ желѣзѣ, теперь онѣмѣли. Противъ него храбрится офицеръ средняго роста, пузастый, съ звѣрскою наружностью, въ медвѣжьей шубѣ. Это адъютантъ герцога курляндскаго, Гроснотъ. По обѣимъ сторонамъ малороссіянина человѣка съ четыре конюховъ.

— Обругать его свѣтлость! писать на него доносы,—кричалъ Гроснотъ ломанымъ русскимъ языкомъ и сиплымъ отъ досады голосомъ, остря кулаки на свою жертву.—Знаешь-ли, съ кѣмъ тягаешься?... Мы всчешемъ тебѣ хохолъ курляндскою гребеночкой; мы собьемъ съ тебя панскую спѣсь, поганый Мазепа!

Малороссіянинъ глубоко вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Что? морозъ не уговариваетъ-ли тебя? Скажешь-ли, гдѣ бумаги?

— Ни!—произнесъ твердо малороссіянинъ.

— Посмотримъ! Гей, ребята! ушатъ съ водою!— закричалъ адъютантъ.

Разомъ накачали конюхи воды въ ушатъ. Лицо малороссіянина исковеркали судороги; потомъ глаза его налились кровью и впились въ своего мучителя.

Гроснотъ тряхнулъ головой, какъ-бы для того,

чтобы избавиться отъ неподвижнаго взгляда своего мученика, и далъ приказъ двумъ конюхамъ стать на скамейку, приготовленную у дерева, и поднять туда-жъ ушатъ съ водой.

— Скажешь-ли, куда дѣвалъ доносъ? — спросилъ онъ.

— Передалъ Богу,—былъ отвѣтъ.

— Окатите-жъ его!

И ушатъ воды вылитъ на голову несчастнаго.

Облако пара обхватило его, но скоро исчезло, подрѣзанное морозомъ. Хохолъ его унизался бусами, темя задымилось; рубашка стала на немъ какъ бумага картонная.

— Го, го, го!—застоналъ малороссіянинъ въ этомъ жесткомъ мѣшкѣ, собравъ послѣднія силы: — дойдетъ бумага до императрицы, хоть сгину... Скажи своей... бѣсовой собацѣ... Богъ отплат... брръ...

— Еще ушатъ и еще! Удвоить порцію!—заревѣлъ адъютантъ.

Другой ушатъ воды обдалъ мученика съ ногъ до головы. На этотъ разъ рубашка покрылась чешуей, и струи, превратясь будто въ битое стекло, разсыпались съ трескомъ по снѣгу.

Послѣ третьяго ушата хохолъ повисъ назадъ, какъ ледяная сосулька, черепъ покрылся новымъ блестящимъ черепомъ, глаза слиплись, руки приросли къ туловищу, вся фигура облачилась въ серебряную мантію съ пышными сборами; мало-по-малу ноги пустили отъ себя ледяные корни по землѣ. Еще жизнь вилась легкимъ паромъ изъ устъ несчастнаго; кое-гдѣ сѣткою лопалась ледяная епанча, особенно тамъ, гдѣ было мѣсто сердца; но вновь ушатъ воды надъ головою, и

малороссіянинъ сталъ одной неподвижной, мертвой глыбой.

— Государыня будетъ скоро въ манежъ! — закричали на дворѣ,—вотъ и пажи пріѣхали.

— Лей, лей проворнѣе! а то мнѣ и вамъ бѣда! — командовалъ испуганный адъютантъ.

Еще два-три ушата, и нельзя было признать человѣка подъ ледяною, безобразною статуей. Она стала на стражѣ колодца. Солнце, выплывъ изъ морозной мглы, вспыхнуло на мигъ, какъ будто негодуя на совершенное злодѣяніе, и опять скрылось во мглѣ.

— Государыня ѣдетъ!—закричали опять на дворѣ.

Гроснотъ возвратился въ манежъ, будто ни въ чемъ не бывало, а исполнители его подвига въ конюшню.

Государыня любила верховую ѣзду и была въ ней очень искусна. Нынѣшній-же разъ, чувствуя себя слабою, сдѣлала только два-три вольта, сошла съ лошади, сѣла на кресла подъ балдахиномъ, окруженная своею свитой, и съ высоты любовалась мастерскою ѣздою Бирона, статнаго, довольно красиваго, хотя жестокость его прокрадывалась повременамъ сквозь глаза и вырѣзывалась непріятнымъ сгибомъ на концахъ губъ. Онъ былъ въ свѣтло-голубомъ бархатномъ кафтанѣ. На лошади подъ нимъ, изабеллова цвѣта, блисталъ чепракъ, облитый золотомъ и украшенный по мѣстамъ шифромъ государыни изъ бирюзы; крупные-же бирюзовые каменья вдѣланы были въ уздечку. Герцогъ подъѣхалъ, наконецъ, къ возвышенію, гдѣ находилась императрица, и, скинувъ передъ ней шляпу, поникнувъ нѣсколько головой, ждалъ себѣ лестной награды. Государыня встала съ своего мѣста, подошла къ периламъ, привѣтствовала всадника улыбкой, ласкала

рукою прелестное животное, на которомъ сидѣлъ Бирономъ, и которое положило свою голову на перила, какъ-бы ожидая и себѣ вниманія царицы. Разныя нѣжныя имена были даны любимицѣ Бирона, названной имъ брилліантомъ его конюшни; красавица, казалось, отъ удовольствія била землю копытомъ. Велѣно было принесть кусокъ хлѣба, который и схватила она осторожно изъ нѣжныхъ рукъ. Придворныя дамы любовались этою сценою; вся душа пажиковъ была въ глазахъ ихъ, сверкающихъ отъ радости; одна Маріорица не заботилась о томъ, что дѣлалось около нея, и часто обращалась взорами ко входу въ манежъ.

— Ѣдемъ, — сказала, наконецъ, Анна Іоанновна, кивнувъ благосклонно Бирону, и онъ, соскочивъ съ лошади, оставшейся какъ-бы вкопанною на своемъ мѣстѣ, свелъ государыню съ возвышенія.

У входа въ манежъ тряслись на морозѣ Гросноть и *нѣчто*, въ розовомъ, атласномъ кафтанѣ, которое можно было-бъ изобразить надутымъ шаромъ съ двумя толстыми подставками въ видѣ ногъ и съ надставкою въ видѣ толстой, лысой головы, о которую разбилась-бы черепаха, упавъ съ высоты. Въ этой головѣ было пусто; не думаю, чтобы сыскалось сердце и въ туловищѣ, если-бы анатомировали это *нѣчто*; за-то оно ежедневно начинялось яствами и питьями, которыхъ достало-бы для пятерыхъ ѣдоковъ. Это *нѣчто* была трещотка, ветошка, плевальный ящикъ Бирона. Во всякое время носилось оно, вблизи или вдали, за своимъ владыкою. Лишь только герцогъ продиралъ глаза, вы могли видѣть это огромное *нѣчто* въ пріемной залѣ его свѣтлости смиренно сидящимъ у дверей прихожей на стулѣ; повременамъ *оно* вставало на цы-

почки, пробиралось къ двери ближайшей комнаты такъ тихо, что можно было въ это время услышать паденіе булавки на полъ, прикладывало ухо къ замочной щели ближайшей комнаты, и опять со страхомъ и трепетомъ возвращалось на цыпочкахъ къ своему дежурному стулу. Если герцогъ кашлялъ, то *оно* тряслось, какъ осенній листъ. Когда-же на ночь камердинеръ герцога выносилъ изъ спальни его платье, *нѣчто* вставало съ своего стула, жало руку камердинеру и осторожно, неся всю тяжесть своего огромнаго туловища въ груди своей, чтобы не сдѣлать имъ шуму по паркету, выползало или выкатывалось изъ дому и нерѣдко еще на улицѣ тосковало отъ сомнѣнія, заснула-ли его свѣтлость и не потребовала-бы къ себѣ, чтобы надъ нимъ пошутить. Вы могли видѣть *нѣчто* у входовъ верхняго совѣта, сената, дворца и даже тайной канцеляріи, когда въ нихъ находилась его свѣтлость, на всѣхъ церемоніалахъ, ходахъ, пиршествахъ и особенно жирныхъ обѣдахъ, гдѣ только обрѣталась его свѣтлость. Этотъ кусокъ мяса, на которомъ Творцу угодно было начертать человѣческій образъ, это существо именовалось Кульковскимъ. Высочайшее его благо, высшая пища его духа или пара животнаго, заключалось въ томъ, чтобы находиться при первомъ человѣкѣ въ имперіи. Въ царствованіе Екатерины онъ находился *при* Меншиковѣ, въ царствованіе Петра II—*при* Долгорукомъ, нынѣ же—*при* Биронѣ. Такъ переходилъ онъ отъ одного перваго человѣка въ государствѣ къ другому, не возбуждая ни въ комъ опасенія насчетъ свой и ненависти къ себѣ, во всякое время, при всѣхъ перемѣнахъ, счастливый, довольный своей судьбой. Гдѣ былъ временщикъ, тамъ и

Кульковскій; привыкли говорить, что «гдѣ Кульковскій, тамъ и временщикъ». Сдѣлаться необходимою вещью, хоть плевальницею этого, вотъ въ чемъ заключалась цѣль его помышленій и вѣнецъ его жизни. И онъ достигъ этой цѣли: отъ привычки видѣть каждый день тоже безстрастное, спокойное, покорное лицо, Биронъ скучалъ, когда занемогалъ Кульковскій. Всякое утро и вечеръ первый человѣкъ въ имперіи привѣтствовалъ его улыбкой, иногда и гримасой, которая всегда принималась за многоцѣнную монету; а если герцогъ въ добрый часъ расшучивался, то удостоивалъ выщипать изъ немногихъ волосъ Кульковскаго два-три сѣдыхъ волоса, которыхъ у него еще не было. Знакъ этой милости, несмотря на боль, особенно радовалъ его. Для поощренія-жъ къ дальнѣйшему ревностному служенію, иногда поручали Кульковскому повѣстить о наградѣ или немилости, ниспосылаемыхъ герцогомъ. Кромѣ этого, во всю жизнь его давали ему, еще при Екатеринѣ, одно важное порученіе въ Италію; но онъ, исполнивъ его весьма дурно, возвратился оттуда католикомъ. И вѣру свою перемѣнилъ онъ отъ желанія угодить первому человѣку въ Римѣ, то-есть папѣ, котораго туфли удостоился поцѣловать за этотъ подвигъ. О ренегатствѣ его, скрываемомъ имъ въ Петербургѣ, только недавно узнала государыня, и искала случая наказать его за этотъ поступокъ, не какъ члена благоустроеннаго общества, а какъ получеловѣка, какъ шута. Надо, однакожъ, присовокупить, что онъ имѣлъ достоинство молчать обо всемъ, что дѣлалось въ глазахъ его и о чемъ не приказано ему было говорить, хотя-бъ то было о прыщикѣ, сѣвшемъ на носу его свѣтлости.

Когда государыня, у входа въ манежъ, замѣтила Кульковскаго, она улыбнулась; молдаванская княжна, взглянувъ на него, едва не захохотала. Сѣли въ карету. Велѣно ѣхать на набережную Невы. Экипажъ поровнялся съ оградою дворика: тутъ Анна Іоанновна, по какому-то внутреннему побужденію, обернулась направо, и въ глаза ея блеснула подъ лучемъ полуденнаго солнца ледяная статуя. Государыня приказала остановить карету и, подозвавъ къ себѣ герцога, ѣхавшаго за нею въ саняхъ, спросила его.

— Что за ледяная фигура видна на маленькомъ дворѣ?

Кликнули Гроснота.

— Что такое? — угрюмо спросилъ герцогъ своего адъютанта, указывая на дворикъ.

Въ этомъ вопросѣ подразумѣвалось: «дуракъ! что ты сдѣлалъ?»

Гросноть не смутясь отвѣчалъ:

— Конюхи вашей свѣтлости вылили для забавы ледяную статую.

Отвѣтъ былъ услышанъ государынею.

— Этотъ случай,—сказала она ласково Бирону,— даетъ мнѣ мысль построить ледяной дворецъ съ разными фигурами.

— Какъ то было при его величествѣ, блаженной памяти, — прервалъ герцогъ.

— Съ бо́льшими затѣями, если можно. Да, кстати, мнѣ хотѣлось проучить Кульковскаго, чтобы онъ впередъ не цѣловалъ у папы туфлей. Сколько ему лѣтъ?

— Съ прошлаго мѣсяца онъ начинаетъ другой полвѣка.

— Мы женимъ его и сыграемъ свадьбу въ ледя-

номъ дворцѣ. Объявите ему также, что я жалую его въ пажи къ моему двору. Какъ это лучше устроить, мы поговоримъ въ теплѣ.

Съ послѣднимъ словомъ императрицы карета тронулась, облѣпленная по бокамъ дверецъ гайдуками, а сзади двумя турками. Пятидесятилѣтнему Кульковскому велѣно явиться ко двору въ должность пажа и искать себѣ невѣсты: надо было нити его жизни пройти сквозь эту иголку, и онъ выслушалъ свой приговоръ съ героическою твердостью, несмотря на поздравленія насмѣшниковъ-пажей, просящихъ его, какъ товарища, не лишить ихъ своей дружбы.

Скоро манежъ и дворъ опустѣли, и подъ вечеръ ледяная статуя отвезена... куда—вы узнаете послѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ФАТАЛИЗМЪ.

Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.

«Гречанкѣ». *Пушкинъ.*

Волынскій лежалъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ. Онъ рѣшился цѣлый день не выѣзжать и сказался больнымъ, ожидая возвращенія Зуды, котораго послалъ отыскивать слѣды пропавшаго малороссіянина. Этотъ малороссіянинъ былъ для него тяжелая загадка.

Грудь его разрывалась отъ досады, когда онъ помышлялъ, что властолюбіе Бирона, шагая по трупамъ своихъ жертвъ, заносило уже ногу на высшую степень въ Россіи. Герцогъ имѣлъ свой дворъ, свою гвардію; иные, будто ошибкой, именовали его высочествомъ, и онъ не сердился за эту ошибку; считали даже милостью допускъ къ его рукѣ; императрица, хотя выѣзжала и занималась дѣлами, примѣтно гасла день-ото-дня, и любимецъ ея очищалъ уже себѣ мѣсто правителя.

— Жду случая свергнуть его, думалъ Волынскій: жду перемѣны къ нему государыни; а когда этотъ случай настанетъ?

Къ этимъ мучительнымъ мыслямъ присоединилось и чувство, столько-же, если не болѣе, мучительное. Женатый, онъ любилъ...

Какая-же несчастная была предметомъ этой любви?

Восемнадцати лѣтъ княжна Маріорица Лелемико испытала уже такъ много превратностей, что можно-бы было наполнить ими долголѣтнюю романическую жизнь.

Съ малолѣтства лишившись отца и матери, на пепелищѣ дома, разграбленнаго и сожженнаго янычарами, Маріорица досталась въ удѣлъ хотинскому пашѣ. Онъ готовилъ ее для собственнаго гарема, но пока плѣнница росла вмѣстѣ съ своими прелестями, старость предупредила его замыслы. Тогда честолюбіе замѣнило въ немъ всѣ прочія страсти, и хотя онъ съ помощію скамейки садился на лошадь, но все еще мѣтилъ въ сераскиры, или, по крайней мѣрѣ, въ трехбунчужные. Мысль угодить повелителю правовѣрныхъ, подаривъ ему диковинную красоту, блеснула въ его головѣ, и съ того времени смотрѣлъ онъ на княжну какъ на лучшее украшеніе султанскаго гарема, какъ на будущую свою владычицу и покровительницу. Онъ видѣлъ уже въ ней любимую султаншу, а себя однимъ изъ первыхъ сановниковъ подъ луною. Дочь нельзя болѣе нѣжить и утѣшать, какъ онъ нѣжилъ и утѣшалъ ее. Піастры сыпались иностранцамъ, чтобы развить въ ней всѣ дарованія, способныя обворожить падишаха. И старикъ могъ разсчитывать вѣрно, судя по наружнымъ и душевнымъ ея прелестямъ. Когда

Маріорица, разбросавъ черный шелкъ своихъ кудрей по обнаженнымъ плечамъ, летала съ тамбуриномъ въ рукахъ и вдругъ бросала на своего опекуна молніеносные, сожигающіе взоры, или, усталая, останавливала на немъ черные глаза свои, увлаженные нѣгою, избыткомъ сердечнымъ, какъ-бы просящіе, жаждущіе отвѣта; когда полураскрытые уста ея манили поцѣлуй—тогда и у старика поворачивалась вся внутренность. Онъ вздыхалъ, очень тяжело вздыхалъ, и готовъ-бы былъ отдать свой Хотинъ, свою бороду и всѣ прошедшія и будущія милости падишаха за нѣсколько минутъ давно прошедшей молодости. Оканчивалось тѣмъ, что онъ обращался мысленно къ пророку, а тамъ снова къ мечтамъ честолюбія. Иногда только, когда вкушалъ соку плода, запрещеннаго кораномъ, онъ приходилъ къ своей плѣнницѣ и осмѣливался коснуться устами своими прекрасной ножки ея, приложивъ напередъ, въ знакъ почтительности, правую руку къ чалмѣ, а лѣвою подобравъ свою бороду. И шалунья изъ прихоти допускала его къ этой милости; а куда не простирается прихоть женщины? Ей было весело, что борода паши, довольно пушистая, щекотала ея нѣжную, пышную ножку. Случалось и то въ подобныхъ изъявленіяхъ особеннаго ея благоволенія, что шаловливая ножка, будто ненарочно, сваливая чалму съ головы старика, обнажала такимъ образомъ огромную, сіяющую лысину. Княжна при видѣ ея смѣялась до слезъ и позволяла ему за это удовольствіе подремать на ея колѣнахъ. Впрочемъ, она любила пашу, какъ благодѣтеля своего, какъ родственника, и умѣла это изъяснять ему даже въ своихъ дѣтскихъ шалостяхъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

Маріорицѣ даны были учителя, какихъ она только вздумала имѣть. Она танцовала, какъ мы ужь сказали, съ такою ловкостію, что приводила въ изступленіе и старика, и играла на гитарѣ съ большою пріятностью. А какъ ея учительница танцованія и музыки была француженка, то она въ скоромъ времени выучилась говорить и писать на этомъ языкѣ съ большою легкостію. Отъ христіанской вѣры, въ которой она родилась, остались у ней тайныя понятія и золотой крестъ на груди. Какимъ образомъ этотъ крестъ попалъ къ ней, она не помнила; только не забыла, что женщина, которая вынесла ее изъ пожарища, когда горѣлъ отцовскій домъ, строго наказывала ей никогда не покидать святого знаменія Христа и, какъ она говорила, «благословенія отцовскаго». Эта самая женщина продала ее хотинскому пашѣ. Француженка, узнавъ, что Маріорица родилась христіанкою, старалась, бесѣдами на языкѣ, непонятномъ для черныхъ стражей, ознакомить ученицу свою съ главными догматами своей вѣры. Отъ этого ученія и гаремнаго воспитанія ея сочетались въ душѣ Маріорицы, пламенной, мечтательной, и фатализмъ магометанскій и мистицизмъ христіанскій, такъ что въ небѣ, созданномъ ею, обитали и чистѣйшіе духи и обольстительные дѣвы пророка, а на землѣ всѣ дѣйствія человѣка подчинялись предопредѣленію.

Старый паша любилъ ее сначала, какъ будущій предметъ своихъ удовольствій, потомъ какъ средство достигнуть честей, и, наконецъ, какъ дочь. Онъ избавлялъ ее отъ дѣланія шербета, конфектъ и другихъ трудовъ домашнихъ, сносилъ ея прихоти и капризы, лелѣялъ ее и берегъ, какъ дорогую жемчужину, на которую обладатель ея боится дышать, чтобы не по-

темнить ея красоты. Прислуга, стоокая отъ боязни наказанія, стерегла ее денно и ночно. Ни одинъ взглядъ молодого мужчины не перелистывалъ еще ея дѣвственныхъ прелестей, этой роскошной поэмы, въ которой могъ-бы зачитаться и самъ небожитель, какъ нѣкогда пустынникъ заслушался пѣночки на цѣлое столѣтіе. Пришла пора везти Маріорицу ко двору верховнаго владыки, и паша задумывался и откладывалъ отъѣздъ. Самыя мечты честолюбія не радовали его. Настало, однакожъ, время имъ разстаться, но, по волѣ судьбы или предопредѣленія,—такъ называла ее Маріорица—загорѣлась война между Турціей и Россіей, и въ губернаторы хотинскіе назначенъ сынъ опекуна, извѣстный подъ именемъ знаменитаго Калчанъ-паши. Съ того времени старикъ возненавидѣлъ тайно султана и явно своего преемника, хотя единокровнаго, и поклялся скорѣй передать свои сокровища, въ томъ числѣ и воспитанницу, невѣрнымъ, собакамъ-христіанамъ, нежели тѣмъ, которые такъ жестоко оскорбили его старость и долголѣтнюю службу. Тутъ грянула ставучинская битва, столь славная для русскаго оружія, какъ будто нарочно для того, чтобъ выполнить клятву старика; ибо вслѣдъ затѣмъ Хотинъ былъ сданъ русскимъ, а прекрасная Маріорица съ богатствами двухъ пашей, отца и сына, въ числѣ слишкомъ 2,000 человѣкъ обоего пола, досталась въ добычу побѣдителей. Ея воспитатель самъ представилъ ее Миниху какъ молдаванскую княжну и поручилъ милостямъ государыни. Участь княжны, попавшейся къ невѣрнымъ псамъ-магометанамъ, тронула военаначальника. Онъ взялъ ее подъ особенное свое покровительство, и съ офицеромъ (старымъ, израненнымъ)

послалъ, отдѣльно отъ другихъ плѣнниковъ, въ Петербургъ, описавъ ея чудесную исторію, какъ самъ слышалъ, государынѣ.

При дворѣ и знати была тогда мода на калмыковъ и калмычекъ не менѣе бѣшеная, какъ на дураковъ, шутовъ и сказочниковъ обоего пола и разнаго состоянія, начиная отъ крѣпостныхъ до князей. Съ жадностью доставали дѣтей азіатской породы, какъ дорогую собачку или лошадь, и не одинъ супругъ пострадалъ отъ холодности своей половины, если не могъ подарить ей въ годовой праздникъ восточнаго уродца. Калмыковъ этихъ приводили *въ вѣру крещеную*, лелѣяли, клали спать съ собою въ одной спальнѣ и выводили *въ люди*, то есть въ офицеры, или выдавали замужъ за офицеровъ съ богатымъ приданымъ, часто на счетъ и къ невыгодѣ родныхъ дѣтей. Судите послѣ этого, какую-же суматоху долженъ былъ произвесть въ Петербургѣ пріѣздъ Маріорицы. Романическая ея жизнь, ея красота, ея родъ и отечество вскружили всѣмъ голову до того, что, если-бъ можно было, каждая знатная госпожа не пожалѣла-бы дать половину своего имѣнія, чтобы имѣть при себѣ молдаванскую княжну. Нынѣ въ изступленіи говорятъ: «ah! j'enrage, ma chère, что не могу имѣть къ вечеру NN райской птички». Тогда говорили вздыхая: «Ахъ! мать моя, каковъ этотъ иностранный нѣмецъ Минихъ, прислалъ сюда только одну молдаванскую княжну, а, сказываютъ наши, полонилъ ихъ тысячу, да отослалъ къ своимъ, въ нѣмецкую землю—ну съѣла-бы его зубами!»

Сама государыня была въ восхищеніи отъ Маріорицы, помѣстила ее въ ближайшей отъ себя комнатѣ между своими гофъ-дѣвицами, нарядила въ полуна-

ціональную, полурусскую одежду, какъ можно богаче, и въ учители русскаго языка выбрала для нея служащаго при с.-петербургской академіи *de сіянсъ*, Василія Кирилловича Тредьяковскаго. Этотъ вельми ученый мужъ какихъ языковъ не зналъ! На французскомъ писалъ онъ стихи едва-ли не лучше, нежели на русскомъ; изъ Фенелонова «Телемака» возсоздалъ знаменитую «Телемахиду», съ цитатами греческими, латинскими и проч., и въ два пріема исчерпалъ весь геній Ролленя, своего учителя. И потому онъ долженъ былъ служить Маріорицѣ, посредствомъ французскаго языка, проводникомъ къ познанію русскаго. Обладая способностями необыкновенными и побуждаемая къ изученію силою внутреннею, творящею чудеса, она въ нѣсколько мѣсяцевъ могла свободно изъясняться и на этомъ языкѣ.

Маріорица не успѣла еще образумиться отъ зрѣлища новыхъ и странныхъ предметовъ, поразившихъ ее при дворѣ русскомъ, отъ новой своей жизни, ни въ чемъ не сходной съ той, которую вела въ гаремѣ хотинскаго паши, и успѣла уже подъ знамя своей красоты навербовать легіонъ поклонниковъ. Лесть мужчинъ, ихъ услужливое вниманіе, преслѣдовали ее до того, что стали ей приторны; старухи, у которыхъ не было дочекъ, называли ее ненаглядною; молодыя— говорили, что онѣ отъ нея безъ ума, наружно ласкали ее, какъ любимую игрушку, какъ любимицу государыни, но втайнѣ ей завидовали. Такъ ведется со временъ двухъ первыхъ братьевъ!

Года, кажется, за два до пріѣзда ея въ Петербургъ, когда русскіе уполномоченные въ Немировѣ [1]) вели пе-

---

1) Польское мѣстечко, пограничное съ турецкими владѣніями.

реговоры съ турками, старый паша, ея воспитатель, въ шутку говорилъ, что если Маріорица не любитъ его, онъ уступитъ ее русскому послу Волынскому, о которомъ слава прошла тогда до Хотина.—«А молодъ-ли онъ? хорошъ-ли онъ?» — шутя спрашивала Маріорица своего воспитателя. И чтожъ? По странному стеченію обстоятельствъ, этотъ самый Волынскій, когда она, по пріѣздѣ въ Петербургъ, остановилась въ отведенной ей квартирѣ, былъ первый изъ придворныхъ, который ее встрѣтилъ и отъ имени государыни поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Увидѣть мужчину ловкаго, статнаго, красиваго, съ глазами, проницающими насквозь сердца, съ черными кудрями, свободно падающими на плеча (Волынскій рѣдко пудрился), и сдѣлать сравненіе съ нимъ и турецкимъ длиннобородымъ козломъ, или чернымъ евнухомъ, значило, съ перваго приступа, склонить оружіе. При кабинетъ-министрѣ, не знавшемъ иностранныхъ языковъ, находился тогда переводчикъ, вовсе нелюбезный и непривлекательный. Лицо круглое, какъ мапемонда, синеватое, задавленное маслянымъ галстухомъ, на которомъ покоился тучный, двумя ступенями, подбородокъ; бородавка на лѣвой щекѣ, умильно-важная физіономія, крутой сіяющій лобъ, вдѣланный въ мучной насаленный окладъ съ двумя мучными-же мортирами по бокамъ и чернымъ кошелькомъ назади—однимъ словомъ, это все былъ *самъ* Василій Кирилловичъ Тредьяковскій. «Жаль, думала Маріорица, что этотъ дурной, а не этотъ пригожій мужчина долженъ со мною объясняться». Волынскому некогда было думать: увлеченный красотою молдаванки, онъ спѣшилъ выражаться краснорѣчивымъ подлинникомъ взоровъ и—словами черезъ своего толмача. Слова

эти дышали теплотою востока и, благодаря вѣрности перевода, щекотали сердце неопытной дѣвушки, приводили ее въ какое-то смущеніе, ей доселѣ невѣдомое. Маріорица хотѣла знать фамилію посланнаго къ ней отъ императрицы.

При имени Волынскаго княжна затрепетала. Фатализмъ, которымъ она съ малолѣтства была напитана, сказалъ ей, что это самый *тотъ*, неизбѣжимый ею, суженый ею рокомъ, что она ведена съ пепелища отцовскаго дома въ Хотинъ и оттуда въ страну, о которой и не мыслила никогда, потому единственно, что еще при рожденіи назначено ей любить русскаго, именно Волынскаго.

Прибавьте къ этому пламенное воображеніе и кипучую кровь, весь этотъ человѣческій волканизмъ съ одной стороны,—съ другой, примѣшайте вкрадчивую любезность, умъ, страсть въ каждомъ движеніи и звукѣ голоса, и рецептъ любви готовъ. Маленькій докторъ, въ блондиновомъ паричкѣ и съ двумя крылышками за плечами, попавъ разъ къ такимъ паціентамъ, то и дѣло посѣщаетъ ихъ, и каждый разъ, очинивши исправно свое перо, пишетъ на сигнатуркѣ: repetatur, *прибавить того, усилить сего.*

Волынскій вышелъ отъ молдаванской княжны въ какомъ-то чаду сердечномъ, видѣлъ только по дорогѣ своей два глаза, блестящіе, какъ оточенный гранатъ, какъ двѣ черныя вишни; видѣлъ розовыя губки — о! для нихъ хотѣлъ-бы онъ превратиться въ пчелу, чтобы впиться въ нихъ—видѣлъ только ихъ, отвѣчалъ невпопадъ своему переводчику, или вовсе не отвѣчалъ, грезилъ, мечталъ, забывалъ политику, дворъ, Бирона, друзей, жену... Въ его головѣ и сердцѣ все было

эдемъ, восторги, райскія минуты, за которыхъ не взялъ-бы вѣковъ; все было *я* и *она!* А препятствія? Ихъ не существовало, ихъ не могло существовать: дѣвушка такъ неопытна, воспитана въ гаремѣ, готовлена для гарема; по глазамъ ея видно, что у ней въ жилахъ не кровь, а огонь... жена еще не скоро пріѣдетъ изъ Москвы: можно найдти и средства задержать ее... кабы умерла? (да, и эта преступная мысль приходила ему въ голову!...) остальное докончитъ искусство, притворная и, можетъ статься, истинная страсть.

И вотъ княжна Лелемико во дворцѣ. Сама государыня заботится доставить ей покой, пріятности всякаго рода, показываетъ ей свой Петербургъ, свое войско, учреждаетъ для нея игры, праздники, балы и, привыкшая видѣть около себя притворство и лесть, утѣшается, какъ чистосердечно, простодушно, чувствительно дитя полуденной природы, какъ все новое занимаетъ ее и утѣшаетъ. И Маріорица почти вездѣ за государыней и вездѣ видитъ Волынскаго, и скоро едва-ли не одного неизбѣжнаго Волынскаго. Всѣ молодые мужчины кажутся ей куклами, попугаями, существами бездушными. Сначала онъ не можетъ говорить ей о своей любви, но при каждомъ свиданіи взорами своими волнуетъ ея душу, такъ что ея душа, кажется, бѣжитъ вонъ изъ тѣла. Нерѣдко танцуетъ онъ съ нею (она выучилась уже европейскимъ танцамъ). Пожатіе руки его проникнуло тонкимъ ядомъ все ея существо; она смущена новымъ для нея ощущеніемъ, хочетъ отнять руку, и не отнимаетъ... Въ другой день, на другое пожатіе она отвѣчаетъ ему тѣмъ-же... и ей кажется въ эту минуту, что земля

и небо готовы передъ ней и надъ ней раскрыться. Эпоха сладостная для влюбленныхъ! Они не забываютъ ея ни въ будущихъ сильнѣйшихъ восторгахъ, ни въ мукахъ любви. Возвратясь въ свою спальню, она горѣла вся въ огнѣ, и заснула въ обворожительныхъ мечтахъ.

Къ учителю русскаго языка летали отъ Волынскаго перстеньки, табакерки, и подвигалась каѳедра элоквенціи въ академіи *де сіянсъ*, и потому можно судить, что онъ дѣйствовалъ по точной инструкціи кабинетъ-министра. Первыя слова, которыя ученица затвердила, были: *милый другъ! люблю тебя!* Какъ сладко, какъ обворожительно выговаривала она эти слова! Въ слово *милый* она вставляла *р*, отчего произносила *мирлый;* но эта ошибка придавала ему какую-то особенную прелесть въ устахъ ея. И самъ Василій Кирилловичъ, слушая первый выученный урокъ, почесывалъ свое темя, какъ будто у него подъ черепомъ что-то жгло. Ни при комъ не произносила Маріорица этихъ словъ, какъ при Тредьяковскомъ, догадываясь, что онъ перенесетъ ихъ на крыльяхъ своего усердія Артемію Петровичу. Лекціи русскаго языка проходили часто между учителемъ въ разговорахъ о кабинетъ-министрѣ, котораго благородство, щедрость, чувствительность превозносились до небесъ. Разумѣется, учителю строго запрещено было упоминать о томъ, что Артемій Петровичъ женатъ: это выполнялось свято. А дѣвушкѣ и не приходила въ голову мысль, что тотъ, кто ее любитъ, могъ имѣть неразрывныя связи съ другой, что любовь его преступна. Разумѣется, и княжна умоляла Василія Кирилловича не сказывать Волынскому, что она иногда говоритъ о немъ: учитель обѣщалъ, но

былъ вѣренъ своему слову только до первой встрѣчи съ покровителемъ. Вскорѣ могла она сама понимать по-русски вкрадчиво-нѣжныя выраженія Артемія Петровича, выраженія, тѣмъ болѣе опасныя, что они были новы для нея, какъ сама любовь.

Можно догадаться, что при такихъ обстоятельствахъ любовь бѣжитъ огнемъ по пороховой дорожкѣ. И чтожъ? Во всемъ этомъ, какъ вы видите, былъ виноватъ фатализмъ.

Далѣе... Не все-же вдругъ сказывается: дайте мнѣ, какъ жаворонку, завести мою пѣснь отъ земли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТАИНСТВЕННОЕ ПОСЛАНІЕ

— Скажи, въ чемъ тутъ есть главное умѣнье?
— Въ томъ,—отвѣчалъ сосѣдъ,—
Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ.

Крыловъ.

Побѣда, смерть-ли? будь что будетъ,
Лишь-бы не стыдъ!

Языковъ.

Итакъ Волынскій лежалъ вечеромъ на диванѣ, въ своемъ кабинетѣ, волнуемый двумя чувствами, любовью къ Маріорицѣ и ненавистью къ Бирону. Мечты его нарушены приходомъ араба, который и подалъ ему пакетъ отъ герцога. Кабинетъ-министръ нѣсколько встревожился, ибо такого рода посылки сопровождались или чрезвычайною милостью, или какою-нибудь грозой. Онъ сорвалъ печать и, къ удивленію своему, нашелъ въ пакетѣ еще другой запечатанный, съ надписью руки самого Бирона, и бумагу въ листъ, просто сложенную. Полагая, что это какой-нибудь документъ, онъ поспѣшилъ распечатать письмо и прочесть его прежде.

Герцогъ дружески сожалѣлъ о нездоровьѣ Артемія Петровича, присовокуплялъ, что онъ безъ него какъ безъ рукъ; что ея величество изволила объ немъ съ большимъ участіемъ провѣдывать и, въ доказательство своей къ нему милости, назначила ему въ награду 20,000 рублей по случаю мира, заключеннаго съ турками.

— А!—сказалъ про себя Волынскій, оставивъ на минуту чтеніе письма,—временщикъ думаетъ купить меня этимъ извѣстіемъ, но ошибается! Чтобы ни было, не продамъ выгодъ своего отечества ни за какія награды и милости!

Спрашивали также въ письмѣ, какъ идутъ приготовленія къ извѣстному празднику, и увѣдомляли, что государынѣ угодно сдѣлать прибавленіе къ нему построеніемъ ледяного дворца, гдѣ будетъ праздноваться и свадьба Кульковскаго, для котораго уже и невѣсту ищутъ. Ея величеству желательно, чтобы и устройствомъ ледяного дома занялся также Артемій Петровичъ. Рисунокъ обѣщано прислать завтра, чѣмъ свѣтъ.

Волынскаго, знакомаго съ макіавелизмомъ Бирона, не удивило ни дружеское содержаніе письма, ни предложеніе новыхъ занятій—послѣднее онъ уже напередъ отгадывалъ—но изумило его то, что въ посланіи его свѣтлости ни слова о приложенной бумагѣ.

«Вамъ угодно было знать»,—писали въ ней рукой незнакомой и почеркомъ весьма поспѣшнымъ,—«куда дѣвался малороссіянинъ, не явившійся нынѣ къ вамъ на смотръ. Исполняю не только это желаніе, но и обнаруживаю вамъ обстоятельства, скрытыя для васъ донынѣ. Плачу тѣмъ дань не знанію и богатству вашему, не видамъ какимъ-либо, но высокому достоин-

ству человѣка, которое въ васъ нашелъ. Давно уже благородная ваша душа привязала меня къ вамъ. Не старайтесь узнавать, кто я: вы, можетъ быть, погубите меня тѣмъ, а себя лишите важнаго помощника въ борьбѣ съ сильнымъ временщикомъ. Его шпіоны окружаютъ васъ вездѣ; вы имѣете ихъ у себя дома. Они слѣдятъ всѣ ваши слова, поступки, движенія, доставляютъ оберъ-гофъ-комисару Липману, главному шпіону, свѣдѣнія обо всемъ, что у васъ дѣлается, говорится, и о всѣхъ, кто у васъ бываетъ. Ваши друзья уже на замѣчаніи. Извѣстно, что вы составляете заговоръ противъ его свѣтлости. Я не могъ еще добраться, кто именно изъ вашихъ домашнихъ передаетъ эти свѣдѣнія

«По содержанію моего письма вы догадываетесь, что я очень близокъ къ его свѣтлости. Повторяю, не старайтесь доискиваться меня. Настанетъ время—самъ откроюсь. Знайте только, что я иностранецъ, но, ущедренный Россіею, я нашелъ въ ней свое второе отечество и хочу служить ей, какъ истинный сынъ ея. Мнѣ больно видѣть каждый день, что всѣ мысли, всѣ чувства и поступки Бирона вертятся кругомъ одной его особы, что онъ живетъ только для своего лица, а не для славы и блага Россіи. Страна эта потому только не совсѣмъ ему чужда, что онъ считаетъ ее своей оброчницей. Боже! какъ онъ трактуетъ русскихъ!... Чуждаясь ихъ языка и обычаевъ, не желая ихъ любви, и въ презрѣніи къ нимъ не соблюдая даже наружнаго приличія, онъ властвуетъ надъ ними, какъ надъ рабами».

При этихъ словахъ глаза Артемія Петровича наплились негодованіемъ; руки его дрожали.

«Наступаетъ важный случай открыть государынѣ его своекорыстіе: дѣло объ удовлетвореніи поляковъ за переходъ войскъ чрезъ ихъ владѣнія, дѣло, на которомъ вы столь справедливо основываете свои надежды (вотъ какъ намъ все извѣстно!), скоро представится на разсмотрѣніе кабинета. При первой возможности доставлю вамъ нужныя замѣтки и тутъ-же напишу три слова: *теперь, или никогда!* О! тогда скорѣй, богатырски опрокиньте стѣну, предъ которою даетъ онъ фейерверки и за которою душитъ и рѣжетъ народъ русскій; откройте все сердцу государыни... Вы, съ вашею благородною смѣлостью и краснорѣчіемъ, съ вашимъ патріотизмомъ, съ вашимъ пламеннымъ усердіемъ къ пользѣ и благу императрицы, одни можете совершить этотъ подвигъ. Если вы падете въ этомъ дѣлѣ, то падете со славою. Тогда-то я откроюсь вамъ и раздѣлю съ вами участь вашу, какова-бы она ни была: клянусь вамъ въ этомъ своею честію. Когда-бы знали, какъ горитъ душа моя быть участникомъ вашимъ въ этой славѣ! Можетъ статься, чрезъ сотню лѣтъ напишутъ, поставивъ мое имя подлѣ вашего: «Россія гордится ими!...» Жить въ исторіи, какъ это пріятно!...

«Пишу много; сердце мое имѣло нужду излиться предъ благороднѣйшимъ изъ людей. Давно я не бесѣдую съ ними. Случай первый! Герцогъ, отдавъ мнѣ письмо къ вамъ, уѣхалъ во дворецъ, куда былъ неожиданно позванъ, только-что изъ него пріѣхавши.

«Теперь исполняю желаніе ваше узнать о малороссіянинѣ. Это дворянинъ изъ черниговской провинціи, по прозванью Горденко. Онъ занималъ должность хорунжаго въ стародубскомъ повѣтѣ и умѣлъ обратить

уже на себя непріятное вниманіе доимочнаго приказа тѣмъ, что противился повелѣнію герцога ставить за недоимки крестьянъ разутыхъ въ снѣгъ и обливать ихъ холодною водою. Услышавъ однажды объ оскорбительныхъ словахъ, сказанныхъ герцогомъ одному русскому вельможѣ, онъ имѣлъ неосторожность произнести: «побачивъ-бы я, якъ-бы мнѣ то выбрехавъ бісова батька, Бironъ». Слова эти доведены до ушей его свѣтлости. Малороссіянинъ потребованъ къ допросу воеводой, пріѣхавшимъ нарочно для изслѣдованія этого преступленія. О! когда дѣла касаются до личной обиды герцога, они скоро рѣшаются. Оговоренный былъ въ это время очень боленъ. Онъ принесенъ предъ судью на простыняхъ и, въ наказаніе за свою неосторожность, долженъ былъ услышать отъ воеводы ругательства, которыя не хотѣлъ вынести отъ самого Бирона. Когда-жъ онъ, собравъ силы, отвѣчалъ, какъ требовала оскорбленная честь дворянина, его пощекотали батогами. Этотъ способъ лѣчить и жажда мщенія возвратили ему вскорѣ здоровье. Онъ покинулъ семейство свое, составилъ прошеніе къ императрицѣ, въ которомъ описывалъ жестокости временщика и корыстолюбивыя связи его съ поляками, ѣздилъ по Малороссіи собирать къ этому прошенію подписи важныхъ лицъ, успѣлъ въ своемъ намѣреніи и пробрался до Твери, гдѣ удачно обмѣнилъ собою простого малороссіяна, котораго, въ числѣ другихъ, везли сюда на извѣстный праздникъ. Но ищейные клевреты Бирона услѣдили его тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Здѣсь, въ манежѣ герцогскомъ, когда дѣлали перекличку всѣмъ разноплеменнымъ парамъ, его не оказалось. Подачкинъ объявилъ, что онъ, вѣроятно, бѣжалъ

во время суматохи, случившейся въ то время, какъ ихъ вели въ манежъ. Прибывшихъ гостей къ вамъ отправили. Въ самомъ-же дѣлѣ несчастный былъ задержанъ. Расправа была съ нимъ короткая: его свели на задній, нечистый дворикъ за конюшню. Тамъ, раздѣвъ его до рубашки и привязавъ къ дереву, пытали о бумагѣ, но Горденко успѣлъ, видно, сбросить ее, или передать. Благороднаго мученика, окативъ десяткомъ ушатовъ воды, заморозили среди бѣлаго дня. Мой пріятель Гроснотъ совершилъ этотъ подвигъ, какъ будто выпилъ стаканъ пуншу. Впрочемъ, Липману шепнули, чтобъ онъ спряталъ, какъ знаетъ, концы въ воду. Это будетъ легко ему сдѣлать съ помощью силы, грозы и денегъ.

«Отвѣтъ герцогу привезите завтра лично, по обыкновенію, въ пріемные часы. Будьте осторожны, не проговоритесь не только словами, но и наружностью, а то все испортите.

«Въ случаѣ нужды во мнѣ для объясненій вложите вашу записку въ разсѣлину средняго камня, на лѣвомъ углу ограды Лѣтняго сада къ Невѣ».

Прочтя это таинственное посланіе, въ истинѣ котораго нельзя было сомнѣваться, Волынскій то предавался радостной мысли, что пріобрѣтаетъ новыя важныя права для обвиненія Бирона и освобожденія Россіи отъ ига его, ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, обхвативъ эту надежду, няньча ее, какъ любимое дитя свое, то путался въ мысляхъ, отыскивая своего тайнаго доброжелателя.

Иностранецъ?... Ихъ такъ много окружаетъ курляндскаго герцога, и ни въ одномъ изъ нихъ Артемій Петровичъ не видалъ особеннаго къ себѣ участія.

Этотъ?... Злодѣй! изъ одной улыбки его свѣтлости вызовется, вмѣсто мѣха, своимъ дыханіемъ разогрѣть жаровню и изжарить на ней мелкимъ огнемъ человѣка, невиннаго какъ младенецъ. Другой? Глупецъ! готовъ стащить на своей спинѣ, не оглядываясь, вьюкъ чужихъ злодѣйствъ. Третій? Подлецъ! доставляетъ за фальшивыя опредѣленія женѣ Бирона брилліанты и серебряные сервизы. Четвертый? Родственникъ клеврета его, Липмана, и ненавидитъ кабинетъ-министра. И такъ далѣе перебралъ онъ всѣхъ и ни на комъ не могъ остановиться. Какимъ образомъ постигъ тайный другъ желаніе его узнать, куда дѣвался малороссіянинъ?... Загадка! тайна!... Голова его пылала, сердце ходило ходунемъ. Онъ забылъ даже о посланномъ герцога, но, вспомнивъ и спросивъ, узналъ, что податель, не дожидаясь отвѣта, скрылся.

Когда-жъ Волынскій хотѣлъ доискаться, кто-бы могъ быть шпіономъ Липмана въ его собственномъ домѣ, нъ,о казалось, блуждалъ, какъ странникъ въ дикомъ бору, гдѣ боится на каждомъ шагу наступить на ядовитаго гада. Чтобъ могло заставить дворовыхъ людей идти въ его оговорители? Онъ считался по-тогдашнему, милостивымъ господиномъ. О стульяхъ, безсудной помощи палача, кошкахъ, раздѣлкахъ на конюшнѣ, столь обыкновенныхъ въ его время, не было помину въ домѣ. Наказанія его, и то за важный проступокъ, ограничивались удаленіемъ отъ барскаго лица. Челядинцы, отъ большого до малаго, были одѣты исправно, накормлены сыто, получали, сверхъ того, въ каждый годовой праздникъ, по мѣдной гривнѣ и по калачу; ихъ заслуги предкамъ Волынскаго цѣнились, какъ должно; старики были въ почтеніи у младшихъ

и не рѣдко удостоивались подачекъ со стола господскаго; немощныхъ не отсылали съ хлѣба долой на собственное пропитаніе, не призирали въ богадѣльняхъ, а въ ихъ семействахъ. Добрыми нравами строго дорожили. Самъ Артемій Петровичъ хотя славился волокитствомъ, но въ оградѣ дома цѣломудріе такъ уважалось, что разъ подслѣповатый *маршалокъ*, увидѣвъ издали дѣвушку на колѣняхъ мужчины, поднялъ весь домъ, какъ будто на пожаръ: къ счастью объяснилось, что отецъ ласкалъ свою дочь. «Не баринъ, а отецъ родной!» говорили служители объ Артеміѣ Петровичѣ: «мы живемъ за нимъ, какъ у Христа за пазушкой». Чтожъ, въ самомъ дѣлѣ, могло-бы заставить кого изъ нихъ рѣшиться на оговоры? Они сочли-бы того Іудою-предателемъ. Не барская-ли барыня?... Чѣмъ-же она можетъ быть недовольна? Гардероба ея станетъ и на приданое внучатамъ; деньги пускаетъ она въ ростъ, ласками господъ не менѣе богата.

Впрочемъ, ее порядочно коверкало, когда дѣло шло о малороссіянинѣ... можетъ статься, нетерпѣніе видѣть сынка офицеромъ?... Зуда намекалъ не разъ, что это женщина опасная... Да опять, какъ провѣдать ей тайны господскія, которыя говорятся только въ кабинетѣ, между самыми близкими друзьями. Зуда?... Этотъ могъ-бы всѣхъ скорѣе!... При этомъ словѣ, мысленно произнесенномъ, сердце Артемія Петровича облилось кровью.

«— Нѣтъ,—прибавилъ онъ, разсуждая самъ съ собою, то ходя быстрыми шагами по комнатѣ, то садясь на канапе,—сердце отталкиваетъ малѣйшее на него подозрѣніе. Онъ лукавъ, но благороденъ. Ни денегъ, ни честей не любитъ; настоящій Козьма безсребренникъ. Изъ чего-жъ станетъ кривить душой и подли-

чать предъ фаворитомъ? Хотѣлъ-бы онъ денегъ и я давно-бъ озолотилъ его. Чиновъ? Сколько разъ предлагалъ я вывесть его въ чины, но онъ всегда отказывался отъ нихъ, считая ихъ за тягость. Онъ слишкомъ любитъ спокойствіе, чтобы затѣять доносы. Это не въ его характерѣ. Да къ тому-жъ не могу разстаться съ мыслію видѣть въ немъ человѣка, мнѣ преданнаго. Десять лѣтъ въ моемъ домѣ! Десять лѣтъ раскрывалъ я ему грудь свою, и въ ней читалъ онъ до послѣдней тайной буквы!... Другъ мой!... Нѣтъ, нѣтъ, лучше погубить себя, чѣмъ его подозрѣвать! Не онъ, не онъ, не можетъ быть! Но... діаволъ-духъ, или человѣкъ-діаволъ, кто-бы ни былъ мой домашній шпіонъ, я отыщу его!

Волынскій позвалъ своего араба.

— Николай,—сказалъ онъ ему съ особеннымъ чувствомъ,—любишь-ли ты меня?

— Когда вы говорите мнѣ слово ласковое,—отвѣчалъ тронутый арабъ,—мнѣ кажется, что со мною говоритъ старикъ-отецъ, зарѣзанный въ глазахъ моихъ. Вы мнѣ вмѣсто отца, и матери, и родины.

— Ты меня никогда не продавалъ?

— Я, сударь?... да я готовъ отдать за васъ жизнь свою,—Никола свидѣтель!

— Слушай-же: у насъ въ домѣ есть недобрый человѣкъ, который выноситъ соръ изъ избы, оговариваетъ своего барина.

— Знаю!

— Знаешь?—спросилъ изумленный Волынскій.— Кто-жъ это?

Арабъ приложилъ палецъ къ толстымъ губамъ своимъ и покачалъ головой.

— Говори, я тебѣ приказываю.

— Не могу, мнѣ Зуда не приказалъ.

Волынскій вспыхнулъ.

— Такъ нынѣ Зуда вашъ господинъ, такъ онъ болѣе меня значитъ! Зуда командуетъ моими людьми, противъ меня значитъ!... Вотъ каковъ Зуда!... Скоро сдѣлается онъ моимъ бариномъ, скоро мнѣ воли не будетъ въ своемъ домѣ!

Арабъ бросился въ ноги къ Артемію Петровичу и сказалъ:

— Не могу! я поклялся Николаю!... Онъ говоритъ, что для вашего-же добра...

«Что за тайна?...—подумалъ Артемій Петровичъ,—посмотримъ, къ чему это все ведетъ!»—Хорошо!—прибавилъ онъ вслухъ,—встань! дѣлай, что приказалъ тебѣ Зуда, молчи о томъ, что я тебѣ говорилъ, и всегда, непремѣнно, становись на караулѣ у дверей моего кабинета, какъ скоро будутъ въ немъ двое. Да вотъ и Зуда, легокъ на поминѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, арабъ только-что успѣлъ встать, какъ вошелъ секретарь кабинетъ-министра. Смущеніе на лицѣ господина и слуги встрѣтило его, но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не примѣчаетъ, скорчилъ свою обыкновенную гримасу и, съежившись, ожидалъ вызова Артемія Петровича начать разговоръ.

— Выдь вонъ!—сказалъ Волынскій арабу, потомъ, обратившись къ своему секретарю, произнесъ ласково:—что слышно о малороссіянинѣ?

— Онъ пойманъ и держится въ канцеляріи полиціймейстера.

— Поймапъ?

— Да, ваше превосходительство. Что-жъ тутъ удивительнаго?

— Отъ кого ты знаешь эту вѣсть?

— Я самъ видѣлъ его.

— Видѣлъ?.. Какое плутовство!

— Позвольте спросить, о чьемъ плутовствѣ вы говорите?

— На, прочти лучше самъ это длинное посланіе, павшее ко мнѣ съ неба, и объясни, какъ мертвые воскресаютъ въ наше время, богатое чудесами.

Волынскій подалъ письмо неизвѣстнаго, разсказалъ, какъ оно принесено, прилегъ на диванъ, всматриваясь, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ на секретаря чтеніе бумаги, и когда увидѣлъ, что этотъ развернулъ ее и началъ разсматривать, спросилъ, — не знакомъ-ли ему почеркъ руки.

Сощурился Зуда, покачалъ головкой, отвѣчалъ твердо:

— Нѣтъ, въ первый разъ вижу,—и началъ чтеніе.

Въ продолженіе его онъ часто пожималъ плечами, потиралъ себѣ средину лба пальцемъ; на лицѣ его то выступала радость, какъ у обезьяны, поймавшей лакомый кусокъ, то хмурилось оно, какъ у обезьяны, когда горячіе каштаны обжигаютъ ей лапы. Наконецъ Зуда опустилъ руку съ письмомъ и опять уныло покачалъ головой.

— Что? прочелъ-ли?—спросилъ Волынскій.

— Прочелъ.

— Чтожъ ты думаешь послѣ этого?

— То, что васъ и еще кое-кого знаю, что побѣда будетъ на сторонѣ силы, коварства и счастія. Это я думаю, это я вамъ всегда говорилъ и совѣтую, какъ

и всегда, уступить временщику! Да! таки уступить!... Послушайте, какая слава о немъ въ народѣ.

— Любопытенъ знать?

— *Онъ такой фаворитъ, что нельзя объ немъ и говорить*: какъ-же вы хотите противъ него дѣйствовать?

— Какъ указываетъ мнѣ сердце и тайный, но благородный совѣтникъ.

— Который васъ и обстоятельствъ хорошо не знаетъ, который губитъ васъ и себя: вспомните мое слово. Дайте грозной тучѣ пройти самой. Поберегите себя, друзей, супругу...

— Какъ? изъ того, что я могу навлечь на себя немилости, пожалуй ссылку, что я могу себя погубить, смотрѣть мнѣ равнодушно на раны моего отечества, слышать безъ боли крикъ русскаго сердца, раздающійся отъ края Россіи до другого! Разсказывать-ли тебѣ, какъ будто ты не знаешь, неистовства, совершающіяся каждый день около насъ, не говорю ужь о дальнихъ мѣстахъ? Стоитъ только раскрыть Петербургъ. Архипастырь [1]), измученный пытками за вѣру въ истину, которую любитъ, съ которою свыкся еще отъ дѣтства, оканчиваетъ жизнь въ смрадной темницѣ; система доносовъ и шпіонства, утонченная до того, что взглядъ и движенія имѣютъ своихъ ученыхъ толмачей, сдѣлавшая изъ каждаго человѣка движущійся гробъ, гдѣ заколочены его чувства, его помыслы; расторгнутыя узы пріязни, родства, до того, что братъ видитъ въ братѣ подслушника, отецъ боится встрѣтить въ сынѣ оговорителя; народность, каждый день поруганная; Россія Петрова, широкая, державная, могучая

[1]) Тверской, Геофилактъ Лопатинскій.

Россія, о, Боже мой! угнетенная нынѣ выходцемъ— этого-ли мало, чтобъ стать ходатаемъ за нее предъ престоломъ ея государыни?

Здѣсь Артемій Петровичъ остановился, посмотрѣвъ зорко на секретаря. Этотъ не думалъ отвѣчать. Все, что говорилъ кабинетъ-министръ, была, къ несчастью, горькая существенность, но существенность, которую, при настоящихъ обстоятельствахъ и съ такимъ пылкимъ, неосторожнымъ характеромъ, каковъ былъ Волынскаго, нельзя было перемѣнить. Зуда пожалъ только плечами и покачалъ головой.

Двѣ свѣчи на бюро тускло горѣли; огромная тѣнь кабинетъ-министра быстро двигалась по стѣнѣ. Онъ продолжалъ:

— Какъ, выступая на битву противъ враговъ отечества, вы оробѣете, когда вамъ скажутъ ваши нѣжные, заботливые пріятели, что вы можете потерять ручку, ножку, что вы, статься можетъ, оставите по себѣ неутѣшную вдовушку, плачущихъ ребятъ!... Пускай непріятели топчутъ жатвы, жгутъ хижины, насилуютъ женъ и дѣвицъ—не ваши поля и домы, не ваша жена и дочь! До нихъ скоро-ли еще доберутся! А ты, покуда, успѣешь належаться на теплой печкѣ, въ объятьяхъ своей любезной... Такъ-ли думаютъ истинные патріоты? Такъ-ли я долженъ мыслить?

— Позвольте...

— Нѣтъ, сударь, не слушаю васъ, не хочу слушать вашихъ вялыхъ, своекорыстныхъ совѣтовъ. Я лучше прочту еще разъ, что пишетъ мой тайный другъ. (Волынскій взялъ бумагу, развернулъ ее и прочелъ вслухъ: «Онъ властвуетъ надъ русскими, какъ надъ рабами»). Слышите-ли, сударь, надъ рабами? И

вотъ что говоритъ въ благородномъ негодованіи своемъ иноземецъ!... (Это слово залито было такою ироніею, что захватило на мигъ его дыханіе. Покачавъ головой, онъ опять съ жаромъ продолжалъ).—А мы, русскіе, мы протянули свои воловьи шеи подъ ярмо недостойнаго пришельца, мы любуемся, какъ онъ, вогнавъ насъ въ смрадную топь, взбиваетъ намъ кровь ремнями, вырѣзанными изъ нашихъ спинъ. Простой народъ не выдерживаетъ жестокостей его и бѣжитъ цѣлыми селеніями въ Польшу, въ Бессарабію. А русскіе дворяне, забывъ и родъ свой и заслуги предковъ, истливъ свой стыдъ, какъ трутъ, которымъ онъ зажигаетъ свою трубку, лазятъ, ползаютъ предъ конюхомъ, подходятъ уже къ его ручкѣ! Князья, люди первыхъ фамилій русскимъ, которыхъ отцы стяжали себѣ славу на ратномъ полѣ, рядомъ съ безсмертнымъ Петромъ, или въ сенатѣ, безстрастно говоря ему правду, спѣшатъ наперерывъ записаться въ скоморохи, въ шуты... Не посовѣтуете-ли мнѣ пойти вприсядку для потѣхи его конюшенной свѣтлости? Не прикажете-ли мнѣ приложиться къ его ручкѣ?... Нѣтъ, сударь, не дождетесь этого отъ меня съ вашимъ выходцемъ: скорѣй сожру я руку, которую онъ протянетъ мнѣ, хотя-бы этимъ поганымъ кускомъ подавиться!... Пляшите, господа, подъ его дудочку, вертитесь кубаремъ подъ его кнутикъ; лобызайте сѣкиру, омытую кровью вашихъ братьевъ; деритесь въ драку за пригоршни золота и разнокалиберныхъ игрушекъ, которыя бросаетъ онъ вамъ изъ оконъ своихъ высокихъ палатъ... Мое назначеніе другое (тутъ Волынскій поднялъ шляпу и произнесъ съ особенною твердостію):—я русскій боярinъ, не скоморохъ. Ты самъ знаешь, что я друзьямъ

и себѣ далъ слово идти противъ Бирона. Въ этомъ я поклялся предъ образомъ Спасителя, — мнѣ достался крестъ по жребію—я опоясался имъ, какъ мечомъ; я крестоносецъ, и если измѣню клятвѣ своей, наступлю на распятіе Сына Божія!

— Все-ли вы сказали? — прервалъ Зуда Артемій Петровича.

— Все, что долженъ былъ сказать и что исполню.

— Позвольте мнѣ, въ свою очередь, сдѣлать вамъ вопросъ, одинъ только.

— Будемъ слушать и отвѣчать.

— Можетъ быть не съ такою твердостью, какъ доселѣ говорили.

— Увидимъ, увидимъ! Ну, къ дѣлу, господинъ грозный противникъ!

— Противникъ всегда, въ чемъ вижу вашу гибель.— Прекрасно, благородно, возвышенно ваше рвеніе къ пользѣ отечества, кто съ этимъ не согласится? Но при этомъ подвигѣ необходимо условіе, и весьма важное: собираясь въ свой крестовый походъ, вы, какъ твердый рыцарь, должны отложиться отъ всѣхъ пагубныхъ страстей. То-ли вы дѣлаете? Ваша благородная дама забыта, и волшебница подъ именемъ Маріорицы опутываетъ васъ своими цвѣточными цѣпями. Надо избрать одно что-нибудь: или великій, трудный подвигъ, или...

— Или волокитство, хочешь ты сказать,—прервалъ Волынскій, нѣсколько смутившись и покраснѣвъ.—О! эта шалость, изъ тысячи подобныхъ, не опасна!... Ты знаешь, холодный проповѣдникъ, что я не въ состояніи пристраститься ни къ одной женщинѣ. Маріорица мила, прелестна... это правда; но одинъ поцѣлуй—и

страсть промелькнетъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ потѣшный огонекъ.

— Онъ сожжетъ это полуденное растеніе и отуманитъ васъ, сына Сѣвера, крестоносца, запаяннаго въ броню желѣзную! Что станется тогда съ вашею доброй, любезной супругой, которая васъ такъ любитъ?

— О! она женщина холодная, на эти вещи смотритъ очень равнодушно.

— Пока онѣ не опасны! Что станется тогда съ вашимъ предпріятіемъ, съ вашими друзьями, которыхъ вовлекли въ него, съ вами самими?...

— Ну, полно! Твоихъ проповѣдей до утра не переслушаешь. Скажи-ка мнѣ лучше, что ты думаешь о домашнихъ моихъ шпіонахъ?

— То, что главный почти въ рукахъ моихъ.

— Я тебя не понимаю.

— Не могу болѣе объясниться; на дняхъ все узнаете. Но до вашего похода, — прибавилъ Зуда вздыхая, — не угодно-ли будетъ запастись орудіями Макіавеля; они вамъ очень нужны.

— Ты хочешь сказать, лукавствомъ и осторожностью, которыхъ во мнѣ недостаетъ...

— Такъ-же, какъ въ васъ слишкомъ много благородства для борьбы съ Бирономъ.

— О, что касается до этого, то я съ тобой опять не согласенъ. Но обратимся къ нашему учителю Макіавелю. Вернулъ-ли ты въ переводъ выраженіе на счетъ нашего курляндскаго Боржіа?

— Исполнилъ, скрѣпя сердце, хотя со всею осторожностію,—сказалъ печально секретарь, какъ-бы давая знать, что это ни къ чему не послужитъ. — Не угодно-ли вамъ будетъ прослушать послѣднюю главу?

Волынскій даль знакъ согласія, и скоро принесена огромная тетрадь, прекраснымъ почеркомъ написанная. Зуда сѣлъ и началъ читать вслухъ главу изъ Макіавелева: «Il principe», котораго онъ, по назначенію кабинетъ-министра, перевелъ для поднесенія государынѣ. Но едва успѣлъ пробѣжать двѣ, три страницы, прерываемый повременамъ замѣчаніями Волынскаго, присовокупляя къ нимъ свои собственныя или дѣлая возраженія, какъ вошелъ арабъ и доложилъ о прибытіи Тредьяковскаго.

— Вели впустить его,—сказалъ Волынскій, примѣтно обрадованный этимъ посѣщеніемъ. — Макіавеля и политику въ сторону!...

Онъ вошелъ...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСРЕДНИКЪ

Пыщутся горы родить, а смѣшной родится мышенокъ!

Вступ. къ „Телемахидѣ“.

О! по самодовольству, глубоко прорѣзавшему на лицѣ слово: *педантъ!* по этой бандероли, развѣвающейся на лбу каждаго бездарнаго труженика учености, по бородавкѣ на щекѣ, вы угадали-бы сейчасъ будущаго профессора элоквенціи, Василія Кирилловича Тредьяковскаго. Онъ несъ огромный фоліантъ подъ мышкою. И тутъ разгадать не трудно, что онъ несъ—то, что составляло съ нимъ: *я и онъ, онъ и я* Монтаня, свое имя, свою славу, шумящую надъ вами совиными крыльями, какъ скоро это имя произносишь, власяницу бездарности, вериги для терпѣнія, орудіе насмѣшки для всѣхъ возрастовъ, для глупца и умнаго. Однимъ словомъ, онъ несъ «Телемахиду», это высокое произведеніе, которое почти цѣлый вѣкъ, то-есть до появленія «Александроиды», не имѣло ничего себѣ равнаго.

— А! дорогой гость, добро пожаловать! — сказалъ Волынскій, кивнувъ ему и взглянувъ мелькомъ на чудовищную книгу такими глазами, какъ бы несли камень задавить его.

Гость отвѣсилъ глубокій поклонъ у двери, такъ, что туловище его съ нижнею частію фигуры составляло острый уголъ — два шага впередъ, другой поклонъ, еще ниже третій. Лицо его утучнялось радостью; желая говорить, онъ задыхался, вѣроятно, отъ того-жъ чувства; наконецъ, собравшись съ силами, произнесъ высокоторжественнымъ тономъ:

— Великій мужъ! Какъ дань моего глубочайшаго высокопочитанія, пришелъ я положить къ подножію вашему энтузіасмусъ моего счастія.

— Повѣдай, повѣдай, что такое, — сказалъ съ усмѣшкою хозяинъ,—но съ уговоромъ, чтобы ты сидѣлъ. Я буду мечтать, что бесѣдую съ Омиромъ, повѣствующимъ мнѣ о прекрасной Еленѣ.

— Помилуйте, я и постою передъ лицомъ вашимъ.

— Да, Боже мой, садись, я тебѣ приказываю.

Тредьяковскій сѣлъ и возглагольствовалъ, помогая словамъ согласной мимикой:

— Человѣческаго духа такое, конечно, есть свойство, когда онъ сильно встревоженъ, что долго онъ какъ будто перстами ощущаетъ, прежде нежели прямо огорстить слова для выраженія своихъ чувствъ. Въ такомъ и я обрѣтаюсь состояніи. Но духъ, какъ Ираклій, чего не возможетъ! Онъ совершилъ во мнѣ седьмой подвигъ, и я приступаю. Я сей моментъ изъ собранія боговъ, съ Олимпа п... и помыслите, ваше превосходительство, вообразите, возмните, какое благополучіе меня нынѣ постигло.

— Чтожъ, ты видѣлъ государыню?

— Насладился ея божественнымъ лицезрѣніемъ, но этого не довольно.

— Она говорила съ тобою?

— Еще выше и гораздо выше.

— Да не томи же насъ!

— Итакъ, познайте, ваше превосходительство, я призванъ былъ въ царскіе чертоги для чтенія моего творенія... Весь знаменитый дворъ стекся внимать мнѣ. Не зналъ я, какую позицію принять, чтобы соблюсти достодолжное благоговѣніе предъ богоподобною Анною... разсудилъ за благо стать на колѣна... и въ такой позитурѣ прочелъ почти цѣлую пѣсню... Хвалы оглушали меня... Сама государыня благоволила подняться съ своего мѣста, подошла ко мнѣ и отъ всещедрой своей десницы слегка потрепала меня по щекѣ.

Тутъ Волынскій едва не лопнулъ со смѣха; Зуда закусилъ себѣ губы.

— Она едва-едва коснулась моей ланиты, рой блаженства облѣпилъ все мое естество. Не памятую, что со мною тогда совершалось, памятую только, что это прикосновеніе было нѣчто между трепаніемъ руки и теплымъ дуновеніемъ зефира. Проникнутое, пронзенное благодарностью сердце бьетъ кастальскимъ ключемъ, чтобы воспѣть толикое благоденствіе, ниспосланное на меня вознесенною превыше всѣхъ смертныхъ.

— Поздравляемъ тебя отъ чистаго сердца, — сказалъ Волынскій.

Не зная, какъ освободиться отъ энтузіасмуса своего гостя и, между тѣмъ, боясь оскорбить его крутымъ переходомъ къ тому предмету, который лежалъ у него

на сердцѣ, онъ спросилъ будущаго профессора элоквенціи, что у него за книга подъ мышкою.

— А именно эта книжица есть вина предшедшаго и вѣчно незабвеннаго событія. Ее велѣно... (вы понимаете, кто велѣлъ)... показать вамъ... Я имѣю довольно свободнаго времени, чтобы повѣствовать вашему превосходительству сіе происшествіе въ достодолжномъ порядкѣ.

— Много чести; зачѣмъ безпокоиться:

— Сіе безпокойство есть для меня репетиція моего благополучія.

Кабинетъ-министръ внутренно досадовалъ; но, желая разобрать смыслъ намека на знаменитую книжицу, потребовалъ ее къ себѣ и присовокупилъ, что онъ, между тѣмъ, будетъ слушать поэта внимательно, съ тѣмъ, однакожъ, уговоромъ, чтобы онъ обрадовалъ его секретною вѣсточкой. Василій Кирилловичъ улыбнулся, показалъ таинственно на сердце, мигнулъ глупо-лукаво на Зуду, какъ-бы считая его помѣхою, и поспѣшилъ обратиться къ своему любезному предмету.

— Вотъ извольте видѣть, высокомощный господинъ, эта книжица есть...

Тутъ Василій Кирилловичъ началъ говорить, и говорилъ о Гомерѣ, Виргиліѣ, Камоэнсѣ, о богахъ и богиняхъ, что утомилъ терпѣніе простыхъ смертныхъ. Зуда незамѣтно ускользнулъ изъ кабинета; въ слухъ Артемія Петровича ударяли одни звуки безъ словъ — такъ мысли его были далеки отъ его собесѣдника. Перебирая листы «Телемахиды», онъ нашелъ закладочку... На ней, въ нѣсколькихъ словахъ, заключалось для Волынскаго все высокое, все изящное, о чемъ ораторъ напрасно цѣлые полчаса проповѣдывалъ; на

ней было начертано: «*Маріорица; твоя Маріорица — скучно Маріорицѣ*»! Слова эти горѣли въ глазахъ влюбленнаго Волынскаго; онъ видѣлъ ужь впереди, и очень близко, шифры, переплетенные огнемъ, пылающіе алтари, потаенныя бесѣдки, всю фантасмагорію влюбленныхъ. Чего не изъяснилъ онъ, не перевелъ, не дополнилъ въ этихъ словахъ! Любовь, скорѣе всякаго профессора, научитъ анализу того, что говоритъ любовь.

— О Маріорица! милая Маріорица! — думалъ онъ, — мы и заочно чувствуемъ одно; намъ уже скучно другъ безъ друга. Ты теперь между шутами, принуждена сносить плоскости этихъ двуногихъ животныхъ; передо мною такой-же шутъ, котораго терплю потому только, что онъ бываетъ у тебя, что онъ съ тобою часто говоритъ, что онъ приноситъ отъ тебя частичку тебя, вещи, на которыхъ покоилась прелестная твоя ручка, слова, которыя произносили твои горящія уста, слѣдъ твоей души.

Въ то самое время, когда Волынскій, влюбчивый, какъ пылкій юноша, бесѣдовалъ такимъ образомъ съ своею страстью, портретъ его жены, во всемъ цвѣтѣ красоты и счастія, съ улыбкою на устахъ, съ вѣнкомъ на головѣ, бросился ему въ глаза и, какъ-бы отдѣлясь отъ стѣны, выступилъ ему на встрѣчу. Совѣсть заговорила въ немъ, но надолго-ли?... Взоры его обратились опять на магическія слова: «*твоя Маріорица*», и весь міръ, кромѣ нея, былъ забытъ.

И вотъ кабинетъ-министръ, въ восторгѣ своего счастія, взглянулъ на небо, какъ бы прося исполнить корѣй преступныя его желанія.

— О побѣда! о вѣнецъ труда великаго! — восклик-

нулъ съ радостнымъ лицомъ Василій Кирилловичъ, полагая, что восторженное движеніе Волынскаго относилось къ одному мѣсту изъ его поэмы. — Какое же мѣсто привело васъ въ такой энтузіасмусъ? соблаговолите указать торжествующему родителю на его дѣтище, чтобъ онъ могъ самъ поласкать его.

Волынскій смутился, какъ бы пойманный въ преступленіи, поспѣшилъ спрятать закладку въ карманъ, бросилъ взоры на угадъ въ книгу и, настроивъ свой голосъ на высокій ладъ, прочелъ:

«Видятъ они [1]) весь шаръ земли какъ блатную грудку:
Всѣ-жъ преобширны моря имъ кажутся водными капли,
Копни грязпая кочечка-та по мѣстамъ окроплена».

— Это мѣсто превосходно! исполнено силы, велелѣпія! Я ничего подобнаго не знаю.

— Го, го, го! есть мѣста еще лучше. Если дозволите прочесть вашему признательному піиту!... Напримѣръ, когда Калипса, воспаленная *паренкомъ* любви и ревностью, даетъ *окрикъ* на Тилемаха и *дядьку* его.

Здѣсь Василій Кирилловичъ всталъ и, самъ воспалясь гнѣвомъ, замахавъ руками, вскричалъ такъ, что по сердцу собесѣдника его пробѣжала дрожь:

«Прочь отъ меня, прочь далѣй, прочь вертопрашный дѣтина!
Съ нимъ же ты совокупно прочь, старичишка безмозглый!
Ты почувствуешь, мощенъ колико гнѣвъ есть богининъ,
Ежели не отвлечешь его ты вскорѣ отсюду.
Больше видѣть его не хочу; и къ тому не терплю я,
Чтобъ которая изъ нимфъ слово спустила,
Иль на него чтобъ невозбранно коя смотрѣла».

[1]) Боги

— Чувствуете-ли, ваше превосходительство, какую красоту причиняетъ слово: *прочь*, четырежды повторенное. Это по нашему называется: фигура усугубленія.

«Духъ мучитель!»—подумалъ Волынскій, истерзанный самолюбіемъ сочинителя, и сказалъ вслухъ:

— Хорошаго понемногу, Василій Кирилловичъ! Дайте мнѣ отдохнуть отъ красоты одного образцоваго мѣста, великій мужъ!

— Ага, ваше превосходительство, вы истинный меценатъ, вы постигли меня, вы отдаете мнѣ справедливость. Но я повѣдаю вамъ анекдотецъ, какъ ошибаются и великіе люди. Теперь, не краснѣя, смѣю предъявить его во услышаніе міра, ибо я на предметъ своей знаменитости успокоенъ. Пускай букашки, цѣпляясь за былинки, топорщатся на парнасусъ; пусть рыбачишка холмогорскій въ нѣмецкой землѣ пищитъ и верещитъ на *сопѣлкѣ* свою одишку «на взятіе Хотина», которую несмысленные цѣнители выхваляютъ до небесъ, моя труба зычитъ во всѣ концы міра и заглушитъ ее; пѣсенка потонетъ въ 22,205 стихахъ моей піимы! 22,205 вѣрнѣйшимъ счетомъ!... Не легко сказать; возьмись-ка кто написать!... Сколько ни обгложутъ изъ нихъ мои зоилы, сирѣчь завистники, все останется мнѣ ихъ довольно для существованія въ потомствѣ.

— Скорѣй къ повѣствованію, Василій Кирилловичъ, и потомъ жаждущему хоть каплю воды; одно слово о княжнѣ. Когда ты скажешь мнѣ его, я велю принесть подарочекъ...

Глаза будущаго профессора элоквенціи заблистали огнемъ. Онъ разсыпался въ благодарности, окрылился и повѣствовалъ.

— Итакъ, я повѣдаю вашему превосходительству вкратцѣ анекдотецъ о себѣ и о Петрѣ Великомъ. Извольте видѣть, что я обучался элементамъ наукъ и древнихъ языковъ въ архангельской школѣ. Уже въ лѣтахъ младыхъ я обѣщалъ въ себѣ изобильныя надежды. Единожды, когда соблаговолилъ посѣтить нашъ вертоградъ, блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Государь Петръ I, профессоръ подвелъ меня къ его императорскому величеству, яко вельми прилежнаго и даровитаго студента по всѣмъ вѣтвіямъ наукъ, особенно въ реторикѣ и піитикѣ. Еле 14-лѣтній паренище, я выучилъ наизусть главу *«объ изобрѣтеніи»* со всѣми цитатами и эпиграфами, какъ «Помилуй мя, Боже», и сочинилъ стихословный акростихъ: *«Како подобаетъ чествовати боговъ земныхъ?»* Сей акростихъ былъ поднесенъ его императорскому величеству, и онъ, возрѣвъ, соблаговолилъ изречь: *«Лучше-бъ написалъ онъ мнѣ о рыбной ловлѣ здѣшняго края!»* Ге, ге, ге, о рыбной ловлѣ: замѣтьте, ваше превосходительство! Осмѣлюсь присовокупить, впрочемъ не утруждая вашего драгоцѣннаго вниманія: Петръ Алексѣевичъ хотя и былъ государь премудрый, но въ реторическихъ извитіяхъ не обращался, греческаго и латинскаго языковъ не любилъ. Сожалительно весьма, чего-бы онъ съ познаніемъ ихъ не сотворилъ! Но обращаюсь къ сущему повѣствованію. Потомъ всемилостивѣйшій государь, блаженныя и вѣчно-достойныя памяти, соблаговолилъ подойти ко мнѣ, выведенному изъ ряду прочихъ школьниковъ, поднялъ державною дланью волосы на головѣ моей и, взглянувъ пристально мнѣ въ очи, и скиптроносною ударивъ по челу моему, произнесъ: *О! этотъ малой труженикъ: онъ мастеромъ никогда не будетъ»*.

И я дерзаю днесь изрещи: *Петръ былъ государь великій: но во мнѣ-то и ошибся!* Приникни нынѣ, о тѣнь божественная, на мою «Телемахиду», на Ролленя дважды въ 24 томахъ, и сознайся предъ ними въ своей опрометчивости.

Волынскій очень смѣялся этому анекдоту; но чтобы раздѣлаться съ своимъ мучителемъ и разомъ прекратить его повѣствованіе о себѣ, которое могло-бы вновь затянуться до безконечности, велѣлъ арабу принести обѣщанный подарокъ. Между тѣмъ рѣшительно приступилъ къ Тредьяковскому, чтобъ онъ безъ дальней благодарности и витійства далъ ему вѣсть о молдованской княжнѣ.

Василій Кирилловичъ разсказалъ за тайну, что ея сіятельство была очень скучна, узнавъ, что его превосходительство сдѣлался нездоровъ, что она разспрашивала, всѣ ли красавицы петербургскія ѣздятъ ко двору и нѣтъ ли какой въ городѣ, ей неизвѣстной; когда-жъ Василій Кирилловичъ, какъ новый Парисъ, вручилъ ей золотое яблоко, она казалась очень довольною. Далѣе спрашивала объ играхъ и затѣяхъ святочныхъ, собиралась, нынѣ же, когда мѣсяцъ станетъ уклоняться къ полуночи, выдти съ подругами своими на крыльцо и погадать о суженомъ; наконецъ, во время урока, принялась чертить свое имя и еще кое-что... Но, несмотря на старанія учителя взять эту записочку, Маріорица никакъ не согласилась отдать ее, боясь, что она попадетъ въ руки Артемія Петровича.

Мы видѣли, однакожъ, что эта самая записка очутилась въ «Телемахидѣ», между листами, вмѣсто закладки, и дошла, къ кому слѣдовала: такъ-то хитра любовь женщины! Вѣрьте, что она, когда нужно, про-

ведетъ не только профессора краснорѣчія, но и посѣдѣлаго въ дипломатіи мужа.

Утѣшенный Волынскій, съ новымъ запасомъ для своихъ волшебныхъ замковъ, выпроводилъ отъ себя Тредьяковскаго, а этотъ, уложивъ въ свой табачный, носовой платокъ богатую пару платья, ему подаренную, и свою «Телемахиду», отправился съ этимъ сокровищемъ домой. Вслѣдъ за его отбытіемъ пришли доложить кабинетъ-министру, что какія-то святочныя маски просятъ позволенія явиться къ нему. Велѣно пригласить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕРЯЖЕНЫЕ

„Послушай", говоритъ: „коль ты, умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ простятъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!"

Крыловъ.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали;
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали.

Жуковскій

Еще на лѣстницѣ послышались пѣсни, хохотъ, писк, кваканье, говоръ на разные голоса. И какая бѣда съ профессоромъ элоквенціи. Ему на встрѣчу ватага переряженныхъ. Его оглушили, засвистали, защекотали; отъ парика его пошла пудра столбомъ. Въ этой суматохѣ онъ думалъ не о себѣ; нѣтъ, великій мужъ мыслилъ, подобно Камоэнсу, гибнущему въ морѣ, о спасеніи «Телемахиды» и праздничной пары. Жалѣя о своемъ дѣтищѣ, которое могло-бы пострадать отъ приступа маскарадныхъ героевъ, онъ повернулъ медвѣжьи стопы назадъ: его заперли и увлекли. Какъ огромный гремучій змѣй втянулись они въ залъ, составили «польскій», сгибаясь въ кольца и разгибаясь въ безчисленныхъ изворотахъ, но не выпуская изъ

своего круга бѣднаго, измученнаго кропателя стиховъ. Тутъ были инка, грандъ и донна, испанцы только по женскимъ мантильямъ, на нихъ накинутымъ, и по перьямъ на шапочкахъ съ брилліантовыми аграфами. Шлейфъ донны несли два карла. Сбитеньщикъ, съ огромнымъ подушечнымъ брюхомъ, давалъ руку турку, трубочистъ, съ знатнымъ аріергардомъ на спинѣ,—великолѣпной Семирамидѣ въ фижмахъ, чертенокъ—капуцину. Тутъ выступалъ журавль, у котораго туловище было изъ вывороченной шубы калмыцкаго мѣха, шея изъ рукава, надѣтая на ручку половой щетки, носъ изъ расщепленной на-двое лучины, а ноги — просто человѣческія, въ сапогахъ. Рядомъ ревѣлъ и медвѣдь: эту роль игралъ человѣкъ въ медвѣжьей шубѣ, вверхъ шерстью. Однимъ словомъ, тутъ полный доморощенный маскарадъ, какой только младенческое искусство тогдашняго времени могло устроить. Въ затѣяхъ подобнаго рода наши предки не были изящны; зато они веселились не равнодушно, не жеманно. Одинъ только рыцарь, запаенный съ ногъ до головы въ благородный и неблагородный металлъ, отличался приличіемъ и богатствомъ своей одежды; онъ одинъ хранилъ угрюмое молчаніе. Замѣтно было по жилистымъ, полновѣснымъ ручкамъ донны и Семирамиды, что онѣ способны управлять не иглой, а палашомъ.

Одна изъ масокъ остановилась въ сѣняхъ, ей—на встрѣчу барская барыня.

— Что новаго?—спросила первая.

— Цыганка послѣ смотра долго оставалась наединѣ съ бариномъ, — отвѣчала вторая на ухо переряженному, — допытайте ее хорошенько... За мной строго присматриваютъ...

Разговаривавшіе послышали шумъ шаговъ внизу лѣстницы, и бросились каждый въ свою сторону.

Прервавшій ихъ тайную бесѣду былъ волшебникъ въ высокой, островерхой шапкѣ и въ долгополой мантіи съ іероглифами и зодіаками, съ длинною тростью въ одной рукѣ и урной въ другой.

Гости очень веселились, танцовали живо, какъ молодые, плясали уморительно по-стариковски, приводя въ движеніе подушки, которыми обвязались; закидывали хозяина вопросами на разные чудные голоса, пускали шутихи остроумія и, повременамъ, намекали ему о нѣкоторыхъ тайнахъ его, извѣстныхъ только его друзьямъ. Это мучило Артемія Петровича; онъ не выдержалъ и приказалъ *маршалку* вывѣдать отъ кучеровъ, стоявшихъ у подъѣзда, кто были переодѣтые. Кучера сначала отговаривались, но гривна на водку вся открыла: они разсказали, что главныя маски были гофъ-интендантъ Перокинъ и тайный совѣтникъ Щурховъ, друзья Волынскаго, съ своими близкими. Узнали еще, что этотъ маскарадъ возвращался уже изъ дворца, гдѣ увеселялъ больную государыню. Въ самомъ дѣлѣ, Артемій Петровичъ, сличая ростъ и ухватки своихъ друзей, увѣрился, что это точно они, да и карлы были тѣ самые, которыхъ онъ видалъ у Перокина и Щурхова. Вельможи эти были не молодыхъ лѣтъ, но въ тогдашнее, нещекотливое на приличіе время, старость и знать подъ веселый часъ любили подобныя затѣи, въ кругу пріятельскомъ или по закону государыни.

Турокъ потребовалъ питья у сбитеньщика, и этотъ налилъ ему изъ своей баклаги густого токая.

— Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ,—вскричалъ Артемій Петровичъ,—стаканъ въ

дребезги — и далъ приказъ расшевелить всѣ углы домашняго погреба, завѣтнаго хранилища богатыхъ заморскихъ винъ.

Пиръ поднялся горой; стопы и чары, постукивая, начали ходить кругомъ; разлилось море вина, хоть купайся въ немъ. Инка, турокъ, Семирамида пили по-русски. Капуцинъ, осушая стопу, ссылался, что соблазнилъ его нечистый, а бѣсъ приговаривалъ, что, попавъ въ общество капуцина, поневолѣ научишься пить. Гости продолжали говорить не своими голосами, изрѣдка обстрѣливая Бирона и его приверженцевъ; хозяинъ, увлекаясь живостью своего характера, не выдерживалъ и осыпалъ герцога посылками съ убійственной начинкой. Только долговязый рыцарь молчалъ, какъ нѣмой, но пилъ за двоихъ. Надо оговориться, что Артемій Петровичъ, давъ слово гостямъ не нарушать ихъ маскарадной тайны, свято исполнилъ его; гостямъ-же бумажныя забрала позволяли, осушая стопы, сохранить свое инкогнито. Между тѣмъ Зуда съ ужимочками, съ улыбочками и привѣтствіями подходилъ то къ одной, то къ другой маскѣ, и каждаго ощупывалъ по роду его отвѣтовъ.

— Ахъ! — возопилъ инка, — изъ столицы солнца, гдѣ жгли меня и лучи его и жаровни испанцевъ, я прибѣжалъ прохладиться въ Россію.

— Ошиблись, ваше индѣйское величество! — подхватилъ Волынскій, — здѣсь научились жарить на морозѣ безъ огня и угольевъ.

Индѣецъ посмотрѣлъ на бѣса, бѣсъ на индѣйца, а хозяина въ это время дернулъ за полу кафтана волшебникъ.

— Кой чортъ его дергаетъ! — вскричалъ Волын-

скій.—Да, братецъ, господинъ волшебникъ, эта наука не доморощенная, привезена къ намъ изъ-за моря не русскимъ вельзевуломъ.

— Не русскимъ! да изъ какой-же земли? — спросилъ грозно турокъ.

— Пасую отвѣтомъ!—закричалъ чертенокъ.

— Изъ земли выходцевъ, гдѣ главныя достоинства счастіе и отвага,—прервалъ Волынскій,—жалъ только, что онъ не нашъ выходецъ, и на вѣки!

— Хватъ! перещеголялъ и меня!—восклицалъ бѣсъ, хлопая въ ладоши.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, братецъ, — спросилъ шопотомъ сбитеньщикъ Артемія Петровича, отведя его въ уголъ залы:—кто это волшебникъ?

— Да вѣдь онъ съ вами пріѣхалъ?

— Нѣтъ, онъ увязался за нами на лѣстницѣ, не шпіонъ-ли герцога?

— А вотъ я скоро съ нимъ раздѣлаюсь, сдерну съ него фальшивую рожу.

— Постой, два слова...

— Боже! онъ погубитъ себя!—шопотомъ говорилъ Зудѣ волшебникъ, отведя его въ сторону, — онъ вѣрно принимаетъ его за друга... Сердце замираетъ отъ мысли, что онъ проговорится... Онъ съ бѣшенствомъ на меня посмотрѣлъ, грозился на меня, показывалъ, что сдернетъ съ меня маску... Я погибъ тогда. Отведи его, ради Бога!

— А меня ты узналъ скоро? — спросилъ сбитеньщикъ хозяина.

— Разомъ.

— Кто-жъ я?

— Перокинъ.

— Плутище!

— Въ другой разъ прячь получше свои толстыя жабры, пышныя губки и бородавку на ухѣ, а карломъ своимъ не хвастайся.

— Есть-ли новости, братъ?

— О, важныя! Малороссіянинъ...

— Ну что? тише...

— И мертвъ, и живъ.

— Что за притча!—Какимъ-же образомъ?

— До васъ я только-что получилъ...

— Сюда, Артемій Петровичъ! время не терпитъ!— вскричалъ страннымъ голосомъ Зуда, увлекая за собою упиравшагося волшебника:—плутоватъ, какъ Макіавель!

— Макіавель? — повторилъ Волынскій, — я разомъ къ тебѣ буду,—прибавилъ онъ, обратясь къ сбитеньщику, и бросился въ ту сторону, гдѣ Зуда возился съ астрологомъ.

Этотъ отъ Волынскаго, далѣе и далѣе, и въ противный уголъ залы, гдѣ никого не было.

— Вы губите себя,—сказалъ онъ Артемію Петровичу, схватя его за руку и легонько пожавъ ее.

Зуда присовокупилъ шопотомъ:

— Слушайте его, а не то бѣда! — потомъ сказалъ вслухъ,—колдунъ вовсе не пьетъ.

— Избавьте меня! — умолялъ жалобнымъ голосомъ астрологъ,—за то я предскажу вамъ будущность вашу. Выньте изъ урны вашъ жребій.

— Посмотримъ, посмотримъ!

Хозяинъ опустилъ въ волшебный сосудъ руку, между тѣмъ чародѣй протяжно запѣлъ непонятныя слова, какъ муэззинъ взываетъ на минаретѣ къ молитвѣ.

— Эй, люди, сюда!—закричалъ Волынскій, — держите его! бѣда колдуну, если онъ напророчитъ мнѣ худое: утоплю его въ винѣ.

Человѣка три ухватились за волшебника; изъ нихъ и Зуды составилась порядочная группа, почти закрывавшая главныя лица этой сцены. Молчаливый рыцарь всталъ съ своего мѣста, и не слыша, что они говорили между собою, впился въ ихъ душу глазами, сверкающими изъ-подъ маски, которую въ это время коробило.

Волынскій вынулъ изъ урны свернутую бумажку и прочелъ.

«Берегитесь! всѣ ваши гости лазутчики Бирона, выучившіе роль вашихъ друзей и пріѣхавшіе къ вамъ подъ именами ихъ. Они хотятъ втереться къ вамъ въ кабинетъ. Не оскорбляйте рыцаря: это братъ герцога».

Рука записки была та же, которая писала длинное, таинственное посланіе.

— Хитрая штука! — вскричалъ хозяинъ, стараясь не казаться озабоченнымъ. — Предсказывать, что мнѣ не будетъ болѣе успѣха въ волокитствѣ!... Качать его за то!... Эй, качать колдуна! — Осторожнѣе! — прибавилъ онъ потихоньку одному изъ своихъ слугъ, взявшихся за волшебника.

И двадцать молодцовъ, исполняя свято приказъ господина, подъ ладъ пѣсни бросали гостя вверхъ, какъ мячикъ, и принимали его бережно на руки, будто на пуховики. Между тѣмъ Артемій Петровичъ шепнулъ подъ шумокъ одному изъ своихъ слугъ, чтобы стерегли входъ въ кабинетъ, отослали домой сани пріѣхавшихъ гостей и запрягли три удалыхъ тройки съ собственной его конюшни, потомъ, возвратясь къ мни-

мому Перокину, продолжалъ начатый съ нимъ разговоръ.

— Вотъ видишь, любезный другъ,—сказалъ онъ,—я только-что предъ вами получилъ прошеніе на имя государыни за подписью какого-то Горденки и еще нѣсколькихъ важныхъ лицъ. Въ немъ описываются злодѣянія Бирона. Но — слышишь? просятъ вина! Не взыщи. Завтра въ 8 часовъ утра пріѣзжай ко мнѣ съ нашими задушевными — я вамъ разскажу все подробно.

— Зачѣмъ откладывать?... завтра... что-нибудь помѣшаетъ...

— Насъ могутъ услышать.

— Войдемъ въ кабинетъ...

— Не могу, право слово!... Эй! маршалокъ! бокалъ сюда! — закричалъ грозно Волынскій, приставъ къ шумящимъ гостямъ, и запѣлъ! «*Чарочка моя, серебряная, кому чару пить, кому выпивать...*» Да какая-же чара!—прибавилъ онъ, наливая бокалъ,—не только съ хмѣлькомъ, да и съ зельцомъ...

— *Выпивать ее Артемію Петровичу*,—запѣли два, три голоса съ коварною усмѣшкой.

— А я такъ думаю, всѣмъ гостямъ моимъ,—возразилъ съ такою-же усмѣшкой хозяинъ.

И чара обошла всѣхъ гостей, кромѣ волшебника, успѣвшаго скрыться.

— Эй! скорѣй еще вина!

Чертенокъ, воспользовавшись обращеніемъ Волынскаго къ своему дворецкому, погрозилъ вслѣдъ ему пальцемъ и примолвилъ:

— Послѣ такихъ винъ, какъ твои, господинъ хозяинъ, и ты не увернешься отъ нашихъ когтей

На эту шуточную угрозу, Волынскимъ услышанную, онъ отвѣчалъ:

— У насъ, по милости хозяина, во всякое время найдется довольно винъ, чтобы виноватымъ быть. Бѣда, бѣда сбитеньщику! За нимъ я вижу опять недоимка. Зуда, не отходи отъ него, пока не очиститъ, а то въ доимочный приказъ и на морозъ босыми ногами.

— Что скажете вы на все это, господинъ рыцарь?—спросилъ чертенокъ молчаливаго крестоносца.

Рыцарь молча ударилъ по эфесу меча своего.

— Ошиблись, господинъ! вы вмѣсто сѣкиры привѣсили благородный мечъ, — сказалъ Волынскій горячась.

— Не миновать тебѣ и ея!—былъ отвѣтъ рыцаря, какъ будто вышедшій изъ могилы.

Хозяинъ вспыхнулъ, но старался скрыть свое негодованіе.

— Что-то помалчиваетъ наша Семирамида?—лукаво спросилъ инка.

— Она горюетъ, — продолжалъ Волынскій, — что ошиблась въ выборѣ своего рыцаря. Но добрая Семирамида узнаетъ когда-нибудь свою ошибку—къ чорту угрюмаго конюшаго (при этихъ словахъ рыцарь нахохлился) и блаженство польется въ ея странѣ, какъ льется теперь у насъ вино. Друзья, за здравіе Семирамиды!

— За здравіе Семирамиды!—воскликнули гости, и стопы зазвучали.

— «Виватъ!»—возгласилъ турокъ.

— «Ура»! родное «ура»!—закричалъ хозяинъ.

— Виватомъ у насъ въ Петербургѣ встрѣчаетъ войско свою государыню.

— Войску велятъ нѣмцы-командиры, а намъ кто указываетъ! «Ура!» многія лѣта царицѣ! вѣки безконечные ея памяти!

— Слышишь?—сказалъ чертенокъ шопотомъ, толкнувъ монаха:—«память ей вѣчная!»

— Да, да, я слышалъ,—отвѣчалъ капуцинъ,—слышалъ вѣрно и благородный рыцарь. Мы всѣ свидѣтели; отъ этого онъ не отопрется.

Волынскій подошелъ къ своимъ слугамъ и приказалъ, чтобы качали поперемѣнно всѣхъ его гостей.

— Бойчѣе! — прибавилъ онъ мимоходомъ: — разомните имъ кости!

Этотъ приказъ развязалъ руки качальщиковъ. Надо было видѣть, какъ летали турокъ, чертенокъ, капуцинъ и прочія маски. «Злодѣи! разбойники! тише, родные, пощадите!—кричали они, посылаемые сильными руками къ потолку. При этомъ дѣйствіи славили гостей подъ именами Перокина, Шурхова и другихъ, за кого приказано было людямъ принять ихъ. Едва унеся свое тѣло и душу изъ этой потѣхи, они еще принуждены были щедро наградить *за славленіе:* такъ водилось у нашихъ предковъ. Перокинъ болѣе всего держался за свои уши, бородавка на одномъ изъ нихъ не уцѣлѣла. Волынскій притворился, будто этого не замѣтилъ. Грозный рыцарь, по просьбѣ его товарищей, Семирамида, изъ уваженія къ ея высокому сану и полу, и Тредьяковскій, который уже храпѣлъ на стулѣ въ углу комнаты, обнявъ крѣпко свою «Телемахиду», одни избавились отъ торжественнаго возношенія подъ потолокъ.

— Умирать!—закричалъ Волынскій, ставъ на средину зала.

И вся многочисленная дворня, бывшая въ комнатѣ, окруживъ своего владыку и преклонивъ голову, пала къ нему въ ноги, какъ морскія волны, прибитыя взмахомъ вѣтра къ подножію колонны, стоящей посреди пристани. Нѣсколько минутъ лежали слуги, будто мертвые, не смѣя пошевелиться, но вдругъ, по одному мановенію своего господина, встали, затянувъ ему громкую пѣсню славы. Подъ ладъ ея подняли его на руки и осторожно покачали. Когда-жъ эта русско-феодальная потѣха кончилась, Волынскій нарядился въ богатый кучерской кафтанъ и предложилъ своимъ гостямъ прокатиться.

Согласились тѣмъ охотнѣе, что замашки хозяина грозили ужь опасностью. Каково-жъ было ихъ изумленіе и страхъ, когда они, вмѣсто своихъ экипажей, нашли у подъѣзда сани съ людьми, имъ вовсе незнакомыми? Три бойкія тройки, прибранныя подъ масть, храпѣли и рыли снѣгъ отъ нетерпѣнія.

— Извините, друзья,—сказалъ Волынскій: — ваши сани отосланы. Размѣщайтесь смѣлѣе; я васъ покатаю и развезу по домамъ.

Незваные гости не знали, какъ вырваться изъ западни: надобно было согласиться и на это предложеніе хозяина, который въ подобныхъ случаяхъ не любилъ шутокъ, и постараться, во время катанія, ускользнуть отъ него по-добру, по-здорову. Когда-жъ почти всѣ маски размѣстились, продолжая свое инкогнито, Артемій Петровичъ приказалъ кучерамъ на двухъ саняхъ, при которыхъ на облучкахъ усѣлись еще по двое дюжихъ лакеевъ, чтобъ они умчали своихъ сѣдоковъ на «Волково поле» и тамъ ихъ оставили.

— Слышите! на «Волковомъ полѣ» сбросить ихъ!— произнесъ онъ грозно;—потомъ, обратясь къ гостямъ, прибавилъ:—шутка за шутку! прощайте, господа! Теперь смѣйтесь на мой счетъ, сколько вамъ угодно! катай!...

Несчастные жалобно возопили, но кучера гаркнули, свистнули, полозья засипѣли, бубенчики на лошадяхъ залепетали, и въ одинъ мигъ сани, навьюченныя жертвами шпіонства, исчезли изъ виду.

— Теперь,—сказалъ Волынскій, садясь кучеромъ въ третьи сани, гдѣ помѣстился рыцарь печальнаго образа, довольно нагруженный виномъ, и обратясь къ нему:—позвольте отвезть вашу свѣтлость къ лѣтнему дворцу. Вы уже довольно наказаны страхомъ и, прибавлю, стыдомъ, что попали въ шайку подлыхъ лазутчиковъ. Знайте, за часъ до вашего пріѣзда меня извѣстили о вашемъ посѣщеніи, и потому я приготовился васъ встрѣтить. Мои шпіоны не хуже герцогскихъ. Вы, думаю, поймете, что шутками на счетъ вашего брата хотѣлъ я только доставить вамъ и вашимъ товарищамъ пищу для доноса. Увѣрьте, однакожъ, его свѣтлостъ, что какъ я, такъ и друзья мои никогда не потерпимъ личнаго оскорбленія, даже и отъ него. Мы спокойны: клеветѣ и зависти не сдѣлать бѣлаго чернымъ. Преданность наша государынѣ всѣмъ извѣстна: должнаго уваженія нашего къ герцогу мы никогда не нарушали. Но для всякой предосторожности, чтобы не перетолковали въ худую сторону моихъ шутокъ, нынѣ-жъ донесу ему обо всемъ, случившемся въ моемъ домѣ, и объ оскорбленіяхъ, мнѣ лично сдѣланныхъ людьми, играющими роль его лазутчиковъ. Надѣюсь, если вы не хотите, чтобы ны-

нѣшняя исторія извѣстна была государынѣ, и вы подтвердите мое донесеніе. Вотъ «Лѣтній дворецъ!» извольте сойти, цѣлы и невредимы; благодарите за то родству вашему съ герцогомъ курляндскимъ. Покойной ночи, Густавъ Биронъ!

Не отвѣчая ничего, со стыдомъ вышелъ рыцарь изъ саней и скрылся у входа въ жилище герцога. Остававшаяся при немъ свита выпрыгнула за нимъ, какъ лягушки, распуганныя на берегу, опрометью бросаются въ свое болото. Не такъ хорошо кончили свое ночное поприще ихъ пріятели. По буквальному тексту даннаго приказа, они выброшены на Волковомъ полѣ, получившемъ свое знаменитое названіе отъ волковъ, приходившихъ туда каждую ночь доканчивать тѣхъ, которые при своей жизни не были пощажены жестокостью собратій, а по смерти ихъ пренебреженіемъ.

Маски въ лунную ночь на кладбищѣ—и еще какомъ, Боже мой!—гдѣ трупы не зарывались—инка, Семирамида, капуцинъ, чертенокъ, это разнородное собраніе, борющееся съ мертвецами, которые, казалось имъ, сжимали ихъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ, хватали когтями, выростали до неба и преслѣдовали ихъ стопами медвѣжьими; стая волковъ, съ вытьемъ отскочившая при появленіи неожиданныхъ гостей и ставшая въ чуткомъ отдаленіи, чтобы не потерять добычи: таковъ былъ *дивертисементъ*, приготовленный догадливою местью героямъ, храбрымъ только на доносы. Къ довершенію ихъ горя, надо было имъ пройти до своихъ квартиръ нѣсколько верстъ пѣшкомъ и на морозѣ.

Торжествующій Волынскій, обѣщаясь быть впередъ осторожнѣе (что онъ не разъ уже обѣщалъ), отослалъ

слугъ домой и въ кучерской одеждѣ поѣхалъ шагомъ мимо «Зимняго дворца».

Луна, полная и свѣжая, какъ дѣва, точько-что достигшая періода своей физической образованности, выказывала на голубомъ небѣ округленныя, роскошныя формы свои: то едва закрывалась сквозной косынкой облачка, то шаловливый вѣтерокъ сдергивалъ ее. Ночь была такъ свѣтла, что можно было читать. На улицахъ никого. Тишина и игра луннаго свѣта придавали этой ночи какую-то таинственность. По луговой линіи во всѣхъ домахъ огни были погашены; одѣтыя къ сторонѣ дворца мракомъ, зданія стали, какъ угрюмые исполинскіе стражи его, и простерли тѣнь свою, будто огромные зазубренные щиты. Одинъ дворецъ изукрашенъ былъ огнями, игравшими сквозь окна, какъ золотая фольга, и, затопленный свѣтомъ луны, благопріятно обратившейся къ нему лицомъ, блестѣлъ міріадою снѣжныхъ брилліантовъ. Воображая себя витяземъ нашихъ сказокъ, катился Волынскій по снѣжному полотну мимо этихъ волшебныхъ палатъ, гдѣ жила его княжна. Словно духи, его преслѣдовавшіе, тѣни отъ коней его то равнялись со дворцомъ, то далеко убѣгали, ложась по берегу Невы.

Разъ проѣхалъ мнимый ямщикъ подъ самыми окнами Маріорицы и мимо маленькаго дворцоваго подъѣзда. Какая досада! никого не видно. Въ другой, объѣхавъ двѣ, три улицы и возвращаясь опять къ крыльцу, какъ бы очарованному для него, онъ замѣтилъ издали мелькнувшія изъ сѣней головы. Ближе—нельзя сомнѣваться: это головы женскія. На лѣстницѣ, сошедшей въ улицу, захрустѣлъ снѣгъ подъ ножками; хрунстло

и сердце у Волынскаго. Сильною рукою замедляетъ онъ шагъ лошадей.

Дѣвушки смѣялись, бросали свои башмачки, спрашивали служанку, ходившую поднимать ихъ, въ какую сторону легли они носкомъ, рѣзвились между собою, пололи снѣгъ и, наконецъ, увидѣвъ мимо ѣхавшаго ямщика, начали споръ. «Спроси ты»,—говорила одна. «Нѣтъ, ты! нѣтъ, ты!»—слышалась перестрѣлка гоненькихъ, нѣжныхъ голосовъ,—голосовъ, заставляющихъ прыгать всѣ струны нашего сердца, особенно когда раздаются въ святочную ночь, въ таинственной ея тиши, когда и живописецъ-мѣсяцъ очерчиваетъ для васъ пригожія личики говорящихъ. Наконецъ, одна осмѣлилась, и спросила мнимаго ямщика:

— Какъ тебя зовутъ, дружокъ?

Волынскій содрогнулся и невольно остановилъ лошадей; въ этомъ вопросѣ онъ узналъ звуки Маріорицына голоса.

— Артеміемъ, сударыня!—отвѣчалъ онъ, скинувъ шапку.

— Артемій?—повторила задумавшись молдаванская княжна, и кровь ея, поднявшись быстро отъ сердца въ лицо, готова была брызнуть изъ щекъ.

— Артемій?—закричали смѣясь дѣвушки: — какое дурное имя!

— Неправда, оно мнѣ нравится, — подхватила княжна.

— Кто бы это былъ вашъ суженый?—продолжали ея подруги. — Всѣ, кого мы знаемъ, не пара вамъ—или дуренъ, или женатъ.

«Я знаю моего суженаго, моего неизбѣжнаго», ду-

мала Маріорица, и молчала, пылая отъ любви и чувства фатализма.

Дѣвушки перешептывались, а лихой ямщикъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ; наконецъ и онъ осмѣлился обратиться къ нимъ съ вопросомъ:

— Смѣю спросить: васъ какъ зовутъ?

— Катериной! Дарьей! Надеждой! Марьеи!—посыпались отвѣты.

— Неправда, неправда,—сказалъ гнѣвно одинъ голосокъ:—Маріорицей!

И этотъ голосъ былъ покрытъ хохотомъ подругъ ея.

Ямщикъ вздохнулъ, надѣлъ шапку на бекрень и тронулъ шагомъ лошадей, затянувъ пріятнымъ голосомъ:

Вдоль по улицѣ мятелица мятетъ
За мятелицей и милый другъ идетъ
«Ты постой, постой, красавица мол,
Еще дай ты насмотрѣться на себя.
На твою, радость, прекрасну красоту;
Красота твоя съ ума меня свела;
Сокрушила добра молодца меня».

Возвратившись домой, Артемій Петровичъ засталъ воспитанника Ролленева спокойно спящимъ на томъ же стулѣ, на которомъ хмѣль пріютилъ его. Влюбленному пришла мысль воспользоваться для своихъ замысловъ положеніемъ стихотворца.

«Пора къ дѣлу!—сказалъ онъ самъ про себя. Она такъ неопытна; давно ли изъ гарема? кровь ея горитъ еще жаромъ полудня: надо ковать желѣзо, пока горячо! Свѣтское приличіе, которому скоро ее научатъ, разсудокъ, долгъ, одно слово, что я женатъ... и мои

мечты всѣ въ прахъ! Напишу ей записку и перешлю съ господиномъ Телемахомъ. Она найдетъ ее... будетъ отвѣчать, если меня любитъ... а тамъ тайное свиданіе, и Маріорица, милая, прелестная Маріорица моя!

И Волынскій пишетъ, исполненный адскихъ замысловъ, вскружившихъ ему голову до того, что онъ не видитъ ужасной будущности, которую готовитъ вдругъ и своей супругѣ и дѣвушкѣ, неопытной, какъ птичка, въ первый разъ вылетѣвшая изъ колыбельнаго гнѣзда своего на зовъ теплаго, лѣтняго дыханія.

Вотъ что онъ пишетъ:

«Не выдержу долѣе!... Нѣтъ, не достанетъ силъ человѣческихъ, чтобы видѣть тебя, милая, прекрасная, божественная Маріорица, видѣть тебя, любить и молчать. Куда бѣжать мнѣ съ моимъ сердцемъ, растерзаннымъ мукою любви? Почему не могу вырвать его изъ груди своей, чтобы бросить псамъ на съѣденіе?... Мысли мои помутились, горячка пробѣгаетъ по жиламъ, уста мои запеклись: одно слово, только одно слово, росинку надежды — и я блаженъ, какъ ангелы на небесахъ! Видишь, я у твоихъ ногъ, обнимаю ихъ, цѣлую ихъ слѣдъ, какъ невольникъ, который чтитъ въ тебѣ и свою владычицу и божество, которому ты свѣтъ, жизнь, воздухъ, все, что для него только дорого на землѣ и въ небѣ. О, милая, безцѣнная Маріорица! Ужели жестокостью своей захочешь ввергнуть меня въ бездну тартара? Ужели хочешь видѣть трупъ мой подъ окнами твоими?... Рѣши мою участь. Положи отвѣтъ въ ту же книжку, которую къ тебѣ посылаю, и возврати мнѣ ее на имя Тредьяковскаго завтра по утру, какъ можно ранѣе».

Волынскій не затруднялся сочинить это письмецо: любовь и опытность помогли ему. Не такъ легко было сочинителю пустить записку въ ходъ. Узелъ въ рукахъ опьянѣвшаго Тредьяковскаго развязанъ; но лишь только Артемій Петровичъ дотронулся до «Телемахиды», какъ творецъ ея, по какому-то сочувствію, замычалъ во снѣ. Дано ему забыться опять сномъ, и новый Язонъ опять принялся за похищеніе золотого руна. Мычаніе повторилось, но въ то самое время, какъ Волынскій, со всею осторожностью, вытягивалъ изъ узла громоздкое твореніе, арабъ вкладывалъ на мѣсто его такъ же осторожно полновѣсный фоліантъ. Послышавъ тягость въ своихъ рукахъ, Тредьяковскій захрапѣлъ.

Подрѣзана бумага подъ переплетомъ «Телемахиды», и письмецо вложено въ него такъ, что, коснувшись нѣжнымъ пальчикомъ, сейчасъ можно было его ощупать. Затѣмъ велѣно арабу ѣхать во дворецъ, отдать книгу княжнѣ Маріорицѣ Лелемико отъ имени ея учителя, Василія Кирилловича, который дескать ночуетъ у г. Волынскаго и приказалъ-де ей выучить къ завтрашнему дню, для произнесенія предъ государыней, первые десять стиховъ изъ этой книги и приказалъ-де еще переплетъ поберечь, книги никому не давать и возвратить ее рано по-утру человѣку, который за ней придетъ. Арабу наказано было отдать посылку какъ можно осторожнѣе, или въ собственныя руки княжны, или горничной, однакожъ такъ, чтобы онъ слышалъ, что книга отдана княжнѣ. Съ сердцемъ, полнымъ страха и надежды, какъ водится въ такихъ случаяхъ, Волынскій отправилъ своего черномазаго Меркурія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАПАДНЯ.

Кого кто лучше проведетъ,
И кто хитрѣй кого обманетъ?
Крыловъ.

Съ сырыми отъ снѣга башмаками возвратились гофъ-дѣвицы домой изъ своего путешествія въ волшебный міръ гаданья. По каменнымъ истертымъ ступенямъ дворцовой лѣстницы прядали онѣ какъ серны. Всѣ собрались въ комнатѣ Маріорицы.

— Наши русскія барышни свычны со снѣгомъ,— сказала княжнѣ ея горничная, уговаривая перемѣнить обувь,—имъ ничего! а вы у насъ прилетная птичка изъ теплыхъ краевъ.

— И я хочу быть русской!—отвѣчала Маріорица; однакожъ послушалась, чувствуя, что ноги ея были очень мокры.

Усадили княжну въ огромныя президентскія кресла, которыхъ древность и истертый бархатъ, чернаго порыжѣлаго цвѣта, еще рѣзче выказывали это юное, прелестное твореніе, разрумяненное морозомъ, — въ блестящей одеждѣ, полураспахнувшейся, какъ бы для

того, чтобы обличить стройность и нѣгу ея формъ. Это былъ розовый листъ, павшій на рясу чернеца, лебедь, покоющійся въ темной осокѣ. Окруженная подругами, которыя смотрѣли на нее, какъ бы желали себѣ, одна—ея мягкихъ волосъ, свивавшихся черными лентами около шеи и до пояса, другая — ея румянца, третья — ея стана, плечъ и, Богъ знаетъ, чего еще; замѣчая въ ихъ глазахъ невольную дань ея превосходству и видя это превосходство въ зеркалѣ; осыпанная нѣжными заботами служанки, стоявшей на колѣнахъ у ногъ ея, Маріорица казалась какою-то восточною царицей, окруженною своими подданными. Горничная проворно скинула съ нея обувь, брала то одну, то другую ногу въ руки, грѣла ихъ своимъ дыханіемъ, потомъ на груди своей; согрѣвши, положила одну ножку на ладонь къ себѣ, любовалась ею, показала ее въ какомъ-то восторгѣ подругамъ княжны, какъ-бы говоря: «я такой еще не видывала! вы видали-ли? и, поцѣловавъ, спѣшила обуть. Маріорицѣ, раскинувшейся на бархатѣ креселъ, которыя, казалось, бережно огверзали ей свои древнія ручки, какъ старецъ осторожно принимаетъ въ изсохшія объятія милое дитя свое,—Маріорицѣ пріятны были искреннія ласки горничной. Однакожъ, она вздохнула. Кто изъ мужчинъ, видавшихъ ее, не желалъ бы быть предметомъ и живымъ истолкователемъ этого вздоха?

И вотъ фатализмъ опять взвился надъ нею, какъ хищный орелъ, чтобы вырвать и эту сокровенную жертву. Кто-то постучался у дверей. Служанка вышла и скоро возвратилась съ огромною книжицей и порученіемъ отъ г-на Тредьяковскаго, переданнымъ вполовину.

— Охъ! ужь этотъ мнѣ Василій Кирилловичъ! — сказала княжна, топнувъ слегка ногой и съ досады надувъ губки. — Легко-ли?... выучить наизустъ эти стихи, въ которыхъ вязнетъ языкъ, будто ѣдешь на лѣнивомъ ослѣ по грязнымъ улицамъ Хотина!... Выучить наизустъ! Мучитель! безбожникъ!

— Велѣно еще доложить вамъ, сударыня, — примолвила торопясь служанка, будто стараясь разсказать выученный урокъ,—что вашъ учитель, дескать, остался опочивать у егарей-мастера Артемія Петровича Волынскаго, проситъ васъ переплетъ книжицы поберечь, ее самое никому не давать, а возвратить человѣку, который отъ него присланъ будетъ завтра поутру, какъ можно ранѣе, потому-де, что книжица эта ему очень нужна.

При этомъ докладѣ мысль, что въ посылкѣ скрывается что-нибудь таинственное, пробѣжала, какъ огненная змѣйка, въ головѣ смѣтливой и — нечего грѣха таить — влюбленной дѣвушки. Угадчикъ-сердце шибко застучало. Маріорица призадумалась было, какъ математикъ надъ рѣшеніемъ трудной задачи; но поспѣшила спрятать въ душу свои догадки, раскрыла книгу съ важностью президента и принялась за урокъ, читая его вслухъ. Отъ первыхъ стиховъ:

— «*Въ крайней тоскѣ завсегда уже пребывала Калипса*», — и проч., гофъ-дѣвицы были въ восторгѣ.

— Какъ это хорошо! такъ и тянетъ за душу, — говорили онѣ; но вдругъ захохотали, смотря лукаво другъ на друга, когда дошли до описанія кораблекрушенія:

Се вдругъ узрѣла она корабля разбитаго Доски,
Лавки Гребецки почти на Дщицы переломаны, Весла

Также туда и сюда по песку разметаны, купно
Щеглу [1]), Кормило одно и Верви при брегѣ пловущи...

— Не мѣшайте мнѣ учиться,—сказала Маріорица, принявъ гнѣвный видъ, и подруги ея смѣясь высыпали изъ комнаты.

Съ робостью осмотрѣлась кругомъ Маріорица. Въ комнатѣ, кромѣ ея, никого. Она начала трудиться надъ книгой, перелистываетъ ее, шаритъ въ ней...

Могла-ли она думать, что въ перегородкѣ, отдѣлявшей ея спальню отъ комнаты Груни, ея горничной, была умышленно проверчена щель? Могла-ли подозрѣвать, что этой горничной настрого приказано оберъ-гофкомиссаромъ Липманомъ неусыпно приглядывать за ея поступками? Не будетъ-ли наказовъ, посылокъ, записокъ—и именно изъ дому Волынскаго?... Боже упаси Груню утаить что-нибудь! Домашній лазутчикъ кабинетъ-министра ужь далъ знать герцогу, чрезъ кого слѣдовало, о склонности Артемія Петровича, проскочившей наружу въ разговорахъ его съ Тредьяковскимъ и Зудою. О! этотъ случай золотой, чтобы очернить соперника и врага въ глазахъ государыни, строгой на счетъ нравственности, или запутать его въ собственныхъ сѣтяхъ такъ, чтобы онъ не могъ ужь вредить фавориту.

Горничная искренно любила свою госпожу, и нельзя было не любить ея. Обворожительная своею красотой и дѣтскою добротою сердца, Маріорица казалась существомъ, похищеннымъ изъ двухъ раевъ, магометова и христіанскаго. Грунѣ гораздо было бы пріятнѣе по-

---

[1]) *Машта:* NB. Толкованіе г. Тредьяковскаго. Въ стихахъ соблюдено его право или кривописаніе.

вести любовное дѣло, въ которомъ она могла бы показать все свое мастерство и усердіе, нежели шпіонить противъ нея; но выступить изъ повелѣнія Липмана, оберъ-гофкомиссара, любимца Бирона и крестника государынина, можно было только, положа голову въ петлю.

Родомъ жидъ, онъ остался жидомъ, хотя по наружности обновилъ себя духомъ. Вывезенный герцогомъ, нагъ и нищъ, изъ Курляндіи и имъ обогащенный въ Россіи, онъ готовъ былъ, по одному только намеку его, оклеветать, пытать, удавить и утопить кого бы ни попало. И потому Груня покорилась необходимости. Творя крестныя знаменія и читая молитвы, она исполняла приказъ грознаго перекрещенца.

Случалось-ли вамъ играть въ отгадку подъ музыку или стукъ какой-нибудь вещицы? Такъ Маріорица искала чего-то въ книгѣ Тредьяковскаго подъ маятникомъ своего сердца. То билось оно тихо, то шибче, и вдругъ затрепетало, какъ голубь въ рукахъ охотника, кровь пошла скоро, скоро, будто колеса въ часахъ, когда порвалась цѣпочка: Маріорица ощупала роковую записку. Вынуть, прочесть, ее, упиваться страстными выраженіями, отмѣтить малѣйшіе оттѣнки любви, слить эти оттѣнки въ одну радугу надежды, погоревать, даже поплакать, что бѣдный ея Артемій Петровичъ такъ страдаетъ отъ любви; наконецъ, поцѣловать разъ, еще разъ, нѣжно, страстно роковое посланіе и потомъ спрятать его на груди, у сердца, вотъ что дѣлала Маріорица и что дѣлаетъ каждая влюбленная дѣвушка, получивъ записку отъ предмета своей любви (пожалуй, если угодно, отъ жениха).

Несмотря на эту оговорку, предчувствую, что грозное ополченіе дѣвушекъ поднимается на меня войной, копьями своихъ булавокъ исковыряетъ эту печатную страницу и вездѣ встрѣтитъ меня крикомъ: «Неправда! неправда! Стыдъ автору! Смерть политическая его сочиненію!»

Виноватъ, виноватъ: я пошутилъ; и если вы находите, что Маріорица сдѣлала очень дурно, принявъ посланіе, то вспомните, что она воспитывалась въ гаремѣ.

— И онъ стоитъ у ногъ моихъ, какъ стояла Груня, обнимаетъ, цѣлуетъ ихъ! О какой же онъ нѣжный, страстный!...—говорила про себя Маріорица и, спрятавъ записочку подъ подушку, объявила горничной, что она хочетъ лечь спать.

Замѣчаютъ испытатели природы, что такого рода записки обыкновенно клонятъ на подушку.

И милая 18-лѣтняя княжна, сбросивъ съ себя всю тягость одеждъ, еще разъ посмотрѣла въ зеркало, какъ бы хотѣла сказать: «да, я таки не дурна!...» вспрыгнула, какъ проворная кошечка, на пуховикъ, еще разъ поцѣловала записку, обѣщаясь завтра поутру отвѣчать на нее—а то, пожалуй, немудрено и убиться бѣдненькому! — положила ее подъ изголовье и, наконецъ, заснула, сладко-мучительно заснула.

Груня видѣла все. Стало ей жаль барышни, и она рѣшилась было не исполнить приказъ Липмана; но мысль о заводахъ, куда сошлютъ ее и гдѣ отдадутъ за какого-нибудь горбатаго, кривого кузнеца, придала ей жестокой твердости. Она сотворила крестное знаменіе, какъ-бы умывая себѣ руки въ невольномъ преступленіи, прочла молитву, подошла на цыпочкахъ

къ постели барышни, не смѣя перевесть дыханіе отъ страха, что дѣлаетъ худое дѣло, и отъ страха, что Маріорица, того и гляди, можетъ проснуться.

Какъ беззаботно раскидалось прелестное дитя! Щеки ея горѣли, райская улыбка перепархивала по устамъ. Вотъ рука горничной подъ подушкой... Маріорица вздохнула... и Грунѣ показалось, что рука у ней отнялась... «Открой она теперь глаза» думала невольная сообщница шпіонства, «и меня какъ громомъ пришибетъ». Но рука ужь подъ изголовьемъ... мысль о заводахъ, какъ сильный проводникъ, дала ей движеніе... записка схвачена... рука на свободѣ.

Груня залилась горючими слезами; плакать, однакожъ, было некогда: она обтерла слезы, вышла на цыпочкахъ изъ отдѣленія своей госпожи и явилась въ ближнемъ коридорѣ. Тутъ чрезъ камеръ-лакея подозвала къ себѣ одного изъ дежурныхъ пажей, отдавъ ему роковую записку, сказала, какъ она досталась, и чтобы онъ вручилъ ее герцогу, когда тотъ будетъ проходить отъ государыни, и доложилъ-бы ему, что бумажку нужно назадъ. На такіе случаи, въ тогдашнее время, пажи были наметаны. Горничная стала на часахъ у своего отдѣленія, а проворный пажъ нырнулъ въ извилинахъ дворцовыхъ коридоровъ, слабо освѣщенныхъ.

Герцогъ не долго заставилъ себя дожидаться. Въ дежурной комнатѣ два пажа, увидѣвъ въ замочную скважину, что онъ приближается, въ одно мгновеніе ока растворили передъ нимъ обѣ половины двери, важно вытянулись и въ поясъ ему поклонились. Герцогъ ласково кивнулъ имъ, вынулъ кошелекъ и, одѣля ихъ по горсти мелкаго серебра, примолвилъ:

— Заправна, плутишка! люблю молодца! вотъ вамъ на сладка!

Пажи поцѣловали у него руку; одинъ-же изъ нихъ, дѣлая это, всунулъ въ нее потихоньку извѣстную записку.

— Твоя, помолодше, проводитъ моя!—сказалъ Бирономъ, махнувъ ему рукой.

Въ одной изъ ближайшихъ комнатъ герцогъ остановился и спросилъ своего провожатаго, погладивъ его по головѣ:

— Отъ кого?

— Изъ отдѣленія молдаванской княжны, — отвѣчалъ быстро пажъ,—записка принесена изъ дома Волынскаго, въ книгѣ русскаго учителя; горничная ждетъ назадъ.

Бирономъ говорилъ плохо по-русски, но понималъ лучше, нежели показывалъ. Онъ прочелъ записку, и радость до того имъ овладѣла, что руки у него затряслись.

Развращать во дворцѣ... любимицу государыни?.. Этого довольно, чтобы сгубить соперника!.. Но Бирономъ-ли раскроетъ и пресѣчетъ эту связь въ самомъ началѣ?.. Нѣтъ, онъ не такъ простъ. Ему нужно продлить ее, усилить даже собственною помощью, запутать молодца и... тогда... Что будетъ тогда, увидимъ

Теперь-же вынулъ онъ свою записную книжку и велѣлъ пажу на одномъ изъ листковъ ея списать роковое посланіе. Когда-жъ это было исполнено, онъ сличилъ подлинникъ со спискомъ и сказалъ своему маленькому секретарю тѣмъ-же исковерканнымъ языкомъ, котораго дали мы образчикъ, но который не

станемъ болѣе употреблять, избѣгая затрудненія въ разговорахъ:

— Какой прекрасный почеркъ! Золотая ручка! да гдѣ ты этому мастерству учился?

— У камеръ-лакея Исполатова, — отвѣчалъ торжествующій пажъ съ самодовольнымъ видомъ.

— Виватъ, Исполатовъ! Только, вотъ видишь, дружокъ, надо быть аккуратнымъ во всѣхъ дѣлахъ — при этомъ словѣ пажъ видимо опечалился: онъ думалъ, что исполнилъ свое дѣло, какъ искуснѣйшій министръ.—Впрочемъ, это бездѣлица; я говорю для переду. Замѣть своей рукой въ моей книжкѣ мѣсяцъ, число и годъ полученія письмеца, а какъ я вижу, у тебя нѣтъ часовъ, то я дарю тебѣ свои.—Разумѣется, пажикъ поцѣловалъ опять у Бирона руку за подарокъ и исполнилъ приказъ его съ быстротою стенографа.— Впередъ я поручаю тебѣ всякій день справляться о новостяхъ въ отдѣленіи молдаванской княжны. Это плутни, мой миленькій! негодныя вещи, которыхъ не любитъ государыня! Развратъ не долженъ быть терпимъ. Мы должны показывать примѣръ. Не учись этому, когда выростешь.

Не учись!... Лукавецъ!... А самъ развращалъ дитя ремесломъ шпіонства и страстными выраженіями, которыя заставлялъ списывать.

Когда этотъ урокъ кончился, Биронъ отправилъ пажа къ горничной съ строгимъ наказомъ — держать языкъ за зубами, а уши на макушкѣ. Награды не посылалось: наградой можно-бъ избаловать служанку— на нее долженъ былъ дѣйствовать одинъ страхъ и гроза.

Горничная тряслась у дверей своихъ, будто про-

хваченная насквозь сырымъ, сквознымъ вѣтромъ. Взявъ отъ пажа роковое посланіе, она съ этой тяжелой ношей вошла въ спальню своей барышни и тихо, украдкою, положила записку подъ подушку.

— Бѣдная! какъ сладко спишь ты!—подумала служанка,—можетъ статься, видишь своего полюбовника во снѣ, и не вѣдаешь, что противъ тебя замышляютъ. И я, окаянная, попала къ тебѣ на этотъ разъ! Чтожъ? кабы не я, сдѣлала-бы это другая.

И съ этими мыслями пошла Груня спать на свое жесткое ложе, молилась, плакала, но не могла заснуть до зари. Поутру рано, пока барышня ея спала, отослала она книгу къ Тредьяковскому, рѣшившись сказать что за нею присылали. Вѣдь наказано было какъ можно ранѣе возвратить ее. А то, не равно, бѣдная княжна вздумаетъ отвѣчать на письмецо; отвѣтъ перехватятъ, и опять новое горе, новыя заботы!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СЦЕНА НА НЕВѢ

... И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.
Пушкинъ.

Была глухая полночь. Мѣсяцъ, насупившись, бросалъ дремлющій свѣтъ на землю. Ни одной живой души по всѣмъ улицамъ Петербурга.

Только на берегу Невы, къ Смоляному двору, прорывался конскій топотъ. На дровняхъ неслись два мужика; одинъ правилъ бойкою лошадью, другой сидѣлъ позади, свѣся ноги. Бороды ихъ густо заиневѣло. Между ними лежалъ рогожечный куль, порядочно вздутый. Видъ этой поклажи въ такое время не предвѣщалъ ничего добраго.

Начали спускаться на Неву. Правившій лошадью оглянулся, укоротивъ бѣгъ ея, и спросилъ своего товарища,—не видать-ли кого.

— Тьфу, пропасть!—отвѣчалъ другой,—во всю дорогу вертѣлось предъ глазами черное пятно; то росло, то пропадало.

— А теперь?

— Пропало вовсе.

— Тебѣ померещилось; а, можетъ, и нечисть разыгралась за нами. Полночные часы!... ѣдемъ съ мертвецомъ!...

— Не впервинку возить; кажись, по насъ въ ходу и пословица: *«въ куль, да въ воду!»* Нѣтъ, братецъ, нынѣ времена жуткія. Курицы по всѣмъ частямъ поютъ пѣтухомъ, пѣтухи несутся; сказываютъ и оборотень свиньею бѣгаетъ по городу: вчера у дворца хотѣлъ ее часовой штыкомъ, анъ штыкъ у него пополамъ.

— Ужь и кликуши по церквамъ вызываютъ нечисть. Да чего добраго ждать? Нашу русскую землю затоптали нѣмцы, и вѣру-то Христову хотятъ подъ пяту. Привезли сюда сотни двѣ монаховъ и монахинь; собирается набольшій ихъ разстригать, дескать не по его крещены. Вытье такое, хоть бѣги вонъ изъ Питера!

— Нѣмецъ нѣмцу рознь; и изъ нихъ бываютъ добрые люди. Вотъ, недалеко ходить, племянникъ комисара. Густа Ивановичъ... даромъ, что креста не носитъ. То-то простота, то-то душа ангельская! Не забыть мнѣ во вѣки его милости.

— Съ того, со безвременья, какъ поласкали тебя кошками, а надглядывать за секуціей было приказано Густу Ивановичу? Помню. Только-что ударилъ тебя разъ заплечный, а у него, сердечушки, слезы въ два ручья. Видѣлъ я самъ, сунулъ онъ живодеру серебряный...

— И по мнѣ словно мушки стали летать. За то душу свою для него вывороч у.

— А мы вотъ и крещеные, да что дѣлаемъ! сбываемъ людей, будто комаровъ, да и погребаемъ тѣла христіанскія безъ попа и молитвы.

— Охъ, охъ, неволя! хоть разъ запрегъ-бы въ нее самого хаворита...

— И взмылилъ-бы его, какъ давича хохла.

— Что, братенька, былъ-ли на обливанцѣ нашемъ крестъ?

— Еще и ладонка.

— Такъ онъ подъ ноготь діаволу не попадетъ!

Одинъ изъ мужиковъ, въ которыхъ мы узнаемъ конюховъ Бирона, перекрестился и сказалъ:

— Помяни, Господи, раба твоего во царствіи своемъ!

Другой сдѣлалъ то же. Послѣ чего оба вздохнули и замолкли.

Они ужь съѣхали на Неву. Во многихъ мѣстахъ по рѣкѣ сдѣланы были проруби, которыя отъ колыханія воды казались живыми пастями, движущимися, какъ-бы готовясь поглотить жертвы, къ нимъ привозимыя.

— Экой погостъ!—произнесъ одинъ изъ конюховъ, стараясь попасть духомъ на веселый ладъ. — Не надобно копать могилокъ! подѣлали добрые люди про всякой обиходъ на весь приходъ! Ну, матушка Нева, кормишь ты насъ добрыми сигами, да мы не урѣживаемъ пускать въ тебя долгоперыхъ ершей.

Тутъ правившій лошадью остановилъ ее у ближняго проруба.

— Не кстати тѣшиться, Агаѳонычъ—сказалъ другой, слѣзая сзади дровней.—Вотъ этакъ разъ... Да что за чудо!... посмотри-ка по набережной... Сердце такъ и упало.

— Словно сани летятъ!

— Не погоня-ли?

— Вотъ уже спускаются на рѣку. Эка небывальщина.

— Не послалъ-ли *самъ* приглядѣть за нами?

— Поскорѣй-бы концы въ воду!

— У меня и руки отнялись.

— Трусъ! подержи коня, а я спущу мертвеца съ дровень да возьмусь за дубинку: нечего зѣвать!

Между тѣмъ какъ эти слова приводились въ исполненіе, сани въѣхали на Неву и стали шагахъ въ пятидесяти отъ конюховъ. Изъ этихъ саней выползло что-то маленькое, похожее на человѣка и обезьяну; но вдругъ малютка выросъ на нѣсколько аршинъ. Гигантъ началъ отмѣривать рѣку огромными, саженными шагами. При этомъ появленіи наши конюхи, ни живы, ни мертвы, бросились на дровни, взвизгнули и были таковы.

Великанъ, потерявъ ихъ изъ виду, опять сдѣлался крошкою. Къ нему присоединился кто-то, вышедшій вслѣдъ за нимъ изъ саней. Свѣтъ мѣсяца освѣтилъ лицо араба Волынскаго. Малютка былъ Зуда. Ходули помогли ему исполински вырости въ одинъ мигъ и испугать, кого нужно было.

Они во всю ночь караулили похоронный выѣздъ изъ конюшенъ бироновскихъ.

Куль распоротъ и предъ ними засіяла ледяная, безобразная глыба. Только всемогущая мысль могла проникнуть сквозь эту грубую скорлупу и разобрать подъ ней человѣка, нѣкогда сердцевину живого міра. Этотъ кусокъ льду, облекшій былое *я*, частицу Бога, поглотившій то, чему на землѣ даны были имена чести, благородства, любви къ ближнимъ: подлѣ него зіяющая могила, во льду-жъ для него изсѣченная; надъ этимъ чуднымъ гробомъ, который служилъ вмѣстѣ

и саваномъ, маленькое, бѣлое существо, полное духовности и жизни, называемое европейцемъ и сверхъ того русскимъ и Зудою—тутъ же на замерзлой рѣкѣ черный невольникъ, сынъ жаркихъ и свободныхъ степей Африки, волшебный свѣтъ луны, говорящей о другой подсолнечной, такой же бѣдной и все-таки драгоцѣнной для тамошнихъ жителей, какъ намъ наша подсолнечная; тишина полуночи, и вдругъ далеко, очень далеко, благовѣстъ, какъ будто голосъ неба, сходящій по лучу мѣсяца: — если это не высокій моментъ для поэта и философа, такъ я не понимаю, что такое поэзія и философія.

. . . . . .

Осмотрѣвъ ледяную статую, Зуда и арабъ похоронили ее въ снѣжномъ сугробѣ на берегу Невы.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Я З Ы К 'Ь»

Но не знаешь? Эта черная телѣга
Имѣетъ право всюду разъѣзжать:
Мы пропускать должны.

Утромъ вышли наши цыгане *съ постоялыхъ дворовъ*, гдѣ отведена имъ была квартира вмѣстѣ съ другими товарищами, привезенными на игрище.

Дворецъ, государыня, золотыя кареты, прекрасная, разряженная княжна, все это еще кружилось радужнымъ вихремъ предъ глазами цыганки. Сердце ея росло отъ восторга; она шла наравнѣ съ палатами; она мечтала, что съ Маріорицей весь Петербургъ, весь народъ русскій принадлежитъ ей, и что ея слово, если она захочетъ, будетъ указомъ. Но какъ мало надобно, чтобы эти восторги, это счастіе и величіе уронить въ прахъ! Для этого стоитъ ей только вспомнить слова камеръ-лакея: *«не тронь ее, братецъ! видишь, какъ она*

похожа на молдаванскую княжну; точно мать ея или старшая сестра!»

— Вдругъ изъ княженъ въ цыганки! Каково такъ упасть?—повторяетъ про себя Маріула, и проситъ вновь своего товарища, слугу и друга помочь ея горю. Только ему одному повѣрила она частью свою тайну: душа его для тайны Маріулы, какъ крыша гробовая—разъ заколоченная, не открывается ни для кого.

Товарищъ ужь со вчерашняго дня думалъ, гадалъ, прилаживалъ мысленно, какъ бы исполнить слово и утѣшить свою благодѣтельницу; наконецъ придумалъ способъ.

Надо знать, что Василій былъ нѣкогда русскимъ матросомъ. По цыганской своей породѣ, любя волю болѣе всего, бѣжалъ изъ службы, таскался нѣсколько лѣтъ по всѣмъ захолустьямъ Россіи, по Бессарабіи и Молдавіи, коновалилъ, покупалъ, кралъ и продавалъ лошадей, обманывалъ кого и гдѣ могъ и попалъ было подъ гвоздь хотинскаго кадія. Случись при этой бѣдѣ Маріула, знававшая его прежде и бывшая въ милости у хотинскаго паши, и Маріула спасла его. Обязанный ей своею волей и благосостояніемъ, онъ съ тѣхъ поръ не покидалъ ея, и съ нею-то попалъ въ Петербургъ. Возвратиться ему туда не было опасно: въ тучномъ старикѣ не могли узнать прежняго молодца.

Статистика низшихъ рядовъ общества отъ полатей до подклѣти, въ городѣ и въ округѣ, была ему извѣстна, какъ его карманы. Со времени его бѣгства она не могла много измѣниться, и потому въ услугѣ, которую Василій хотѣлъ оказать своей куконѣ, мѣтилъ онъ на пособіе одной задушевной пріятельницы. Это была крестьянка въ Рыбачьей слободѣ, которой отецъ

передалъ искусство врачеванія. Вывѣдавъ, что она еще здравствуетъ, онъ повелъ къ ней Маріулу.

Вотъ повернули цыгане на *большую прешпективу*.

Такое громкое названіе дано было улицѣ, которая тянулась, съ перехватами пустырей, отъ Луговой линіи къ Аничковой слободѣ. Тогда Петровъ городъ переводился съ острова этого имени большею частью на Адмиралтейскую сторону, и потому *прешпектива* застраивалась *нарочитыми* домами. А каковы были эти нарочитые дома, можно судить по лучшему изъ нихъ, *комедіантскому театральному дому*, деревянному и съ крышею изъ дерна, воздвигнутому, какъ сказалъ древній описатель Петербурга, для *отправленія трагедій, комедій и оперъ*. Образчикъ этого великолѣпнаго храма Таліи, Мельпомены и проч., и проч. существовалъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ подмосковномъ селѣ Кусковѣ. Другіе дома, болѣе скромной наружности, выбѣгали, однакожъ, по вызову правительства на *большую прешпективу*, и своими новенькими черепичными или гонтовыми крышами свидѣтельствовали, что и они достойны показаться въ большомъ свѣтѣ и стать въ указную линію. Деревянный «Гостиный дворъ», въ два яруса, съ безчисленными, мелкими арками, какъ стойлами, отстраивался на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній. Онъ примыкалъ еще тогда къ березовой рощѣ, уступившей ему часть своего достоянія, но сохранившей другую, большую часть къ сторонѣ Аничковой слободы, какъ бы убѣгая отъ наступчивыхъ, бойкихъ горожанъ къ жителямъ болѣе спокойнымъ. Но и тутъ людкость столицы не дала долго отдыхать утѣсненнымъ гамадріадамъ, завела рынокъ посреди рощи и въ скоромъ времени святотатственно

посягнула на послѣднія кое-гдѣ мелькавшія деревья, осѣнявшія хижину стараго инвалида морскихъ баталіоновъ. Гдѣ теперь и Аничкова слобода, и гордый комедіантскій домъ, и домики, чопорно выходившіе на большую прешпективу, чтобы похвастаться своими черепичными кровлями, какъ набѣленныя и разрумяненныя купчихи выходятъ въ праздничный день къ своимъ воротамъ, на людей посмотрѣть, а болѣе себя показать. Гдѣ все, о чемъ теперь говорили!

Люблю воображать себѣ этотъ первобытный Петербургъ, но только лѣтомъ, когда закатъ солнечный набрасываетъ на него фантасмагорическій отливъ. Живописно красуется онъ съ своими палатами, важно поглядывающими свысока, и толпою мазанокъ, постепенно пробивающихся въ знать; съ своими полу-голландскими, полу-русскими домиками, надъ которыми строители истощили независимыя, безотчетныя затѣи, какъ-бы хотѣли ими сказать: *«всякій молодецъ на свой образецъ»*. Однѣ кровли домовъ ужь богатая жатва для взора, любящаго вездѣ отыскивать поэзію. Съ какою нѣгою раскидывается солнышко по муравѣ ихъ, на которой время подобрало оттѣнки зеленаго, желтаго, ржаваго и дикаго цвѣтовъ! Послѣдніе лучи какъ хорошо графятъ розовыя, черепичныя крыши (кое-гдѣ въ два, три этажа, словно двѣ, три шляпы треугольныя, одна на другую нахлобученныя, кое-гдѣ стрѣльчатыя, минаретныя, или на подобіе голубятенъ)! Какъ поигрываетъ солнечный лучъ въ яблокѣ адмиралтейскаго шпица, будто въ золотомъ шарикѣ, который вертится поверхъ скачущаго водомета! Какъ искрится въ крестахъ Божіихъ храмовъ, большею частью деревянныхъ, и выбиваетъ огненный снопъ о луженое же-

лѣзо высокихъ палатъ! А крыльца разнохарактерныя то прячутся на дворъ, то чванливо подбочёнили зданія, или выступаютъ на улицу; а кораблики съ вѣющими флагами на воротахъ, а мельницы, съ вычурными колпаками и ходулями, на берегу Васильевскаго острова, кивающія «Зимнему дворцу» и смотрящіяся вмѣстѣ съ нимъ и Меншиковыми палатами въ одно зеркало Невы; а подлѣ этихъ палатъ свита мазанокъ, ставшая въ ранжиръ подъ именемъ Французской слободы; а Нева безъ мостовъ, которую то и дѣло снуетъ флотилія раскрашенныхъ лодокъ, или изъ которой вырастаютъ мачты, какъ частый тростникъ на озерѣ и, наконецъ, рощи и луга посреди этого города; все это развѣ не живопись, не поэзія?...

Но зимой, и особенно зимой 1739—40 года, не желалъ бы я быть въ первобытномъ Петербургѣ. Это Голландія и Сибирь вмѣстѣ, одна призванная, другая осѣдлая, съ изумленіемъ сошедшіяся у Финскаго залива; онѣ косятся другъ на дружку и силятся выжить одна другую. Разумѣется, что въ морозы наша русачка беретъ верхъ. Даже и на именитой *прешпективѣ* она является самовластною. Множество пустырей; дома, будто госпитальные жители, выглядывающіе въ бѣлыхъ колпакахъ и въ бѣлыхъ халатахъ, и ставшіе одинъ отъ другого въ стрѣлковой дистанціи точно послѣ пожара; улицы только именемъ и заборами, ихъ означающими; каналы съ деревянными срубами и перилами, снѣжные бугры, безлюдство, Бироновскіе ужасы: незавидная картина!

Только къ концу *большой прешпективы*, около «Гостинаго двора», русскій торговый духъ оживляетъ ее. Бойкіе сидѣльцы, при появленіи каждаго прохожаго,

скинувъ шапку и вытянувъ руку, будто загоняютъ цыплятъ, отряхнувъ свою масляную головку, остриженную въ кружокъ, клохчатъ, лаютъ, выпѣваютъ, вычитываютъ длинный списокъ товаровъ, вертятъ калейдоскопъ своихъ привѣтствій, встрѣчаютъ и провожаютъ этимъ гамомъ, какъ докучливыя шавки, пока потеряютъ прохожаго изъ виду. — «Что вамъ угодно? Барыня, сударыня, пожалуйте сюда! Что покупаете? Господинъ честной, милости просимъ! Что потребно? Желѣзо, медъ, бахта, платки, бархатъ, парча, деготь, бумага!... Образа промѣнивать!... Мѣха сибирскіе! Икра астраханская! Сафьянъ казанскій! Ко мнѣ, сударыня, у меня товаръ лучшій!»—«Не слушайте, онъ вретъ... у меня...» — «Ей-богу, уступлю за безцѣнокъ... съ убыткомъ, только для почину... съ легкой руки вашей...» — И готовы разорвать прохожаго. А вздумай онъ войти въ лавку, такъ продавецъ въ убытокъ запроситъ съ него въ пять разъ дороже, чего товаръ стоитъ. Жеманныя барыни въ разноцвѣтныхъ бархатныхъ шубахъ, въ платочкѣ, обвязавшемъ по-русски голову, причесанную по-*нѣмецки*, съ большими муфтами, расхаживаютъ по *рядамъ*, какъ павы, и бранятся съ купцами какъ матросы. Разрумяненныя купчихи, въ парчевыхъ кокошникахъ и полушубкахъ, чинно кивaютъ, какъ глиняныя кошечки, не шевеля своего туловища и едва процѣживая сквозь губы свои требованія. Кое-гдѣ важный господинъ въ медвѣжьей шубѣ и, наперекоръ сѣверной природѣ, въ треугольной шляпѣ, вѣнчающей парикъ, очищаетъ себѣ *натуральною* тростью дорогу между стаей докучливыхъ сидѣльцевъ, предоставляя послѣди нахаловъ-слугъ разметать влѣво и вправо эту мѣщанскую челядь *Волевы*

и *подъѣзжіе* извозчики то и дѣло шныряютъ около «Гостинаго двора» съ отзывомъ татарскихъ временъ: «пади! пади!» Тамъ кричатъ: «блины горячи!» «сбитень!» тутъ: «папушники!» Бубенчики звонко говорятъ на лошадяхъ; мѣрно гремятъ полосы желѣза, воркуютъ тысячи голубей, которыхъ русское православіе питаетъ и лелѣетъ, какъ священную птицу; рукавицы похлопываютъ; морозъ сипитъ подъ санями, скрипитъ подъ ногой. Вездѣ движеніе, говоръ, гамъ, бряцанье.

Эти предметы, эта суста торговая новы для нашихъ цыганъ; на все они заглядываются, всего заслушиваются.

Вдругъ откуда-то раздается сторожевой крикъ. Кажется, это вѣстовой голосъ, что наступаетъ конецъ міра. Все слѣдомъ его молкнетъ, всякое движеніе замираетъ, пульсъ не бьется, будто жизнь задохнулась въ одинъ мигъ подъ стопою гнѣвнаго Бога. Вѣсы, аршины, ноги, руки, рты остановились въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ засталъ ихъ этотъ возгласъ. Одинъ слухъ, напряженный до возможнаго, замѣнилъ всѣ чувства; онъ одинъ обнаруживаетъ въ этихъ людяхъ присутствіе жизни: все прислушивается...

Опять раздается возгласъ, волнуется, всходитъ будто со ступени на ступень, ближе и ближе; ужъ можно слышать въ немъ слово: «языкъ!»

— «Языка» ведутъ! «Языка»!... — повторяютъ съ ужасомъ сотни голосовъ.

Слово: «языкъ» стонетъ въ обоихъ этажахъ «Гостинаго двора», по улицамъ, слабѣетъ, усиливается и сообщается, какъ зараза. Почти каждый человѣкъ его отголосокъ. Бросаютъ товаръ, деньги, запираютъ лавки, запираются въ нихъ, толкаютъ другъ друга, бѣгутъ

опрометью, задыхаясь, кто куда попалъ, въ свой, чужой домъ, сквозь подворотни, ворота на запоръ, въ погребъ, на чердакъ, бросаются въ свои экипажи, садятся не торгуясь на извозчиковъ; лошади летятъ какъ будто въ сраженіи, предчувствуя вмѣстѣ съ людьми опасность. И въ нѣсколько мгновеній *большая перспектива*, «Гостиный дворъ», вся часть города пуста, словно вымершая.

Только на площадкѣ, противъ «Гостинаго двора», видны два человѣка. Они какъ бы обезумленные, не понимая ничего, не зная, что дѣлается около нихъ и что имъ дѣлать, ожидая чего-то ужаснаго, стоятъ на одномъ мѣстѣ. Эти два человѣка наши цыгане.

Оборачиваются...

На нихъ, прямо-таки на нихъ идетъ, сопровождаемое пѣшимъ конвоемъ и полицейскимъ чиновникомъ на лошади, какое-то чудовищное существо. Такъ, по крайней-мѣрѣ, оно кажется издали.

Цыгане думаютъ бѣжать, но куда? Ужь поздно; ихъ можетъ тотчасъ настигнуть верховой. Да еще ихъ ли нужно? Они за собой ничего не знаютъ. Не хотятъ ли спросить ихъ о чемъ?... Въ такихъ переговорахъ они стояли на одномъ мѣстѣ, ожидая на себя конвоя.

Чудовищное существо ближе, ближе къ нимъ; уже въ нѣсколькихъ шагахъ. Можно различить, что это человѣкъ, покрытый съ головы до пятъ мѣшкомъ изъ грубаго холста, въ которомъ оставлены только прорѣхи для глазъ и для рта. О! этотъ человѣкъ существо ужаснѣйшее. Не даромъ упреждаетъ его бѣгство и опустошеніе. Онъ равнозначителенъ чумѣ, трусу, наводненію. Когда изъ маленькой холщевой прорѣхи

слышится магическое *слово и дѣло*, оно ведетъ къ допросу, пыткѣ и казни, оно мертвитъ прежде смерти: не менѣе ужасно голоса крокодила, раскрывающаго пасть, чтобы поглотить свою жертву. Это одно изъ привилегированныхъ золъ, отъ которыхъ освободила насъ Екатерина Великая. Его звали: «*языкъ*».

Чтожъ такое былъ «языкъ?»

Уголовный преступникъ, котораго водили по городу въ нарядѣ, нами описанномъ, чтобы указать на участниковъ въ его преступленіи. Разумѣется, этимъ ужаснымъ средствомъ пользовались, для исполненія своихъ видовъ, корысть или властолюбіе, месть или желаніе продлить и запутать судъ.

«Языкъ» подошелъ къ испуганной цыганкѣ и оговорилъ ее роковымъ *словомъ и дѣломъ*. Ее окружаетъ конвой; полицейскій чиновникъ грозно приказываетъ ей слѣдовать за нимъ. Трясясь отъ страха, потерявъ даже силу мыслить, такъ внезапно нахлынула на нее бѣда, она хочетъ что-то сказать, но губы ея издаютъ одни непонятные, дрожащіе звуки. Покорясь безпрекословно, она слѣдуетъ за ужаснымъ оговорителемъ.

— Возьмите и меня,—кричитъ ея товарищъ, котораго съ нею разлучали,—коли она въ чемъ оступилась, такъ я съ нею половинщикъ. Спросите ее сами, я не отхожу отъ нея день и ночь; безъ меня она не зарѣжетъ цыпленка.

— На тебя не показываетъ «языкъ»—сказалъ полицейскій чиновникъ,—намъ тебя не нужно.

— Вы должны и меня съ нею взять; я на себя показываю.

Цыгану возразили убѣжденіями прикладовъ.

— Бейте меня, мучьте меня,—продолжалъ кричать Василій,—растерзайте мое тѣло по кусочку, выньте мою душу по частямъ, я не отстану отъ своей куконы.

И, несмотря на угрозы и скорое исполненіе ихъ, онъ послѣдовалъ за своей подругой и госпожей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДОПРОСЪ

А что, пытали? — Да! — Чѣмъ? кипяткомъ, клещами? —
Словами!...
Но что предъ ними зубъ клещей, въ огнѣ смола
И все, что выдумалъ адъ въ сердцѣ человѣка!...

Страхъ заранѣе сметалъ людей съ улицы, по которой шелъ «языкъ», ведя свою жертву. Лишь изрѣдка держала ему навстрѣчу вельможная карета.

Когда бѣдная цыганка пришла въ себя, первая мысль ея была о Маріорицѣ.

— Милое дитя мое,—твердила она про себя,—не дадутъ мнѣ злые люди насмотрѣться на твое счастіе... Еще-бъ только увидать тебя пристроенною за богатаго, знатнаго Волынскаго, и тогда-бъ я умерла спокойно, радостно, какъ въ небѣ. Чтожъ? я и теперь сдѣлала все, какъ мать, можетъ быть, и то, чего-бъ не сдѣлала другая... Кабы еще къ этому хоть одно привѣтное слово отъ тебя, дочки моей!... хоть бы одну слезинку на лицо матери прежде, чѣмъ закрою очи!... Нѣтъ, нѣтъ, страшно и подумать, что ты увидишь въ цыганкѣ мать свою, страшнѣе, чѣмъ смерть, на которую, можетъ статься, меня теперь ведутъ! Я

свила твое благополучіе высоко, высоко; не снесу его въ грязь, не дамъ стоптать людямъ... Пускай казнятъ меня: на плахѣ прошепчу твое дорогое имячко, буду молить Бога только о томъ, чтобы Онъ при тебѣ заступилъ меня!...

Цыганка посмотрѣла на небо, къ сторонѣ Дворца, на свою стражу, и шла спокойнѣе.

Мысли за мыслью, догадки за догадкой вязались въ головѣ ея; вдругъ одно страшное сомнѣніе мелькнуло предъ ней и всю ее обхватило... сердце ея то кипѣло, какъ разожженная сѣра, то стыло, будто подъ ледяной рукой мертвеца. «Не узнали-ли ея тайну?... Можетъ быть, сходство? ужасное сходство!... Не ведутъ-ли ее къ допросу объ этой роковой тайнѣ...» О! никакія пытки не заставятъ ее проговориться. Что ей муки? лишь бы о Маріорицѣ помину не было. Неизвѣстность колебала ея душу изъ стороны въ сторону; смерть, смерть въ груди бѣдной матери. Она торопилась, она, кажется, хотѣла обогнать стражу, чтобы поскорѣй къ развязкѣ, и повременамъ молила Бога сохранить отъ бѣды только одну драгоцѣнную голову.

Маріулу привели въ одинъ изъ мазанковыхъ домиковъ, позади Лѣтняго сада, принадлежащихъ къ службамъ герцогскимъ. При входѣ сдернули съ нея шубу. Василія остановили у наружнаго крыльца: здѣсь онъ рѣшился дожидаться своей куконы, хоть бы замерзнуть. Черезъ огромную, нечистую переднюю, гдѣ стояли дрова, скамейка въ инвалидномъ состояніи и непокрытое ведро съ водой, ввели Маріулу въ другую большую комнату другого содержанія, но не менѣе мрачную. Продолговатый столъ занималъ средину этой

комнаты по наклону пола, столь эластическаго, что, ступивъ на одинъ конецъ доски, можно было заставить прыгать все, на ней стоявшее. Окна, запушенныя на вершокъ морозомъ, пропускали въ это домовище синеватый цвѣтъ. Кое-гдѣ по потолку свисла паутина, будто крылья летучихъ мышей. Вдоль черныхъ стѣнъ лежали кипы бумагъ, которыхъ годы существованія могъ бы исчислить развѣ архивный Кювье по слоямъ пыли, ихъ покрывавшимъ. Одно, что съ перваго взгляда утѣшало въ этой комнатѣ, такъ это зерцало, стоявшее на вощанкѣ, посреди стола; но и этотъ памятникъ великой идеи великаго Царя-законодателя оскорбляли и смѣлый паукъ, завѣсившій его по мѣстамъ своею тканью, и безчеловѣчіе, помѣстившее разныя орудія пытки въ боковой комнатѣ, въ которую дверь оставлена была, какъ бы съ умысломъ, полузакрытою. Это была полицейская канцелярія при домѣ герцога.

Смотря на эти предметы, цыганка ожидала ужаснаго допроса. Видъ особъ, представившихся ея глазамъ, не болѣе былъ утѣшителенъ. У стола, на судейскомъ мѣстѣ, сидѣлъ худощавый старикъ отвратительной наружности: рыжія космы падали безпорядочно на плеча; голова его, вытянутая, изсохшая, имѣла форму лошадиной, обтянутой человѣческой кожей, съ глазами гіены, съ ушами и ртомъ орангутанга, расположенными такъ близко одни отъ другого, что, когда сильно двигались челюсти, шевелились дружно и огромныя уши и ежились рыжіе волосы. Глаза его, то останавливаясь неподвижно, принимали мертвый цвѣтъ свинца, то сверкали ужасно, какъ пытливый зондъ, или схватывали безъ пощады слабую душу и

держали ее надъ бездной. Онъ былъ одѣтъ весь въ красно-коричневомъ, даже до шелковыхъ чулокъ; богатыя кружевныя манжеты, закрывая кисть его руки, возбуждали подозрѣнія, что подъ ними скрываются когти нечистаго. Подлѣ него, сбоку стола, сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, бѣлокурый, тщедушный. Въ лицѣ его, казалось, не было кровинки; мутные, безжизненные глаза выражали сонливую или болѣзненную природу. Впрочемъ, въ поступкахъ и словахъ его можно было замѣтить какую-то изученную таинственность: онъ весь похожъ былъ на недоговоренный смыслъ, означенный нѣсколькими точками. Онъ держалъ нехотя перо въ рукахъ и смотрѣлъ болѣе на бумагу передъ собой, нежели на живые предметы, его окружавшіе. Первый былъ достойный клевретъ Бирона, оберъ-гофкомиссаръ Липманъ, второй—домашній секретарь ихъ обоихъ и племянникъ послѣдняго, Эйхлеръ, котораго онъ воспитывалъ, какъ сына, и любилъ—для себя. Едва умѣя подписывать свое имя, Липманъ употреблялъ это живое орудіе по всѣмъ бумажнымъ дѣламъ своимъ. Бездѣтный, не имѣя кому передать, кромѣ него, свои богатства и свою знать, онъ хотѣлъ не умереть на землѣ хотя въ немъ, и потому доставилъ ему завидный постъ, приближавшій его къ герцогу; мѣсто кабинетъ-секретаря было у племянничка на мази.

Чудное это желаніе не умирать послѣ себя на землѣ!... Часто цѣлое потомство, цѣлый народъ, человѣчество пожинаетъ на томъ полѣ, которое засѣяло самолюбимое, возвышенное чувство одного человѣка.

По одну сторону зерцала поставили Маріулу, по другую—«языка»: ее, красивую, опрятную, въ шел-

ковомъ нарядѣ, по которому разсыпались золотыя звѣзды (мать княжны Лелемико унизилась бы въ собственныхъ глазахъ, если бы одѣвалась небогато), ее—блѣдную, дрожащую отъ страха, его—въ черномъ, холщевомъ мѣшкѣ, сквозь который проглядывали два сѣрые глаза и губы, готовыя раскрыться, чтобы произнести смертельный приговоръ.

Начался допросъ. Прелюдія ужь хорошо объясняла, каковъ будетъ самый концертъ.

— Смотри, цыганка!—сказалъ грознымъ голосомъ рыжеватый судья, — уговоръ лучше денегъ — говори правду, или косточки твои заговорятъ намъ за тебя.

Онъ указалъ въ боковую комнату. Глаза его при этомъ движеніи подрали по сердцу Маріулы, какъ бы прошли по немъ пилой.

— Не вѣдаю за собой ничего,—сказала она, собравъ силы,—но о чемъ спросишь, господинъ, на все готова отвѣчать. «Лишь бы не о Маріорицѣ», думала она, «о! объ этой не заставитъ меня сказать полслова и то, что вижу въ боковой комнатѣ».

— Еще прибавка къ нашему условію: если сознаешься скоро, въ чемъ тебя обвиняютъ, то мы держать тебя долго не станемъ. Теперь къ дѣлу!

— Слушаю, господинъ!

— Вотъ видишь этого урода въ мѣшкѣ: онъ погубилъ нѣсколько душъ, и доказываетъ, что ты дорогою изъ Москвы сюда была въ короткихъ связяхъ съ его атаманомъ, который, подъ именемъ малороссіянина Горденки, пробирался въ Питеръ, чтобы ограбить казну.

«А!—подумала цыганка, догадываясь, къ чему подбирались допросчики,—слава Богу! дѣло не о моемъ дѣтищѣ; послѣ этого все пустяки, вздоръ!...»

Тяжелый камень свалился съ груди ея; блистающіе радостью глаза и улыбка на устахъ ей измѣнили.

— Только?—невольно спросила она своего судью.

— Развѣ этого мало? Дружба съ атаманомъ! это ведетъ вмѣстѣ съ нимъ на плаху. «Языкъ», твоя очередь! Говори-жъ, что ты доказывалъ на нее. Какъ ее зовутъ? Какіе были у ней плутовскіе замыслы съ атаманомъ?

Человѣкъ въ мѣшкѣ началъ свой доносъ, искусно сочиненный, но худо затверженный. Кто бы зналъ голосъ Ферапонта Подачкина, не обинуясь сказалъ бы, что это былъ онъ.

И дѣйствительно, это былъ сынокъ барской барыни. Его заставили играть роль «языка» для того, чтобы оговорить цыганку, бывшую въ короткихъ связяхъ съ тѣмъ, котораго хотя и заморозили, но не могутъ докончить съ его грозными замыслами,—цыганку, умѣвшую понравиться и Волынскому, съ которымъ она, послѣ смотра, оставалась долго наединѣ. Горденко не передалъ-ли ей извѣстнаго доноса? Не перешелъ-ли этотъ письменный доказчикъ въ третьи руки, къ врагу герцога?... Личность его свѣтлости съ этой стороны не обезопасена; а кто не знаетъ, что личность временщика идетъ впереди всего? Не бѣда сдѣлать цыганку преступницей, навалить ей на плеча два, три злодѣянія!... Скрутивъ ее такимъ образомъ, можно ее допытать и, смотря по обстоятельствамъ, наказать или помиловать: все въ волѣ герцога.

Повести это дѣло къ желанной цѣли поручено, какъ мы видѣли, хитрецу Липману.

— Правда, — отвѣчала съ твердостью цыганка, — меня зовутъ Маріулой, правда и то, что малороссія-

нинъ — Богъ знаетъ, кто онъ такой — полюбилъ меня за мое будто лукавство, часто говаривалъ со мною, и...

— И передалъ тебѣ?... — спросилъ, дрожа отъ нетерпѣнія, Липманъ,—ну, голубушка?

— Понимаю, — сказала про себя Маріула, — понимаю, и все открою. Что мнѣ до чужихъ дѣлъ! У меня только одно дѣло на свѣтѣ... Велите выдти этому мѣшку,—примолвила она вслухъ, обратясь къ судьѣ,— я знаю, что вамъ надо.

Спокойствіе и твердость, съ которою она говорила, предвѣщали благопріятную и скорую развязку допросамъ. Гроза, собравшаяся на лицѣ оберъ-гофкомиссара, начала расходиться. Онъ далъ знакъ «языку» рукою; этотъ понялъ и вышелъ. Тогда цыганка сказала съ твердостью:

— Вамъ надобна бумага Горденки, такъ-ли?

— Да, да, моя голубушка! бума...га, которую... но ты... догадлива, ты все знаешь...

— Нѣтъ, господинъ, я ничего не знаю.

— Какъ ничего?... — вскричалъ грозно допросчикъ.—Проклятая цыганка! не ты-ли сама?...

— Я не знаю, что въ бумагѣ; но она...

— Ну?...

Липманъ при этомъ вопросѣ приподнялся невольно со стула; глаза его вцѣпились, какъ когти дьявола, въ душу Маріулы, изъ которой, казалось, хотѣли исторгнуть ея тайну.

— Гдѣ?—прибавилъ онъ нетерпѣливо.

— У меня, и со мною теперь,—отвѣчала цыганка.

Еслибъ она сказала другое, старичишка растерзалъ-бы ее по клочкамъ; обрадованный отвѣтомъ, онъ готовъ былъ расцѣловать ее.

Не спрашивая позволенія, Маріула подошла къ окну, оборотилась къ Липману спиной, вынула изъ-за пазухи запечатанный пакетъ и потомъ передала его своему судьѣ съ вопросомъ:

— Она-ли?

Заворотивъ свои манжеты, Липманъ схватилъ трепещущей рукой пакетъ, сломалъ на немъ печать и, передавъ его секретарю, задыхаясь спросилъ также лаконически.

— Она?...

Секретарь машинально взялъ бумагу, сонными глазами пробѣжалъ ее, кивнулъ утвердительно и, зѣвая длинною зѣвотой, отвѣчалъ:

— Она!—потомъ сталъ пристально читать ее.

Пока роковое слово не дошло до ушей старика, онъ, казалось, готовъ былъ съѣсть племянника за медленность изъясненія; но отвѣтъ произнесенъ, и торжествующая душа его вся излилась въ восклицаніи:

— А!...

Не иначе произнесъ-бы это восклицаніе алхимикъ, найдя философскій камень; вѣроятно, не иначе произнесъ его Колумбъ, увидя первый берегъ открытаго имъ новаго свѣта.

Тутъ лукавая Маріула, посвященная Горденкою въ нѣкоторыя политическія тайны, касающіяся до Бирона, умѣла, не путая въ нихъ кабинетъ-министра, осторожно разсказать, какъ досталась ей бумага, какъ Горденко—атаманъ, что-ли, она не вѣдала — умолялъ, въ случаѣ смерти его, подать эту бумагу матушкѣ-царицѣ.

— Я обѣщала, — говорила она, — между тѣмъ, у меня было на умѣ: коли Богъ приберетъ его, такъ

запечатанный листъ въ печь; а то, статься можетъ, напляшешься съ нимъ, что и чертямъ до слезъ.

— Начинаю вѣрить, что ты не причастна злодѣяніямъ разбойника, а то жаль было мнѣ славной бабенки. За то и голова у тебя цѣла, да еще жди милостей отъ самого герцога. Баринъ большой, выше его нѣтъ въ Россіи — что я говорю: въ Россіи? — въ подсолнечной! баринъ добрый, щедрый, стоитъ только знать его.

— Какъ-же, батюшка, — отвѣчала Маріула, — про него вездѣ, даже и въ турецкой землѣ, такая хорошая слава идетъ...

Молодой человѣкъ едва-едва усмѣхнулся; но и эту усмѣшку прикрылъ зѣвотой, положилъ бумагу на столъ, протянулъ ноги во всю длину ихъ и началъ дремать.

— Теперь еще два вопроса, — сказалъ Липманъ, — и если ты на нихъ будешь такъ же скоро и вѣрно отвѣчать какъ доселѣ, такъ поздравляю: ты съ богатою обновой.

— Спрашивайте, господинъ!

— Не видала-ли ты на малороссіянинѣ другой бумаги?

— Не видала.

— Не проговаривался-ли онъ объ ней?

— Никогда.

— Не разсказывалъ-ли онъ тебѣ своихъ замысловъ?

— Сказывалъ только, что ищетъ выместить на комъ-то свою обиду, а на комъ и какъ — не пояснилъ мнѣ.

— Теперь послѣдній вопросъ: о чемъ говорила ты наединѣ съ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ вчера, у него въ домѣ?

Духъ занялся у цыганки; блѣдная и запинаясь, она отвѣчала:

— Ничего, господинъ... право слово, ничего...

— Гмъ! ничего! Но ты блѣднѣешь и дрожишь?... Ничего?... Ты должна мнѣ сказать, что съ нимъ говорила, или...

— Признаться, господинъ великій... божусь вамъ Богомъ, это нейдетъ къ вашему дѣлу... пустячки...

— Если это пустячки, такъ зачѣмъ скрывать ихъ?

— Поклялась...

— Эй, заплечный мастеръ!—закричалъ Липманъ.

Вошелъ палачъ.

— О! когда дѣло дошло до этого, пытайте меня: не скажу!

При этомъ отвѣтѣ, въ которомъ выразилась вся сила души Маріулы, она подняла голову и потомъ спросила: «куда ей идти на пытку?»

Молодой человѣкъ былъ исторгнутъ изъ своей дремоты восклицаніемъ ея; наклонившись къ дядѣ, онъ сказалъ ему по-нѣмецки:

— Не ожесточайте ея! Когда она не утаила отъ васъ бумаги, такъ разсказала-бы и другія тайны свои, которыя касаются до малороссіянина, изъ заговора Волынскаго, еслибъ ихъ знала. Вѣроятно, какое-нибудь волокитство... просили ея помощи... вѣдь вамъ ужь сказывали...

— Любовное дѣло? не такъ-ли? — прибавилъ онъ по-русски, обратясь къ цыганкѣ и ободряя ее голосомъ и взоромъ

Да! Больше не ждите отъ меня словечка, — отвѣчала Маріула.

— Давно бы такъ, голубушка, — подхватилъ Липманъ, перемѣнивъ свой грозный голосъ на ласковый и давъ знакъ рукою палачу удалиться:—понимаю, понимаю... невѣста хоть куда!.. ба, ба, ба, да она въ тебя словно вылита!.. Не живала ли ты ужъ въ Молдавіи у какого-нибудь господарчика?

— Полноте шутить, — отвѣчала съ сердцемъ Маріула.

Она согласилась бы въ это время провалиться сквозь землю.

— Чтожъ, доброе дѣло! — продолжалъ иронически старичишка:—женихъ хоть куда! богатый, знатный... свахѣ будутъ хорошіе подарки.

Женихъ! невѣста! слова эти стучали, какъ молотъ, въ сердцѣ бѣдной матери.

— Въ этомъ сватовствѣ мы вамъ мѣшать не будемъ, лишь бы остальное... смотри!.. — прибавилъ Липманъ значительно, погрозясь и показывая на губы.

— Умретъ въ груди моей, — отвѣчала цыганка съ твердостью, оправившись отъ своего испуга.

— Хорошо, я доволенъ! Да, да, еще одно дѣльце!

— Приказывайте.

— Малороссіянинъ, атаманъ не атаманъ, назови его какъ хочешь, пропалъ.

— Такъ чтожъ, сударь?

— Малороссіянинъ, который былъ наряженъ на игрище воеводой и подмѣненъ потомъ Горденкою, теперь на лицо... Вотъ видишь, если узнаютъ, что онъ пропадалъ, что разбойникъ подставилъ себя на мѣсто него и хотѣлъ насмѣяться надъ властями, худо будетъ

воеводѣ, начнутся допросы... пойдетъ путаница, въ которую, — долго-ли до грѣха! — и тебя втащутъ... Такъ лучше, смекаешь, разомъ кончить это дѣло... тѣмъ, что во всю дорогу знала ты одного хохла... теперь разумѣешь..

— И что за Горденко такой, и не вѣдаю...

— Те, те, те! эка разумница!

— А подруга малороссіянина?

— О ней не хлопочи. Она, приставъ и другіе, кто дорогою только знавалъ проклятаго хохла, что нагородилъ намъ столько дѣла, всѣ подъ присягою сказали...

— И я тоже не прочь!

— Смотри!... Знаешь съ кѣмъ будешь имѣть дѣло!... Живую зароемъ въ землю...

— Тяните изъ меня по жилкѣ клещами, если я проговорюсь. Что мнѣ за неволя болтать на свою голову? Можетъ, еще и пригодитесь на черный день.

— О какъ же! какъ же! Экое сокровище!... Ну, не останешься, милочка, безъ награды отъ *самого*.

И подражая *самому*, Липманъ протянулъ въ знакъ милости руку цыганкѣ, улыбаясь огромными своими губами такъ, что въ адѣ сонмъ зрителей, конечно, рукоплескалъ этой художнической архидіавольской улыбкѣ, если только тамошніе зрители могутъ любоваться игрою здѣшнихъ собратовъ-актеровъ.

Этимъ кончился допросъ. Маріула, вмѣсто ожиданной напасти, понесла съ собою лишній серебряный рублевикъ, да еще увѣреніе въ покровительствѣ «перваго человѣка» въ имперіи. Можно догадаться, какъ обрадовался Василій, увидавъ ее живою и веселою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛѢКАРКА

— Вася, другъ мой!, скорѣй обѣщанное, или я накину на себя петлю,—сказала цыганка.

Сердце ея разрывалось отъ досады, что въ ней опять нашли сходство съ княжной Лелемикой.

Не отвѣчая ничего, только поглядывая частенько на свою кукону, какъ бы удостовѣряясь, что она жива, свободна и съ нимъ, цыганъ повелъ ее въ «Рыбачью слободу». Разумѣется, они при этомъ случаѣ избѣгали *большой прешпективы* и площади «Гостинаго двора», гдѣ все пришло въ прежнее суетливое состояніе и гдѣ толковали во всѣхъ углахъ только о томъ, какъ «языкъ» оговорилъ цыганку, которая будто была женою разбойничьяго атамана и погубила нѣсколько душъ. Пустите, какой хотите, глупый слухъ въ толпу—глупая толпа, не разсуждая, всему вѣритъ и все повторяетъ.

Пришли въ «Рыбачью слободу». На концѣ улицы постучался Василій въ избушку, закуренную дымомъ до того, что она казалась построенною изъ угля. Она земно била челомъ къ сторонѣ улицы; соломенная

прическа ея, густо напудренная снѣгомъ, была растрепана непогодами. Вокругъ ни двора, ни кола.

Изъ окна кто-то вынулъ внутрь рамочку, затянутую пузыремъ; пахнулъ паръ, и вслѣдъ за нимъ изъ отверстія оконнаго высунулось, обвитое этимъ паромъ, какъ облачкомъ, желтовосковое, въ густыхъ сборахъ, лицо старушки. Она закашлялась, и тогда, казалось, вылетали изо рта ея вспышки дыма. Ласковымъ голосомъ спросила она, что нужно цыганамъ.

— Намъ до тебя приспѣло, родная,—сказалъ Василій:—впусти, не скаешься.

— Хоть и не во время пожаловали, добрые люди,—отвѣчала старуха:—не на улицѣ же въ морозъ стоять вамъ: войдите съ Богомъ.

По обледенѣлой лѣсенкѣ, такъ-же черно и уклончиво стоящей, какъ и все зданіе, взошли наши странники на площадку ея. Тутъ Василій дернулъ щеколду у огромной двери, и она, отворившись, увлекла бы его, конечно, за собой, если бы онъ не перевѣсилъ ея своею тяжестью. Цыганы очутились въ маленькихъ сѣняхъ, отдѣлявшихъ жилье отъ чулана, служившаго, вѣроятно, аптекою, потому что изъ него несло благовоніемъ майскихъ травъ. Сдѣлавъ спросъ у щеколды другой двери, вступили они въ избу, хорошо *окутанную* и освѣщенную. Тепло, свѣтъ, такъ и обдали нашихъ путниковъ, запушенныхъ морозомъ. У *искоска*, убраннаго изсохшими цвѣтами и вербою, прилѣплены были три горящія восковыя свѣчки и ярко озаряли икону съ посеребреннымъ вѣнчикомъ, увѣшаннымъ разноцвѣтными лентами, кольцами и крестиками, усердными приношеніями болящихъ. На ней время и копоть дыма изгладили и потемнили изображеніе Матери Божіей;

но вѣра живописала чудными красками цѣлый міръ благодати. Головой къ иконѣ, на залавкѣ, лежала крестьянская дѣвушка, блѣдная, страждущая. Глаза ея издавали фосфорическій блескъ, грудь тяжело ходила; волосы, заплетенные въ косу, падали на полъ; руки и ноги были связаны веревками. Возлѣ нея школьникъ, исполинскаго роста, бормоталъ гнусавымъ голосомъ какое-то заклинаніе бѣсовъ. Старушка, въ синемъ сарафанѣ, приземистая, горбатенькая, но такая опрятная, чистенькая, какъ ошелущенный орѣхъ, читая шопотомъ молитву, дала знакъ рукою гостямъ, чтобы они сѣли на залавокъ. Дѣвушка лѣтъ четырнадцати, свѣжая, румяная, будто умылась только снѣгомъ, стояла у шестка и сыпала на черепокъ какой-то смолы, отъ которой по избѣ неслись струи благоуханнаго дыма. Когда-жъ школьникъ произнесъ громовымъ, протяжнымъ голосомъ: «Изыде...» больная застонала, заскрежетала зубами и страшно закликала на разные голоса. То слышался въ ней лай собаки, то скрипъ телѣги, то хрюканье свиньи. По временамъ изрыгала она богохульныя слова. Ее начало ломать; глаза ея хотѣли выпрыгнуть изо лба. Веревки на ней лопнули; она сгибалась въ кольцо, волною, билась, какъ рыба объ ледъ, цѣплялась ногами за стѣну... Казалось, всякая часть тѣла ея имѣла притягательную силу... Животъ ея вздуло горой... гора эта упала, грудь расширилась необыкновенно, шея напружилась такъ, что жилы казались веревками. Школьникъ и цыганъ схватили ее за руки и за ноги, но сила ихъ обоихъ была ребячья въ сравненіи съ женскою—ихъ отшатнуло. Коса больной, ударивъ по щекѣ школьника, провела по немъ красный рубецъ.

Ужасъ окаменилъ Маріулу; волосы встали на ней дыбомъ. Одна лѣкарка спокойно молилась. Вскорѣ кликуша начала утихать; изо рта у ней забила пѣна, и вслѣдъ затѣмъ повалилъ легкій паръ. Когда-жъ онъ исчезъ, благоговѣйно перекрестилась, перекрестила ее, сотворила надъ нею молитву, стала шептать непонятныя слова, поводить рукою по тѣлу и очамъ страдалицы... долго, долго, тихо, таинственно, усыпительно поводила... Глаза лѣкарки заблистали, на желтоватыхъ щекахъ выступили по блѣдно-розовому пятну... Больная пришла въ спокойное состояніе, взглянула свѣтлыми, благодарными глазами на старушку, на образъ, пылающій отъ свѣчей, вздохнула, перекрестилась, смежила рѣсницы и заснула съ улыбкою на устахъ. Лицо ея покрыли бѣлымъ платкомъ. У ногъ присѣла дѣвочка, держа ихъ въ рукахъ своихъ. Утомленная старушка сдѣлала нѣсколько шаговъ до залавка, прилегла на нее и сама въ одинъ мигъ заснула крѣпкимъ сномъ. Школьникъ, потушивъ свѣчки, далъ знакъ цыганамъ рукою, чтобы они не шумѣли, и уплелся потихоньку изъ избы. Въ ней сдѣлалось тихо, такъ тихо, какъ будто сонный геній накрылъ ее крыломъ своимъ. Теплота оранжерейная испаряла нѣгу; дыханіе сонныхъ настраивало понемногу къ дремотѣ. Не въ силахъ одолѣть ее, Маріула и товарищъ ея прилегли на залавки—и въ нѣсколько мгновеній все въ этой избушкѣ спало глубокимъ сномъ подъ какимъ-то волшебнымъ наитіемъ.

Когда они проснулись, былъ уже вечеръ. На столѣ, покрытомъ скатертью съ красною оторочкой, горѣла сальная свѣча. Дѣвочка, проворная, какъ бѣлка, ставила на него огромные ломти чернаго хлѣба и огром-

ную деревянную солоницу съ узорочною рѣзьбой. Хозяйки не видать было. Котенокъ игралъ бумажкой, которую на ниткѣ спускала съ палатей трехлѣтняя дѣвочка. Изъ-подъ бѣлыхъ волосъ ея, расправленныхъ гребешкомъ, словно волны молодого барашка, и свѣсившихся вмѣстѣ съ головой, можно было только видѣть два голубые, плутоватые глазка.

Пришла и хозяйка.

— Не погнѣвись, родимая,—сказалъ ей Василій, кланяясь въ поясъ вмѣстѣ съ своей подругой,—ужь у тебя и соснуть успѣли. А все твое тепло, такъ и паритъ съ морозу...

— Паръ костей не ломитъ, батюшка. А про Божій рай и поминать не къ слову грѣхъ: тепло земное не для душки,—отвѣчала проворно старушка, засыпая словами.—Видно, поустали путемъ, дорогой; и то молвить, снѣгъ какъ мѣсиво, такъ и путаетъ ноженки. Теперь скажите-ка мнѣ, отколь Богъ васъ несетъ и за какимъ дѣльцемъ.

— Ты, кажись, Аграфена Парамоновна, не признала меня?

— Не взыщи, родной, не признаю, — сказала старушка, вглядываясь потухшими глазами въ цыгана.

— Правда, много воды утекло съ того времени, какъ мы съ тобою видѣлись, а еще болѣе, какъ съ тобой свели знакомство. Я изъ молодого, браваго парня сталъ брюханъ, старичишка, а ты изъ красивой дѣвки горбатенькая старушка. Красоту твою рукой сняло, а мою жиромъ занесло.

Цыганъ вынулъ роговой гребень и причесалъ себѣ черные съ просѣдью волосы на головѣ, остриженной

въ кружокъ, и подставилъ умильно предъ глазами старушки лицо свое, густо опушенное бородою.

— Батюшка, какъ бы вспомнить!

Другая, на мѣстѣ нашей лѣкарки, сказала бы, можетъ быть: «помоги Господи!» но она призывала имя Господне только въ важныхъ случаяхъ.

— А помнишь, какъ ты шла отъ нѣмца-лѣкаря, къ которому посылалъ тебя отецъ, и тебя въ полѣ обидѣть хотѣли два солдата... а я проводилъ честно до дому, лишь поцѣловалъ тебя, мою разлапушку, въ щечку, словно въ аленькій цвѣтокъ.

Лицо старушки зардѣлось слегка и вмѣстѣ заблистало радостью.

— Васинька, родной, Василечикъ ты мой, это ты?— воскликнула она, и положила дружески изсохшую руку на плечо жирнаго цыгана.—Какъ мнѣ забыть тебя!... То ли ты для меня сдѣлалъ? вынесъ моего сожителя, хвораго, безногаго, изъ полымя, какъ случился у насъ пожаръ...

— Да укралъ у васъ же лошадь.

— Эхъ, эхъ! ты все такой же балагуръ, какъ бывало,—сказала развеселясь лѣкарка.—Много лѣтъ мы съ тобой хлѣбъ-соль водили. Кто-жъ эта молодица?

— Моя кукона, по-русски госпожа моя.

— Такъ ты пошелъ въ кабалу?

— То есть въ неволю?... Нѣтъ, Парамоновна; развѣ ты меня не знаешь... Кто велѣлъ бы мнѣ оставить службу у добраго царя, кабы не сидѣлъ у меня царь въ головѣ — проклятая цыганская волюшка. Маріула, вотъ видишь, сдѣлала мнѣ добро, не-мало не-много отъ плахи избавила; и поэтому-то хоботу я ей служу, называю ее своею госпожей, а она меня своимъ братомъ,

сватомъ и всякою околесницей. Къ тому-жъ она цыганка, наша сестра! Назови жъ она меня не въ шутку своимъ слугою, такъ я... ей кланяюсь, даромъ что люблю ее пуще сестры родной. Эй! Маріула, поцѣлуй же старую мою знакомку.

И госпожа исполнила съ удовольствіемъ приказъ своего товарища и слуги.

— Какъ же тебя въ Питеръ принесло? Ужь не на бѣсовское ли игрище, что твоя товарка такъ нарядна! Мы ужь со внучками до-сыта налюбовались звѣздочками на ея одеждѣ, точно съ Господняго неба сняла.

— Маріулѣ нужно было въ Питеръ: мнѣ вездѣ хорошо, гдѣ со мною воля и насущный хлѣбъ—бояться нечего за старые грѣхи мои: ты меня не признала, такъ никто не признаетъ—на игрище мы попали, потому что насъ за это холятъ, да одѣваютъ, да кормятъ хорошо, а къ тебѣ пришли за снадобьицемъ: вотъ и вся недолга.

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады старому другу.

— Помнишь ли, приходила разъ къ отцу твоему бабеночка, сухотная, чахотная что ли, все покрехтывала да покашливала, словно у ней въ горлѣ что стояло! Вотъ далъ онъ ей снадобья, какого-то жгучаго, да и велѣлъ ей пить по капелькѣ въ водѣ на заряхъ. «Смотри,—говорилъ онъ ей, — пузырька не разбей, а то надѣлаешь такихъ проказъ, что свѣту Божьяго не взвидишь».

— А она, глупенькая, тутъ же выронила бумажку, которую заткнутъ былъ пузырекъ, и обожгла себѣ руку такъ, что и умерла съ красными пятнами, словно давленой клюквой кто ее обрызгалъ.

— Э, ге! видно съ этою шуткою шутить не надо,

сказалъ значительно цыганъ, посмотрѣвъ на свою подругу, у которой въ это время сердце стучало, какъ молотъ, а глаза умоляли Василія дополнить начатое.— Однако,—продолжалъ онъ,—мы не такъ глупы, какъ эта бабенка... побережемся...

— Для кого же вамъ это снадобьице? Ты, кажись, не сухотенъ,—старушка плюнула, и перекрестилась,— твоя названная госпожа хоть и грустна, а. Богъ съ ней, здоровехонька.

— Вотъ видишь, родная,—подхватила Маріула, — одна богатая барыня въ Питерѣ просила меня лѣкарства отъ сухотки и обѣщала меня озолотить, коли ей помощь сдѣлаю. Васѣ я это разсказала; онъ вспомнилъ, что родитель твой поднялъ кого-то на ноги точь-въ-точь отъ такой хворости, и привелъ меня сюда. Помоги, Парамоновна; барыши всѣ пополамъ.

— Изволь, изволь, есть у меня что вамъ потребно; только о барышахъ ни словечка; мы люди свои, а я еще въ долгу у твоего и моего Васиньки.

Тутъ лѣкарка подошла къ коробу, подозвала старшую дѣвочку, называя ее своею внучкой, велѣла ей осторожно вынуть пузырекъ, замѣченный соломинкой въ бумажной пробкѣ; потомъ отдала его Маріулѣ съ крѣпкимъ наказомъ давать больной лѣкарства по одной каплѣ, и то въ водѣ.

— А передать,—продолжала она, — не долго принять на душу грѣхъ смертный: и ты, и я пропадемъ навѣки. Теперь поставь снадобье на полку, а завтра возьмешь его съ бережью, помолясь Богу. Чай, вы у меня отвѣдаете хлѣба-соли да переночуете? Морозъ такъ и воротитъ лицо — долго ли до грѣха? попадешь и подъ снѣжную пелену.

Маріула и Василій благодарили и согласились переночевать. Первая съ трепетомъ сердечнымъ поставила пузырекъ куда ей указали.

Сѣли за скромную сельскую трапезу. Меньшая дѣвочка, босая, слѣзла съ полатей и заняла возлѣ своей бабушки почетное мѣсто, выглядывая исподлобья плутоватыми глазками на гостей. Старшая внучка прислуживала за столомъ. Послѣ ужина занялись бесѣдою какъ водится, о тягостяхъ настоящаго времени и о блаженствѣ прошедшаго. Этотъ предметъ разговора—общее мѣсто у необразованнаго класса народа во всѣ вѣка; тогда оно было горькою истиной. Жаловались на временщика, на нужды народныя и жалѣли о государынѣ, которой некому было молвить правду за ея дѣтокъ; скорбѣли также, что въ нѣсколькихъ деревняхъ, по сосѣдству съ Рыбачьей слободой, ходила какая-то немочь и валила малаго и большого, но что, благодаря Бога, она миновала до сихъ поръ слободу. Разсказывали также объ игрищѣ, которое готовили въ Питерѣ, о диковинныхъ людяхъ, похожихъ на звѣрей, привезенныхъ туда, о слонахъ, верблюдахъ, ослахъ и прочихъ разнородныхъ животныхъ, на которыхъ будутъ возиться эти люди по городу, и даже о ледяномъ домѣ, о которомъ молва успѣла уже прокрасться въ однѣ сутки изъ дворца въ хижины. Такъ-то царь думаетъ, а народъ вѣдаетъ. Между тѣмъ бесѣду прерывали нѣсколько разъ болящіе. Одна просила полѣчить ее отъ зубовъ, другая—отъ жабы. И ту и другую маленькая, добренькая старушка лѣчила молитвами, приговорами и осязаніемъ, которое нынѣ назвали бы магнетизмомъ. Къ этимъ способамъ прибавляла она — для одной деревянный гвоздикъ, для другой воду съ солью.

Визиты доставили медику въ сарафанѣ десятокъ яицъ и крынку молока. Несмотря на скудость дара, услужливая лѣкарка, дѣлавшая все во имя Бога, довольна была наградой болѣе, нежели иной врачъ, получившій за консультацію золотую табакерку. Отъ горбатенькой старушки такъ и сіяло святынею добра.

Молодую паціентку ея пришли звать на посидѣлки въ сосѣднюю избу. Когда она ушла, цыганъ и цыганка просили лѣкарку разсказать, отчего приключилась съ несчастною дѣвушкою такая немощь. Старушка охотно согласилась исполнить ихъ желаніе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗСКАЗЪ СТАРУШКИ

Слово не мимо идетъ.
Русская посл вица.

— Сотворимъ-ка знаменіе крестное; всякое знаменіе со крестомъ вѣрнѣе, — сказала старушка, и когда исполнила свой завѣтъ, а за ней послѣдовали ея слушатель и слушательница, приступила къ дѣлу.

— Этому было, не мало, не много, тому назадъ десятка полтора лѣтъ, о святки, въ часы ночные, какъ бы не обмолвиться, развѣ за часокъ до первыхъ пѣтуховъ. Православные въ слободѣ улеглись всѣ спать. Лишь въ нашей избѣ горѣла лучина; мы съ дочкою, покойницей, пощипывали и чесали ленъ да поджидали сожителя ея изъ Питера. Разгуляйся вдругъ погода такая, что носа нельзя высунуть на дворъ, мятель сердито скребла окошко, вѣтеръ укалъ, будто просился къ намъ, инда жутко становилось. Вперемежку, только-что онъ, поугомонившись, отдохнулъ крохотку, слышимъ: возлѣ самаго угла избы бранятся, да какъ?— прости Господи! — словно въ кабакѣ. Плюнула я на

этотъ грѣхъ—до молитвы ли? — отворила окошко, высунула голову, и вижу, — батюшки, свѣты мои! Мятель сѣетъ часто, часто, что твои нитки на моталкѣ у проворной мотальщицы, вихорь крутитъ винтомъ снѣгъ вдоль загороды, воротишки въ село занесены, и мужикъ возится въ сугробѣ съ кляченкой — у сердечной только-что рыло да спина чернѣются. Мужичку бы, Христомъ да Богомъ, покликать кого на помощь, а онъ, остервенившись, такую несетъ клятву на погоду, на слобожанъ, что не прочистили, вишь, про него сугробовъ, на себя, на жену, на свое дѣтище.

— Да неужели есть такіе родители?—сказала цыганка съ ужасомъ,—кровь свою проклинать!...

— Мало какихъ людей на свѣтѣ нѣтъ! Не мѣшай же мнѣ спросами, сизая голубка, а то, на старости лѣтъ, мудрено ли сбиться?

— Вотъ, слышу, голосъ-то знакомый, мужичка изъ сосѣдней деревушки. Ахти, Сидоръ! молвила я ему, въ такую ли пору браниться? Перекрестись-ка лучше да призови Господа на помощь, а мы съ дочкою придемъ къ тебѣ да разгребемъ сугробецъ.

«— Помоги, матушка, сударушка, разлапушка, и такая и сякая! — вопилъ мужикъ... — хозяйка родила дочку, сама хворая, того и глади протянется; взмолилась: поѣзжай-де къ батькѣ, въ Рыбачью, да привези ей и дѣтищу молитву. Провалъ ихъ возьми, когда вздумала родить!...

— Экой грѣхъ, экой грѣхъ! слово не мимо идетъ!— молвили мы промежъ себя съ дочкой,—видно, хмѣльной! погубитъ онъ свою и ихъ душу. Вѣдомо намъ было, рыльце-то онъ свое окуналъ частенько въ зелено вино. Какъ придетъ дурь въ голову, рѣшетомъ

деньги мѣритъ, проспится, не на что рѣшета купить, бьетъ хозяйку не на животъ, а на смерть: давай денегъ въ кабакъ, а нѣтъ, такъ холсты неси въ закладъ. Житье бѣдной было такое, хоть живой въ землю лечь. Взяли мы съ дочкой по лопатѣ и ну разметывать сугробъ. Работа далась легкая и скорая—снѣгъ былъ рыхлый, а мужичку покажись она тяжелою — мудренаго нѣтъ, отъ того, что лошаденка его завязла ногою въ заворъ. Уменъ былъ, хотѣлъ, чтобы кляченка сломала грудью жерди. Спасибовъ наклалъ онъ намъ съ коробъ и помчалъ по селу.

«Сказывала я вамъ до сихъ поръ, други мои, что своими очеными видѣла; теперь стану разсказывать слышанное. Вотъ подъѣхалъ Сидорка къ поповскому дому. На стукъ его вышелъ священникъ и, вывѣдавъ, за какимъ дѣльцемъ тотъ пріѣхалъ, впустилъ его къ себѣ. Спросилъ у мужичка шапку, прочелъ въ ней молитву новорожденному младенцу и родильницѣ и, перекрестя, надѣлъ на голову мужика со строгимъ наказомъ, крѣпко-де бы держалъ ее на головѣ, а пріѣдучи домой, вытрясъ бы изъ нея молитву на тѣхъ рабовъ Божіихъ, на чье имя взята она. Денегъ у Сидорки за душой и полушки не было, а полѣзъ будто за кисой.

«— Ахти, батька!—молвилъ онъ, будто въ испугѣ,— везъ тебѣ два алтына, да, знать, дорогой обронилъ.

— Богъ проститъ! — сказалъ отецъ духовный, — когда-нибудь сочтемся.

«Мы только-что прилегли: слышимъ, катитъ нашъ Сидорка мимо избы, словно буря, затянувъ пѣсню съ разными прибаутками.

«Деревушка его отъ нашей слободы рукой подать,

много-много съ полверсты. Отъѣхалъ онъ врядъ-ли за околицу, чуетъ, на головѣ шапка свинецъ-свинцомъ, такъ и давитъ голову: то поправитъ ее слегка, то крошечку приподыметъ. Онъ погонять лошадь, а шапка рѣжетъ ему лобъ, словно желѣзный обручъ. Вдругъ, отколѣ ни возьмись, на встрѣчу ему сани, вороной жеребецъ въ запряжкѣ, хрипитъ и мечется кляченку изгрызть. Сидитъ въ саняхъ мужичище рыжій, шапка саженная съ двумя заломами, борода по колѣна огневая, такъ и чешетъ ее по сторонамъ вѣтеръ, какъ охапку льну. Видно, грѣхъ на грѣхъ наѣхалъ.

«— Сворони!—грозно гаркнулъ онъ.

«Сидоркѣ стоило бы смирнехонько, съ молитвою, отвесть свою лошадку въ сторону; гдѣ ему, озорнику? кричитъ:

«— Я самъ-ста не хуже тебя! Хаворитъ Меншиковъ что-ли ѣдетъ?... Эка фря! Своротишь самъ!...— Да къ этому ругнулъ проѣзжаго недобрыми словами.

«Не стерпѣлъ этихъ позорныхъ словъ рыжій мужикъ, скокъ съ саней, кляченку за уздцы, втопталъ ее по уши въ снѣгъ, Сидорку по рылу, инда у этого искры изъ глазъ посыпались, а по шапкѣ его не тронулъ. Осерчалъ нашъ Сидорка, хвать самъ врага кулакомъ — мимо, еще — опять мимо; а недобрый проѣзжій,—съ нами сила крестная! — въ сани и погналъ шажкомъ на ворономъ жеребцѣ. Мужичишка нашъ и пуще прежняго разгорѣлся; схватился за шапку съ молитвой и швыркомъ ее въ нечистаго — глядь, будто огонекъ взвился къ небу, а врага и слѣдъ простылъ; только поднялся по полю такой бѣсовскій хохотъ, что твои лягушки въ болотѣ! Дѣлать было Сидоркѣ нечего; отыскалъ наспу шапку свою, вытащилъ кляченку изъ

снѣгу—съ бѣдной паръ такъ и валилъ—и поѣхалъ домой съ недобрыми мыслями: «затаю, дескать, хозяйкѣ, что молитву потерялъ». Шасть къ себѣ на дворъ, вошелъ въ избу; только-что хотѣлъ крестное знаменіе сотворить, да не смогъ: изъ-за печки сверкнулъ кто-то очами и подразнилъ языкомъ, пусто бы ему было! Въ избѣ вой и плачъ, хоть вонъ бѣги.

«— Поспѣшай, батюшка,—молвили ему сосѣдки,—хозяюшка твоя на отходѣ.

«Снялъ тутъ Сидорка шапку и, словно добрый человѣкъ, потрясъ ее надъ умирающей — слышитъ, за печкой кто-то захохоталъ, родильницу перевернуло къ стѣнѣ; взвизгнула бѣдная, замахала рукой и испустила душеньку. Онъ къ младенцу съ тѣмъ же благословеніемъ: у дѣвчонки косило ротъ и животъ дуло, пока отецъ держалъ надъ ней шапку.

«— Будь проклята ты! — вскричалъ онъ такъ, что на всѣхъ ужасъ навело, и посыпали сосѣдки вонъ изъ избы. Шлепнулъ онъ съ сердцовъ шапку на полъ и пошелъ на полати спать; только худо ему спалось. Видитъ онъ,—съ нами крестная сила! и разсказывать, такъ морозъ подираетъ, — бѣсъ съ рожками лапчитъ младенца, а мертвая, въ саванѣ, сидитъ и плачетъ и упрашиваетъ его отдать ребенка... Съ тѣхъ поръ ужь Сидоркѣ все грезился нечистый. Спитъ-ли? — душатъ его саженной шапкой двумя заломами. Пьетъ-ли зелено вино?—голосятъ ему въ ухо: «пропилъ ты и такъ молитву!» Осушилъ-ли стклянку? — на днѣ дразнятъ его языкомъ; какая-то рыжая борода по губамъ вытираетъ, кто-то шепчетъ ему: «молитвой закуси!» Обезумѣлъ Сидорка: то бранится самъ съ собой, то упрашиваетъ невидимо кого; въ ину пору отмахивается попусту, въ

другую пору бѣлугой вопитъ: «батюшки! рѣжутъ! душатъ!» Съ тѣмъ и пошелъ ровнехонько черезъ годъ въ могилу; лишь передъ смертнымъ часомъ покаялся отцу духовному, что пьяный бросилъ шапку съ молитвой, которую онъ далъ ему».

— А дѣвочка?—спросила цыганка съ ужасомъ.

— Дѣвочка что-то больно кричала, какъ стали ее крестить, но потомъ росла себѣ пригожая и смышленая, только съ-маленька все задумывалась да образовъ боялась и ладону не любила. А какъ вошла въ пору да въ разумъ, поразсказалъ ей невѣдомо кто, какъ отецъ потерялъ молитву ея. Съ того дня ей попритчилось, и стала она кликать на разные голоса. Вотъ ее-то бѣдную видѣли вы. Кажись, теперь нечистому недолго въ ней сидѣть. Помощь Божья велика намъ, грѣшнымъ. А вы помните, други мои:—слово дурное и хорошее не мимо идетъ.

Чѣмъ начала старушка разсказъ, тѣмъ и кончила, то-есть крестомъ. Долго еще послѣ того мерещился въ глазахъ слушателей пьяный, безумный Сидорка и нечистый съ рыжею бородою на ворономъ жеребцѣ, и какъ няньчилъ-то онъ младенца въ полночь, и какъ упрашивала мать отдать его. Пуще всѣхъ задумывалась Маріула и собиралась узнать, носитъ-ли дитя ея на груди крестъ, благословеніе отцовское.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РУСАЛКИ

Дитя ея для нея не цѣлое-ли человѣчество?
Бальзакъ.

Къ ночи все прилегло въ избѣ, но заснули крѣпко только бабушка да маленькая внучка, обѣ равно спокойныя духомъ, обѣ съ дѣтскою непорочностью, готовыя перелетѣть отъ земли въ лоно Бога. Маріула не могла сомкнуть глазъ; въ головѣ ея гнѣздились замыслы. Старшая внука, повозившись немного на полатяхъ, слѣзла съ нихъ осторожно, надѣла бѣлый *сушунъ* и тихо, какъ тѣнь, прокралась изъ избы. Цыгана подмывали тоже думы. Онъ видѣлъ, какъ пригожая дѣвушка выплелась изъ общей ихъ спальни. Любопытство сильно толкнуло его подъ бокъ, и Василій, почти вслѣдъ за ней, пробрался въ сѣни и на крыльцо,—надворное, хотѣлъ я сказать, забывъ, что хижина стояла безъ двора и загороды, одна одинехонька, какъ бобыль безъ роду и племени.

Ночь была свѣтлая, по-вчерашнему. Серебряный мѣсяцъ, казалось, весь растопился и разлился по бѣлой

скатерти равнины; далеко, очень далеко означался на ней малѣйшій кустъ, который, при каждомъ дуновеніи вѣтерка, принималъ видъ движущагося человѣка или звѣря. Деревни съ своими снѣжными кровлями казались рядами огромныхъ, бѣлыхъ шатровъ. Гдѣ-гдѣ подслѣповато мигалъ въ нихъ огонекъ, утѣшая издали робкаго путника. Въ одномъ Петербургѣ чаще проблескивали огни, будто плошки сквозь декораціи, оставшіяся послѣ великолѣпнаго освѣщенія. Цыганъ сдѣлалъ скачокъ глазами вдоль улицы, чтобы посмотрѣть, куда пойдетъ бабушкина внучка; но слѣдъ ея уже простылъ. Прислушиваясь, онъ потонулъ было въ глубокой, холодной тишинѣ: вдругъ обдали его, точно кипяткомъ, мурлыканье и возня кошекъ надъ его головой.

— Чтобъ вамъ подохнуть! — вскричалъ цыганъ, плюнувъ съ досады,—напугали меня пуще «языка».

Не успѣлъ онъ еще успокоиться, какъ слуху его сказался далекій шумъ шаговъ. Прислушивается—это не походка одинокаго спутника. Скрипъ, скрипъ, скоро, скоро, и много, очень много—должно быть, цѣлая толпа. А никого, нигдѣ не видно!... Вотъ тянется гулъ изъ Петербурга: часы бьютъ полночь. Что-то, кромѣ мороза, подрало по сердцу Василія. Хотя и не твердый христіанинъ, однакожъ сотворилъ онъ крестное знаменіе; собравшись съ духомъ, сошелъ съ лѣстницы и—за уголъ избы. Первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, смоляная бочка, ярко пылавшая въ полѣ. Еще нѣсколько шаговъ впередъ, и видитъ: вдали, за овинами убѣгаютъ русалки, съ распущенными волосами, въ одеждѣ по модѣ русалокъ, какую онѣ въ подводномъ царствѣ употребляютъ. Въ одинъ мигъ онѣ и скрылись. Не обманули-ли его

глаза?... Снѣгъ шуршитъ еще подъ ихъ ногами. Чтожъ тутъ? Уши обманываютъ?... Это недобрымъ отзывается. Вотъ какія чудеса творятся въ Рыбачьей слободѣ! Ге, ге, ге! Не даромъ говорятъ, рыбаки водятъ дружбу съ русалками! Видно, нынче шабашъ ихъ? Окаянныя и смоляную бочку зажгли для праздника, все также по-нашему, по-человѣчью!

Въ такомъ страшномъ раздумьѣ, потирая себѣ частенько глаза и вертя пальцемъ въ ухѣ, Василій возвратился на площадку лѣстницы; но лишь только сталъ на нее—слышитъ опять бѣглый скрипъ, все ближе и ближе, яснѣе и громче. За нѣсколько минутъ онъ видѣлъ русалокъ въ задъ; теперь онѣ бѣгутъ, обратясь къ нему лицомъ. Мѣсяцъ обрисовываетъ ихъ пріятныя и непріятныя формы, разрумяненныя морозомъ. Вѣдьмы водяныя обошли слободу кругомъ. Василій присѣлъ на корточки и сотворилъ молитву, снизанную наскоро изъ нѣсколькихъ молитвъ, худо выученныхъ. Дѣвки чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ болѣе уходитъ духъ его въ пятки. Хоть бы дать стречка въ избу, еслибъ не боялся привстать и показаться. Чего добраго? защекочутъ. Толпа-жъ большая! Однако же морозъ не шутитъ и съ ними, гонитъ ихъ порядкомъ, едва не вскачь. Вотъ поровнялись съ избушкой, въ двухъ шагахъ отъ нея... Духъ занялся у цыгана... Впереди идутъ рядомъ двѣ толстыя, претолстыя, будто беременныя, — должны быть матки! За ними все молодыя, и между ними, ахти! нельзя ошибиться—бабушкина пригожая внучка. Въ русалки завербовалась! каково?... а дома, словно святая, воды не замутитъ, да и крестъ кладетъ не хуже раскольника. Матки несутъ что-то въ рукахъ; у одной черный пѣтухъ, у другой черный котъ или

кошка. Слышно клохтанье и мяуканье; только не разберешь, котъ-ли клохчетъ и пѣтухъ мяучитъ, или наоборотъ. За ними одна молоденькая русалка—и провалъ ее возьми! такая пригоженькая, что на старости поцѣловалъ бы ее—несетъ огромный клубокъ, который, словно живой, вертится въ рукахъ. Потомъ бѣжитъ соха, запряженная нѣсколькими дюжими дѣвками, и сильно вспахиваетъ снѣгъ. Чѣмъ ватага далѣе, тѣмъ болѣе храбрится цыганъ. Онъ слѣзаетъ опять съ лѣстницы, становится за угломъ избы и видитъ: остановилась нечисть у смоляной бочки. Русалки связали два противные конца какой-то нитки вмѣстѣ, зарыли тутъ бѣднаго пѣтуха и кота, обѣжали нѣсколько разъ горящую бочку съ какими-то бѣсовскими приговорками, зашли за нее въ одеждѣ русалокъ, а вышли изъ нея въ одеждѣ слободскихъ дѣвушекъ и женщинъ, закидали огонь снѣгомъ и бросились всѣ вразсыпную по слободѣ. Внука лѣкарки прямо къ себѣ на лѣстницу, и въ избу. Шасть за нею и Василій. Вотъ онъ ее поставитъ предъ бабушкой и образомъ въ допросъ!..

Между тѣмъ въ избѣ было не безъ дѣла. Маріула, какъ мы сказали, не могла сомкнуть глазъ. Голова ея пылала одною мыслью, что она погубитъ дочь сходствомъ: какъ нарочно, та въ нее вылита. Другимъ матерямъ это сходство служило бы утѣшеніемъ, для нея же оно—мука. Судьба зоветъ ее во дворецъ; Волынскій назначилъ ей быть тамъ на дняхъ... А удовольствіе смотрѣть на Маріорицу, говорить съ ней?.. Можно-ли отказаться? Но тамъ увидятъ цыганку вельможи, статься можетъ, государыня, увидятъ рядомъ съ княжной Лелемикой, и довольно одного намека, одного подозрѣнія, чтобы уронить Маріорицу въ

общемъ мнѣніи—милую ея Маріорицу, которую она любитъ болѣе своей жизни, болѣе своей души. Мысль эта душитъ ее и на будущее время нигдѣ не даетъ ей покоя! Надо избавиться отъ этой муки.

Пузырекъ съ ядовитымъ веществомъ на полкѣ. Маріула хорошо замѣтила, гдѣ онъ стоитъ. Старушка сказала: «если жидкость попадетъ на тѣло, то выйдутъ на немъ красныя пятна, которыя одна смерть можетъ согнать». Чего-жъ ближе къ дѣлу?... Василій вышелъ, а то бы онъ помѣшалъ, можетъ статься!... Цыганка не разсуждаетъ о послѣдствіяхъ, о собственной гибели: одна мысль, какъ пожаръ, обхватила ее. Раздумывай, береги себя другая, а не она!...

Дрожа, какъ преступникъ, и между тѣмъ вся пылая, Маріула встаетъ съ залавка... осматривается, прислушивается... все спитъ. Слава Богу, что все спитъ!... Два, три шага, легкіе, какъ шаги духа — и она у полки... Рука ея блуждаетъ... наконецъ, схватываетъ пузырекъ... бумажная пробочка вонъ, и... Боже! что съ нею?... глазъ ея поврежденъ... кипящій свинецъ рѣжетъ щеку... бьется мозгъ въ головѣ, будто черепъ сверлятъ... предъ остальнымъ глазомъ прыгаютъ солнцы... въ груди тысячи ножей... И только одинъ стонъ, одинъ скрежетъ зубовъ въ дань всѣмъ этимъ мукамъ и посреди этихъ мукъ слабая, далекая мысль о Маріорицѣ! Эта мысль торжествуетъ надо всѣмъ.

Что ей дѣлать? Разбудить лѣкарку? Умереть на мѣстѣ? Зачѣмъ нѣтъ съ нею теперь Василія?... «Господи, Господи, помоги!» можетъ она только сказать, и, шатаясь, идетъ искать своего товарища. Ей кажется съ каждымъ шагомъ, что она наступаетъ на ножи, на вилы. Дверь сама собой отворяется; кто-то даетъ ей

мѣсто: это внука лѣкарки, идущая съ ночной прогулки, изъ бесѣды русалокъ. Цѣпляясь за стѣны, Маріула выходитъ на площадку лѣстницы, и Василій ее окликаетъ.

Маріула не въ силахъ отвѣчать, только стонетъ; хватается за его рукавъ, крѣпко, судорожно сжимаетъ его и, готовая упасть отъ нестерпимой боли, виснетъ на немъ. При свѣтѣ мѣсяца цыганъ всматривается въ лицо своей куконы и каменѣетъ отъ ужаса. Онъ не сомнѣвается болѣе: несчастная изуродовала себя *крѣпкою водкой*.

— Маріула, Маріула! что ты сдѣлала? — говоритъ Василій сквозь слезы, схватываетъ ее бережно въ охапку и вноситъ въ избу.

Онъ будитъ всѣхъ, она жалобно проситъ у всѣхъ помощи. Лѣкарка и старшая внука опрометью бросаются, одна съ залавка, другая съ полатей спрашиваютъ, гдѣ пожаръ; высѣкаютъ огонь, бѣгаютъ и толкаютъ другъ дружку; маленькая внучка, испуганная тревогою, плачетъ. Суматоха, стоны, спросы, отвѣты: вся избушка вверхъ дномъ. Лѣкарка, узнавъ наконецъ, отъ чего кутерьма, и взглянувъ на одноглазое, изрытое лицо Маріулы, теряетъ голову; не знаетъ, за что приняться, говоритъ, дѣлаетъ невпопадъ, но, вспомнивъ Бога и сотворивъ молитву, приходитъ въ себя. Она употребляетъ всѣ средства, какія только предлагаютъ ей знанія ея и усердіе, и только къ разсвѣту все опять затихаетъ въ избушкѣ. Никогда еще со времени ея существованія не тревожились такъ сильно ея обитатели.

Поутру стучались въ хижину, несли, по ежедневному обычаю, приношенія лѣкаркѣ: кто вязанку дровъ,

кто горшокъ съ похлёбкою только-что изъ печи; кто пришелъ съ вызовомъ истопить избу. Долго не было отвѣта. Наконецъ, вышла старшая внука и извинилась, что къ бабушкѣ нельзя: она-де ночью возилась съ одною больной и только къ утру прилегла отдохнуть. Приношенія осторожно приняты, услуги отложили до полдня.

И въ самомъ дѣлѣ, только-что къ полдню проснулись въ избушкѣ. Сдѣлали новыя перевязки больной, и между тѣмъ спросили, какъ ее угораздило, послѣ строгаго наказа, испытать лютаго зелья. Цыганка разсказала, что она впросонкахъ слышала, какъ на полкѣ возился котенокъ; она встала, хотѣла по немъ ударить и зацѣпила рукавомъ за пузырекъ... остального будто за жестокою болью не помнила.

— Не кручинься, бабушка, — примолвила цыганка, — мои грѣхи, видно, меня и попутали; захотѣла вдругъ разбогатѣть!... Въ городѣ же скажемъ, что обварилась кипяткомъ, вытаскивая горшокъ изъ печи...

Сильно упрекала себя старушка, зачѣмъ дала цыганкѣ такое опасное снадобье; но Маріула оправдывала ее такъ убѣдительно, такъ увертливо сваливала на себя бѣду, что Парамоновна успокоилась. Она безкорыстно желала сдѣлать добро другимъ; не ея же вина, если ея не послушались. Что тяжелѣй всего было для нея, надо было прибѣгнуть ко лжи, которую она считала тяжкимъ грѣхомъ. Разгласивъ же истину, можно было на старости лѣтъ познакомиться съ тюрьмою или съ чѣмъ-нибудь худшимъ.

Нѣсколько дней пробыли цыгане у лѣкарки, и когда раны на лицѣ больной стали совсѣмъ заживать, подали ей кусочекъ зеркальца, чтобы она посмотрѣлась

въ него. Половина лица ея отъ бровей до подбородка была изуродована красными пятнами и швами; она окривѣла, и въ ней только по голосу признать можно было прежнюю Маріулу, которой любовались такъ много всѣ, кто только видалъ ее. Она посмотрѣлась въ кусочекъ зеркала, сдѣлала невольно гримасу и — потомъ улыбнулась. Въ этой улыбкѣ заключалось счастіе ея милой Маріорицы.

Между тѣмъ во время курса лѣченія, цыганъ, узнавъ, что его госпожа внѣ опасности и достигла, чего желала, началъ шутить попрежнему. Разъ, когда вышла изъ избы старшая внучка лѣкарки, онъ разсказалъ о шабашѣ русалокъ. Смѣялась очень старушка разсказу, но разочаровала цыгана, объяснивъ, что не водяныя вѣдьмы напугали его, а рыбацкія слобожанки.

— Вотъ видишь, родимый,—говорила она,—изстари ведутъ здѣсь этотъ обычай: коли заслышатъ по сосѣдству повальныя немочи, дѣвки запахиваютъ нить кругомъ слободы; гдѣ сойдется эта нитка, тамъ зарываютъ чернаго пѣтуха и черную кошку живыми. Впереди идутъ двѣ беременныя бабы, одна, дескать, тяжела мальчикомъ, а другая дѣвочкою. Немочь будто не смѣетъ пройти черезъ нить. А коли спросишь, для какой потребы пѣтухъ и кошка и смоляная бочка, не могу тебѣ въ ясность растолковать. Старики-жъ наши про то знавали доточно; видно, умнѣе насъ бывали [1]).

Василій часто заставлялъ краснѣть, какъ пунцовый макъ, пригожую внуку лѣкарки, напоминая ей русалочную, свѣтлую ночь.

---

[1]) Повѣрьте—описанное въ этой главѣ существуетъ еще и понынѣ въ нѣкоторыхъ Великороссійскихъ губерніяхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЪ ПЕРЕДНЯГО И СЪ ЗАДНЯГО КРЫЛЬЦА

Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный,
И побѣду одержать, вступая въ бой удобный,
Трудъ немалый.

Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что на день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками!
И когда батюшка къ нимъ промолвить хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у иново
Текли изъ глазъ съ радости, иной не спокоенъ,
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить...

Кантемиръ.

Просимъ изъ бѣдной хижины Рыбачьей слободы нѣсколькими днями назадъ въ палаты герцогскія. Однакожъ, прежде позвольте оговорку.

Вы знаете, что безъ нея не обходился ни одинъ разсказчикъ, начиная отъ дѣдушки нашего Вальтера-Скотта.

У кого, кромѣ крестьянина, нѣтъ передняго и заднаго крыльца! Эти два входа и выхода всего живущаго, слѣдственно мыслящаго и чувствующаго, въ иномъ домѣ могли бы доставить новому Фонъ-Визину матеріала на цѣлую остроумную книгу. Не думаю,

чтобы лѣстницы, особенно задняя, гдѣ-нибудь представили столько занимательныхъ сценъ, какъ у насъ на Руси. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Ограничусь изображеніемъ того, что въ данное нами время стеклось у герцога курляндскаго съ обоихъ крылецъ.

Съ пробужденіемъ дня жизнь зашевелилась въ палатахъ его; но только какая жизнь? — караульная украдчивая, боязненная. Сначала лѣниво ползла она съ истопниками, конюхами и полотерами по заднимъ дворамъ, по коридорамъ и переднимъ; но лишь раздалось слово: *проснулся!* все въ домѣ вытянулось въ струну; шаги, движенія, слова, взоры, дыханіе, выровнялись и пошли въ мѣру; безчисленные проводники отъ великаго двигателя: *Бирона* навели въ нѣсколько минутъ весь Петербургъ на этотъ ладъ. Казалось, душѣ скомандовалъ кто-то: «слушай»! и душа каждаго стала во фрунтъ, чтобы выкидывать свои однообразные темпы.

Огромные переходы вели къ дому; въ нихъ и на лѣстницѣ разставлены были по мѣстамъ, въ виду одинъ отъ другого, часовые изъ гвардіи герцогской. Каждый изъ нихъ, облитый съ головы до ногъ золотомъ, казался горящимъ пукомъ, всѣ они—золотою цѣпью, къ которой, увы! за порогомъ невидимо примыкала желѣзная, опутавшая всю Россію. Огромную переднюю затемняли, какъ туча саранчи, павшая на маленькое пространство, множество скороходовъ, гайдуковъ, турокъ, гусаръ, егерей, курьеровъ и прочей барской челяди, богато одѣтой; между привычнымъ нахальствомъ ея затерты были ординарцы отъ полковъ гвардіи. Смотря на косые взгляды слугъ и грубые отвѣты

ихъ, смотря, какъ они зѣвали и ломались на залавкѣ при входѣ не слишкомъ значительнаго человѣка, вы сейчасъ отгадали бы, что господинъ—временщикъ.

Въ пріемной залѣ, подлѣ двери самой передней, сидѣлъ ужь Кульковскій. Онъ пришелъ въ послѣдній разъ отдежурить на своемъ стулѣ и насладиться на немъ закатомъ своей службы *при* первомъ человѣкѣ въ имперіи, съ тѣмъ, чтобы онъ напутствовалъ его покровительскимъ взглядомъ на новое служеніе. Замѣтно, что онъ нѣсколько смутенъ, и какъ быть ему веселымъ, беззаботнымъ попрежнему? Онъ прощается съ пріемной комнатой герцога, какъ своею родиной. Здѣсь, у золотого карниза, гдѣ изображенъ сатиръ, выкидывающій козьими ногами затѣйливый скачокъ, улыбнулись ему тогда-то; тутъ, у мраморнаго стола, положили на плечо могучую и многомилостивую руку, которую онъ тогда-жъ поцѣловалъ; далѣе, свѣтлѣйшій, ущипнувъ его въ пухлую, румяную щеку, подвелъ къ огромному зеркалу, только-что привезенному изъ Венеціи, чтобы онъ полюбовался на свою рожу и лысую голову, къ которой сзади приклеены были ослиныя уши. А стулъ, драгоцѣнное сѣдалище проходящаго величія его? О! его понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ сквозь всѣ бури и превратности міра. Въ послѣдній разъ принесъ онъ горяченькія новости искателямъ фортуны, именно, что любимая кобыла герцога ожеребилась; потомъ — надо же поставить себя рядомъ съ чѣмъ-нибудь герцогскимъ — что у него готовъ уже пажескій кафтанъ, который изволилъ пожаловать ему его свѣтлость, и наконецъ, что Эйхлеръ сдѣланъ кабинетъ-секретаремъ, о чемъ еще никто не вѣдалъ, кромѣ его. Кульковскаго, и самого герцога.

Улыбка и пожатіе руки знатныхъ, просившихъ его не забыть ихъ при дворѣ, пожатіе мимоходомъ руки герцогскаго камердинера,—все это, увы! въ послѣдній разъ освѣтило поприще его минувшей службы. Что ожидаетъ его впереди? Роль шута! Это бы хорошо: онъ будетъ первый шутъ въ имперіи по знатности рода. Но опасны плутоватые пажи; облѣпятъ его насмѣшками, какъ мякушками, не дадутъ ему и отсидѣться на стулѣ! Новости не черезъ него будутъ идти. Такъ-то измѣнчива фортуна!

Понемногу входили въ пріемную залу должностныя лица—со вздернутымъ носомъ, плюющія на небо за порогомъ Биронова жилища, а здѣсь сплюснутыя, какъ пузырь безъ воздуха, сутуловатыя, съ поникшимъ, робкимъ взоромъ, выжидающія Рока изъ двери во внутренніе покои. Словъ между приходящими не слышно; замѣтны только шелестъ губъ, движенія рукъ, улыбка, свѣренныя по масштабу самаго униженнаго страха. Все, однакожъ, люди съ вѣсомъ! Они мѣрятъ бархатъ и парчу плечами и локтями; когда они стали въ ранжиръ вдоль стѣны и оконъ, больно глазамъ смотрѣть на нихъ,—такъ блестятъ золото и яркость цвѣтовъ на ихъ одеждахъ. Не видно ни бѣдной вдовы съ просьбою о пенсіи по смерти мужа, или о принятіи сироты въ учебное заведеніе, ни старика-крестьянина съ жалобою, что все молодое семейство распродано по-одиночкѣ, или отдано въ рекруты, взачетъ будущихъ наборовъ; не видно ни торговца съ предложеніями новыхъ промышленныхъ видовъ, ни художника, вытребованнаго нежданно-негаданно къ полученію награды за великій трудъ, который онъ творилъ для потомства, а продавалъ, наконецъ, за кусокъ хлѣба. Ни одного

просителя между приходящими,—все искатели. Золотое время! Ждутъ они часъ, два и болѣе.

Довольно холодно, если не жутко, какъ видите, на передней половинѣ. Что-то дѣется на задней?

Бросивъ мелькомъ взглядъ въ уборную герцогини, куда и откуда суетливо и увертливо шныряютъ факторы разнаго рода, народа и званія, ювелиры, купцы, портнихи, секретари-слуги и служанки-секретари, войдемъ въ берлогу самого медвѣдя, именно въ кабинетъ герцога.

Герцогъ любилъ великолѣпіе. Можно вообразить, какъ онъ облѣпилъ его затѣями комнату, откуда дождилъ Россію жгучими лучами своего властолюбія. Покрытый батистовымъ пудрамантомъ и нѣжа одну стройную ногу, обутую въ шелковый чулокъ и въ туфлѣ, на пышномъ бархатѣ скамейки, а другую спустивъ на персидскій коверъ, сидѣлъ онъ въ креслѣ съ золотою герцогскою короною на спинѣ; осторожно, прямо, вглядывался онъ повременамъ въ зеркало, въ которомъ видѣлъ всего себя. Туалетомъ своимъ онъ занимался до кокетства, подобно искуснѣйшему каллиграфу, желающему плѣнить знатока малѣйшею живописною черточкой въ своемъ письмѣ. Не смотря, что головѣ его доставалось отъ парикмахера, убиравшаго его, онъ былъ терпѣливъ, какъ бумажный болванъ, на которомъ обдѣлываютъ прически. Только одинъ волосоубиратель его могъ обходиться съ нимъ такъ деспотически, не страшась мщенія. За парикмахеромъ пришелъ камердинеръ и одѣлъ его съ ногъ до головы. Кто увидѣлъ бы его, когда онъ, по окончаніи туалета, съ торжествующей улыбкой любовался своей фигурой, могъ подумать, что главная цѣль его жизни была плѣнять

наружностью. Но лишь только камердинеръ вонъ изъ кабинета—на мѣсто его звѣрообразный Гроснотъ съ пакетами. Распечатанъ одинъ, другой, и щоголь, привлекательный мужчина исчезъ. По тигру повели рукой противъ шерсти. Глаза его налились кровью; лицо исказилось; онъ кусалъ себѣ губы, кусалъ ногти,—временщикъ воспрянулъ.

— Дуракъ!... мѣшается не въ свое дѣло... — сказалъ онъ вполголоса, рванувъ и разорвавъ алансовыя манжеты на рукавѣ, которыхъ клочки испестрили персидскій коверъ.

Благозвучный эпитетъ, вырвавшійся у него, принадлежалъ его брату, Густаву, за то, что принималъ глупое участіе въ маскарадномъ наѣздѣ противъ Волынскаго. Письмо объ этой экспедиціи лежало передъ нимъ искомканное. Герцогъ былъ взбѣшенъ, а когда онъ находился въ этомъ состояніи, ему нужна была жертва. Алансовыя манжеты пострадали, но кружева—вещество, а не существо, которое могло бы чувствовать свое страданіе. Гроснотъ стоялъ предъ нимъ; онъ бросился на Гроснота.

— И ты,—вскричалъ онъ запинаясь отъ злобы,—ду....рракъ, скотина!

Адъютантъ, одушевленный чугунъ, привыкшій къ такимъ взрывамъ, молчалъ. Ни одной тѣни страха или оскорбленнаго самолюбія на лицѣ.

— Вы преступники, сударь, и я съ вами говорю, какъ съ преступникомъ!—вскричалъ грозно Биронъ.

Адъютантъ хранилъ молчаніе. Повелитель его все болѣе и болѣе утихалъ.

— Прикажи ослу караулить огородъ, онъ всѣ гряды перетопчетъ... Давай этимъ господамъ порученія!..

Ни догадки, ни сноровки! Ломятъ наповалъ, напрямикъ!... Вчера велѣно тебѣ было пытать малороссіянина, а ты?...

— Заморозилъ его нечаянно однимъ лишнимъ ушатомъ, — отвѣчалъ хладнокровно Гроснотъ: — однимъ бездѣльникомъ на свѣтѣ меньше.

— Знаю, что онъ былъ злодѣй, собака; но все-таки слѣдовало позаконнѣе... по крайней мѣрѣ не у меня на дворѣ... Да, да, гдѣ вздумали допытывать?... Тамъ, куда могла пріѣхать моя всемилостивѣйшая государыня, которая все примѣчаетъ, все видитъ... какъ это и случилось.

— Некогда было откладывать, ваша свѣтлость; Липманъ приказалъ мнѣ кончить скорѣй...

— Мнѣ чортъ васъ побери съ Липманомъ! Съ нимъ и раздѣлывайтесь, когда дѣло дойдетъ до отвѣта. Я ничего не знаю, не хочу ничего знать. У меня чтобъ мертвый былъ живъ! Слышишь?

— Слышу, ваша свѣтлость!

— И если малороссіянина потребуютъ на лицо къ Волынскому, чтобъ онъ былъ на лицо, хоть обернись самъ въ него!... Слышишь? а не то комендантомъ въ рудокопную фортецію!

— Вина наша съ господиномъ оберъ-гофкоммисаромъ, на насъ и падетъ отвѣтъ. Но обстоятельства ужь ее исправили.

— Позвольте узнать, чѣмъ и какъ?

— Могу только доложить, что отъ Горденки ни волкамъ, ни могильщикамъ поживиться будетъ нечѣмъ, и что малороссіянинъ, наряженный къ празднику и смѣненный самозванцемъ, здѣсь на лицо. Но какъ это

сдѣлалось, объяснитъ вашей свѣтлости самъ г-нъ Липманъ. Я только знаю, что́ мнѣ велѣно знать.

— Хорошо, что такъ,—сказалъ герцогъ, утихая:— я тебя люблю, къ тебѣ привыкъ; ты мнѣ преданъ и исполнителенъ... и потому желалъ бы отъ души, чтобы ты выпутался здоровъ и цѣлъ изъ этой негодной исторіи. Но вотъ и гофкоммиссаръ... Ступай къ своему мѣсту.

Адъютантъ Гроснотъ и оберъ-гофкоммиссаръ Липманъ могли во всякій часъ дня и ночи входить безъ доклада къ герцогу. Но степень довѣрія къ этимъ двумъ лицамъ была различна. Каждый имѣлъ свой департаментъ. Первый былъ только строгій, безотговорочный исполнитель тайныхъ приговоровъ, исправная хлопушка, который колотилъ людей, какъ мухъ, не зная однакожъ, за что ихъ душилъ,—однимъ словомъ, нѣмой, готовый по первому взгляду своего повелителя накинуть петлю; другой — ловкій, умный лазутчикъ, совѣтникъ, факторъ и допросчикъ по всѣмъ дѣламъ, гдѣ духъ человѣка и гражданина выказывалъ себя въ словахъ, или даже намекахъ, благороднымъ противникомъ властолюбивой личности временщика. Стоило Бирону тронуть эту струну, чтобы со всѣхъ концовъ Россіи дали отзывы. Если-бъ кто, какъ брадобрѣй Мидаса, зарылъ свою тайну въ землѣ и герцогу нужно было бы ее знать, Липманъ выростилъ бы на этой землѣ тростникъ, и вѣтеръ, шевеля его, разсказалъ бы тайну. Самъ временщикъ, сколько ни изучалъ уловки и хитрости неблагонамѣреннаго политика, сколько ни старался подражать лукавству тогдашняго вице-канцлера Остермана, образца въ искусствѣ надѣвать на себя личину, смотря по обстоятельствамъ, однакожъ, ни-

когда не могъ достигнуть совершенства въ этой наукѣ, не имѣя ни довольно ума, ни довольно власти надъ собою, чтобы достигнуть своей цѣли. Въ случаяхъ же, гдѣ необузданность характера его могла ему измѣнить, или гдѣ лукавства его недоставало, работалъ Липманъ, какъ кротъ въ норѣ,—а темныхъ проводовъ изъ его норы было довольно подо всѣ мѣста, начиная отъ двора до нищенской лачуги.

Такимъ образомъ каждый изъ двухъ соперниковъ, герцогъ курляндскій и Волынскій, имѣлъ по совѣтнику, равно лукавому. Разница между ними была въ томъ, что Зуда, съ возвышенною и благородною душой, дѣйствовалъ изъ одной безкорыстной преданности и любви къ своему довѣрителю и другу, во имя прекраснаго и высокаго, а Липманъ, готовый на всѣ низости и злодѣйства, служилъ своему покровителя и единомышленнику изъ почестей и злата.

Липманъ вошелъ въ кабинетъ, весело съежившись, подобно коту, желающему приласкаться къ своему хозяину. Но, взглянувъ на клочки корабля послѣ бури, сбавилъ нѣсколько своего удовольствія. Первое слово его было о малороссіянинѣ...

— Все объ немъ! Да дадутъ-ли мнѣ съ нимъ покой!...— сердито прервалъ герцогъ, желая некстати поиграть лукавствомъ съ своимъ совѣтникомъ. — Да неужели вы воображаете, что я такъ много хлопочу объ этой дряни?... Если-бъ и вздумалъ кто... такъ одно слово...

— Ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Липманъ униженно и съ усмѣшкой, расшевелившею его уши,—не желаете, конечно, заставлять меня пріобрѣтать вновь неоцѣненное довѣріе ваше, которое я почиталъ уже своею

неотъемлемою наградой за столь многолѣтніе опыты моего къ вамъ усердія и преданности. И я думаю...

— Что я забавляюсь? Да, да, любезный Липманъ, я пошутилъ, потому что на лицѣ твоемъ замѣтилъ предвѣстіе чего-то добраго. Знаю, какъ дѣло наше важно, по связямъ его съ польскими дѣлами; но увѣренъ также, что въ особѣ нашего оберъ-гофкомиссара и друга мы имѣемъ оберегателя, который не допуститъ до насъ непріятностей.

— Вы отгадали. Дѣльце, нѣсколько запутанное, которое Гроснотъ неосторожно хотѣлъ разрубить однимъ взмахомъ своего меча, кончено благополучно.

— Да, да...—сказалъ герцогъ, запинаясь отъ удовольствія.—Гроснотъ погорячился; за то и объявилъ я ему, что, въ случаѣ бѣды, онъ одинъ отвѣчать будетъ. Добрый, преданный малый, но ломитъ всегда какъ медвѣдь! И такъ?...

— Я имѣлъ счастіе вполнѣ оправдать довѣренность вашей свѣтлости. Надо признаться, что помогла намъ много расторопность людей, вамъ преданныхъ.

— И тобою-жъ избранныхъ, мой скромный другъ!

Липманъ закинулъ назадъ свои рыжія космы, и лицо его открылось во всей полнотѣ удовольствія. Онъ поклонился и продолжалъ чрезвычайно тихо, такъ что за дверью никто не могъ слышать его разговора.

— Воевода, подписавшійся, для вида, между прочими, въ доносѣ Горденки и давшій мнѣ знать обо всемъ, слѣдилъ бездѣльника по горячимъ слѣдамъ. Въ Твери провѣдалъ онъ о подмѣнѣ малороссіянина, наряженнаго къ празднику, и, догадавшись, что Горденко будетъ нуженъ на другое игрище, не далъ бѣглецу далеко утечь и прислалъ его ко мнѣ въ самую пору.

Горденки нѣтъ; настоящій малороссіянинъ на лицо, и кто скажетъ противное, напутаетъ на себя бѣду. Въ это дѣло замѣшалась было цыганка, умная и лукавая, какъ самъ бѣсъ. Однакожъ, благодаря средствамъ, даннымъ мнѣ вашею свѣтлостью, я справился съ нею такъ успѣшно, какъ не ожидалъ.

Здѣсь Липманъ разсказалъ свои подозрѣнія, допросъ и успѣхъ своихъ дѣйствій. Подлинный доносъ былъ торжественно поданъ герцогу, и этотъ, прочитавъ его нѣсколько разъ, пожалъ столько же разъ руку своему клеврету.

— Управься мнѣ съ доносчиками, какъ хочешь, лишь бы *концы въ воду*, — сказалъ герцогъ, и вынулъ изъ бюро нѣсколько листовъ, которые и отдалъ Липману вмѣстѣ съ подлиннымъ доносомъ Горденки. — Вотъ тебѣ бланки на ихъ судьбу! Выбравъ нужное для себя, сожги бумагу.—Потомъ прибавилъ онъ благосклонно, — ты сдѣлалъ мнѣ нынѣ подарокъ, и я у тебя въ долгу. Твой племянникъ пожалованъ въ кабинетъ-секретари, объяви ему это и прибавь, что на первое обзаведеніе въ этомъ званіи дарю ему пару коней съ моей конюшни и приличный экипажъ.

— Милости ваши велики; чувствовать ихъ могу, но благодарить за нихъ не имѣю словъ, великій мой протекторъ! Позволь моему племяннику самому... свѣтлѣйшій, едва я не сказалъ, ваше высочество...

— О! съ высочествомъ не такъ поспѣшно...

— На этотъ случай я буду пророкомъ, много-много, чрезъ полгода вся Россія поднесетъ вамъ этотъ титулъ...

Биронъ ласково погрозился пальцемъ.

— Льстецъ!... Ну, гдѣ-жъ твой племянникъ?...

Тигръ забавлялся съ лисицей.

— Господинъ Эйхлеръ! — закричалъ оберъ-гофкоммиссаръ, отворивъ дверь въ ближнюю комнату на заднюю половину дома, — его свѣтлость желаетъ васъ видѣть...

На этотъ зовъ явился сонный, долговязый Эйхлеръ, поклонился, какъ студентъ при первомъ дебютѣ своемъ въ свѣтъ, наступилъ неосторожно на ногу своего дяди и сталъ въ неподвижномъ положеніи, выставя свой бекасинный носъ впередъ.

— Благодарите его свѣтлость за новыя милости, которыя ниспосылаетъ онъ на васъ отъ высокихъ щедротъ своихъ, — сказалъ ему Липманъ, показывая глазами, чтобы онъ подошелъ къ рукѣ благодѣтеля,— вы пожалованы въ кабинетъ-секретари.

Дядя не иначе обращался къ своему племяннику, какъ мѣстоименіемъ *вы*.

— О, конечно... милости... ваша свѣтлость... благодѣянія вѣчно незабвенныя... — сказалъ племянникъ, запинаясь и кланяясь; но, будто не понимая приказа дяди, не подошелъ къ рукѣ герцога.

— Довольно, довольно, — прервалъ усмѣхаясь Бирономъ.—Не бойкій ораторъ, ха, ха, ха! въ Демосѳены не попадетъ! да намъ ихъ и не надо. За то строчитъ бумаги не хуже лучшаго изъ нашихъ кабинетъ-министровъ. Остерманъ—кажется, его отзывы можно во что-нибудь ставить!—именно Остерманъ предвѣщаетъ въ немъ великаго дипломата (Эйхлеръ отвѣсилъ поклонъ).—Люблю, что подчиненный мыслитъ, когда велятъ, а не тогда, когда вздумается ему... Продолжай, продолжай, молодой человѣкъ, и помни, что скромность, скромность и скромность—первыя добродѣтели и покровители кабинетъ-секретаря, и что первый врагъ языкъ.

Тутъ Бирономъ кивнулъ Эйхлеру, и когда этотъ, догадавшись, что ему надо вонъ, вышелъ, отвѣсивъ такой неловкій поклонъ, что зацѣпилъ портупеей своей шпаги ручки креселъ и потащилъ было ихъ за собой, герцогъ, усмѣхнувшихъ, обратилъ рѣчь къ его дядѣ:

— Не отесанъ еще, хотя болѣе года секретарствуетъ при мнѣ; но выполируется современемъ въ кабинетѣ, при дворѣ... Теперь, — продолжалъ онъ, — съ малороссіяниномъ кончено, и я спокоенъ съ этой стороны; но ты знаешь, что у насъ есть дѣло гораздо важнѣе...

— Борьба съ буйнымъ, непокорнымъ Волынскимъ, угодно вамъ сказать?

— Да; этого человѣка ничѣмъ не удовлетворишь, ничѣмъ не задобришь и не испугаешь! Онъ вездѣ, гдѣ только можетъ, мнѣ поперечитъ! Онъ грезится мнѣ и во снѣ, какъ шлагбаумъ, который, того и гляди, ударитъ меня по головѣ; онъ портитъ мнѣ безпрестанно кровь... и пока голова на плечахъ его, я не твердъ, у меня связаны руки, я самъ-другъ властвую... ты понимаешь меня?

— Его смертное паденіе необходимо для вашего спокойствія. Онъ предводитель шайки, которая хочетъ все сокрушить, что только не русское.

— Мятежники! я ихъ въ бараній рогъ! Мужики, отъ которыхъ воняетъ лукомъ!... Не всѣмъ ли намъ обязаны? и какова благодарность! О, какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ!... Животныя, созданныя, чтобы пресмыкаться, хотятъ тоже въ люди! Я ихъ!... Я имъ докажу, что водовозная кляча герцога курляндскаго дороже русскаго... Гмъ! Они не знаютъ, съ кѣмъ тягаются... не на Кульковскаго напали!

Говоря это, Биронъ судорожно трясся, едва не скрежеталъ зубами. Немного успокоившись, онъ продолжалъ:

— Впрочемъ мы, по твоему совѣту, нашли слабую сторону этого Ахиллеса...

Липманъ не читывалъ не только Гомера, а и календаря, но догадался тотчасъ, о чемъ дѣло шло.

— Вы изволите намекать на интригу его съ молдаванскою княжной: прекрасный способъ! Я предрекалъ вашей свѣтлости, что его опутать можно въ этихъ тенетахъ, и какъ скоро вы изволите разсказать мнѣ вашу удачу, я дополню ее съ своей стороны.

— Изволишь видѣть, служанка ея работаетъ усердно... вчера пажъ доставилъ мнѣ записку къ княжнѣ отъ благопріятеля. Начало удачно. Надо, однакожъ, повести это дѣло еще хитрѣе и сильнѣе; участить переписку.. доставить свиданьице наединѣ... а тамъ, чортъ возьми! если не поймаемъ птичку въ зернѣ!... Понимаешь, надо будетъ...

— Навести васъ, или самую государыню.

— Ты, дорогой мой, схватываешь мои мысли, какъ любовникъ взглядъ своей любезной. Государыня не надышится на дѣвчонку; лелѣетъ ее, какъ дитя свое, бережетъ отъ дурного глаза, видитъ въ ней свое утѣшеніе, любимую игрушку: а тутъ... самъ демонъ въ образѣ Волынскаго обезобразитъ, искомкаетъ это сокровище.

Адскій восторгъ вылился на лицѣ временщика.

— О! тогда голова мятежника въ вашихъ рукахъ— подхватилъ достойный клевретъ съ торжествующимъ видомъ. — Чтобъ довершить потѣху, мы постараемся еще взбѣсить его въ самомъ дворцѣ... А пока голова

у него свѣжа, признаться, опасенъ бунтовщикъ. Мы поведемъ это дѣло прекрасно; ручаюсь за успѣхъ жизнью своей. Цыганка невольно помогаетъ намъ, взявшись, какъ видно, маклеровать влюбленнымъ... Ваша свѣтлость доставитъ ей... этой чудной, небывалой гадальщицѣ, халдейкѣ—все, что вамъ угодно будетъ сказать объ ней—вы доставите ей входъ во дворецъ, свободный ходъ во всякое время къ глупенькой княжнѣ.

— Да, да, государыня любитъ гаданье съ тѣхъ поръ, какъ альманачникъ Бухнеръ напророчилъ ей престолъ. Гороскопами она замучила профессора астрономіи... Астрологъ въ юпкѣ — это новое! Мы употребимъ эту небывальщину въ дѣло!

— Учителя и нынѣшняго посредника мы разсердимъ такъ, что онъ будетъ первый доказчикъ.

— Добро, все добро, все сѣмя для богатой жатвы. Ты золотая голова; тебя бы надо въ кабинетъ-министры.

— Я стою выше, я вашъ кабинетъ-министръ. Забылъ еще одно обстоятельство. Надо всѣми средствами поддержать слухи, что Волынскій вдовецъ... это необходимо! А то планы наши могутъ уничтожиться въ самомъ началѣ. Съ моей стороны, я всѣхъ, кого могъ, настроилъ этими слухами и буду продолжать...

— Обѣщаю тоже съ своей стороны.

— Надо бы на время задержать жену его въ Москвѣ... но объ этомъ хлопочетъ ужь самъ вѣрный супругъ.

— Ха, ха, ха! Придумать нельзя ничего лучше. Поди сюда, мой вѣрнѣйшій и умнѣйшій совѣтникъ; дай себя поцѣловать.

И герцогъ курляндскій поцѣловалъ въ лобъ хитреца, униженно поклонившагося передъ нимъ, какъ бы для принятія благословенія отъ пастыря духовнаго.

Ущедренный этой наградой, Липманъ продолжалъ:

— Потомъ вы имѣете книгу, которую выкрала барская барыня изъ кабинета... имя забываю...

— «Исторію Жанны неаполитанской», на поляхъ которой написано рукою мерзавца: *Она! она!*

— Приноравливать къ кому вздумалъ! Самъ на себя петлю надѣваетъ! Въ придачу еще вчера вечеромъ...

— Я перебью тебя, любезный, — сказалъ Биронъ голосомъ сожалѣнія и качая головой, — признаться, меня вчерашняя маскарадная исторія огорчила за тебя. Охъ, охъ, бѣдный! идти съ Волкова поля пѣшкомъ, въ жестокій морозъ!...

— Обо мнѣ не извольте безпокоиться. Мое тѣло и душа готовы за васъ въ пекло. Для васъ, еслибъ нужно было, я вырылъ бы своими руками всѣхъ мертвецовъ на кладбищѣ и зарылъ бы живыхъ столько же. Мы было устроили такъ хорошо, да испортила какая-то маска, пробравшаяся вслѣдъ за нами... шепнула что-то хозяину, и все вывернула съ-изнанки на-лицо. Къ тому-жъ и вашъ братецъ порыцарствовалъ некстати...

— Брата подъ арестъ! Хоть для виду, надо же удовлетворить Волынскаго, который считаетъ себя обиженнымъ. Любопытно, однакожъ, знать, кто эта секретная особа, которой извѣстны ваши тайны... (призадумавшись) это нехорошо, это что-то неловко!

— О! я отыщу этого секретника, во что ни станетъ, и... Богъ свидѣтель, вымещу на бездѣльникѣ

мое ночное путешествіе и ваше безпокойство, которое стоитъ, чтобы ему тянуть жилы клещами. Но это пустячки при нашихъ успѣхахъ! Кстати, Волынскій и вчера проговорился насчетъ государыни. Онъ пилъ съ насмѣшкою за ея здравіе, припѣвая ей память вѣчную.

— И то будетъ имѣть важную цѣну въ глазахъ больной государыни.

— Посылалъ васъ...—Липманъ, усмѣхаясь, потиралъ себѣ руки.

— Къ чорту?... это не ново! Посмотримъ, кто первый попадется въ его когти. Все прекрасно, безподобно, мой усердный другъ!

— Теперь позвольте о двухъ милостяхъ.

— Заранѣе даю слово выполнить твои желанія.

— Вы имѣете важнаго соперника, и я не безъ нихъ. Лукавый Зуда работаетъ противъ насъ, сколько можетъ. Преданная намъ барская барыня у него на замѣчаніи и съ часу на часъ ожидаетъ себѣ гибели. Надо спасти ее, хотя на зло ея господину.

— А средства? она крѣпостная...

— Я ужь придумалъ ихъ. Кульковскому ищутъ невѣсту изъ простыхъ...

— Чего-жъ лучше для него этой шлюхи!... Сама государыня будетъ просить отдать ее за своего 50-лѣтняго пажа.

— И Волынскій не посмѣетъ отказать. Только надо какъ можно скорѣй, ваша свѣтлость!

— Первое мое дѣло во дворцѣ будетъ объ этомъ.

— Сынъ ея—если позволите доложить... ге, ге! хотя и глупенекъ, но усердно служитъ намъ; сейчасъ только еще сыгралъ исправно роль «языка»...

— Ну чтожъ.

— За приводъ людей къ празднику ему обѣщано офицерство.

— Можешь именемъ моимъ поздравить его офицеромъ.

— Докладъ мой конченъ — и я спѣшу къ работѣ. Въ пріемной залѣ толпа давно ожидаетъ появленія своего солнца, чтобы ему поклониться.

— Пускай ждутъ! Эту челядь надо проучивать, а то какъ разъ забудутся... Поболѣе блеска и шуму для дураковъ, и потяжелѣе ярмо для умныхъ, и все пойдетъ хорошо. Пошли мнѣ Кульковскаго; я хочу съ нимъ позабавиться да распорядиться на счетъ его свадьбы.

Липманъ вышелъ; на мѣсто его вошелъ Кульковскій.

— Любезный пажикъ!—сказалъ ему герцогъ,—мы разстаемся!

— Я лишаюсь лицезрѣнія вашей свѣтлости, которымъ нѣсколько лѣтъ питался, какъ манною небесною, — отвѣчалъ 50-лѣтній пажъ, подходя къ рукѣ герцога.

— О, о! зачѣмъ это?... — Онъ слегка отдернулъ было руку, но тотъ успѣлъ уловить ее своими устами. — Повѣрь, я не оставлю тебя и на новомъ твоемъ мѣстѣ. А чтобы на первыхъ порахъ доказать мои милости, вотъ что я для тебя дѣлаю—только, пожалуйста, не мучь меня своею благодарностію! Слышишь?...

Кульковскій согнулся, сколько позволяла ему толщина его, чтобы внимать въ раболѣпномъ восторгѣ о новыхъ милостяхъ своего протектора.

— Государынѣ твоей извѣстно, что ты опоганилъ

себя цѣлованіемъ папскихъ туфлей. За то не миновать бы тебѣ ловить куницъ, хе, хе, хе; но мнѣ стало жаль тебя. Гдѣ ему? подумалъ я, онъ своимъ толстымъ брюхомъ избороздитъ всю Сибирь, пока поймаетъ хоть одну мышь; издохнетъ, запыхавшись! Дѣло повернули мы такъ, что ты при дворѣ въ новой должности. Но (Биронъ погрозился пальцемъ) молодой пажишка шалунъ, плутъ большой! (Кульковскій отвѣсилъ глубокій поклонъ) хе, хе, хе!... и государыня боится за своихъ гофъ-дѣвицъ. Она хочетъ непремѣнно женить тебя... ты это слышалъ?

— Изъ собственныхъ устъ ея величества.

— Я сыскалъ тебѣ невѣсту... ну, нельзя сказать, чтобы молодая, знатная и красивая... но за то мой выборъ!

— Прикажите мнѣ жениться хоть на козѣ, такъ почту вашу волю священною.

— На козѣ, ха, ха, ха! это должно быть презабавно! Надо это поиспытать надъ кѣмъ-нибудь!... Ха, ха, ха! твоя выдумка меня потѣшила.

— Блаженъ, стократъ блаженъ я, что могъ доставить вашей свѣтлости хоть мигъ удовольствія.

— Исполненіе этой геніальной мысли побережемъ, однакожъ, для другого. Тебѣ-жъ избралъ я въ сожительницы барскую барыню Волынскаго, фамилію— чортъ побери!—не припомню.

— Барскую...—могъ только сказать смущенный Кульковскій.

— Да, да, ее, и въ приданое мои милости и прощеніе твоей государыни за старые твои грѣхи. Что?... Чай, при этомъ словѣ зашевелились изъ гробовъ родоначальники твои, литовскіе или татарскіе князья?...

Чай, развернули предъ твои вельможныя очи свои заплѣсневѣлые пергаменты?... Не ломайся же, дурачина, пока предлагаютъ такой кладъ съ завидной придачей, а то велятъ взять и безъ нея.

Вошелъ дежурный пажъ и доложилъ о пріѣздѣ вице-канцлера Остермана. Приказали просить

— Ну?...

Отъ этого вопроса пахнуло на сердце бѣднаго Кульковскаго холодомъ Сибири.

— Милости ваши велики, — отвѣчалъ онъ, — женюсь...

— Скорѣй, подбери все съ ковра!—вскричалъ герцогъ, и потомокъ литовскихъ или татарскихъ князей, пыхтя и едва не ползая на четверенькахъ, бросился подбирать клочки алансоновыхъ манжетъ, брошенныхъ счастливымъ выходцемъ. Этотъ пинкомъ ноги помогъ еще ему исполнить скорѣе заданную тему.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОПЕРНИКИ.

Ужасный видъ! они сразились!...
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой...
То сей, то оный на бокъ гнется.

Дмитріевъ.

Остерманъ, сынъ пастора вестфальскаго мѣстечка Бокума, потомъ студентъ іенскаго университета, гдѣ запасался обширными знаніями, шутя и ставя профессору восточныхъ языковъ (Керу) свсею любезностію рога и своими остроумными куплетами ослиныя уши, тамъ же за честь поцарапалъ кого-то неловко, и оттуда бѣжалъ въ тогдашнее пристанище людей даровитыхъ—подъ сѣнь образователя Россіи. Угаданный его геніемъ, этотъ Остерманъ, въ благодарность, укрѣпилъ Россіи дипломатикой своей Прибалтійскія области ея, которыя ускользали было изъ-подъ горячаго меча побѣдителя (не говорю о другихъ важныхъ подвигахъ министра на пользу и величіе нашего отечества). Этотъ самый Остерманъ, въ свою очередь, обогащенный деревнями и деньгами, вице-канцлеръ, графъ, умѣвшій удержать за собою, какъ бы по наслѣдству, довѣріе и милости двухъ императоровъ, двухъ импе-

ратрицъ, одного правителя, одной правительницы и, что еще труднѣе, трехъ временщиковъ, русскихъ и не русскихъ, составлялъ въ царствованіе Анны Іоанновны между соперничествующими партіями перевѣсное лицо. Зная силу Бирона, любимца ея и вмѣстѣ главы нѣмецкой партіи, опиравшейся на престолъ, посохъ новгородскаго архипастыря и ужасъ цѣлаго народа, хитрый министръ тайно дѣйствовалъ въ пользу этой стороны; но явно не грубилъ русской партіи, которой предводителемъ былъ Волынскій, имѣвшій за собою личныя заслуги, отважный и благородный духъ, дружбу нѣсколькихъ патріотовъ, готовыхъ умереть съ нимъ въ правомъ дѣлѣ, русское имя и вниманіе императрицы—до тѣхъ поръ, однакожъ, надежное, пока не нужно было рѣшать между двумя соперниками. Онъ видѣлъ возраждающуюся борьбу народности съ деспотизмомъ временщика, но зналъ что представителями ея нѣсколько пылкихъ, самоотверженныхъ головъ, а не народъ, одушевленный познаніемъ своего человѣческаго достоинства. Тогдашній народъ, включая и дворянство, погрязшій въ невѣжествѣ и раболѣпномъ страхѣ, кряхтѣлъ, страдалъ; но также охотно бѣгалъ смотрѣть на казнь своихъ защитниковъ, какъ бы на казнь утѣснителей своихъ. Остерманъ зналъ, что истиннаго самосознанія національности не существовало въ Россіи, и тѣ, кто вздумали ее представлять однѣми своими особами, замышляли невѣрное. Къ тому-жъ онъ увѣрился, что привязанность государыни къ герцогу должна восторжествовать надо всѣми обстоятельствами, и потому держался бироновской партіи и укрѣпился подъ сѣнью ея на второстепенномъ мѣстѣ въ имперіи. Такимъ образомъ, казалось, математически

обезопасилъ свое лицо отъ превратностей фортуны. Въ расчетахъ этихъ онъ не догадался только, что хотя просвѣщенной національности не существовало въ Россіи, но сѣмя ея заброшено въ каждомъ человѣкѣ, гдѣ лишь только есть народъ; и потому дѣйствовать именемъ ея легко было въ лицѣ той, которая, какъ дочь великаго Петра, отца отечества, могла возбудить эту народность лучше сборища патріотовъ, дѣйствующихъ отъ себя. Онъ думалъ, что достаточно отдалилъ Елисавету Петровну отъ этой роли и — ошибся. За эту ошибку поплатился онъ всѣмъ, что пріобрѣлъ заслугами царямъ и Россіи, умомъ своимъ и хитростью. Такіе молніеносные промахи самыхъ утонченныхъ политиковъ освѣщаютъ для насъ пути Провидѣнія. Видно, подъ зарницею ихъ спѣетъ жатва Божья!

Дивное явленіе въ нашей исторіи этотъ Остерманъ! Какой чудный путь протекъ онъ отъ колыбели своей, въ захолустьѣ германскаго запада, до Березова!... Принявъ изъ рукъ судьбы страннический посохъ на порогѣ пресвитерской хижины, онъ соединилъ его потомъ со скипетромъ величайшаго изъ государей, начертывалъ имъ военные планы, мировыя народамъ и царямъ и уставы на вѣковую жизнь имперіи, указывалъ череду на престолъ, и, наконецъ, положилъ этотъ посохъ такъ скромно, такъ печально, на востокѣ, въ тундрахъ Сибири!... Бокумъ, Іена, Ништадтъ, Березовъ!... Надо же было такъ.

Но, виноватъ, я увлекся чудною судьбою одного изъ величайшихъ государственныхъ людей въ Россіи, который еще не оцѣненъ достойнымъ образомъ и ожидаетъ своего историка. Обращаюсь къ роману.

Наступало, однакожъ, критическое для Остермана время: онъ поддерживалъ доселѣ герцога, какъ любимца государыни, которую самъ возвелъ на престолъ; теперь, когда узналъ, чего Бирономъ домогался, надлежало помогать ему всходить на высокія ступени или отложиться вовсе отъ временщика. Въ послѣднемъ случаѣ вице-канцлеръ давалъ торжествовать русской партіи и возводилъ Волынскаго на первенствующее мѣсто въ кабинетѣ и въ имперіи. Онъ пришелъ къ герцогу, затвердивъ двусмысленную роль, которую рѣшился играть до того времени, пока сами обстоятельства разскажутъ ему его обязанности.

Вслѣдъ за нимъ явился пажъ отъ государыни, звавшей къ себѣ его свѣтлость. Дали отвѣтъ что сей часъ будутъ.

Худо чесанная голова, засаленная одежда министра представляли совершенный контрастъ съ щеголеватою наружностью хозяина. Входя въ кабинетъ, онъ опирался на свою трость, разслабленный.

— Каково здоровье?—спросилъ его Бирономъ съ живымъ участіемъ, усаживая въ кресла. — Эй! Кульковскій! Скамейку подъ ноги дорогого гостя! Я знаю, вы страдаете подагрою. Подушку за спину!

Невольный пажъ, подставивъ скамейку подъ ноги министра и уложивъ подушку за спину его, вышелъ съ лицомъ, багровымъ отъ натуги. Министръ, благодаря и охая, и морщась, и вскидывая глаза къ небу, чтобы въ нихъ нельзя было прочесть его помысловъ, отвѣчалъ:

— Ваша свѣтлость знаете мои немощи... несносная подагра! охъ!... къ тому-жъ начинаю худо видѣть, худо слышать.

— Конечно, не все до слуха вашего доходитъ, но мы вамъ въ этомъ случаѣ поможемъ,—сказалъ Биронъ двусмысленно, придвигая свои кресла къ кресламъ Остермана,—а что касается до зрѣнія, то у васъ есть умственное, которому не надо ни очковъ, ни подзорной трубки.

Вице-канцлеръ благодарилъ его наклоненіемъ головы и, улыбнувшись, расправилъ себѣ волосы пятернею пальцевъ, какъ гребнемъ. Биронъ продолжалъ:

— Самсонъ покорился слабой, но лукавой женщинѣ. Умъ стоитъ тѣлесной силы. Здоровье, сила душевная нужны намъ, почтеннѣйшій графъ, особенно теперь, когда враги наши дѣйствуютъ противъ насъ всѣми возможными способами, и явно и тайно. Я говорю—враги наши, потому что своего дѣла не отдѣляю отъ вашего.

— Конечно, герцогъ, я держусь вами... охъ! эта нога...—онъ наморщился и потеръ свою ногу, долго не будучи въ состояніи произнести слова, — держусь, какъ старая виноградная лоза, изсыхающая отъ многихъ жатвъ, крѣпится еще около дуба, во всей красѣ и силѣ.

Здѣсь курляндецъ пожалъ ему дружески руку.

— Но развѣ есть новости послѣ того, какъ я имѣлъ честь бесѣдовать съ вашею свѣтлостью?

— Долженъ признаться вашему сіятельству, что мятежническій духъ Волынскаго и, къ стыду нашему, еще кабинетъ-министра, нахально усиливается каждый день. Перокинъ, Суминъ-Купшинъ, Щурховъ и многіе другіе, составляющіе русскую партію, предводимую демономъ безначалія, ближатся съ каждымъ днемъ къ престолу и шепчутъ уже государынѣ нашу гибель.

«Смерть, казнь всѣмъ нѣмцамъ» — пароль ихъ. Никогда не работали они съ такимъ лукавствомъ и такими соединенными силами. Ненависть ихъ ко всему, что не русское, вамъ извѣстна; но вы не знаете, какъ они ненавидятъ меня. Повѣрите-ли, что я скоро не буду въ состояніи собирать государственныя подати! Они хотятъ этого достигнуть, чтобы разстроить машину правленія и взвалить несчастныя послѣдствія на меня. Научаютъ чернь, дворянство слухами о жестокостяхъ моихъ; вооружаютъ противъ меня цѣлыя селенія, говоря, что я хочу ввести басурманскую вѣру въ Россіи, что я антихристъ, и цѣлыя селенія бѣгутъ за границы. Это дойдетъ до государыни. Подумайте о будущности несчастной имперіи. Что скажетъ императрица, ввѣрившая намъ кормило государства? Что скажетъ о насъ исторія?

Остерманъ возвелъ глаза къ небу и пожалъ плечами. Онъ думалъ въ это время: «что скажетъ объ тебѣ исторія, мнѣ дѣла нѣтъ; а то бѣда, что русскіе мужики въ недобрый часъ изжарятъ насъ, басурмановъ, какъ лѣкаря-нѣмца при Іоаннѣ Грозномъ».

— Не смѣй я даже наказывать преступниковъ — кричатъ: тиранъ, деспотъ! Исполненіе закона съ моей стороны — насиліе; исполненіе трактатовъ, поддержка политическихъ связей съ сосѣдями — измѣна. Вы знаете, какъ справедливо требованіе Польши о вознагражденіи ея за переходъ русскихъ войскъ черезъ ея владѣнія...

— Справедливо, какъ требованіе долга по заемному письму, и чтожъ, неужели?... охъ! нога, нога!...

— Посудите, любезнѣйшій вице-канцлеръ, я, который, говорятъ, ворочаетъ имперіей, не смѣю пред-

ложить это дѣло на разсужденіе кабинета. Мнѣ нужны сначала голоса людей благонамѣренныхъ, преданныхъ пользѣ государыни. И это дѣло готовятъ наши враги въ обвиненіе мое. Право, стыдно говорить вамъ даже наединѣ, о чемъ они кричатъ на площадяхъ и будутъ кричать въ кабинетѣ, помните мое слово!... будто я, герцогъ Курляндіи, богатый свыше моихъ потребностей доходами съ моего государства и болѣе всего милостями той, которой одно мое слово можетъ достать мнѣ милліоны... будто я изъ корыстныхъ видовъ защищаю правое дѣло.

Вошелъ пажъ и доложилъ его свѣтлости, что государыня опять велѣла просить его во дворецъ.

— Скажи, сейчасъ буду, — отвѣчалъ съ сердцемъ герцогъ.

— Не задерживаю ли вашу свѣтлость?—спросилъ Остерманъ, привставъ нѣсколько на свою трость.

— Успѣю еще! Нашъ разговоръ важнѣе... Видите ли теперь, мой почтеннѣйшій графъ, что губитъ мена!... Вниманіе, милости ко мнѣ императрицы!... Ея величество знаетъ мою преданность къ себѣ, къ выгодамъ Россіи... она повѣряетъ мнѣ малѣйшія тайны свои, свои опасенія насчетъ ея болѣзни, будущности Россіи... И коронованныя главы такіе же смертные... что тогда?... Я говорю съ вами, какъ съ другомъ...

— Мы увидимъ, мы уладимъ. Развѣ бразды правленія выпадутъ тогда скорѣе изъ рукъ... нежели теперь? Кто-жъ тверже и благоразумнѣе можетъ?..

Здѣсь Остерманъ сощурилъ свои лисьи глазки.

О! развѣ съ помощью моего умнаго друга, какъ вы!... Впрочемъ, я и теперь уступилъ бы...

— Уступка будетъ слабостью съ вашей стороны. Честь ваша, честь имперіи требуютъ, чтобъ вы были тверды.

— Я пожертвовалъ бы собою, я бросился бы, какъ второй Коклесъ, въ пропасть, лишь бы спасти государство; но знаю, что удаленіе мое будетъ гибелью его. Тогда ждите себѣ сейчасъ въ канцлеры — кого-жъ? гуляку, удальца, возничаго, который проводитъ ночи въ пированіи съ пріятелями, переряжается кучеромъ и разъѣзжаетъ по... — Бирономъ плюнулъ съ досадой,—дерзкаго на слова, на-руку, который, того и гляди, готовъ во дворцѣ затѣять кулачный бой, лишь бы имѣлъ себѣ подобнаго... Подѣлаетъ изъ государственнаго кабинета австерію... и горе тому, кто носитъ только нѣмецкое имя!

За дверьми послышался крупный разговоръ.

— Слышите?... Его голосъ! Видите, графъ, у меня въ домѣ, во дворцѣ меня осаждаютъ... Безъ доклада! Какъ это пахнетъ русскимъ мужикомъ!... И вотъ вашъ будущій канцлеръ!... Того и гляди придетъ насъ бить!... Вашу руку, графъ!... За-одно — дѣйствовать сильно, дружно — не такъ-ли?... Вы... ваши друзья... или я ѣду въ Курляндію

Эти послѣднія слова были произнесены почти шопотомъ, но твердо. Герцогъ указалъ на дверь, кивнувъ головой, какъ бы хотѣлъ сказать: «возитесь вы тогда съ нимъ!...» Вице-канцлеръ, внимая разительнымъ выраженіямъ Бирона, сдѣлалъ изъ руки щитъ надъ ухомъ, чтобы лучше слышать, поднималъ изрѣдка плечи, какъ бы сожалѣя, что не всѣ слова слышать можетъ, однакожъ, къ концу рѣчи герцога торопливо, но крѣпко пожалъ ему руку, положилъ перстъ на губы

и спѣшилъ опустить свою руку на трость, обратя разговоръ на посторонній предметъ.

Въ самомъ дѣлѣ, говорившій за дверью кабинета былъ Волынскій, но какъ онъ туда пришелъ и съ кѣмъ крупно бесѣдовалъ, надо знать напередъ.

Кабинетъ-министръ, разсерженный неудачею своего посланія къ Маріорицѣ и хлопотами по устроенію праздника и ледяного дома, всходилъ на лѣстницу Лѣтняго дворца. Ему навстрѣчу Эйхлеръ. Вѣроятно, обрадованный возвышеніемъ своимъ, онъ шелъ, считая звѣзды на потолкѣ сѣней, и въ своемъ созерцаніи толкнулъ Артемія Петровича.

— Невѣжа!—вскричалъ этотъ,—не думаетъ и извиняться! Видно, каковъ попъ, таковъ и приходъ.

Лицо Эйхлера побагровѣло отъ досады; однакожъ, онъ не отвѣчалъ.

Выходка Волынскаго предвѣщала грозу. Девятый валъ набѣжалъ въ душѣ его. Онъ вошелъ въ залу, но, увидавъ за собой Миниха, остановился, чтобы дать ему дорогу. Этого военнаго царедворца уважалъ онъ, какъ героя, пожавшаго еще недавно для Россіи завидные лавры, какъ умнаго, истинно полезнаго государству человѣка, и какъ сильнаго, честолюбиваго соперника Бирона, уже разъ возставшаго противъ него и впередъ неизбѣжнаго. Только Минихъ и Волынскій могли попасть въ любимцы къ государынѣ; Остермана она только уважала.

Миниха удивилъ поступокъ Волынскаго. Онъ пожалъ ему дружески руку и промолвилъ:

— Вы, однакожъ, не любите никого впереди себя, мой любезнѣйшій Артемій Петровичъ!

— Никого, кто недостоинъ быть впереди, — отвѣ-

чалъ съ твердостью Волынскій,- но всегда съ уваженіемъ уступлю шагъ тому, кто прославляетъ мое отечество, и впередъ обѣщаетъ поддержать его выгоды и величіе. Пріятно мнѣ очистить вамъ дорогу...

Слова эти были пророческія.

— Я нѣмецъ, — прервалъ его Минихъ шутливымъ тономъ, схватившись съ нимъ рука за руку, — а вы, носятся слухи, не любите иностранцевъ?

— Опять скажу вамъ, графъ, что или меня худо понимаютъ, или на меня клевещутъ. Не люблю выходцевъ, ничтожныхъ своими душевными качествами и, между тѣмъ, откупившихъ себѣ неизвѣстными народу услугами или страдальческимъ многотерпѣніемъ право грабить, казнить и миловать насъ, русскихъ! Перескажите это,—промолвилъ Артемій Петровичъ, обратясь къ Кульковскому, подслушавшему разговоръ, — если вамъ угодно, я повторю. — Но,—продолжалъ онъ, идя далѣе чрезъ залу,—пришлецъ въ мое отечество, будь онъ хоть индѣецъ, и люби Россію, пригрѣвшую его, питающую его своею грудью, служи ей благородно, по разуму и совѣсти — не презирай хоть ея — и я всегда признаю въ немъ своего собрата. Вы знаете, отдавалъ ли я искреннюю дань уваженія Остерману, министру Петра Великаго—не нынѣшнему, Боже сохрани!—Брюсу и другимъ, имъ подобнымъ?... Презираю иностранца, который ползаетъ передъ какимъ-нибудь козырнымъ валетомъ, который, съ помощью кровавыхъ тузовъ, хочетъ выйти въ короли; но менѣе ли достойна презрѣнія эта русская челядь, — онъ указалъ на толпу, стоявшую униженно около стѣнъ, опираясь на свои трости. — Посмотрите на эти подлыя, согнутыя въ дугу фигуры, на эти страдальческія лица...

Скомандуйте имъ лечь на-земь крыжомъ, по-польски, и повѣрьте, они это мигомъ исполнятъ! Мало?—велите имъ сбить яблоко не только съ головы сына... съ младенца у груди жены, и поманите ихъ калачомъ, на которомъ золотыми буквами напишутъ *«милость Бирона»*—и они цѣлый пукъ стрѣлъ избудутъ, лишь бы попасть въ заданную цѣль.

Минихъ, усмѣхаясь, пожалъ руку Волынскому и шепнулъ ему, «чтобы онъ былъ осторожнѣе»; но благородное негодованіе кабинетъ-министра на низость людей, какъ лава кипучая, сдѣлавшая разъ вспышку, не останавливалась до тѣхъ поръ, пока не сожигала, что ей попадало навстрѣчу. Въ такихъ случаяхъ онъ забывалъ свои планы, совѣты друзей, явныхъ и тайнаго, забывалъ Махіавеля, котораго изучалъ. Душа его, какъ разгнѣванный орелъ, рвала на части животныхъ, имъ только взвидѣнныхъ, и впивалась даже могучими когтями въ тигра, который былъ ему не по силамъ.

Дежурный пажъ остановилъ учтиво генерала и кабинетъ-министра, прося позволенія доложить объ ихъ приходѣ.

— Скорѣй же! — сказалъ Артемій Петровичъ, — Минихъ и Волынскій не долго ждутъ у самой императрицы.

Пажъ пошелъ, но, посмотрѣвъ въ замочную щель кабинета, увидѣлъ, что герцогъ занимается жаркимъ разговоромъ съ Остерманомъ, воротился и просилъ Миниха и Волынскаго повременить, потому-что не смѣетъ доложить его свѣтлости, занятому съ господиномъ вице-канцлеромъ.

— О, когда такъ!—воскликнулъ Волынскій, — войдемте

И Волынскій отворилъ дверь въ кабинетъ временщика, все-таки уступая шагъ своему спутнику. За ними поспѣшилъ войти пажъ съ опоздалымъ докладомъ.

Улыбкою встрѣтилъ герцогъ пришедшихъ, просилъ ихъ садиться, бросилъ на пажа ужасный взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ его съѣсть, потомъ опять съ улыбкою сказалъ, обратясь къ Волынскому:

— А мы только сію минуту говорили съ графомъ о вчерашней вашей исторіи. Негодяи! подъ моимъ именемъ!... Это гадко, это постыдно! Кажется, еслибъ мы имѣли что на сердцѣ другъ противъ друга, то развѣдались бы сами, какъ благородные рыцари, орудіями непотаенными. Мерзко!... Я этого не терплю... Я намѣренъ доложить государынѣ. Повѣрьте, вы будете удовлетворены: брату — первому строжайшій арестъ!

— Я этого не желаю, — отвѣчалъ холодно Волынскій.

— Вы не хотите, справедливость требуетъ... примѣръ нуженъ... я не пощажу кровныхъ...

— Они довольно наказаны моимъ катаньемъ

— Ха, ха, ха! это презабавно. Г-нъ вице-канцлеръ ужъ слышалъ,—Остерманъ, усмѣхнувшись, сдѣлалъ утвердительно знакъ головой,—но вамъ. графъ, должно это разсказать.

— Любопытенъ знать,—отвѣчалъ Минихъ, вытянувъ свой длинный станъ впередъ и закрывъ длинною ногою одну сторону креселъ.

— Его милость такъ прокатила вчера нѣкоторыхъ негодяевъ на Волково поле, что они слегли въ постелю, и по дѣломъ!

— Позвольте вамъ противорѣчить, — перебилъ Волынскій, — одного изъ нихъ я подвезъ только къ Лѣтнему дворцу, именно сюда въ домъ...

Принявъ эпитетъ негодяя для своего брата, Биронъ иронически продолжалъ:

— Да вѣдь самъ Артемій Петровичъ, въ маскерадномъ, кучерскомъ кафтанѣ!... Надо, говорятъ, посмотрѣть, какъ этотъ русскій нарядъ пристадъ такому молодцу, какъ нашъ кабинетъ-министръ!

Послѣднее слово заставило Остермана опять усмѣхнуться.

— Да, ваша свѣтлость, я славно прокатился и въ Персію, и въ Немировъ,—подхватилъ съ досадою Волынскій, — и никто, конечно, не осмѣлится сказать, чтобы я исполнилъ свое дѣло кучерски, а не какъ министръ россійской имперіи. Впрочемъ, русскіе бояре-невыходцы—просто веселятся и такъ-же дѣлаютъ государственныя дѣла: самъ Петръ Великій подавалъ намъ тому примѣръ. Можетъ статься, и его простота удивила бы выскочку въ государи, если-бъ они могли когда быть!

— Я говорю только, что вы сдѣлали, а не то, что вы хотите заставить меня мыслить. Кто-жъ смѣетъ лишать васъ заслугъ вашихъ?... Вы знаете, не я ли всегда первый цѣнилъ ихъ достойнымъ образомъ и... послѣдняя милость...

— Милость моей государыни!—прервалъ съ твердостью Волынскій.—Я ни отъ кого, кромѣ нея, ихъ не принимаю. Вы изволили, конечно, призвать меня не для оцѣнки моей личности, и здѣсь нѣтъ аукціона для нея...

— Боже мой! какая азіатская гордость!... Поми-

луйте, мы говоримъ у себя въ домашнемъ кабинетѣ, а не въ государственномъ. Если вамъ дружеская бесѣда не нравится, я скажу вамъ какъ герцогъ курляндскій...

Бирономъ гордо и грозно посмотрѣлъ на Артемія Петровича и думалъ, что онъ при этомъ словѣ приподнимется со стула; но кабинетъ-министръ такъ-же гордо встрѣтилъ его взоръ и сидя отвѣчалъ:

— Я не имѣю никакой должности въ Курляндіи.

Бирономъ вспыхнулъ, сдвинувъ подъ собою кресла такъ, что они завизжали, и, вставъ, сказалъ съ сердцемъ:

— Такъ я, сударь, вамъ говорю именемъ императорскаго величества.

При этомъ имени Волынскій тотчасъ всталъ и съ уваженіемъ, нѣсколько наклонившись, сказалъ:

— Слушаю повелѣніе моей государыни.

— Она подтверждаетъ вамъ, сударь... чтобы вы... — не приготививъ основательнаго удара, Бирономъ растерялся и искалъ словъ, — поскорѣе... занялись устройствомъ «Ледяного дворца».

— Гдѣ будетъ праздноваться свадьба шута?... — отвѣчалъ съ коварной усмѣшкой Волынскій. — Я ужь имѣю на это приказъ ея величества; мнѣ его вчера сообщили отъ нея; нынѣ я получилъ, письменно, подтвержденіе, и исполняю его. Просилъ бы, однакожъ, вашу свѣтлость доложить моей государынѣ, не угодно ли было бы употребить меня на дѣла, болѣе полезныя для государства.

— Наше дѣло исполнять, а не разсуждать, г-нъ Волынскій.—Голосъ, которымъ слова эти были сказаны, гораздо поумягчился.

— Съ какимъ удовольствіемъ употребилъ бы я себя, напримѣръ, на помощь страждущему человѣчеству!... Доведено-ли до свѣдѣнія ея величества о голодѣ, о нуждахъ народныхъ? Извѣстны-ли ужасныя мѣры, какія принимаютъ въ это гибельное время, чтобы взыскивать недоимки? Повѣрите-ли, графъ?—продолжалъ Артемій Петровичъ, обратившись къ Миниху,—у нищихъ выпытываютъ послѣднюю копѣйку, сбереженную на кусокъ хлѣба, ставятъ на морозъ босыми ногами, обливаютъ на морозѣ-жъ водою...

— Ужасно!—воскликнулъ графъ Минихъ.—Нельзя-ли облегчить бѣдствія народныя, затѣявъ общеполезную работу? Сколько оставилъ намъ Петръ Великій важныхъ плановъ, которыхъ исполненіе станетъ на жизнь и силы развѣ только нашихъ правнуковъ! Напримѣръ, чего бы лучше упорядочить пути сообщенія въ Россіи? Для такого дѣла я положилъ бы въ сторону мечъ и взялся бы за заступъ и циркуль. А гдѣ, позвольте спросить, Артемій Петровичъ, наиболѣе оказываются нужды народныя?

— Всего болѣе страдаетъ Малороссія, — отвѣчалъ Волынскій, бросивъ пламенный, зоркій взглядъ на Бирона. Этотъ сѣлъ, и кабинетъ-министръ сѣлъ за нимъ.— Именно туда надо бы правителя, расположеннаго къ добру.

Онъ намекалъ на самого Миниха, домогавшагося гетманства Малороссіи.

— Объ этомъ, — подхватилъ Остерманъ, — сильно заботится государственный человѣкъ, у котораго мы имѣемъ честь теперь находиться. Онъ, конечно, ничего не упуститъ для блага Россіи. — Здѣсь Волынскій съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на вице-канцлера, но этотъ

очень хладнокровно продолжалъ:—И, сколько мнѣ извѣстно, заботы его увѣнчиваются благопріятнымъ успѣхомъ: государыня назначаетъ правителемъ Малороссіи мужа, который умомъ и другими душевными качествами упрочитъ внутренно благоденствіе этой страны и вмѣстѣ мечомъ будетъ умѣть охранять ея спокойствіе отъ нашествія опаснаго сосѣда.

Этою лукавою рѣчью былъ нѣсколько склоненъ честолюбивый Минихъ къ сторонѣ Бирона, который, пользуясь поддержкою вице-канцлера, обратился съ большею твердостію къ мнимому гетману Мэлороссіи.

— Повѣрьте, несчастія, которыя вамъ съ такимъ жаромъ описываютъ, только на словахъ существуютъ, и самъ г-нъ Волынскій обманутъ своими корреспондентами.

— Я не дитя или женщина, чтобы могъ быть обманутъ слухами,—сказалъ Волынскій.—Я имѣю свидѣтельства, и, если нужно, представлю ихъ, но только самой императрицѣ. Увидимъ, что она скажетъ, когда узнаетъ, что отецъ семейства, измученный пыткою за недоимки, зарѣзалъ съ отчаянія все свое семейство; что другой отнесъ трехъ дѣтей своихъ въ поле и заморозилъ ихъ тамъ.

— Выдумка людей безпокойныхъ, мятежныхъ!

— Неправда, герцогъ! — вскричалъ кабинетъ-министръ, вскочивъ со стула.—Волынскій это подтверждаетъ, Волынскій готовъ засвидѣтельствовать это своею кровью...

Явился опять посланный изъ дворца, и опять за тѣмъ же.

— Сію минуту буду!—сказалъ герцогъ, посмотрѣвъ значительно на своихъ посѣтителей.—Въ третій разъ

государыня требуетъ меня, а я задержанъ пустыми спорами..

— Ваша свѣтлость пригласили меня,—сказалъ Минихъ, — чтобы поговорить о дѣлѣ вознагражденія поляковъ за проходъ русскихъ войскъ.

— Да, да,—отвѣчалъ Бирономъ,—г-нъ вице-канцлеръ согласенъ на вознагражденія.

— Честь имперіи этого требуетъ,—сказалъ Остерманъ.—Впрочемъ, судя по тревожному вступленію къ нашему совѣщанію, я совѣтовалъ бы отложить его до официальнаго засѣданія въ кабинетѣ.

— Честь имперіи!... — воскликнулъ Волынскій. — Гмъ! честь... какъ это слово употребляютъ во зло!... И я скажу свое *впрочемъ*. Здѣсь, въ государственномъ кабинетѣ, во дворцѣ, предъ лицомъ императрицы, вездѣ объявлю, вездѣ буду повторять, что одинъ *вассалъ* Польши можетъ сдѣлать докладъ объ этомъ вознагражденіи; да, одинъ *вассалъ* Польши!...

При словѣ: *вассалъ*, Минихъ и Остерманъ встали съ мѣстъ своихъ, послѣдній, охая и жалуясь на подагру, оба смотря другъ на друга въ какомъ-то странномъ ожиданіи. Никогда еще Волынскій не доходилъ до такой отчаянной выходки; ему наскучило ужъ долѣе скрываться.

— За это слово вы будете дорого отвѣчать, дерзкій человѣкъ!—вскричалъ внѣ себя Бирономъ,—клянусь вамъ честью своею.

— Отдаю вамъ прилагательное ваше назадъ! — вскричалъ Волынскій.

— Государыня васъ требуетъ,—сказалъ Остерманъ герцогу.

— Во дворецъ, да, къ государынѣ! — произнесъ

Бирономъ, хватая себя за горящую голову; потомъ, обратясь къ Волынскому, примолвилъ:—надѣюсь, что мы видимся въ послѣдній разъ въ домѣ герцога курляндскаго.

— Очень радъ,—отвѣчалъ Волынскій и, не поклонясь, вышелъ.

Собесѣдники, смущенные этой ссорой, которой важныя послѣдствія были неисчислимы, послѣдовали за нимъ. Въ ушахъ ихъ долго еще гремѣли слова: *«я или онъ долженъ погибнуть»*—слова, произнесенныя бѣснующимся Бирономъ, когда они съ нимъ прощались.

— Я или онъ долженъ погибнуть!—повторилъ временщикъ, ударивъ по столу кулакомъ, когда они вышли.

— Этого гордеца надо бы хорошенько проучить,—говорили между собою стоявшіе въ залѣ, когда Волынскій проходилъ мимо нихъ съ гнѣвной, презрительной улыбкой.

— Его свѣтлость! его свѣтлость!—закричалъ пажъ.

Возгласъ этотъ, повторенный сотнею голосовъ по анфиладѣ комнатъ, раздался, наконецъ, у подъѣзда. Опереженный и сопровождаемый блестящей свитой, Бирономъ прошелъ чрезъ пріемную залу и удостоилъ дожидавшихся въ ней однимъ ласковымъ киваньемъ головы. За то сколькихъ панегириковъ удостоился онъ самъ за это наклоненіе!

— Какой милостивый!

— Какой великій человѣкъ!

— Какая важность въ поступи!

— Проницательность во взорахъ!

— Онъ рожденъ повелѣвать!

— Модель для живописца!..

— Жена моя отъ него безъ ума!

Какой-то выскочка осмѣлился сказать, что Петръ Великій и для художника и для женщинъ имѣлъ болѣе привлекательности.

— Помилуйте,—отвѣчали ему,—у того былъ только бюстъ хорошъ, а у этого... все—совершенство!

Бирона ожидала у подъѣзда золотая карета, вся въ стеклахъ, такъ что сидѣвшій въ ней могъ быть виденъ съ головы до пятъ, какъ великолѣпное насѣкомое, которое охраняетъ энтомологистъ въ прозрачной коробкѣ. И вотъ покатилъ онъ, ослѣпляя толпу и рѣдкой красотой своего цуга, и золотой сбруей на коняхъ вмѣстѣ съ перьями, вѣявшими на головахъ ихъ, и блескомъ отряда гусаръ и егерей, скакавшихъ впереди и за каретой. Между тѣмъ какъ чернь дивилась счастію временщика, червякъ точилъ его сердце: гордость его сильно страдала отъ дерзкаго, неугомоннаго характера Волынскаго. «Но онъ погибнетъ, во чтобы ни стало», говорилъ Биронъ, и блуждающіе отъ бѣшенства глаза остановились на бумажкѣ, приколотой едва замѣтно къ позументу, которымъ обложена была рама въ каретѣ. Дрожащими руками, какъ бы отъ предчувствія, сорвана бумажка съ своего мѣста. Онъ готовъ былъ задохнуться отъ ярости, когда прочелъ написанное:— «Берегись, злодѣй! Тѣло Горденки похищено вчера въ полночь и зарыто въ такомъ мѣстѣ, откуда можно его вырыть для свидѣтельства противъ тебя. Знай болѣе, исполнители воли твоего клеврета бѣжали и скрываются тамъ, гдѣ смѣются твоему властолюбію».

Эта записка имѣла свое дѣйствіе. Она смутила, испугала герцога грозною неожиданностію, какъ внезапный крикъ пѣтуха пугаетъ льва, положившаго уже

лапу на свою жертву, чтобы растерзать ее. Онъ рѣшился не обнаруживать государынѣ обиды, нанесенной ему соперникомъ, до благопріятнаго исполненія прежде начертанныхъ плановъ. Надо было отдѣлаться и отъ Горденки, который его такъ ужасно преслѣдовалъ. Собираясь зарѣзать ближняго, разбойникъ хотѣлъ прежде умыться.

Сибирь, рудники, пасть медвѣдя, капель горячаго свинца на темя, нѣтъ муки, нѣтъ казни, которую взбѣшенный Биронъ не назначилъ бы Гросноту за его оплошность. Кучера, лакеи, все, что подходило къ каретѣ, все, что могло приблизиться къ ней, обреклось его гнѣву. Онъ допытаетъ, кто тайный, домашній лазутчикъ его преступленій и обличитель ихъ; онъ для этого подниметъ землю, допроситъ утробу живыхъ людей, расшевелитъ кости мертвыхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВО ДВОРЦѢ

Но часъ насталъ—я ничего не помню,
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье...

Пушкинъ.

— Во дворецъ! — закричалъ взбѣшенный Волынскій, и углубился въ карету.

При словѣ, дворецъ, Маріорица, вооруженная съ ногъ до головы всѣми возможными обольщеніями, предстала предъ нимъ. «Тамъ — говорилъ онъ самъ съ собою—увижу, можетъ быть, ее, эту плѣнительную Маріорицу, которую не могу вытѣснить изъ сердца, отъ которой сойду съ ума, если она не будетъ моею».

Молчаніе ея на письмо, препятствія раздражили въ немъ страсть до того, что онъ признается въ ней уже самому себѣ. Эту страсть называлъ онъ доселѣ прихотью непостояннаго, влюбчиваго характера. И чтожъ теперь? одна мысль о Маріорицѣ, и Волынскій уже не кабинетъ-министръ, не ревностный гражданинъ, жертвующій собой отечеству; онъ просто пламенный, безумный любовникъ. Что за слова: честь, благородство, отечество,—онъ ихъ болѣе не понимаетъ.

Онъ кается уже, что вспышкою своего неосторожнаго характера слишкомъ рано возбудилъ противъ себя временщика, и что это обстоятельство отдалитъ его отъ дворца. Безразсудный! онъ подрѣзалъ, можетъ статься, въ полномъ цвѣтѣ лучшія свои надежды. Въ минуты мечтанія о Маріорицѣ (и кажется, только въ эти минуты) патріотъ Волынскій готовъ уступить врагу, лишь бы онъ сдѣлалъ его властелиномъ ея, одной только ея. Тѣшься тогда лукавый, сколько душѣ угодно, рѣжь, души, кого хочешь!... И правду говорилъ Зуда: «одному ль ему пересилить судьбу Россіи въ образѣ Бирона?...»

Онъ погрузился въ одну мысль о Маріорицѣ. Вся душа его, весь онъ — какъ будто разогрѣтая влажная стихія, въ которой Маріорица купаетъ свои прелести. Какъ эта стихія, онъ обхватилъ ее горячей мечтой, сбѣгаетъ струею по ея округленнымъ плечамъ, плещетъ жаркою пѣною по лебединой шеѣ, подкатывается волною подъ грудь, замирающую сладкимъ восторгомъ; онъ липнетъ летучею брызгою къ горячимъ устамъ ея, и черныя кудри цѣлуетъ, и впивается въ нихъ, и весь, напитанный ея существомъ, ластится около нея тонкимъ благовоннымъ паромъ...

— Карета давно подъѣхала ко дворцу! — раздался голосъ—и Волынскій, встрепенувшись, видитъ: дверка отворена, подножки спущены и гайдукъ въ изумленіи смотритъ на своего барина, неподвижно углубленнаго въ каретѣ. «Ужь не ударъ ли съ нимъ!» думаетъ слуга.

— Да, да, я задремалъ—говоритъ Артемій Петровичъ.—Браня себя за свою слабость и обѣщаясь быть впередъ благоразумнѣе, онъ спѣшитъ во дворецъ,

Входя въ него, не заботится, какъ приметъ его государыня; онъ думаетъ только о восторгѣ съ Маріорицей. Сердце его трепещетъ, какъ у молодого человѣка, вступающаго въ первый разъ въ свѣтъ. И вотъ онъ въ комнатѣ, гдѣ принимаетъ его императрица Анна Іоанновна. Она забавлялась въ ней игрою на билліардѣ, которую такъ же любила, какъ верховую ѣзду и стрѣльбу изъ ружья.

Волынскаго осаждаетъ вереница шутовъ разнаго званія и лѣтъ (ихъ было, если не ошибаюсь, шесть почетныхъ, включая въ то число Кульковскаго, успѣвшаго также явиться къ своей должности). Между ними отличаются итальянецъ Педрилло, бывшій придворный скрипачъ, но перемѣнившій эту должность на шутовскую, найдя ее болѣе выгодною, и Лакоста, португальскій жидъ, служившій еще шутомъ при Петрѣ I-мъ и прозванный имъ «принцемъ самоѣдовъ». Старикъ Балакиревъ — кто не зналъ его при великомъ образователѣ Россіи?—дошучиваетъ нынѣ сквозь слезы свою жизнь между счастливыми соперниками. Онъ играетъ теперь второстепенную роль; онъ часто грустенъ, жалуется, что у иностранцевъ въ загонѣ, остроуменъ только тогда, когда случается побранить ихъ. И какъ не жаловаться ему? Старыхъ заслугъ его не помнятъ. Иностранные шуты, Лакоста и Педрилло, отличены какими-то значками въ петлицѣ, подъ именемъ ордена «*Бенедетто*», собственно для нихъ учрежденнаго. А онъ, любимый шутъ Петра Великаго, не имѣетъ этого значка и донашиваетъ старый кафтанъ, полученный въ двадцатыхъ годахъ. Вообще всѣ эти шуты не прежнихъ временъ; фарсы ихъ натянуты, тупы, и какъ быть имъ иначе подъ палкою, или, что еще хуже,

грознымъ взоромъ Бирона? Остроуміе—дитя беззаботнаго веселія.

— О, волинка! пру, пру, ду, ду... — вскричали и затянули одинъ за другимъ Педрилло и Лакоста, увидавъ Волынскаго, котораго не любили потому, что онъ ихъ терпѣть не могъ и ничѣмъ не даривалъ; да и соперничество его съ герцогомъ курляндскимъ было положено тутъ же на вѣсы.

— Видно, музыка этой волынки не по васъ, картофельщики! — подхватилъ Балакиревъ, — стеклянныя головки не выдержатъ русскаго языка.

Императрица играла въ билліардъ съ Маріорицей, которую сама учила этому искусству, чтобы имѣть во всякое время свою *домашнюю* партію. Княжнѣ Лелемико приходилось играть, но при имени Волынскаго она вспыхнула, поблѣднѣла и задрожала. Шары двоились въ глазахъ ея, билліардъ ходилъ кругомъ. Можно догадаться, каковъ былъ ударъ.

— Киксъ, моя милая! — сказала государыня, засмѣявшись,—никогда еще не видывала я тебя въ такомъ знаменитомъ ударѣ. — А? нашъ любезный кабинетъ-министръ!—примолвила она, обратясь съ привѣтливымъ видомъ къ Волынскому,—каково здоровье?

— Еще худо, ваше величество, — отвѣчалъ онъ, блѣдный отъ смущенія княжны Лелемико, не скрывшагося отъ его взоровъ.

— Это замѣтно.

— Но я поспѣшилъ сдѣлать вамъ угодное, государыня, принялся нынѣ же за устройство...

— «Ледяного дворца» для свадьбы моего новобраннаго пажа. (Кульковскій сдѣлалъ глубокій поклонъ такъ, что широкая лысина его казалась блестящею

тарелкою среди его туловища; въ нее звучно шлепнулъ Педрилло ладонью).—Я любовалась ужь изъ окна, какъ у васъ дѣло спѣетъ. Мнѣ это очень пріятно. Вы съ такимъ усердіемъ исполняете мое желаніе, что даже нездоровье васъ не удержало.

— Удовольствіе ваше, государыня, дорого намъ.

— Не взыщите, господа, что отвлекаю васъ отъ дѣлъ государственныхъ для своихъ прихотей... Да-таки прихотей... не скрываю этого; но старая, хворая, брюзгливая женщина всегда съ причудами. Зато не долго буду вамъ надоѣдать ими.

Анна Іоанновна произнесла это грустнымъ голосомъ, какъ бы предчувствовала свою близкую смерть. Волынскій хотѣлъ что-то сказать, но государыня предупредила его, смотря на него проницательнымъ взоромъ.

— Мнѣ ужь и память вѣчную поютъ... (Волынскій поблѣднѣлъ и собирался сдѣлать почтительное возраженіе; но и тутъ государыня дала ему знакъ рукою, чтобы онъ молчалъ и примолвила: (Знайте, однакожъ, мой любезнѣйшій Артемій Петровичъ, что я умѣю различать отъ истины шутку, подъ веселый часъ, а можетъ быть и въ сердцахъ сказанную. Дѣла ваши говорятъ мнѣ о вашей преданности лучше, нежели сплетни. Она протянула милостиво руку Волынскому, и этотъ, ставъ на одно колѣно, поцѣловалъ руку съ жаромъ благодарности. Въ это время вошелъ герцогъ курляндскій. Государыня, сначала испуганная его появленіемъ, смѣшалась, однакожъ, вскорѣ оправилась и, взглянувъ на него довольно сухо, продолжала, обращаясь все къ кабинетъ-министру):—Я не имѣю нужды посылать за вами по три раза; вы являетесь даже на

мысленное мое приглашеніе. Вѣрьте—прибавила она, давая голосомъ особенный вѣсъ своимъ словамъ — что никто насъ не поссоритъ съ вами.

Пасмурно, съ злобною усмѣшкой, смотрѣлъ Биронъ на эту сцену и долго молчалъ, потомъ завелъ разговоръ то съ шутами, то съ Маріорицей.

Поднялся гамъ между шутами. Надобно было имъ разсѣять гнѣвъ государыни. Педрилло, принявъ команду надъ товарищами, установилъ ихъ, одного за другимъ, около стѣны, какъ дѣти ставятъ согнутыя пополамъ карты такъ, что, толкнувъ одну сзади, повалишь всѣ вдругъ. Одинъ Балакиревъ не повиновался. Дѣло обошлось и безъ него. Педрилло далъ толчекъ своей командѣ, и всѣ повалились одинъ на другого. Долго барахтался Кульковскій по полу, чтобы встать. Государыня изволила смѣяться этому фарсу; смѣялись другіе зрители, хохотали сами актеры. Потребованъ, однакожъ, отчетъ отъ Балакирева, почему онъ не повиновался.

— Червякъ въ головѣ!—отвѣчалъ старикъ угрюмо,— а когда червякъ у русскаго заведется, такъ и самъ принцъ не только *куръ*, но и коршуновъ не выгонитъ его.

За такое неповиновеніе отсчитали бѣдному шуту Петра I-го столько ударовъ, сколько словъ было въ его отвѣтѣ.

Между тѣмъ игра на билліардѣ кончилась къ удовольствію Маріорицы, дѣлавшей безпрестанно промахи, несмотря, что вооружилась всею душевною твердостію. Бойкая воспитанница гарема сдѣлалась робка и стыдлива, какъ институтка за порогомъ дома, гдѣ получила воспитаніе. Условлено было, что, когда княжна

проиграетъ, долженъ пролѣзть подъ билліардомъ ассистентъ ея, новопожалованный пажъ, а въ противномъ случаѣ,—Педрилло. Палъ роковой жребій на Кульковскаго, и онъ поползъ на четверенькахъ, сопровождаемый общимъ смѣхомъ. Жестокая судьба его не удовлетворилась тѣмъ, что заставила его считать, задыхаясь, перегородки билліарда, что товарищи осадили его со всѣхъ сторонъ кіями, какъ охотники кабана, запутавшагося въ тенетахъ; надо еще было, чтобы вбѣжала любимая государынина борзая сучка, которая увѣнчала потѣху, вцѣпившись зубами въ ухо страдальца. «А ту! а ту!» кричали шуты. Травля была презабавная... Кровь порядочно струилась по пухлой щекѣ Кульковскаго, и, несмотря на боль, онъ не смѣлъ отогнать свою мучительницу. Маріорица почти со слезами смотрѣла на это зрѣлище. Наконецъ, государыня, боясь видѣть своего пажа карноухимъ, сжалилась надъ нимъ и велѣла отнять собаку. Сколько разъ, при совершеніи этого мученическаго подвига, вспоминалъ Кульковскій о своемъ дежурномъ стулѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ! Вдобавокъ поручили ему смотрѣть за сучкою съ тѣмъ, чтобы она привыкла къ нему.

Гнѣвъ императрицы на герцога, какъ и можно было ожидать, кончился со смѣхомъ ея на проказы шутовъ. Онъ умѣлъ воспользоваться минутою веселости, чтобы подойти къ ея величеству и просить у ней прощенія, сбрасывая всю вину на важныя дѣла государственныя, которыхъ разбирательствомъ онъ долженъ былъ заняться.

— Желая васъ успокоить скорѣйшимъ окончаніемъ ихъ,—говорилъ онъ,—я сдѣлался преступникомъ. «Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость».

Когда нужно было, хитрецъ зналъ употреблять и русскія пословицы въ дѣло. Изволили простить по пословицѣ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы во весь день важныхъ дѣлъ не встрѣчалось. Разговаривая съ Бирономъ все по-нѣмецки, уже ласковымъ тономъ, изволили прохаживаться по билліардной взадъ и впередъ, останавливались нерѣдко у окна, изъ котораго видна была начатая стройка «Ледяного дома». Этимъ случаемъ воспользовался Бирон, чтобы хвалить усердіе Волынскаго въ исполненіи малѣйшей воли государыни. Такіе отзывы льстили сердцу ея величества, и она не упустила случая благодарить своего любимца за безпристрастіе. Изъявили также желаніе, чтобы между первыми сановниками государства, которыхъ она столько любила, отдавая однакожъ преимущество, по справедливости, одному, существовалъ всегда миръ, который будто, какъ до нея дошло, колебался...

— Каждому свое, — говорила государыня:—вамъ, кажется, дѣлить нечего.

Тронутый герцогъ, со слезами на глазахъ, поклялся даже сдѣлать уступки своихъ правъ Волынскому, чтобы только угодить обожаемой государынѣ. Въ сердцѣ же клялся помириться съ нимъ тогда лишь, когда увидитъ голову его на плахѣ. Онъ убѣжденъ былъ тайною запискою, найденною въ каретѣ, что еще не время дѣйствовать рѣшительно, и потому скрылъ глубоко свою ненависть.

Съ другой стороны кабинетъ-министръ, отуманенный любовью и довольный, что государыня отвлечена отъ него жаркимъ разговоромъ съ Бирономъ, забылъ свою вражду. Онъ спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы подойти къ княжнѣ Лелемико. Лю-

бовь, стыдливость, которой не учили ее въ гаремѣ, а научила сама природа, били ключемъ изъ сердца ея и выступали на щекахъ румянцемъ, въ глазахъ — томительнымъ огнемъ. Когда Артемій Петровичъ подошелъ къ ней, изъ-подъ длинныхъ ея рѣсницъ блеснуло выраженіе сердечнаго участія, дрожащія уста ея сдѣлали вопросъ: «здоровы-ли вы?»

— Я былъ боленъ, очень боленъ, — отвѣчалъ Волынскій:—и хотѣлъ было умереть.

Слеза навернулась на ея глазахъ; она покачала головой, какъ бы хотѣла сказать: «безжалостный! что вы со мною дѣлаете?...» и сказала вслухъ: — Должны быть важныя причины на это?

— Вы презрѣли моими страданіями, и для чего-жъ мнѣ послѣ жить?... Но я хотѣлъ еще разъ васъ увидѣть, еще разъ упиться этимъ блаженствомъ, и потомъ... да судитъ Богъ!... Не моя вина! Зачѣмъ перенесъ онъ васъ въ Петербургъ? Зачѣмъ испытывать было надо мною обольщенія вашего небеснаго взгляда?... Я—человѣкъ; а надобно быть камнемъ, чтобы провести свое сердце сквозь такія испытанія...

Маріорица не отвѣчала, но взоръ ея наградилъ Волынскаго самою пламенною, самою нѣжною любовью. Дрожа, она положила на окно платокъ, изъ котораго онъ могъ замѣтить уголокъ свернутой бумажки. Это былъ отвѣтъ, который княжна написала, вставши по утру, но за отсылкою «Телемахиды» смѣтливою служанкою не могла доставить къ Артемію Петровичу.

Ахъ! какъ любила Маріорица!... Любовь разлилась въ ней пожаромъ, во снѣ палила ее муками, нѣжила роскошными видѣніями, на яву мутила всѣ ея думы, кромѣ одной, что Волынскій сведенъ въ ея душу са-

мимъ Провидѣніемъ, не какъ гость минутный, но какъ жилецъ вѣчный, которому она — раба, другъ, жена, любовница, все, чѣмъ владѣетъ господинъ на востокѣ и сѣверѣ—должна повиноваться, котораго должна любить всѣми помышленіями, всею душою своей, котораго такъ и любитъ. И могла-ль она послѣ этого не отвѣчать на письмо его? Дѣвушку съ европейскимъ воспитаніемъ испугали бы въ такомъ случаѣ разсчеты приличія, страхъ общественнаго мнѣнія; она, пламенное дитя Востока, боится только гнѣва, холодности своего владыки. Маріорица полюбила не постепенно; страсть ея не созрѣла временемъ, пожертвованіями, оцѣнкою достоинствъ любимаго предмета,—она вспыхнула въ одинъ мигъ, въ одинъ мигъ ее обхватила, и Маріорица не можетъ уже любить ни болѣе, ни менѣе, сколько любитъ. Ни у кого не спрашивалась она совѣта на эту любовь, ни у разсудка, ни у сердца, ни у людей. Любовь послано ей свыше, какъ фирманъ султана его подданному: слѣпое исполненіе или гибель?...

Волынскій видитъ роковую бумажку, догадывается, что это отвѣтъ на его письмо, и не имѣетъ возможности ее взять. Шуты безпрестанно шныряютъ около нихъ, подмѣчаютъ ихъ взгляды, подслушиваютъ разговоръ, слѣдятъ движенія, но добыча шпіоновъ небогата на этотъ разъ. Разговоры влюбленныхъ отрывисты, перемѣшаны кабалистикою словъ, непонятныхъ для черни, похищенныхъ изъ другого, высшаго міра. Волынскій благодаритъ Маріорицу за жизнь, которую она даритъ ему, которую обѣщаетъ онъ ей посвятить. Онъ проситъ дозволенія прислать къ ней цыганку за отвѣтомъ. Цыганка заслужила его довѣріе: можно-ли

отказать? Взоры княжны, увлаженные любовью, то останавливаются на немъ, то застилаются черными, длинными рѣсницами; онъ пьетъ ея душу въ этихъ взорахъ, онъ черпаетъ въ нихъ море блаженства. Смущеніе ихъ обнаружило бы скоро ихъ страсть, еслибъ голосъ императрицы, зовущей къ себѣ княжну, не спасъ ихъ отъ подозрѣнія.

Волынскій блаженствуетъ; онъ торжествуетъ заранѣе и, смотря на все въ волшебное стекло любви, видитъ въ своемъ врагѣ ловкаго, умнаго любимца императрицы. Они бесѣдуютъ, шутятъ другъ съ другомъ, какъ будто никогда не ссорились, и государыня утѣшается, что согласіе водворилось между ними такъ скоро по манію ея воли.

Анна Іоанновна сидѣла на штофномъ диванѣ, расположенномъ вдоль внутренней стѣны комнаты; нѣсколько ступеней, обитыхъ богатыми коврами, вели къ нему Маріорица усѣлась у ногъ ея на верхней ступени.

— Какъ разгорѣлась ты, прекрасное дитя мое! — сказала государыня, обвивъ ея шею своею рукой и поцѣловавъ ее въ лобъ.

Отъ этого движенія свалилась съ головы княжны шапочка, и черныя, длинныя косы пали ей на колѣна. Какъ она была хороша въ эту минуту!... Сама государыня посмотрѣла на нее съ восторгомъ матери, подняла ей косы, обвила ими дважды голову, надѣла ей шапочку нѣсколько на-бекрень, по-русски, полюбовалась опять на нее съ минуту и, съ нѣжностью потормошивъ ее двумя пальцами за подбородокъ, промолвила:

— Какая милушка!

Все въ комнатѣ примолкло: самые шуты не шевелились, будто страшась нарушить это занимательное зрѣлище. Волынскій стоялъ, какъ вкопанный; онъ пожиралъ Маріорицу глазами; онъ весь былъ у ногъ ея. На бѣду, княжна сидѣла по-восточному, и одна ножка ея, обутая въ башмачокъ, шитый золотомъ, уютная, какъ воробушекъ, выглядывала изъ-подъ платья и дразнила его пылкое воображеніе. Государыня замѣтила силу его взглядовъ и сказала шутя, закрывъ рукою лицо княжны.

— Г-нъ Волынскій, не сглазьте ее у меня. Вы смотрите на мою Лелемико, какъ лисица на добычу. Я съ вами поссорюсь за это.

Волынскій отвѣчалъ, какъ придворный, что онъ не могъ не заплатить невольной дани красотѣ.

— И я ли одинъ — прибавилъ онъ — виноватъ въ этомъ проступкѣ; ваше величество женщина, и сами не скрываете своего восторга при видѣ княжны.

Разумѣется, похвалы заставляли Маріорицу еще болѣе краснѣть, хотя и были ей пріятны.

Во время этой сцены Бирон, чтобы избавиться отъ невольнаго обольщенія, или для того, чтобы не мѣшать страсти Волынскаго расходиться болѣе и болѣе на собственную его гибель, ласкалъ государынину собаку и, казалось, на нее одну обратилъ свое вниманіе. Наконецъ онъ сказалъ:

— Ваше величество изволите женить Кульковскаго; вотъ и свадебный домъ строится, но о невѣстѣ не было еще слова.

— Ваша правда, подойникъ готовъ, а коровы еще нѣтъ, — отвѣчала, смѣясь, государыня. — Бирон успѣлъ

предупредить ее на счетъ барской барыни, сказавъ, что эта пара будетъ презабавная

— Надо,—продолжала она, подозвавъ къ себѣ Кульковскаго, — положиться на его вкусъ. Послушай, дуракъ, выбирай во всей имперіи, только не при моемъ дворѣ; даю слово, что если изберешь достойную себя, не откажу быть твоею свахою.

Низко поклонился женихъ, положилъ руку на сердце, тяжело вздохнулъ и объявилъ, что страдаетъ денно и нощно по г-жѣ Подачкиной и умретъ, если она не будетъ его супругой.

— О ве, о ве! изсохнетъ бѣдный до второго пришествія, какъ спицка!—подхватилъ Лакоста.

— Oche bella armonia! — прибавилъ Педрилло:— corpo di bacco! однато лстъ, какъ басъ, а другая тоненька фаготъ.

— Не парочка, а чудо!—вскричалъ Балакиревъ:— въ пустую бочку поселится саженная змѣя.

— Кто-жъ эта знаменитая Подачкина, на которую палъ такой счастливый жребій?—спросила государыня.

— Не знаю, ваше величество—сказалъ Бирон.

— Моя барская барыня — отвѣчалъ, смутясь, Волынскій.—У него вертѣлись въ головѣ темныя догадки на счетъ ея.—Только удивляюсь очень, какимъ образомъ нашъ Парисъ, не сходя со стула въ пріемной его свѣтлости, могъ подмѣтить такое сокровище, которое хранится у меня за тридевятью замками.

— Надѣюсь, господинъ Волынскій, что вы не подожжете моего дворца, если мы похитимъ вашу прекрасную... какъ бишь? за которую дрались греческіе цари?

— Елену!—подхватилъ Бирон.

— Да, хоть Елену?

— Боже меня сохрани!—отвѣчалъ Волынскій.

— Такъ вы уступаете мнѣ свою красавицу?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Благодари же, дуракъ!

И Кульковскій, расшаркавшись передъ кабинетъ-министромъ, разсыпался, какъ умѣлъ, въ благодарности.

— Эта свадьба дѣлается съ позволенія вашего, государыня,—сказалъ Бирономъ пасмурно:—но есть особы при васъ, которыя давно женаты и скрываютъ это отъ вашего величества.

Педрилло палъ на оба колѣна и, зарюмивъ, вопилъ жалобнымъ голосомъ:

— Виноватъ, матушка, только не снимай повинна головка.

— Какъ! у меня во дворцѣ? безъ моего позволенія?—сказала съ неудовольствіемъ Анна Іоанновна.

— Серсе приказалъ: лупи, а кто можно противъ серсе на кулачка маршируъ. Ахъ! если бы вашъ величество видѣлъ la mia cara, то простилъ моя. Глазка востра, бѣлъ, какъ млеко, нѣжна голосокъ, какъ флейтошка, ножка тоненька, маленька, меньше, шѣмъ у княжонъ, проворно тансуй, прыжки таки больша дѣлай, и така молоденька!...

Описаніе своей любезной сопровождалъ Педрилло страстною и отчаянною мимикой, прижимая то руки къ сердцу, то вскидывая глаза къ небу

— Истину словъ его—сказалъ Бирономъ серьезно—и я могу засвидѣтельствовать.

— Да это должна быть какая-нибудь танцовщица! Кто-жъ она?—спросила государыня.

— Не смѣй моя сказать...

Педрилло, испуганный, блѣдный, дрожалъ всѣмъ тѣломъ; холодный потъ капалъ со лба.

— Говори, я тебѣ приказываю.

— Дѣвушка, жилъ здѣсь во дворесъ.

— Имя!.. чтожъ?...

— Ахъ! страхъ моя бересть и таскать душку во адъ. На казнишь моя...

— Говори, а не то...—вскричала съ гнѣвомъ государыня.

— Дочь... дочь, охъ! придворна...

— Ну?..

— Дочь... придворна коза.

— Козы! козы!—раздалось комнатѣ.

Государыня хохотала отъ всего сердца, смѣялись и другіе, сколько позволяло приличіе.

— Если такъ,—сказала она,—то прощаю отъ души нарушеніе законныхъ правъ въ моемъ дворцѣ.

— Моя жонка родилъ вчера, и когда вашъ величество простилъ моя, такъ я прошу пожаловать на родина.

— А?... понимаю! Плутъ знаетъ, что у русскихъ есть обычай класть на *зубокъ* деньги. Твоя шутка стоитъ награды. Хорошо; даю слово быть къ тебѣ и сама назначу для этого день. Герцогъ, вы не забудете мнѣ объ этомъ напомнить?

— Могу ли забыть то, что вамъ дѣлаетъ удовольствіе?—отвѣчалъ Биронъ.

— Случается это съ вами...—прервала шутя государыня, и обратила опять рѣчь на свадьбу Педриллы.

Долго еще смѣялись его лукавой затѣѣ; наконецъ вышли всѣ изъ билліардной, иные изъ дворца, каждый унеся на свою долю большій или меньшій уча-

стокъ удовольствія, которое доставило имъ короткое время, проведенное въ этой комнатѣ. Одинъ старикъ Балакиревъ уносилъ на своей спинѣ боль отъ полученныхъ ударовъ.

По пріѣздѣ Бирона домой, Липманъ имѣлъ еще духъ доложить своему патрону, что исповнительный Гроснотъ найденъ въ своей комнатѣ застрѣленнымъ, вѣроятно, вслѣдствіе побѣга конюховъ, обливавшихъ Горденку. Обратить свой гнѣвъ на Липмана было опасно, и потому рѣшились, временщикъ и клевретъ его, стараться отыскать тайныхъ производителей этого дѣла и устремить всю коварную политику свою на исполненіе прежде начертанныхъ плановъ. Лучшихъ, болѣе дѣйствительныхъ, нельзя было и придумать.

Вмѣсто одного Гроснота Биронъ нашелъ ихъ десятокъ; на низкихъ людей никогда не бываетъ недорода.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРИПАДОКЪ

Часто въ пылу сраженія царь задумывался о своемъ царствѣ, и посреди боя оставался равнодушнымъ его зрителемъ, и бывши зрителемъ, казалось, видѣть что-то другое.

„Опалъ“ *И. К.*

Влюбленное сердце перемогло честолюбивую душу, и съ тайными слезами я продаю свободу свою за безнадежное счастіе.

Марлинскій.

Волынскій обѣщалъ прислать цыганку къ княжнѣ Лелемико, и первой его заботой было приказать отыскать ее. Нѣсколько дней поиски были тщетны. Мучимый желаніемъ скорѣй прочесть отвѣтъ Маріорицы, онъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи увалистаго Тредьяковскаго, такъ чтобы воспользоваться ею, не вполнѣ открывъ ему цѣль этого содѣйствія. На бѣду творецъ «Телемахиды» страдалъ только завистью, болѣзнію мелкихъ душъ. Онъ писалъ къ Артемію Петровичу, что изнемогъ духомъ и тѣломъ, видя несправедливость къ нему соотечественниковъ, унижающихъ его предъ сочинителемъ оды «на взятіе Хотина», и что онъ до тѣхъ поръ не можетъ приняться за служеніе музамъ и своему Меценату, пока не исходатайствуютъ ему каѳедры элоквенціи и указа на запрещеніе холмогор-

скому рыбачишкѣ писать. Въ тогдашнее время было еще мало пишущей братьи, а то посредственность не преминула бы составить заговоръ противъ юнаго таланта, расправлявшаго могучія крылья. Разумѣется, проситель удостоился отъ благороднаго и умнаго вельможи, чего стоилъ—эпитетовъ подлаго и злого дурака. Съ первою-жъ почтою богатый подарокъ отыскивалъ странника Ломоносова.

Нѣсколько дней Артемій Петровичъ не имѣлъ случая видѣть Маріорицу, и страсть въ эти дни такъ успѣшно забрала надъ нимъ власть, что сдѣлала его совершенно не похожимъ на себя. Онъ блажилъ, какъ ребенокъ, былъ то взыскателенъ и нетерпѣливъ, то холоденъ къ своему дѣлу и слабъ. Совѣтовъ Зуды онъ вовсе не слушалъ; сначала сердился на него, потомъ сталъ его удаляться; наконецъ, не имѣя около себя никого, съ кѣмъ могъ бы подѣлиться душою, обратился опять къ нему, съ условіемъ, однакожъ, не раздражать его противорѣчіемъ.

— Стоитъ только,—говорилъ онъ ему, — получить мнѣ отъ тайнаго нашего повѣреннаго условленный пароль и хандра моя, какъ чадъ, пройдетъ. Вѣрь мнѣ, время это очень близко. Государыня стала чаще сердиться на Бирона и даже сдѣлала опытъ лично изъявить ему свой гнѣвъ. Не даромъ скрываетъ онъ обиду, которую ни простить, ни забыть нельзя. Это ужъ означаетъ его слабость. Два-три дня рѣшительнаго гнѣва государыни на него—и тогда одно слово, только одна мысль о слезахъ и крови моихъ соотечественниковъ, о Россіи, молящей меня быть заступникомъ своимъ, и я бѣгу исполнить свой долгъ и умереть, если нужно, за святое дѣло. Тогда не будетъ мѣста на сердцѣ ни

другу, ни Лелемико, ни одному живому существу на свѣтѣ. Постригусь отечеству, произнесу роковой обѣтъ, и вырву все земное изъ земного сердца. А теперь, воля твоя, не могу, не въ силахъ... я еще не въ святой оградѣ... дай мнѣ насладиться за нею благами мірскими, насмотрѣться на прекрасныя очи, наслушаться волшебнаго голоса, и потомъ готовъ хоть на плаху!

Зуда, слушая его, качалъ печально головой, пожималъ слегка плечами,—дѣлать было нечего.

Когда увѣдомили Волынскаго, что Подачкинъ произведенъ въ офицеры, вопреки его волѣ, онъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Хоть бы въ сенаторы!

Когда Зуда извѣстилъ его, что замороженнічій Горденко зарытъ на берегу Невы въ извѣстномъ мѣстѣ и готовъ встать изъ своего снѣжнаго гроба, чтобы обличить Бирона въ ужасномъ злодѣяніи, Волынскій отвѣчалъ:

— Хорошо! но пусть подольше не тревожатъ этого несчастнаго трупа. Бѣдному и по смерти не дадутъ покоя.

Узнавъ, что конюхи Бирона, возившіе ледяную статую на Неву, бѣжали въ деревни Артемія Петровича и готовы въ свидѣтели, — онъ сказалъ своему секретарю:

— Челнокъ ихъ въ пристани, не трогайте его съ мѣста. Напротивъ, употребите всѣ средства чтобы обезпечить ихъ отъ опасности Наше дѣло — подвизаться и гибнуть за отечество, если нужно; въ гербу каждаго дворянина вырѣзаны слова чести, долга, славы; сердце каждаго изъ насъ должно выучить эти слова

съ малолѣтства, тотчасъ послѣ заповѣдей Господнихъ. А конюховъ зачѣмъ неволею тащить, можетъ быть, на гибель за предметъ, котораго они не понимаютъ?...

Разъ какой-то нищій, въ сумерки, у подъѣзда, подалъ ему бумагу, и скрылся. Это былъ подлинный доносъ Горденки, доставленный Липману цыганкою и потомъ переданный самому Бирону. Сокровище для кабинетъ-министра! Не видавъ доноса, онъ не могъ имѣть понятія о драгоцѣнныхъ тайнахъ, въ немъ заключавшихся. Артемій Петровичъ обрадовался было этой находкѣ, и вмѣстѣ чего-то испугался. «Не ведетъ ли эта роковая бумага» — говорилъ онъ самъ съ собою,—«къ рѣшительной минутѣ и къ разлукѣ съ Маріорицей, какъ она привела несчастнаго Горденку къ ужасной смерти?»

Думалъ ли Волынскій о своей супругѣ? Ужь конечно! Но каковы были эти думы!... Страшная борьба происходила сначала въ душѣ его. Онъ цѣнилъ любовь ея, ея доброту и любезность, обвинялъ себя въ неблагодарности, мучился, терзался, какъ преступникъ, проклиналъ свою слабость, и все это кончалъ тѣмъ, что жилъ одною любовью къ Маріорицѣ Портретъ жены казался ему безпокойнымъ обличителемъ, давилъ его своимъ присутствіемъ,—портретъ былъ снятъ и поставленъ за бюро. Боясь, чтобы она не пріѣхала, писалъ къ ней, что онъ самъ скоро будетъ въ Москву проѣздомъ, по случаю даннаго ему отъ правительства порученія, и чтобы она его тамъ дожидалась. Съ трудомъ повиновалось перо, и сердце поворачивалось въ груди, когда онъ увѣрялъ ее въ нѣжной, неизмѣнной любви. Но сроднившись съ обманомъ, онъ тѣмъ болѣе мучился, употребляя его. Между тѣмъ, доведенный

своею страстью до изступленія, ломалъ голову, какъ бы развестись съ женой и ужь заранѣе заискивалъ на этотъ случай въ главныхъ членахъ сунода. Она не родила: какой еще лучше причины къ разводу?... Не онъ первый, не онъ и послѣдній!

Не могли ничего надъ нимъ и предостереженія тайнаго друга, чтобы онъ берегъ себя болѣе всего отъ себя-жъ.

«Ваша любовь къ княжнѣ Лелемико погубитъ васъ,—писалъ къ нему анонимъ, — она извѣстна ужь вашимъ врагамъ, и служитъ имъ важнѣйшимъ орудіемъ противъ васъ».

- О! эти затѣйливыя опасенія, — говорилъ Волынскій,—дѣло моего, слишкомъ осторожнаго Зуды. Пустое! одна любовь не помѣшаетъ другой. Я сказалъ ужь ему однажды навсегда, что не покину намѣренія спасти мое отечество и не могу оторвать княжну отъ своего сердца.

Чѣмъ болѣе Волынскій въ эти дни душевнаго припадка показывалъ себя слабымъ, тѣмъ усерднѣе работалъ за него Зуда и тайный повѣренный кабинетъ-министра, какъ мы и видѣли уже выше. Они вѣрили, хотя съ боязнью, по опытамъ благороднаго характера его, что одно чувство должно въ немъ въ рѣшительныя минуты восторжествовать надъ другимъ. И потому не упускали случаевъ и времени быть ему полезными въ борьбѣ съ сильнымъ, коварнымъ временщикомъ. Противъ подкоповъ его и Липмана проводили они свои контрмины, не менѣе надежныя, но и тѣ, большею частью, принуждены были скрывать отъ Артемія Петровича, любившаго сражаться на чистомъ полѣ.

Надо еще упомянуть о томъ, что случилось поздно вечеромъ въ самый день, какъ онъ видѣлся съ княжною въ билліардной дворца. Сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ съ Зудой и разсказывалъ ему свою заносчивую ссору съ Бирономъ, скорбя, что не послушался совѣтовъ друзей. Вдругъ за стѣной кабинета, въ гардеробной, кто-то застоналъ, и вскорѣ раздался визгъ и крикъ.

— Что это такое? — спросилъ Артемій Петровичъ, вздрогнувъ и вскочивъ съ капапе,—не рѣжутъ ли ужь кого у меня въ домѣ?... Чего добраго!

— Не могу понять, чтобы это такое было,—отвѣчалъ секретарь.

— Батюшки! — раздалось снова, — батюшки! спасите отъ нечистаго! Пустите христіанскую душу на покаяніе.

Волынскій и Зуда бросились на этотъ крикъ въ гардеробную; но въ ней, за темнотой, нельзя было ничего различить. Только слышно было, что хрипѣлъ человѣкъ, выбивавшійся изъ шкапа, который стоялъ у стѣны кабинета. Подали свѣчи, и что-жъ представилось! Барская барыня въ обморокѣ, растрепанная, исцарапанная, и арабъ подлѣ нея, хохотавшій отъ всей души.

— Съ ума ты, видно, сошелъ, — сказалъ съ сердцшелъ Артемій Петровичъ,—что вздумалъ такъ пугать старую женщину!

— Не женщину, а поганую вѣдьму, — отвѣчалъ арабъ, коварно усмѣхнувшись.—Жаль, что она совсѣмъ не околѣетъ.

— Что это все значитъ?

— А вотъ что, сударь. Давно подмѣтили мы съ

господиномъ Зудою проказы ея. Лишь только къ вамъ въ кабинетъ ихъ милость или какой вашъ благопріятель, этотъ бѣсъ въ юпкѣ тотчасъ въ гардеробную, и всякій разъ, слышу, дверь на запоръ. Взглянулъ я однажды въ комнату: ни душонки въ ней! «Кой чортъ, думалъ я, куда она пропадаетъ?» Въ другой, будь я умнѣе—слѣдомъ за ней караульный глазъ въ скважину, и вижу: разбойница вошла въ шкапъ, и пробыла тамъ все времячко, пока у васъ оставались гости. Дай-ка перескажу объ этомъ господину Зудѣ; тутъ, думалъ я, промаху не будетъ. Поцѣловалъ меня его милость за эту вѣсточку, настрого приказалъ до поры молчать—извольте же видѣть, сударь, почему я не смѣлъ пораскрыть нашу тайность—глаза араба заискрились, и улыбающіяся черныя губы его показали два ряда жемчужинъ.

— Виноватъ, что посердился на тебя, другъ мой,— сказалъ Волынскій.

— И больше бы погнѣвались, сударь, такъ бѣда не велика. Потомъ... потомъ... да, его милость г-нъ Зуда подмѣтилъ на дняхъ въ кабинетѣ за канапе просверленную дырочку. Смекнули мы, что это щель изъ шкапа гардеробной. Поддѣлали ключъ — маршалокъ былъ съ нами за-одно — нынѣ успѣлъ я въ сумерки забраться въ дозорную будку, затворивъ за собою исправно дверь. Пошарилъ въ шкапѣ и нашелъ преисправную щель, изъ которой все слышно, что говорится у васъ въ кабинетѣ. Вотъ почуяла чутьемъ наша жаръ-птица, что у васъ будетъ съ его милостью потайной разговоръ, и шасть ко мнѣ подъ бочекъ. «Милости просимъ, кукушечка, къ стрѣлку поближе!» сказалъ я про себя. Только-что-приложила она ухо къ

щели, я ей въ бокъ булавку. Почесалась она, и опять за свою работу. Тутъ ужь запустилъ я ей стрѣлку поглубже такъ, что она порядкомъ охнула, сотворила крестное знаменіе и промолвила: «съ нами сила крестная!» Окаянная! мало что людей морочишь, и Бога-то хочешь обмануть!... Далъ я ей вздохнуть крошечку, да какъ схвачу ее вдругъ въ охапку, и началъ душить, щекотать, кусать... ну, была такая потѣха, сударь, что разсказать не сумѣю... всѣ жилки надорвалъ со смѣху. А теперь—арабъ ужасно взглянулъ на свою жертву—охъ! кабы моя воля... ножъ ей въ бокъ—однимъ крокодиломъ на свѣтѣ меньше!

— Она умерла,—сказалъ одинъ изъ слугъ, составившихъ кружокъ около барской барыни. Онъ взялъ ее за руки, и руки упали окоченѣлыя на полъ.

— Пустить ей кровь! — промолвилъ другой, — вспрыснуть ее холодной водой.

— А лучше плеткой!—перебилъ маршалокъ.

— Ахъ! вспрыснуть водой!—возопила вдругъ плутовка, открывъ нѣсколько глаза.

Волынскій съ презрѣніемъ отворотился отъ нея и сказалъ дворнѣ:

— Выбросьте эту поганую кошку вонъ сію-жъ минуту за ворота со всѣми ея пожитками. Чтобъ духу ея здѣсь не пахло!

— И вотъ, наконецъ, — сказалъ Зуда, когда они возвращались въ кабинетъ,—вашъ домашній шпіонъ у васъ въ рукахъ! Я совѣтовалъ бы вамъ допросить строжайше эту неблагодарную тварь.

— Не пытать-ли ея по бироновски?... Ну ее къ чорту! Пропавшаго не воротишь. А что до благодарности, не говори мнѣ объ этомъ, другъ мой! Ты зна-

ешь, сколько я самъ виноватъ предъ одной особой—онъ разумѣлъ жену—чего-жъ ожидать отъ черни?...

Извѣстно, что слуги всякого рода любятъ быть пріятными своимъ господамъ, усиливая приговоры ихъ. Благородному Артемію Петровичу нельзя было угодить такимъ образомъ; но дворня, ожесточившись противъ барской барыни, удовлетворяла въ этомъ случаѣ только своему негодованію. Невѣсту Кульковскаго, снова упавшую въ обморокъ, отнесли за ворота съ ругательствами всякаго рода и съ горячимъ тѣлеснымъ урокомъ, и выбросили на снѣжный сугробъ. Туда-жъ принесли ея имущество. Опозоренная, измученная, волоча кое-какъ за собою пожитки, которые только могла укласть въ огромный узелъ, боясь въ полуночные часы попасть на зубокъ нечистому, увязая не разъ въ сугробы снѣжные, она не разъ вычитывала съ ужасомъ:

— Батюшки, мои свѣты! вынеси, Самсонова сила, легкое перо!...

Наконецъ, полумертвая, она дотащилась едва къ утру до жилища Липмана. Здѣсь оказали ей всякую помощь, какую требовали ея подвиги и санъ невѣсты Кульковскаго.

Однажды утромъ доложили Артемію Петровичу, что цыганка отыскана и приведена. Это извѣстіе обрадовало его.

— Только боимся ошибиться, она-ли еще, сударь,— говорилъ посланный.—Голосъ ея, поллица также ея, а съ другой стороны уродъ-уродомъ. Цыганъ при ней тотъ же, что и прежде ходилъ съ пригожей Маріулой. Стоятъ на томъ, что она и есть, и божатся, и клянутся, а можетъ, сударь, морочатъ.

— Нѣтъ-ли въ воздухѣ какой заразы, что всѣ стали бредить! — сказалъ Артемій Петровичъ, — введите ее ко мнѣ.

Ввели цыганку въ кабинетъ, въ которомъ никого, кромѣ него, не было. Одинъ глазъ у ней былъ закрытъ пукомъ волосъ, правая щека фатою.

— Маріула, это ты?—спросилъ Волынскій.

- Я, господинъ, но только не пригожая, талантливая Маріула, на которой ты останавливалъ свои высокія очи. Со мною случилась бѣда... я обварилась кипяткомъ и... признаешь-ли меня теперь?

Голосъ ея дрожалъ. Она подняла фату и пукъ волосъ. Щека, въ одномъ мѣстѣ исписанная красными узорами, въ другомъ собранная рубцами, сине-кровавая яма на мѣсто глаза, все это безобразіе заставило Артемія Петровича отвратиться.

— Что, баринъ?... Вотъ ваша хваленая красота!

Брюзгливо вскинулъ онъ взоры на нее, махнулъ рукой, чтобы она закрыла по-прежнему свое безобразіе, и, когда она это исполнила, посмотрѣлъ на нее съ жалостью, глубоко задумался съ минуту, наконецъ сказалъ:

— Мнѣ твоя красота не нужна, Маріула, а нужна твоя вѣрность, твой умъ.

- Я ужь разъ докладывала вамъ, рада вамъ служить, добрый господинъ,—отвѣчала цыганка съ живымъ участіемъ.

Тутъ Волынскій признался, что онъ любитъ княжну Лелемико, и что она къ нему неравнодушна.

Щека цыганки загорѣлась.

— Чтожъ далѣе?... — спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Вотъ видишь, я писалъ къ ней; отвѣтъ ея готовъ, но ей не черезъ кого переслать его... Ты должна сходить во дворецъ и получить записочку.

— Съ радостью...—отвѣчала Маріула запинаясь, какъ будто стоялъ у нея кусокъ въ горлѣ.

И дрожащій голосъ ея, и бѣлыя пятна, выступившія на пламенной щекѣ, измѣняли ея душевному безпокойству. Мысль, что мать... сама... Но она это дѣлала для блага своей дочери. Можетъ статься, Артемій Петровичъ хочетъ только погубить Маріорицу!... Повѣренная ихъ тайнъ, она будетъ имѣть возможность ее спасти.

— Только съ условіемъ,—примолвила она умоляющимъ голосомъ,—буду помогать тебѣ всѣмъ моимъ разумѣніемъ, всѣмъ лукавствомъ, да... смотри, добрый, милый, честный баринъ, не сдѣлай несчастною бѣдную дѣвушку... Говорятъ,—ужь успѣла вывѣдать..,— сирота круглая, не имѣетъ ни отца, ни матери, съ чужой стороны... не доведи ее до погибели, побойся Бога, женись на ней.

— О! да съ какими же ты причудами!... это дѣло свахи и попа.

— А чтожъ я, какъ не сваха!... Вотъ видишь, баринъ, я много ужъ грѣховъ приняла на свою душу. Богъ за то и наказалъ меня. Мы хоть и цыгане, а знаемъ Бога. Пора мнѣ жить честно. Коли не примешь моего условія,—прибавила она съ твердостью и жаромъ,—я и дѣлъ никакихъ начинать не стану. Чтожъ?... женишься....

— Ужь конечно!... Для чего-бъ иначе!...

— Поклянись.

— Какъ же ты неотзывчиво требуешь!... Странно!... Однакожъ.., пожалуй, клянусь...

— Всемогущимъ Богомъ... Слышишь?

Голосъ Маріулы былъ грозенъ; одинокій глазъ ея страшно сверкалъ; въ душѣ Волынскаго совѣсть невольно забила тревогу.

— Ужъ, конечно... Имъ...—сказалъ онъ смутясь,—если только позволятъ.

— Ктожъ?

— Напримѣръ, государыня.

— О, чего бояре, не выхлопочутъ, когда только захотятъ! Помни, Господь караетъ тѣхъ, кто преступаетъ клятву.

Волынскій старался усмѣхнуться.

— Право, ты, Маріула, годишься въ проповѣдники.

— Побоишься суда небеснаго, такъ начнешь говорить и проповѣди. Теперь мы условились: ты будешь имѣть пригожую женку, сиротка найдетъ себѣ добраго, знатнаго, богатаго мужа; а я буду съ Фатой... не забудь же Фату за первый поцѣлуй... и душа моя не дастъ отвѣта Богу. что погубила мою... мою красавицу... Хоть и не видывала ее, но люблю-таки, сама не знаю, почему... можетъ статься, потому, что сама была въ такой бѣдѣ, какъ она. И меня погубилъ когда-то такой-же красивый баринъ, какъ и ты... Маріула утерла навернувшіяся на глазу слезы.—Когда-нибудь я тебѣ это разскажу. Но я не плакать пришла, а дѣло дѣлать. Жду твоего наказу.

Позванъ былъ арабъ и получилъ наставленія провесть цыганку во дворецъ къ княжнѣ Лелемико. При

наказѣ Маріулѣ, чтобы она исполнила хорошенько порученіе, Артемій Петровичъ хотѣлъ пожаловать ей золотую монету. Но цыганка съ гордостью оттолкнула руку его, обѣщаясь, впрочемъ, взять деньги, когда все уладитъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОСЛАННИЦА

Родная мать... О Боже! мать родная
Ей въ руку чистую влагаетъ ножъ;
Ведетъ ее сама къ ужасной бездне,
И думаетъ: веду ее къ вѣнцу,
На ложе пышное любви и счастья...

Не столько тревожитъ любовника первое тайное свиданіе съ любимымъ предметомъ, какъ тревожило Маріулу свиданіе съ княжною Лелемико. Радость и страхъ видѣть такъ близко дочь свою, говорить съ нею, до того волновали ея кровь, что занимался у нея духъ; въ головѣ и сердцѣ ея стучали молоты. Нѣсколько разъ дорогою останавливалась она, чтобы перевести дыханіе.

— Смѣло за мною! — сказалъ арабъ, входя на крыльцо у маленькаго дворцоваго подъѣзда, и потомъ, изрѣдка оборачиваясь къ своей спутницѣ и ободряя ее взоромъ, повелъ сквозь саранчу придворныхъ слугъ, по извилинамъ лѣстницъ и коридоровъ.

Было близко къ 9 часамъ утра, но всѣ во дворцѣ еще ходили полусонные.

Маріула выставила тутъ вполнѣ свое безобразіе.

— Куда ведешь этого урода? — спрашивали араба любопытные.

— Куда приказано,—отвѣтилъ онъ: — много знать будете, состаритесь.

Иногда отдѣлывался на нескромные вопросы молчаніемъ; кому нужно говорилъ, что герцогъ хочетъ вести къ государынѣ цыганку, которая чудная гадальщица.

— Мысли читаетъ, братецъ, — говорилъ онъ, — знаетъ, что съ тобою было, что будетъ и какою смертью умрешь.

Такіе разсказы возбуждали во многихъ желаніе познакомиться съ чудною ворожеею. Суевѣріе—общая слабость людей во всѣхъ званіяхъ.

Въ одномъ коридорѣ, гдѣ ходили тихо, на цыпочкахъ, Николай вызвалъ чрезъ каммеръ-лакея арабку, привезенную съ нимъ вмѣстѣ въ Россію. Онъ сказалъ ей что-то по-своему. Молодая, пригожая негритянка, съ коралловымъ ожерельемъ вокругъ черной шеи, въ бѣлой шерстяной одеждѣ, умильно улыбалась своему соотечественнику—въ этой улыбкѣ было что-то болѣе, нежели дружеское привѣтствіе—кивнула ему курчавою головкой, давая знать, чтобы слѣдовалъ съ своей подругой за нею, привела ихъ къ одной двери въ коридорѣ, отворила осторожно дверь и, всунувъ въ отверстіе голову, сказала:

— Княжну спрашиваетъ женщина. Можно войти?

— Кто тамъ? — раздался пріятный голосъ, пробѣжавшій по всѣмъ струнамъ Маріулина сердца. Ноги ея готовы были подкоситься.

— Какая-то цыганка васъ спрашиваетъ,—отвѣчала арабка.

Едва слово «цыганка» было произнесено, послышалось, что кто-то опрометью бросился со стула или другой мебели и, вслѣдъ за тѣмъ, кто-то произнесъ уже дрожащимъ голосомъ:

— Пускай войдетъ.

Арабъ съ своею соотечественницею отошли въ сторону, чтобы потосковать о родинѣ, шепнуть другъ другу слово любви и, между тѣмъ, задержать въ коридорѣ служанку княжны, вышедшую за завтракомъ. Маріула поспѣшила закрыть свое безобразіе, но, за скоростью и боязнью, сдѣлала это такъ неловко, что, при входѣ ея въ комнату, страшный глазъ ея, будто впадина въ черепѣ мертвеца, и багровые швы, которыми было исписано полулицо, первые бросились въ глаза княжнѣ.

Маріорица была одна въ комнатѣ. Она едва не вскрикнула, увидавъ циклопа въ образѣ женщины, и сдѣлала шага два назадъ, трясясь и смотря на нее съ большимъ отвращеніемъ. Въ эту минуту она забыла даже о цѣли посѣщенія этой чудной посланницы.

Трепетъ сообщился и Маріулѣ; къ нему примѣшалось и чувство униженія. Она остановилась у дверей, какъ бы готовая распасться. Въ такомъ положеніи находились обѣ нѣсколько мгновеній, одна какъ бы умаливая однимъ своимъ глазомъ простить ей ея безобразіе, другая, пріучая себя къ виду этого безобразія мыслью о томъ, кто послалъ ее. Первая, призвавъ на помощь все присутствіе духа, старалась поправить свои волосы на кровавую впадину, стянуть фату на щеку и стать въ такое положеніе, чтобы одна пригожая сторона лица была видна Маріорицѣ. Этотъ маневръ помирилъ ихъ.

— Что тебѣ надобно?—спросила наконецъ Маріорица.

— Вы... сударыня... знаете, зачѣмъ.. Артемій Петро...

Языкъ ея съ трудомъ двигался.

При этомъ магическомъ имени княжна забыла прежній страхъ. За нѣсколько мгновеній она боялась взглянуть на цыганку, теперь готова была обнять ее. Боязнь замѣнилъ стыдъ повѣрить другой... незнакомой женщинѣ, свои тайны сердечныя. Вспыхнувъ, она перебила торопливо рѣчь посланницы.

— Такъ *онъ* прислалъ тебя?... Какая ты добрая!... Садись, милая! Не оскорбила-ли я тебя?....

Маріула воспользовалась этимъ сердечнымъ волненіемъ и робко, униженно, какъ собака, которую побилъ хозяинъ и зоветъ опять, чтобы приласкать, подошла къ княжнѣ, соразмѣряя свои шаги съ впечатлѣніемъ, которое выказалось на лицѣ ея.

— Оскорбить!... О, нѣтъ!...—сказала цыганка съ особеннымъ чувствомъ:—меня... ты... вы... можетъ-ли это статься! Да, Артемій Петровичъ правду говорилъ, что я найду добрую, прекрасную барышню...

Она повела по всей фигурѣ княжны свой блестящій, одинокій глазъ, въ которомъ горѣла любовь самая нѣжная, самая умилительная; любовалась красотою своей дочери, пламенемъ очей ея, правильностію коралловыхъ губъ; этимъ одинокимъ глазомъ осязала шелкъ ея волосъ, обвивала тонкій станъ ея, цѣловала ее и въ очи, и въ уста, и въ грудь... И могла-ли она вообразить себѣ, чтобы эта самая прекрасная княжна, живущая во дворцѣ, окруженная такимъ очарованіемъ счастья, была нѣкогда маленькая цыганочка Маріула,

въ худыхъ, суровыхъ пеленкахъ, подъ разодраннымъ шатромъ?.. Прочь, прочь эта мысль!..

Когда цыганка примѣчала, что тѣнь боязни снова набѣгала на лицо княжны Лелемико, она произносила опять волшебное имя Волынскаго. Такимъ образомъ дошла до того, что могла взять ея руку... И мать съ трепетомъ, съ восторгомъ неописуемымъ поцѣловала руку своей дочери... О! какъ была она счастлива въ этотъ мигъ!.. Она была награждена за всѣ прошлыя муки и за будущія.

— Жаль мнѣ тебя, милая,—сказала Маріорица. — Отчего-жъ у тебя половина лица такъ испорчена?

— Вотъ видишь, добрая барышня, у меня была дочка, лѣтъ шести. Случись у насъ въ домѣ пожаръ. Кто подумаетъ объ дочери, какъ не мать? Что дороже для насъ, какъ не дитя? Я хотѣла спасти ее, упала подъ горящее бревно и обожгла себѣ половину лица.

— Пожаръ!.. пожаръ!..—твердила Маріорица, приводя себѣ что-то на память.—А гдѣ это было?

— Далеко, очень далеко; гдѣ-жъ вамъ и знать этотъ край! Въ Яссахъ.

— И я родилась въ Яссахъ!.. и меня спасли въ пожарѣ!..—думала княжна, потомъ сказала: — Такъ ты моя землячка! Я сама вѣдь тамошняя.

— Полюби меня, милая, хорошая барышня! Хоть ты и знатная госпожа, а я бѣдная цыганка, но все-таки изъ одного края.

— О! какъ же! какъ же!..

И Маріорица взяла за руку цыганку и посадила ее подлѣ себя.

— Что-жъ? ты спасла свою дочку?

Маріула боялась сказать лишнее и отвѣчала:

— Нѣтъ, бѣдная погибла въ огнѣ; и косточекъ ея не нашли.

Жалость обнаружилась на лицѣ доброй дѣвушки; слезы навернулись на ея глазахъ.

— О, съ этихъ поръ ты можешь открывать при мнѣ все лицо свое. Я не буду тебя бояться... Бѣдная! и что-жъ, у тебя была только одна дочь?

— Только одна!.. Извините... сударыня, если я вамъ скажу... она походила на васъ очень, очень много.

Тутъ Маріула опять съ нѣжностью схватила руку тронутой княжны, крѣпко, сладостно осязала ее въ своихъ рукахъ, еще разъ поцѣловала ее, и княжна оставила цыганку дѣлать, что она хочетъ, и сама ее поцѣловала.

Но горничная могла прійти и разстроить бесѣду, огражденную столь хорошо случаемъ отъ безпокойныхъ свидѣтелей. На этотъ разъ покуда довольно было для матери... Она напомнила о письмецѣ. Торопливо вынуто оно изъ груди, теплое, согрѣтое у сердца.

— Если *онъ* поручилъ тебѣ взять его,—сказала Маріорица, отдавая свернутую бумажку,—такъ я тебѣ вѣрю.

— Богъ, ты, да я будемъ только знать,—отвѣчала цыганка, и, намоливъ княжнѣ тысячи благословеній Господнихъ, вышла отъ нея въ упоеніи восторга.

Артемій Петровичъ ожилъ, получа письмо, чего не сказалъ онъ посланницѣ! Онъ готовъ былъ ее озолотить.

Въ бумажкѣ, которую принесла она, заключалось слѣдующее:

Понедѣльникъ поутру.

«Вы требовали отвѣта на мое письмо, вотъ онъ. Тутъ *мое все*, и стыдъ, и мнѣніе ваше, и жизнь моя! Возьмите это *все* въ даръ отъ меня. Не думала я долго, писать-ли къ вамъ: мое сердце, ваши муки, сама судьба приказывали мнѣ отвѣчать.

Вы вѣрно хотите знать, люблю-ли васъ? Если-бъ я не боялась чего-то, если бы меня не удерживало что-то непонятное, я давно сама бы это вамъ сказала. Да, я васъ люблю, очень, очень. Это чувство запало ко мнѣ глубоко въ сердце съ первой минуты, какъ я васъ увидѣла, и пустило корни по всему моему существу. Такъ, видно, хотѣлъ мой рокъ, и я повинуюсь ему. Невѣдомое-ли мнѣ блаженство вы мнѣ готовите, или муки, которыхъ я до сихъ поръ не знаю, я не могу, не хочу избѣгнуть ни того, ни другихъ».

Поутру же.

«Я хотѣла послать къ вамъ мой отвѣтъ въ толстой книгѣ учителя; да ужъ ее отослали. Ахъ! какъ досадно! Что подумаете вы?.. Глаза мои красны отъ слезъ».

На другой день.

«Ты сказалъ, что умрешь, если я не буду тебѣ отвѣчать. Видишь-ли? Я все сдѣлала, что ты хотѣлъ.

Теперь будешь-ли жить? Скажи, милый!

Для чего не могу угадывать твоихъ желаній?.. Если нужна тебѣ моя жизнь, возьми ее. Для чего не имѣю ихъ тысячи, чтобы тебѣ ихъ отдать?

Вмѣсто *вы*, пишу *ты*, по-своему, не по-здѣшнему. Если-бъ ты зналъ, какъ это сладко!.. Пиши также».

Среда.

«Все нѣтъ посланницы! И тебя не вижу. Здоровъ-ли? боюсь спросить у постороннихъ.

«Теперь знаю, какъ сладко и какъ мучительно любить!»

Вечеромъ.

«Дѣвушка къ тебѣ пишетъ, и что она пишетъ?... Знаю, это очень дурно по здѣшнему. Мнѣ самой стыдно прочесть, что я написала. Въ Хотинѣ, сказывали мнѣ, тамъ за это казнятъ. Но я не могу превозмочь, что свыше меня. И, прочитавъ мое письмо, продолжаю, и въ Хотинѣ я писала бы къ тебѣ.

«Я спрашивала своихъ подругъ, какое самое нѣжное имя на русскомъ: милый, голубчикъ—сказали онѣ. И я говорю тебѣ это имячко, потому что другаго нѣжнѣе не знаю. Можетъ быть онѣ меня обманываютъ, а можетъ быть онѣ никогда не любили по-моему. Какихъ сладкихъ именъ не насказала бы я тебѣ по-молдавански, по-турецки!...»

Въ сводѣ законовъ сердечныхъ отыщите статью: *о письмахъ*, и вы тамъ найдете, что первое письмо между влюбленными не бываетъ никогда послѣднимъ, сколько бы ни клялась слабѣйшая половина не писать, не отвѣчать болѣе. Этотъ клубокъ, разъ выпущенный изъ рукъ подъ гору, разматывается до тѣхъ поръ, пока оберется или израсходуется. И потому, въ силу этой статьи, переписка продолжалась между нашими влюбленными. Волынскій пускалъ къ Маріоричѣ страстныя посылки, отъ которыхъ бросало ее въ полымя и она теряла малѣйшій остатокъ спокойствія. Мечтать о немъ было уже для нея мало; видѣть его, быть близкой къ нему, говорить съ нимъ и не наговориться,

сдѣлалось потребностью ея жизни. Она видѣла, слышала, чувствовала только имъ; покорная во всемъ его волѣ, она была даже раба его взора—по немъ была весела или скучна, по этому регулятору двигалось ея бытіе, управлялась ея судьба. Еще непорочная своими поступками, она уже въ пламенныхъ письмахъ Волынскаго умѣла напитать свое воображеніе и сердце всѣми обольщеніями порочной страсти. Ядъ протекалъ уже по ея жиламъ. Несчастная была на краю гибели. А онъ?... Живя въ вѣкѣ развращенномъ, въ обществѣ, въ которомъ обольщеніе считалось *молодечествомъ*, и пороки такого рода няньчились беззаконіями временщика, свивавшаго изъ нихъ свои возжи и бичи; зараженный общимъ послабленіемъ нравовъ и порабощенный своей безразсудной любовью, Волынскій думалъ только объ удовольствіяхъ, которыя она ему готовитъ. Совѣсть замерла, Богъ былъ забытъ, разсудокъ околдованъ. Разсуждаетъ-ли человѣкъ, напившійся опіума?

Передача писемъ дѣлалась черезъ руки Маріулы, которой и Волынскій и Биронъ, каждый для своихъ видовъ, помогали всячески укрѣпиться во дворцѣ. Такимъ образомъ мать сама способствовала несчастной страсти своей дочери, успокоенная на счетъ ея клятвою обольстителя, что онъ на ней женится, и отуманенная нѣжными ласками Маріорицы, за которыя платила угожденіями всякаго рода. Можетъ статься, къ слабости матери присоединялись и нѣжные, заботливые разсчеты, что, помогая этой любви, она въ состояніи будетъ неусыпно слѣдить за ходомъ ея и во-время предупредить погибель дочери. Маріорица до того ее полюбила, что садилась къ ней на колѣна, обвивала свои руки около ея шеи, убирала мастерски безобразіе

ея полулица фатою и волосами, цѣловала ее въ остальной глазъ, миловала, какъ свою няню, кормилицу, едва не какъ мать. И Маріула, въ упоеніи отъ этихъ ласкъ, сама называла ее нѣжнѣйшими именами.

— Милое дитя мое,—говорила она,—ненаглядная, душечка, жизненочекъ, люби этого пригожаго Волынскаго. Онъ сдѣлаетъ тебя счастливою. Но только до женитьбы своей не давай ему много воли надъ собой. Одинъ поцѣлуй... не болѣе! А то пропадешь навѣки, достанешься въ когти дьяволу!..

— Охъ, Маріуленька, дорогая моя,—отвѣчала, вздыхая, влюбленная дѣвушка,—боюсь, этой поцѣлуй сожжетъ меня.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ, Вас. Остр. 16 линія, соб. домъ
1913

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

Все чудо изъ чудесъ, куда ни погляди!
Каковъ же Фениъ былъ дворецъ, признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичъ самъ.

Н. Дмитріевъ.

Я сберегла тебѣ невинныхъ устъ лобзанье.

«Мапценилъ». *Туманскій.*

Работа спѣла. Между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, встало въ нѣсколько дней дивное зданіе, какого ни одна страна, кромѣ Россіи, не производила, и какое могъ только произвесть суровый сѣверъ нашъ съ помощью жестокой зимы 1740 года. Все зданіе было изъ воды. Фундаментъ клался изъ воды; стѣны, кровля, стекла, украшенія выводились изъ нея же; все спаявалось водою; вода принимала всѣ формы, какія угодно было затѣйливому воображенію дать ей. И когда солнце развернуло свои лучи на этомъ ледяномъ домѣ, онъ

казался высѣченнымъ изъ одного куска сапфира, убраннаго фигурами изъ опала.

Современникъ этихъ ледовитыхъ затѣй, почтеннѣйшій *Георгъ Вольфгангъ Крафтъ*, оставилъ *для охотниковъ до натуральной науки* подробное описаніе дома [1]). Не желая лишить г-на Крафта достойной славы, или, лучше сказать, боясь вступить съ нимъ въ состязаніе, предоставляю ему самому говорить на нѣмецкій ладъ о способѣ постройки, расположеніи и украшеніяхъ любопытнаго зданія [2]).

«Самый чистый ледъ, наподобіе большихъ квадратныхъ плитъ, разрубали, архитектурными украшеніями убирали, циркулемъ и линейкою размѣривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали и каждый рядъ водою поливали, которая тотчасъ замерзала и вмѣсто крѣпкаго цемента служила. Такимъ образомъ чрезъ краткое время построенъ былъ домъ, который былъ длиною въ 8 саженъ, шириною въ 2 сажени съ половиною, а вышиною вмѣстѣ съ кровлею въ 3 сажени.

«Напереди передъ домомъ стояло шесть ледяныхъ точеныхъ пушекъ, которыя имѣли колеса и станки

---

[1]) Въ книжицѣ, нынѣ довольно рѣдкой и извѣстной подъ названіемъ: *Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санктпетербурѣ, въ Генварѣ 1740 года, ледяного дома и всѣхъ находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ, съ приложенными притомъ гридированными фигурами, такжс и нѣкоторыми примѣчаніями о бывшей въ 1740 году во всей Европѣ жестокой стужѣ, сочиненное для охотниковъ до натуральной исторіи чрезъ Георга Вольфганга Крафта, С.-Петербурґской Императорской Академіи Наукъ члена и физики профессора.—Печатано при Императорской Академіи Наукъ, 1741.*

[2]) *Не охотники до натуральной науки* могутъ пропустить текстъ г-на Крафта.

ледяные жъ, что и о всемъ послѣдующемъ разумѣть должно, развѣ что не ледяное случится, о чемъ именно упомянуто будетъ. Пушки величиною и размѣромъ противъ мѣдныхъ трехфунтовыхъ сдѣланы и высверлены были. Изъ оныхъ пушекъ неоднократно стрѣляли; въ каковомъ случаѣ кладено въ нихъ пороху по четыре фунта, и притомъ посконное или желѣзное ядро заколачивали. (Такое ядро нѣкогда въ присутствіи всего императорскаго придворнаго штата, въ разстояніи 60-ти шаговъ, доску, толщиною въ два дюйма, насквозь пробило). Еще жъ стояли въ томъ же ряду съ пушками двѣ мортиры. Оныя сдѣланы были по размѣру мѣдныхъ мортиръ противъ двухпудовой бомбы [1]). Напослѣдокъ въ томъ же ряду у воротъ стояли два дельфина. Сіи дельфины помощію насосовъ огонь отъ зажженной нефти изъ челюстей выбрасывали, что ночью пріятную потѣху представляло. Позади помянутаго ряду пушекъ и мортиръ, сдѣланы были около всего дому изъ ледяныхъ балясъ изрядныя перила, между которыми, въ равномъ разстояніи, четвероугольные столбы стояли. Когда на оный домъ изъ близи смотрѣли, то съ удовольствіемъ видна была вверху на кровлѣ четвероугольными столбами и точеными статуями украшенная галлерея, а надъ входомъ преизрядный фронтишпицъ, въ разныхъ мѣстахъ статуями украшенный. Самый домъ имѣлъ дверные и оконишные косяки, также и пилястры, выкрашенные краскою наподобіе зеленаго мрамора. Въ одномъ же домѣ находились крыльцо и двое дверей; при входѣ были сѣни, а по обѣимъ сторонамъ

[1]) Изъ которыхъ многократно бомбы бросали, причемъ на зарядъ въ гнѣздо $^1/_4$ фунта пороху кладено.

покои безъ потолку съ одною только крышею. Въ сѣняхъ было 4 окна, а въ каждомъ покоѣ по 5-ти оконъ, въ которыхъ какъ рамки, такъ и стекла сдѣланы были изъ тонкаго чистаго льду. Ночью въ оныхъ окнахъ много свѣчъ горѣло, и почти на каждомъ окнѣ видны были на полотнѣ писанныя смѣшныя картины, причемъ сіяніе, сквозь окна и стѣны проницающее, преизрядный и весьма удивительный видъ показывало. Въ перилахъ, кромѣ главнаго входа, находились еще двоестороннія ворота и на нихъ горшки съ цвѣтами и съ померанцовыми деревьями, а подлѣ нихъ простыя ледяныя жъ, на которыхъ сидѣли птицы, что все изрядным мастерствомъ сдѣлано было.

«Наружное, прочее сего дому украшеніе состояло въ слѣдующихъ вещахъ. На всякой сторонѣ, на пьедесталѣ съ фронтишпицемъ поставлено было по 4-угольной пирамидѣ. Помянутыя пирамиды внутри были пусты, которыя сзади отъ дому входъ имѣли. На каждой оныхъ сторонѣ высѣчено было по круглому окну, около которыхъ снаружи размалеванныя часовыя доски находились, а внутри осьмиугольный бумажный большой фонарь (со множествомъ зажженныхъ свѣчей) висѣлъ, у котораго на каждой сторонѣ всякія смѣшныя фигуры намалеваны были. Оный фонарь находившійся внутри потаенный человѣкъ вкругъ оборачивалъ, дабы сквозь каждое окно изъ помянутыхъ фигуръ одну за другою смотрители видѣть могли. По правую сторону дома изображенъ былъ слонъ въ надлежащей его величинѣ, на которомъ сидѣлъ персіанинъ съ чеканомъ въ рукѣ, а подлѣ его два персіанина въ обыкновенной человѣческой величинѣ стояли. Сей слонъ внутри былъ пустъ и хитро сдѣланъ, что днемъ

воду, вышиною въ 24 фута, пускалъ, которая изъ близъ находившагося канала адмиралтейской крѣпости трубами проведена была; а ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрящихъ, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, каковый голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ. Третіе, на лѣвой сторонѣ дома, по обыкновенію сѣверныхъ странъ, изо льду построена была баня, которая, казалось, будто бы изъ простыхъ бревенъ сдѣлана была, и которую нѣсколько разъ топили, и дѣйствительно въ ней парились.

«Теперь посмотримъ, какимъ образомъ убраны были покои. Въ одномъ изъ нихъ, на одной половинѣ стоялъ уборный столъ, на которомъ находилось зеркало, нѣсколько шандаловъ со свѣчами, которыя, по ночамъ, будучи нефтью намазаны, горѣли; карманные часы и всякая посуда; а на стѣнѣ висѣло зеркало. На другой половинѣ видны были преизрядная кровать съ завѣсомъ, постелью, подушками и одѣяломъ, двое туфли, два колпака, табуретъ и рѣзной работы комель, въ которомъ лежащія ледяныя дрова, нефтью намазанныя, многократно горѣли. Въ другомъ покоѣ, по лѣвую руку, стоялъ столъ, а на немъ лежали столовые часы, въ которыхъ находящіяся колеса сквозь свѣтлый ледъ видны были. Сверхъ сего, на столѣ, въ разныхъ мѣстахъ, лежали для игранія приморожденныя карты. Подлѣ стола по обѣимъ сторонамъ стояли рѣзной работы два долгіе стула, а въ углахъ двѣ статуи. По правую руку стоялъ рѣзной угольной поставецъ съ разными небольшими фигурами, а внутри онаго стояла точеная посуда, стаканы, рюмки и блюда съ кушаньемъ. Всѣ оныя вещи изо льду сдѣланы

и приличными натуральными красками выкрашены были».

Назначенъ былъ государынею день для осмотра ледяного дома; ей пріятно было видѣть, какъ исполнили ея мысль, и — вмѣстѣ забыться, хотя на нѣсколько минутъ, отъ душевной и тѣлесной болѣзней, ее осаждавшихъ. А чтобы очарованіе зрѣлища было сильнѣе, положено было смотрѣть домъ ночью, при освѣщеніи.

Весь Петербургъ поднялся на ноги, или заставилъ двигаться ноги своихъ лошадей; со всѣхъ концовъ его тянулись нити пѣшеходовъ и ряды экипажей. Старики будто умылись живой водой и, схвативъ свою старость въ охапку, бѣжали къ фокусу общаго любопытства; дѣти вцѣпились въ полу отцовскаго кафтана, влеклись за толпою. Остались въ домахъ недвижный больной, или мать съ грудным младенцемъ, боявшаяся подвергнуть его опасностямъ народной тѣсноты, или слѣпецъ, которому воображеніе замѣняло и зодчихъ, и живописцевъ, и самыя чудеса природы; но и тѣ съ нетерпѣніемъ ожидали разсказовъ о чудномъ ледяномъ домѣ. Забыты нужды, голодъ, страхъ бироновскаго имени и казни.

Выступивъ изъ мрака ночи съ своими огнями, «Ледяной домъ» сіялъ металлическимъ блескомъ и далеко бросалъ отъ себя свѣтъ на луговую линію, очертивши имъ пестрый полукругъ лицъ и ногъ; площадь казалась вымощенною верхушками головъ. Нерѣдко усиленный крикъ ледяного слона, или огненный фонтанъ, бившій изъ хобота его, или новая смѣшная фигура на окнахъ, заставляли зрителей вторгаться за черту, заказанную слободскими десятскими и сотскими. Русскія остроты сыпались часто подъ русскою палкою.

— Посмотри, братецъ,—говорилъ одинъ,—на первой картинѣ нѣмецъ въ трехугольной шляпенкѣ, въ изодранномъ кафтанишкѣ, худой, какъ спичка, бредетъ со скребницей и щеткой въ рукѣ, а на послѣдней картинѣ разжирѣлъ, аки боровъ; щеки у него словно пышки съ очага; ѣдетъ на бурой кобылкѣ, на золотомъ чепракѣ, и бьетъ всѣхъ направо и налѣво обухомъ.

— Эка простота!—возражалъ другой:—тамъ входилъ онъ на Русь пѣшкомъ, а тутъ гуляетъ по ней верхомъ; тамъ, вишь, онъ чистилъ лошадку, а здѣсь ѣдетъ на чищенной.

— Ванька, а Ванька! что это за изба? — спрашивалъ одинъ.

— Баня,—былъ отвѣтъ.

— Для нашихъ парильщиковъ не тѣсненька ли, Семенъ Кондратьевичъ?—спрашивалъ третій.

— Напрасно и строить трудились, — примолвилъ четвертый:—у насъ въ Питерѣ на всякомъ мѣстѣ готова баня.

— Э! господинъ десятскій, поберегите для переду свой вѣничекъ; здѣсь, на морозѣ, негоже поддавать пару...

— Ступайте мимо, господинъ сотскій; видишь, мы-ста сами стоимъ впереди тысячи.

— Слышь? ледяной слонъ кричитъ!

— И камни вопіютъ во времена тяжкія, — произнесъ какой-то книжникъ важнымъ, поучительнымъ тономъ.

Такимъ образомъ наши Бомарше съ бородками, площадные цензоры своего времени, тѣшили вдоволь глаза и языки свои. Казалось, они остротами отмщали

на комъ могли свою бѣдность и униженіе, и согрѣвались отъ жестокаго, задушавшаго мороза.

— Государыня, государыня!—закричали сотскіе, и все замолкло благоговѣйною тишиной.

Заскрипѣлъ снѣгъ, тиснутый сотнями подковъ, зашипѣлъ онъ отъ множества порѣзовъ; показался эскадронъ гусаръ и вслѣдъ затѣмъ сани государыни, за коими тянулся рядъ экипажей. Изъ «Ледяного дома» выступило нѣсколько придворныхъ на крыльцо и впереди всѣхъ Волынскій. Когда сани поровнялись съ нимъ, онъ былъ подозванъ къ ея величеству. Она изволила милостиво разспрашивать его объ устройствѣ дома и смѣялась очень карикатурнымъ изображеніямъ, часто перемѣнявшимся на окнахъ. Кабинетъ-министръ давалъ замысловатыя объясненія. Вдругъ, при одной перемѣнѣ, кто-то за санями государыни вскричалъ съ сердцемъ:

— Глупость, достойная своего творца!... Чрезвычайно глупо!...

Голосъ, произнесшій эти слова, былъ Бироновъ; нельзя было въ томъ ошибиться ни императрицѣ, ни окружавшимъ ее. Она вздрогнула отъ неожиданности пхъ, нахмурила брови и съ гнѣвомъ сказала:

— Не знаю, на чьей сторонѣ глупость!...

Это было первое важное, немилостивое обращеніе къ Бирону, которое она позволила себѣ съ тѣхъ поръ, какъ его знала. При этомъ обращеніи она взглянула назадъ; пылающій взоръ ея любимца, стоявшаго у ней на запяткахъ, дерзко встрѣтилъ ея взглядъ.

Задыхаясь отъ досады, государыня продолжала относиться къ кабинетъ-министру:

— Растолкуйте мнѣ, мой любезный Артемій Петровичъ, чтобы такое значили эти картины?

Онѣ не могли быть загадкою для посвященныхъ въ таинства Бироновыхъ продѣлокъ. На картинахъ представлено было: 1-е) сцена замораживанія Горденки, снятая какъ-бы съ натуры; 2-е) сцена на Невѣ, гдѣ является привидѣніе, чтобы отнять ледяной трупъ у конюховъ; 3-е) маскарадные герои на Волковомъ полѣ, и 4-е) самоубійство Гроснота.

— Ваше величество,—отвѣчалъ Волынскій,—изволите, конечно, помнить, что, выѣзжая изъ манежа герцогскаго, замѣтили ледяную статую на маленькомъ дворѣ у конюшенъ его свѣтлости.

— Помню.

— Именно эта статуя подала вашему величеству мысль сдѣлать «Ледяной домъ», котораго быть строителемъ я удостоенъ вами. И потому я хотѣлъ сохранить въ картинѣ происшествіе, давшее ему начало. Настоящую ледяную статую я постарался достать и перенесъ въ одну изъ комнатъ, которыя буду имѣть счастіе вамъ показывать. Прочія картины—вымыселъ живописца.

— Очень благодарна за ваше намѣреніе, и если вы сдѣлали глупость, какъ угодно сказать *иному*, то я первая подала вамъ къ ней поводъ. Раздѣляю вмѣстѣ съ вами силу гнѣва его свѣтлости, хотя, впрочемъ, не понимаю причины ея.

Иронія замѣтна была въ самомъ голосѣ государыни.

— Время, конечно, объяснитъ, почему такъ не нравится его свѣтлости эта ледяная игрушка,—отвѣчалъ торжествующій Волынскій.

— Да, время!...—произнесъ Бирон, въ замѣшательствѣ не зная самъ, что говоритъ.

Онъ бормоталъ еще непонятныя слова, когда почувствовалъ, что кто-то сзади дергаетъ его за рукавъ шубы, и—остановился, чтобы посмотрѣть, кто осмѣлился быть такъ дерзкимъ. Блѣдное, вытянутое лицо, взоры, бросавшіе отъ себя фосфорическій блескъ, двигающіяся взадъ и впередъ орангутанговыя уши поразили его. Это былъ Липманъ. Осторожный Липманъ не придетъ безъ важной нужды тормошить его за санями государыни. Это подтверждаетъ и отчаяніе, выражающееся во всей его наружности, судорожно исковерканной. Бирон соскочилъ съ запятокъ и, на шепотъ своего клеврета, исчезъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ будто потонулъ въ камскомъ мохѣ.

Государыня слышала, какъ герцогъ соскочилъ съ запятокъ, вздрогнула, испуганная и смущенная этимъ движеніемъ, предвѣщавшимъ что-то необыкновенное, склонила взоры и глубоко задумалась... Наступило мертвое молчаніе. Самый слонъ замолкъ. Сани ея не двигались; у саней—Волынскій, вокругъ—придворные кавалеры, впереди—эскадронъ гусаръ, сзади—множество экипажей, вдали — толпы народныя стояли на одномъ мѣстѣ. Волшебное зрѣлище представлялъ тогда этотъ ледяной дворецъ, одинъ, посреди ночи, потѣшающійся огнями своими, эта царица, казалось, на вѣки усыпленная въ зимнемъ экипажѣ, эти кони, воины, дворъ, народъ около нея, на снѣжномъ полотнѣ, убѣленные морозомъ—все это будто въ саванахъ, неподвижное, нѣмое, мертвое—и вдали кругомъ мрачныя зданія, выглядывающія съ своими снѣжными крышами изъ-за ограды этой сцены! Къ довершенію очарованія,

стали носиться по воздуху полосы тумана, какъ-бы невидимые духи устраивали надъ царицей дымчатый пологъ.

Но слонъ вскрикнулъ, государыня встрепенулась, и все вновь ожило. Она велѣла тронуть сани, а Артемію Петровичу стать позади себя. Изволили разъ проѣхать мимо слона, возвратились назадъ и пожелали видѣть внутренность дома.

Между тѣмъ Бирономъ, разъяренный, рыскалъ въ немъ, предшествуемый однимъ Липманомъ.

— Не можетъ быть!—говорилъ Бирономъ, пыхтя отъ злобы,—неужели они эту поганую штуку сыграли? Правда-ли?... Кто тебѣ далъ знать?...

— Племянникъ!—отвѣчалъ Липманъ,—племянникъ не солжетъ... вы сами знаете...

— Гдѣ-жъ?... Вотъ здѣсь...

Съ этимъ словомъ вошли они въ комнату, гдѣ стояли часы и лежали карты на столѣ. Съ одной стороны въ углу купидонъ съ дубинкою на плечѣ вытянулся какъ бы на караулъ; съ другой стороны другой ледяной купидонъ, прислонясь къ окну, держалъ палецъ правой руки на губахъ, а лѣвой рукою предлагалъ рогъ изобилія, желая, конечно, дать знать, что скромность доставляетъ богатство и прочіе дары Фортуны. Тутъ, до сихъ поръ, не было ничего, что могло возбудить гнѣвъ его свѣтлости. Но въ переднемъ углубленіи, сдѣланномъ наподобіе стоячаго гроба, позади стола, выступилъ... человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ мертвеца, въ обледенѣлой рубашкѣ, босой... Онъ держалъ бумагу въ дрожащей рукѣ. Казалось, только-что облили его на морозѣ; струи еще слегка спадали съ ледяныхъ сборовъ его рубашки; по лицу его выступали капли предсмертнаго пота.

Опять онъ!... И вездѣ онъ!... — вскричалъ съ ужасомъ Бирон.

Какъ не ужасаться было ему! По сотнѣ душъ отправлялъ онъ ежегодно въ Елисейскія поля, и ни одинъ мученикъ не возвращался съ того свѣта, чтобы преслѣдовать его. А тутъ, вездѣ за нимъ неотступно проклятый малороссіянинъ! Да дастъ-ли онъ ему, въ самомъ дѣлѣ, покой? Странно!... никого столько не боится Бирон; на этомъ предметѣ скоро сведутъ его съ ума.

Онъ замахнулся тростью, чтобы ударить ненавистную фигуру, но та погрозила на него... Трость невольно опустилась, и ледяной потъ выступилъ на челѣ самого временщика. Съ минуту стоялъ онъ, дрожа отъ страха и гнѣва; потомъ одумавшись, захохоталъ, вновь замахнулся въ ярости на мертвеца и... и разбилъ ледяную статую въ дребезги. Упали передъ нимъ маска и рука; эта, зацѣпившись за его шубу, казалось не хотѣла пустить его отъ себя. Липманъ съ трудомъ отодралъ ее; загнувшіеся концы проволоки, которая была въ нее вдѣлана, впились крѣпко въ бархатъ шубы. На мѣстѣ, откуда рука приводилась въ движеніе, осталось небольшое отверстіе съ Невской набережной.

Пока Бирон сбивалъ съ своей шубы куски льду, ее облѣпившіе, какъ бы стиралъ брызги крови, наперсникъ его вырвалъ бумагу, подалъ ее и торопливо сталъ рыться въ кускахъ по полу, боясь, не скрывалось-ли еще какой въ нихъ штуки. Бѣгло взглянулъ герцогъ на бумагу, на которой и прочелъ:

«Государыня! я малороссійскій дворянинъ Горденко, живой замороженъ за то, что осмѣлился говорить

правду; тысячи, подобно мнѣ, за нея измучены, и все по волѣ Бирона. Народъ твой страдаетъ. Допроси обо всемъ кабинетъ-министра Волынскаго, и облегчи тяжкую участь твоей Россіи, удаливъ отъ себя злодѣя и лицемѣра, всѣмъ ненавистнаго.»

Судорожно скомкавъ бумагу—за пазуху ее, потомъ спросилъ торопливо:

— Куда мы это все?

Послышался шумъ позади ихъ... оба вздрогнули. Кто-то вошелъ—это былъ Кульковскій. Будто по чутью, онъ угадалъ, что нуженъ первому человѣку въ имперіи, и явился *при* немъ.

— Кстати, любезный!—сказалъ Биронъ, обратясь къ пажику, — убери съ Липманомъ все это скорѣе... куда хочешь... хоть въ свои карманы. По одной милости за каждый кусокъ!

Не дожидаясь окончанія рѣчи своего патрона, Кульковскій—ну убирать куски льду то въ карманы, то за пазуху, то въ ротъ... Послѣднее дѣлалъ онъ единственно, чтобы показать, до какой степени онъ приверженъ къ первому человѣку въ имперіи. Онъ успѣлъ вынести въ два раза кучки льду за уголъ дома, спугнуть стоявшаго тамъ недоброжелателя, приводившаго въ движеніе статую, очистить мѣсто, гдѣ разбросанъ былъ ледъ, и мокрый, прохваченный морозомъ, непримѣтно вмѣшаться въ свиту государыни, входившей въ ледяной домъ. Какъ не сказать при этомъ случаѣ: высокое самоотверженіе, «*достойное римлянина!*»—выраженіе, которымъ любилъ щеголять самъ Биронъ, когда жертвовали выгодами своего отечества личной пользѣ его.

Государыня обошла весь домъ, во всѣхъ отдѣле-

ніяхъ останавливалась и изволила разсматривать каждую вещь съ большимъ вниманіемъ (но не спрашивала уже о ледяной статуѣ, какъ будто боялась черезъ нее новаго оскорбленія...). За все благодарила Артемія Петровича въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и не только на немъ, но и на друзьяхъ его старалась показать свое личное къ нему благоволеніе. Партія Волынскаго торжествовала.

Когда императрица вышла изъ дому, густой туманъ налегъ на землю, такъ что за нѣсколько шаговъ нельзя было ничего видѣть. Повременамъ мелькали то голова лошадиная, то хвостъ, то воинъ, плывущій будто по воздуху, то сани безъ коней, несущіяся какъ бы волшебною силою, то палашъ, мгновенно змѣйкою блеснувшій. Большія огненныя пятна (отъ свѣту изъ домовъ), какъ страшныя очи привидѣнія, стояли въ воздухѣ; по разнымъ мѣстамъ мелькали блудящіе огоньки (отходившихъ съ фонарями). Невидимыя лошади фыркали и ржали; невидимые бичи хлопали. Подаваемыя къ разъѣзду сани во мглѣ тумана сцѣплялись съ санями; несли лошади, испуганныя и застоявшіяся на морозѣ. Суета полиціи, крикъ кучеровъ, стонъ задавленныхъ, трескъ экипажей представляли совершенный хаосъ.

— Боже! что это?... Господи помилуй! — сказала испуганная императрица крестясь; обратилась назадъ, искала кого-то смутными глазами, силилась закричать:— Артемій Петровичъ, вырвите меня изъ этого ада!—но произнесла эти слова осипшимъ отъ страха голосомъ.

Волынскаго не было около нея; видя, что государыню сопровождаютъ его друзья, онъ остановился съ княжной Лелемико и... забылся. Герцогъ курляндскій

успѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и слѣдилъ императрицу. Она обратила на него умоляющіе взоры.

— Будьте спокойны, ваше величество,—произнесъ онъ голосомъ глубочайшей преданности,—вы найдете меня всегда возлѣ себя, когда жизнь ваша въ опасности...

— Жизнь моя? въ опасности?... ради Бога, не отходи отъ меня!

Она схватила его крѣпко за руку, и съ этой минуты до самаго дворца не покидала ее.

Къ подъѣзду подали сани государыни, окруженныя множествомъ факеловъ.

— Да—это гробъ! это похороны!... меня живую хотятъ похоронить!...—вскричала Анна Іоанновна, еще болѣе перепуганная этимъ зрѣлищемъ и готовая упасть въ обморокъ.

— Прочь факелы! кто это вамъ велѣлъ?...—грозно вскрикнулъ герцогъ.

Въ толпѣ придворныхъ послышался голосъ:

— Его превосходительство, Артемій Петровичъ Волынскій.

Эти роковыя слова успѣли долетѣть до ушей императрицы.

— Кто бы ни былъ, все безразсудно!—воскликнулъ Бирономъ.

Изъ лукаваго раба онъ воспрянулъ снова дерзкимъ повелителемъ.

Явился Волынскій, но государыня уже не видѣла его. По приказанію герцога, пажи принесли фонари, и ее, почти въ безпамятствѣ, снесли въ сани и перевезли во дворецъ.

Сдѣлалась суматоха между придворными, каждый спѣшилъ во дворецъ къ своей должности, или домой,

каждый думалъ о себѣ, испуганныя гофъ-дѣвицы нашли услужливыхъ кавалеровъ, которые усадили ихъ въ экипажи или взялись проводить, куда нужно было. Маріорица ничего не боялась — *онъ* былъ подлѣ нея. Волынскій кричалъ ея экипажъ; но никто не отозвался; подруги ея исчезли, прислуга также... И тутъ фатализмъ, и тутъ любовь сдѣлали *свое!* Оставалось Артемію Петровичу проводить княжну пѣшкомъ во дворецъ.

Счастливецъ! онъ тонетъ съ нею во мглѣ тумана; онъ страстно сжимаетъ ея руку въ своей, онъ лобызаетъ эту руку. Разговоръ ихъ — какой-то лепетъ по складамъ, наборъ сладкихъ эпитетовъ и именъ, безсмыслица, краснорѣчивая для однихъ любовниковъ. Не обошлось безъ вопроса, общаго мѣста влюбленныхъ: «*любишь ли ты меня?*» Маріорица не отвѣчала, но Артемій Петровичъ почувствовалъ, что руку его крѣпко, нѣжно прижали къ атласу разъ, еще разъ, что подъ этимъ атласомъ сердце то шибко билось, то замирало.

Ноги ихъ идутъ безъ всякаго направленія; они идутъ, потому что разъ приведены въ движеніе. Вся мысль влюбленныхъ въ ихъ сердцѣ; лучше сказать, у нихъ нѣтъ мысли—они только чувствуютъ себя другъ въ другѣ; чувство упоенія поглотило все ихъ бытіе.

Онъ обхватилъ ея станъ изъ-подъ распахнувшейся шубы и колеблющуюся тихо привлекъ къ себѣ. На уста его пышетъ огонь съ ея лица; невѣдомо какъ, они встрѣчаютъ другія горящія уста, и Волынскій выпиваетъ до дна сладкій, томительный поцѣлуй...

Этотъ поцѣлуй разбѣжался тысячами по всему существу Маріорицы, она вся—пылающій поцѣлуй. Ей жарко, ей душно на морозѣ... Шуба сползла съ плечъ Волынскаго; онъ не останавливается за нею.

Они забыли время, дворецъ, государыню, цѣлый міръ. Кто знаетъ, долго ли они, какъ сумасшедшіе, блуждали бы близъ дворца, когда бы всего этого не напомнилъ имъ окликъ часового. Встревоженные, они какъ бы пробудились отъ сладкаго сна, будто упали съ неба.

Успокоило ихъ нѣсколько, что они находятся у службъ дворцовыхъ. Найти дорогу къ маленькому подъѣзду было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Они входятъ во дворецъ, прокрадываются, какъ преступники; на лицѣ ихъ, кажется, прочтутъ повѣсть ихъ нынѣшняго вечера. Къ счастію, въ коридорѣ дежурный гофъ-лакей дремлетъ, сидя на стулѣ; ни одного пажа, которыхъ лукавство такъ опасно въ подобныхъ случаяхъ! Какъ будто нарочно, никто ихъ не замѣтилъ, никто не попадался имъ на встрѣчу; самыя свѣчи тускло горятъ—иныя ужь и погасли. Видно, весь дворецъ на половинѣ государыниной, озабоченъ ея испугомъ.

Вотъ и комната княжны... Здѣсь, конечно, разстанется съ нею Волынскій, унеся съ собою сладкую добычу любви? Спальня дѣвушки—святилище для посторонняго мужчины: преступникъ уже тотъ, кто входитъ въ нее съ мыслью обольщенія. Время разсуждать объ этомъ безумцу!... Волынскій забылъ все святое... онъ входитъ за Маріорицей. Одинокая свѣча нагорѣла; никого нѣтъ!... Сумракъ и тишина келіи!... Бѣдная дѣвушка дрожитъ, сама не зная отчего: она, какъ робкое дитя, упрашиваетъ, умоляетъ его выйти.

— Подари меня еще одной минутой блаженства, *душа моя*, ангелъ мой! — говоритъ онъ, сажая ее на диванъ;—еще одинъ поцѣлуй, и я бѣгу отъ тебя, счастливѣйшій изъ смертныхъ!

Онъ сто разъ печатлѣетъ огонь своей страсти на бѣлой шеѣ и плечахъ, на пурпурѣ щекъ, на черныхъ, мягкихъ косахъ, путающихся по лицу его и мѣшающихся съ черными кудрями его волосъ, онъ пожираетъ ее своими лобзаніями.

— Бѣдная Маріорица! слабое существо! она опять все въ мірѣ забыла.

Вдругъ опрометью, запыхавшись, вбѣгаетъ Липманъ и кричитъ, какъ сумасшедшій:

— Княжна! княжна! государыня очень больна., она васъ давно...

Увидавъ кабинетъ-министра, онъ осѣкся и не зналъ, что начать; однакожъ, скоро оправился и продолжалъ, запинаясь съ увертками кокетки, искоса и насмѣшливо посматривая на гостя:

— Государыня васъ... давно спрашиваетъ... васъ вездѣ ищутъ... я къ вамъ во второй разъ... извините, если я не во время...

Злодѣй опять не договорилъ; ротъ его улыбался до ушей; уши шевелились, какъ у зайца, попавшаго на капусту.

Громовый ударъ, раздробившись у ногъ Волынскаго, не такъ ужаснулъ бы его, какъ появленіе этого лица. Отъ двусмысленныхъ словъ Липмана буря заходила въ груди; онъ вспыхнулъ и—слово: «*бездѣльникъ!*» было привѣтствіемъ оберъ-гофкомисару или оберъ-гофшпіону.

— Не знаю, кого такъ величаетъ его превосходительство, — сказалъ этотъ очень хладнокровно и все улыбаясь, — по-нашему, это имя принадлежитъ тому, кто похищаетъ у бѣдняка лучшее его сокровище. Слѣдственно...

— Что хочешь ты этимъ сказать, несчастный? — вскричалъ Волынскій, готовясь схватить его за грудь.

Онъ задушилъ бы жида, еслибы не остановилъ его умоляющій взоръ Маріорицы, сложившей руки крестомъ на груди. Этимъ взоромъ она была у ногъ его. На помощь къ ней пришла Волынскому и мысль, что побоищемъ во дворцѣ, въ комнатѣ самой княжны, онъ привлечетъ новый, неискупимый позоръ на голову дѣвушки, и безъ того уже столько несчастной чрезъ него.

Липманъ отпрянулъ назадъ, ближе къ двери, все-таки не теряя присутствія духа и измѣряя свои слова.

— Что я хочу сказать? Гмъ! это, кажется, не имѣетъ нужды въ экспликаціи. То, что я, оберъ-гофкомисаръ, засталъ ваше превосходительство, какъ обольстителя, у любимой гофъ-дѣвицы ея величества... и то, гмъ! что ея величество изволитъ объ этомъ узнать, когда мнѣ заблагоразсудится донести...

— Кто повѣритъ жиду и перекрещенцу? наушнику, негодяю, запачканному въ грязи съ ногъ до головы?

— Улика на-лицо; свидѣтели есть—угодно, позову.

Есть ли слова для того, чтобы изобразить мученіе бѣдной дѣвушки въ состояніи Маріорицы? Какъ низко упала она! ниже, чѣмъ изъ княженъ въ цыганки!... Обрызганная стыдомъ отъ появленія Липмана, сдѣлавшаяся предметомъ ссоры подлаго человѣка съ тѣмъ, кого она любила болѣе всего на свѣтѣ, зная, что честь ея зависитъ впередъ отъ одного слова этого негодяя, она чувствовала только позоръ свой и рыдала. О перемѣнѣ къ ней благосклонности государыни, объ удаленіи отъ лица ея, о бѣдности и ничтожествѣ—она и не думала. Но когда вздумала, что другъ ея можетъ

пострадать, она забыла стыдъ, вскочила съ своего мѣста и, не давъ Артемію Петровичу говорить,—сказала твердымъ голосомъ:

— Неправда! неправда! онъ невиноватъ; я просила его проводить меня. Хочешь знать болѣе, безжалостный человѣкъ? я люблю его, я сама скажу государынѣ, что я люблю его; я готова объявить это Петербургу, цѣлому свѣту...

— Объявить!... это было бы довольно смѣшно!... Жаль мнѣ васъ очень, княжна!... Знаете ли, ваше сіятельство, *кого* вы удостоиваете своимъ благосклоннымъ вниманіемъ?

Въ словѣ: *кого*, заключалась дьявольская иронія. Подобныя слова отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни у человѣка, на котораго устремлены; онѣ сушатъ сердце, растравляютъ жизнь; воспоминаніе о нихъ поднимаетъ волосъ дыбомъ посреди пирушки, когда ходитъ чаша круговая, пронимаетъ дрожью и въ объятіяхъ любви.

Изступленная Маріорица, вся пылая, судорожно схватила руку Артемія Петровича и только повторила гнѣвно:

— Кого?... Знаю ли я?...

Волынскій дрожалъ отъ униженія, отъ страха, что Липманъ откроетъ тайну его женитьбы, отъ чувства ужаснаго состоянія, въ которое поставилъ Маріорицу, жертвующую для него всѣмъ, что имѣла драгоцѣннѣйшаго на свѣтѣ, дѣвическою стыдливостью, и, бѣшеный, уступилъ своему врагу. Онъ молчалъ.

Липманъ повѣсилъ на волоскѣ мечъ надъ головой его и игралъ этимъ мечомъ. Онъ продолжалъ съ твердостью на тотъ же ладъ:

— Знаете ли, что его превосходительство не можетъ быть вашимъ мужемъ?

— А почему? — спросила Маріорица уже съ жаднымъ любопытствомъ ревности.

Злодѣй собирался дорѣзать своего врага по суставамъ, зашевелилъ уши въ знакъ торжества; но, поймавъ на лету ужасный взглядъ Волынскаго и движеніе его руки къ огромному мѣдному шандалу, постигнувъ въ этомъ взглядѣ и движеніи вѣрную себѣ смерть, спѣшилъ униженно поклониться и присовокупилъ:

— Но объ этомъ современемъ, когда надобность потребуетъ... Теперь исполнилъ я приказъ ея величества, и будьте увѣрены, что все покуда останется похоронено въ груди моей.

Когда онъ вышелъ, бѣдная, истерзанная Маріорица бросилась въ объятія Артемія Петровича.

— Не любишь ли ты другой? — спрашивала она его.—Не обманываешь ли ты меня? О, говори скорѣй, скорѣй! не два раза умирать.

Онъ утѣшалъ ее, какъ могъ, лгалъ, клялся и, успокоивъ несчастную, мучимую ревностью, снесъ на диванъ; потомъ, поцѣловавъ въ блѣдное чело ея и въ глаза, орошенные слезами, спѣшилъ избавиться отъ новой, мучительной сцены, которую враги его могли бы ему приготовить. Но лишь только онъ изъ комнаты, навстрѣчу ему когорта пажей, подалѣе въ коридорѣ нѣсколько высшихъ придворныхъ и между ними—торжествующій Бирономъ. Они смѣялись... и этотъ адскій смѣхъ, отозвавшись въ сердцѣ Волынскаго, достойно отплатилъ ему за проступки нынѣшняго вечера.

— Подлецы! — сказалъ онъ такъ, что соглядатаи могли слышать это слово, постоялъ минуты съ двѣ

противъ нихъ, какъ бы вызывая ихъ на благородный бой, и когда увидѣлъ, что они молчатъ и начали скрываться, пошелъ своей дорогой.

Но какъ идти ему домой безъ шубы? Какъ рѣшиться кабинетъ-министру попросить шубу у какого-нибудь дворцоваго служителя? По какому случаю?... Онъ спрашиваетъ только о своемъ экипажѣ; ему докладываютъ, что сани его пріѣзжали во дворецъ, но такъ какъ его не нашли тамъ нигдѣ, то и отослали ихъ домой. Эйхлеръ, долговязый Эйхлеръ ему на встрѣчу. Онъ не злопамятенъ: сожалѣя, что шубу его превосходительства, вѣроятно, въ экипажѣ его отвезли домой, предлагаетъ ему свою. Отвергнуты съ грубостью услуги племянника Липмана, съ коварствомъ предложенныя, сомнѣнья нѣтъ. Волынскій сходитъ къ малому подъѣзду, рѣшась, однакожъ, завернуть къ одному гофъ-лакею, на скромность котораго надѣется, и взять у него шубу. У подъѣзда стоитъ дѣвушка — она держитъ что-то на рукахъ.

— Вы, Артемій Петровичъ? — говоритъ она ему таинственнымъ голосомъ.

— Я, голубушка; что тебѣ?

— Княжна прислала вамъ свою шубу; ночью никто не видитъ... Я буду здѣсь ждать, пока вы назадъ пришлете.

Среди тяжкихъ чувствъ, обступившихъ Маріорицу, мысли о немъ, заботы о его здоровьѣ, ее не покидали. Лишь онъ пройди цѣлъ и невредимъ сквозь послѣдствія этого несчастнаго вечера, а о себѣ она и не думаетъ: она готова открыть грудь свою для всѣхъ стрѣлъ, на него устремленныхъ.

Смѣясь, надѣлъ Волынскій шубу Маріорицы, вру-

чилъ посланницѣ кошелекъ съ золотомъ и просилъ ее сказать, что онъ цѣлуетъ каждый пальчикъ на ногахъ милой, доброй, безцѣнной ея барышни. Дорогой вспоминалъ онъ своихъ пріятелей на Волковомъ полѣ.

На другой день принесли ему шубу изъ полиціи. Домашніе не сказали ему, что къ ней прицѣплена была записка: *плата той же монетой съ герцогскими процентами.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФАТА

Гляжу я безмолвно на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.
Пушкинъ.

На другой день толкнулась цыганка во дворецъ; ее не пустили. Грустная шла она домой; но лишь только сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ маленькаго дворцоваго подъѣзда, услышала, что кто-то сзади кличетъ ее по имени. Оглянулась — высокая, неблагообразная женщина манитъ ее своею собачьей муфтой. Маріула остановилась, и съ перваго взгляда на нее припомнила себѣ, что гдѣ-то видѣла это шафранное лицо, къ которому неизмѣнно подобраны были подъ цвѣтъ темно-коричневый платокъ и желтый съ выводами, штофный полушубокъ; эти сѣрые, тусклые глаза, въ которыхъ отражалось кошачье смиреніе, эта голова, поставленная какъ бы на проволокѣ. Да, именно она видѣла эту фигуру въ домѣ Волынскаго: это его барская барыня.

— Изъ дворца она!... Не узнаю ли чего о моей Маріорицѣ? — подумала цыганка, и спросила потомъ нагнавшую ее Подачкину, что ей надо.

Подачкина перевела духъ, занявшійся отъ скорой ходьбы, сдѣлала головой полукругъ, съ остановками по градусамъ, и, увидѣвъ, что около нихъ нѣтъ никого, отвѣчала, пережевывая гвоздику, будто корова жвачку:

— Мнѣ ничего, покуда Богъ милуетъ; а я за тобой, сударка, для твоего же добра.

— Благодаримъ покорно хотя на пожеланіи; позволь, голубушка, спросить, въ чемъ дѣло?

Словомъ *«голубушка»* примѣтно оскорбилась барская барыня; но она готовилась въ придворныя, и успѣла скомкать кое-какъ досаду въ сердцѣ, обѣщаясь порядкомъ отплатить своимъ гордымъ обращеніемъ, какъ скоро будетъ именоваться госпожею Кульковской.

— Ты, вижу, идешь на Выборгскую сторону, — ласково продолжала она.

— Такъ, на постоялые дворы.

— По дорожкѣ съ нами, любезненькая, по дорожкѣ. О, охъ, нынѣ и сугробы стали каждый годъ больше! Это еще бъ не горе — какъ выйду замужъ, велю непремѣнно очищать ихъ—а то горе, что все на свѣтѣ сдѣлалось хоть брось. Добро бы травы худо росли и морозы вдвое серчали, ужь человѣки, аки звѣри лютые, поѣдаютъ другъ друга, роютъ другъ другу ямы; забыли вовсе Бога,—тутъ барская барыня перекрестилась,—прости, Мать Пресвятая Богородица Тихвинская, что вхожу въ осужденіе!

— Не къ добру эта проповѣдь! — думала Маріула.

— Вотъ недалеко ходить: хотѣлъ меня скушать живую, и съ косточками, — Господь, прости ему его согрѣшенія!—хоть бы и Артемій Петровичъ; да Великая Заступница не дала ругаться надо мной, вознесла

меня, недостойную, превыше моихъ заслугъ—не знаю, вѣдомо ли тебѣ? — по милости самой матушки Анны Ивановны сочетаюсь въ скорости законнымъ бракомъ съ столбовымъ дворяниномъ. Вѣдь мой Петинька еле-еле не князь, ходитъ у ручки государыниной и при сучкѣ ея величества, и коли задумаетъ, такъ и самому Волынскому не сдобровать. Потому онъ и пажъ, что всякій передъ нимъ пашъ. Да ужь, матка, если на то пойдетъ, отольются волку овечьи слезки. Во вѣки вѣковъ не затмиться въ головушкѣ моей поношенію... нѣтъ, забудь онъ тогда, что я... — Тутъ наша пиковая дама съ сердцемъ схватила муфту въ одну руку и начала ею замахиваться. — Не извольте дескать, господинъ Волынскій, хорохориться; вѣдь я такая же дворянка, и рядкомъ сяду, таки сяду во дворцѣ съ вашей дрожайшей сожительницей; и царица Анна Ивановна меня жалуетъ своей ручкой, да и сама херцовина, супруга Бирона, допускаетъ меня къ себѣ въ потаенность

Маріулѣ въ одно и то же время было смѣшно, и досадно, и грустно. Неучтиво кашлянула она раза два, чтобы оборвать прядь ея краснорѣчія; но это не помогло.

— По-моему,—сказала она, — Артемій Петровичъ человѣкъ, какого найти на рѣдкость.

Подачкина, казалось, не слыхала этой похвалы и не останавливаясь продолжала:

— Пикни же онъ грубое словечко, я ему глаза выцарапаю; мой Петинька и сучку царскую выпуститъ—посмѣй-ка онъ тогда тронуть волоскомъ! А вотъ быть по нашему съ Биромомъ; да я, Господи прости! хочу скорѣй лишиться добраго имени, пускай назы-

ваютъ меня шлюхой, неумойкой, такой-сякой, коли я не увижу головы врага нашего на плахѣ, а вотъ быть, быть и быть...

Глаза Подачкиной выкатились наружу, голова ея тряслась подъ-ладъ частыхъ движеній муфты, сильнѣе и сильнѣе, скорѣй и скорѣй, вмѣстѣ съ гнѣвомъ ея; шаги ея участились; наконецъ она осипла, залилась, захлебнулась, закашлялась, и стала въ пень посреди снѣжнаго бугра.

— Не знаю, какъ по батюшкѣ величать васъ, добрая госпожа,—но вы не изволили еще ничего сказать мнѣ обо мнѣ, какъ изволили обѣщать.

Важно опираясь на прислугу, вылѣзла изъ сугроба будущая великая особа, а покуда только что длинная, и, отдохнувъ немного, продолжала:

— Не прогнѣвайся, мать моя, и до тебя доберемся. Большому кораблю большое и плаваніе; маленькій подождетъ, пока тотъ отойдетъ. Кажись, вы, цыгане, народъ хитрый, а въ тебѣ я нашла много простоты.

— Оттого, можетъ статься, что я помѣсь съ русскою,—отвѣчала, коварно улыбаясь, Маріула.

— Уйдетъ улыбочка въ пятки, любезненькая, коли я тебѣ поразскажу, какъ и подъ тебя подмываются. А все твой хваленый Волынскій, чтобъ ему пусто было, окаянному — она выплюнула забывшись свою гвоздику.—Мѣстную свѣчу поставлю образу Тихвинской Божьей Матери,—тутъ сотворила большое крестное знаменіе, — Матушка Пресвятая Владычица, не попусти злодѣю долго по землѣ ходить... Ахти, ахти! гвоздичка моя! куда я ее дѣвала?

Остановились, начали искать, шарить по снѣгу.

— Не могу безъ гвоздички ходить: сказываютъ,

чума такъ и пашетъ на насъ изъ земли мухаметовой, вотъ откуда княжна Маріорица...

Цыганка нашла гвоздичку въ снѣгу и подала ее. Въ ожиданіи, къ чему приведетъ это смиренное велерѣчіе, терпѣніе ея готово было лопнуть.

— Благодарствую, мать моя, любезненькая! Вотъ, кто бы взялъ на свою душу приводить тебя въ соблазнъ... помогать окаянному!... обсздолить, губить сироту, еще княжну!... Вѣдь, она все-таки христіанка: хоть изъ чужой земли, по-нашему, въ посты скоромнаго не ѣстъ.

— Губить? это неправда!—возразила Маріула, покраснѣвъ и съ сердцемъ.

— Такая-жъ неправда, какъ теперь зима и холодно. Погодите вы меня провесть!... охъ, охъ! мы все знаемъ. А ты слушай, лебедка, да не сбивай. На княжну не надышитъ государынл; въ пуховикъ ея попади перышко, и то бѣда! а вы сердечную тащите въ погибель, въ адъ; таки прямо къ тьму кромѣшную... знаешь ли, къ кому онъ и тебя тянетъ? На зей землѣ подъ топоръ; а въ будущемъ свѣтѣ хочетъ заставить тебя лизать горячую сковороду или на вертелѣ сатаны поплясать.

Отъ этихъ словъ кровь поднялась быстро отъ сердца въ голову Маріулы.

— Да вѣдь онъ обѣщаетъ на ней жениться .. — сказала она запинаясь.

— Что ты? въ своемъ ли умѣ, прости Господи! Да развѣ мы живемъ въ какой татарской землѣ или въ туречинѣ! да развѣ можно отъ живой жены?...

— Отъ живой!... — могла только выговорить Маріула помертвѣвъ; задумалась, потомъ вдругъ захохо-

тала такъ, что Подачкина вздрогнула, перекрестилась и отодвинулась назадъ.

— Тутъ не до смѣху, матка моя!

— Ты, видно, дурочку нашла, что надо мною такъ издѣваешься.

— Какая издѣвка!... говорю только сожалѣючи о тебѣ, аки христіанка добрая, чтобы отвесть тебя отъ неминучей напасти. А что Волынцевъ твой женатъ, такъ любой прохожій тебѣ скажетъ. Сожительница его, Наталья Андреевна, въ Москвѣ гоститъ у родныхъ, захворала было тамъ, но Господь поднялъ ее, кажись, не на добро—по-моему лучше умереть, чѣмъ жить съ такимъ мужемъ—ужь онъ не впервые проказитъ: любовницъ у него нѣсть числа! А она, кабы ты знала ее, душа предобрая, сущій ангелъ на землѣ! Да какая же красавица! Вполовину онъ ее не стоитъ. И какъ его негодника любитъ!... Сколько разъ говорила я ей: «бросьте его, матушка Наталья Андреевна!» — «Не могу, родная, Акулина Саввишна»—вѣдь она меня, сизая голубка, всегда по имени и отчеству величаетъ— «не могу. Покинуть его пуще, чѣмъ съ свѣтомъ Божьимъ разстаться».—Того и гляди, прикатитъ сюда, на свое горе...

Ни жива, ни мертва, слушала Маріула. Что ей бы за нужда, еслибъ какой магометанскій любовникъ ея дочери имѣлъ нѣсколько женъ? она знала бы, что онъ любитъ болѣе всѣхъ Маріорицу; Маріорица ея была бы первая! Но въ Россіи, гдѣ двоеженство невозможно—ей это очень хорошо извѣстно — она исторіи не читывала, въ большомъ свѣтѣ не живала, въ Россіи любовь Маріорицы къ женатому должна погубить ее.—«Женатый?... не можетъ быть!» — думаетъ она,

все еще утѣшая себя надеждою. — «Какъ не узнать мнѣ было этого прежде, въ нѣсколько недѣль?... Онъ былъ женатъ на какой-нибудь Натальѣ Андреевнѣ, а теперь овдовѣлъ! Барская барыня выгнана изъ дому его и за то всячески ему мститъ».

Она остановилась, сдѣлала прыжокъ до барской барыни, вцѣпилась обѣими руками въ ея полушубокъ и, страшно выпучивъ на ея одинокій глазъ, произнесла осиплымъ голосомъ:

— Коли ты солгала?

Въ этомъ вопросѣ можно было прочесть: «не раздѣлаешься со мною тогда... я не оставлю тебя живую, я растерзаю тебя...»

Испуганная Подачкина не знала, что дѣлать, думала, что на цыганку нашло, и собиралась ужь вырваться отъ нея, оставя ей въ добычу и свой желтый съ выводами штофный полушубокъ, какъ на встрѣчу имъ слуга Перокина.

— Кстати, куманекъ, — сказала она, глубоко поклонившись ему, — не дѣлай меня лгуньей. Артемій Петровичъ Волынскій женатъ или нѣтъ? не овдовѣлъ ли, можетъ статься?

Въ это время Маріула сторожила своимъ одинокимъ глазомъ, всѣмъ существомъ своимъ, всѣми силами души, не мигнетъ ли барская барыня слугѣ Перокина, не сдѣлаетъ ли ему условнаго знака.

Слуга, понюхавъ табаку и флегматически обозрѣвъ съ ногъ до головы чету, такъ дружно сцѣпившуюся, отвѣчалъ:

— Кому лучше объ этомъ знать, какъ не вамъ, сударыня кумушка Акулина Саввишна? Вы, кажись, въ дому его превосходительства выросли, повивали его,

няньчили, на свадьбѣ его медъ кушали, у барыни при постели и въ чести были... Однакожъ, когда дѣло дошло до меня, видно, такъ сказать, дорогая кумушка, не для прочаго инаго, какъ для удостовѣренія этой госпожи цыганки, такъ и я не прочь. Законная супруга его превосходительства, Наталья Андреевна, сестрица моему барину, а баринъ отъ нея только-что письмецо получилъ, что она препожалуетъ на дняхъ сюда. И по этому-то хоботу, видно, она здравствуетъ.

Несчастная мать не могла болѣе выдержать; она начала рвать на себѣ одежду, и бросилась бѣжать. Только по дорогѣ сыпались отъ нея несвязныя слова:

— А! а!... вотъ каково!... Непотребная! злодѣйка!.. торговать своею... Женатый!... гуляка!... Господи! не попусти злодѣя!...

Еще видѣли барская барыня и слуга Перокина, какъ цыганка бросилась было назадъ къ нимъ, остановилась, помахала, какъ сумасшедшая, руками, опять побѣжала опрометью въ ту сторону, гдѣ находился домъ Волынскаго, и наконецъ скрылась изъ виду.

— Что за притча!—сказалъ слуга, понюхавъ флегматически табаку; барская барыня не отвѣчала, и каждый, размѣнявшись поклонами, пошелъ своей дорогой.

Цыганка бѣжала, въ самомъ дѣлѣ, къ дому Волынскаго, пугая народъ своею отчаянною безобразною наружностью; наконецъ она остановилась немного, чтобы вздохнуть, потому что готова была упасть отъ усталости и горя

— Да что я за дура, взбѣленилась безъ толку? — говорила она сама себѣ, — еще не все пропало! еще время исправить бѣду!

Но лишь только она къ дому Волынскаго, сердце упало у ней въ груди. Вотъ она входитъ на лѣстницу, медленно, тяжело, какъ будто тащитъ за собою жерновъ. Докладываютъ объ ней кабинетъ-министру — велятъ ей подождать... Она слышитъ, что посылаютъ слугу въ гостиный дворъ; она видитъ, что слуга этотъ возвратился. Зовутъ ее въ кабинетъ.

Душа ея на волоскѣ держится еще въ тѣлѣ. Ее шатаетъ изъ стороны въ сторону; она хватается за стѣны, за двери, виснетъ на нихъ отъ изнеможенія...

— Сюда, сюда, Маріула,—кричитъ голосъ изъ кабинета,—прошу жаловать.

Входитъ...

Волынскій сидитъ въ креслахъ, и передъ нимъ на столѣ—богатая фата.

Бѣдная, несчастная мать! Она хотѣла говорить и—зарыдала.

— Что съ тобой? что съ тобой? — спрашивалъ ее озабоченный Волынскій,—кто тебя обидѣлъ?

Маріула покачала головой съ видомъ жестокаго упрека.

— Что со мною?... Гдѣ твоя честь, гдѣ твоя совѣсть, говори, бояринъ русскій?... Есть ли въ тебѣ Богъ?

— Я обѣщалъ тебѣ фату за первый поцѣлуй...

— Береги ее мнѣ или себѣ на погребенье. Возьми и свои деньги — онѣ жгутъ меня, онѣ скребутъ мнѣ душу.

Она вынула изъ кармана золото, которое далъ ей Волынскій въ разное время, показала ему одинъ червонецъ—«видишь, на каждомъ изъ нихъ діавольская

рожа съ когтями...» — сказала она, и бросила ихъ на полъ.

— Ты съ ума сошла, Маріула?

— Пусть буду я по-твоему глупая, безумная цыганка; но ты, бояринъ русскій, гдѣ твоя совѣсть, гдѣ твой Богъ, спрашиваю опять?... Что обѣщалъ ты мнѣ, когда вздумалъ обольстить бѣдную, невинную дѣвушку; когда моими погаными руками доставалъ это сокровище? Не обѣщалъ ли ты на ней жениться? Кого бралъ тогда въ свидѣтели?.. Злой, безсовѣстный человѣкъ, безбожникъ! ты — женатъ; ты погубилъ беззащитную дѣвушку. Отдашь Богу отчетъ на страшномъ судѣ, а можетъ быть расплатишься и въ этой жизни!

Волынскій смутился отъ словъ обвинительницы своей, но старался, какъ могъ, сохранить наружное спокойствіе.

— Чтожъ тебѣ до того, что я женатъ? Вѣдь не ты моя любовница!

— Что мнѣ?... Не я любовница его?... Вотъ, что онъ теперь говоритъ!... Но если бы ты вѣдалъ, что я...

Она не договорила, не зная, что дѣлать, бросилась къ ногамъ Волынскаго, обвила ихъ своими руками, цѣловала ихъ, рыдала, молила его о чемъ-то безъ словъ. Но здѣсь силы вовсе оставили ее; она не могла выдержать страшной борьбы природы съ желаніемъ сохранить дочери ея почетное мѣсто въ свѣтѣ; она не смѣла назвать себя, цыганку, матерью княжны Лелемико... и, въ страшныхъ судорогахъ, распростерлась у ногъ Волынскаго.

Долго въ ней не было никакихъ знаковъ жизни. Ей дана была всякая возможная помощь; ее привели въ себя и отвезли бережно на постоялые дворы, на-

казавъ, кому нужно было, съ прибавкою того, что лучше всякихъ наказовъ—денегъ, чтобы за нею ухаживали, чтобы ей ни въ чемъ не было недостатка. Но что вознаградитъ ей счастіе дочери? Не могъ Волынскій объяснить себѣ причину такой сильной любви цыганки къ княжнѣ Лелемико; припоминалъ себѣ ихъ чудное сходство, и колебался въ какомъ-то грустномъ подозрѣніи. Съ этого времени угрызенія совѣсти начали терзать его, тѣмъ болѣе, что онъ убѣжденъ былъ въ истинной къ нему страсти Маріорицы. Нерѣдко гремѣли ему вслухъ слова: «безбожникъ! ты женатъ—и погубилъ невинную дѣвушку; отдашь отчетъ Господу на страшномъ судѣ». Онъ слышалъ нерѣдко во снѣ рыданія цыганки, чувствовалъ, какъ она крѣпко обвивала его ноги своими руками, какъ цѣловала ихъ, какъ ему тяжело было отъ нихъ освободиться...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЗСКАЗЪ ЦЫГАНКИ

Угадываю любопытство многихъ моихъ читателей не о яблокѣ познанія добра и зла, но о яблокѣ родословномъ, именемъ Минны украшенномъ — и спѣшу удовлетворить его.

Марлинскій.

По нѣскольку дней сряду несчастная Маріула искала добраться до княжны Лелемико: ни разу ее не допустили. Въ разное время дня, даже по ночамъ, въ жестокій морозъ, становилась она на стражѣ противъ дворца и выжидала, не проѣдетъ ли милое, безцѣнное для нея существо, не взглянетъ ли хоть сквозь окно, почуявъ сердцемъ свою мать. Но о княжнѣ Лелемико долго не было слова. Наконецъ цыганка узнала, что она была очень нездорова, но что теперь ей лучше и она въ прежней милости у государыни. Это нѣсколько успокоило бѣдную мать.

Между тѣмъ, въ ожиданіи свадьбы Кульковскаго, на которой и цыгане должны были дѣйствовать въ числѣ 300 разноплеменныхъ гостей (надобно пояснить

себѣ, что происшествія, нами разсказанныя съ начала романа, случились въ теченіе двухъ, трехъ недѣль), товарищъ Маріулы коновалилъ, торговалъ лошадьми, вставлялъ имъ зубы, слѣпыхъ дѣлалъ зрячими, старыхъ молодыми и, гдѣ удавалось, не клалъ охулки на руку. Но посреди этихъ кровныхъ цыганскихъ занятій, которыхъ онъ не покинулъ бы, еслибъ имѣлъ кошелекъ и туже набитый, его кукона была постояннымъ предметомъ его заботъ. Когда Василій узналъ ея новое горе, которому помочь можно было одному Богу, онъ набралъ ей цѣлый коробъ надеждъ. «Почему бъ Волынскому не развестись съ женою, которую онъ не любитъ? Развѣ этого не водилось и на святой Руси? Наталья Андреевна хворала: кто знаетъ? она можетъ и умереть на счастіе Маріулы! Станется, что и государыня провѣдаетъ о проказахъ г-на Волынскаго и заставитъ его жениться на княжнѣ, которую бережетъ пуще своего глаза. А почему бы и Маріулѣ самой не найти случая, да подать государынѣ челобитную, что онъ, назвавшись холостымъ и обѣщавшись жениться на дѣвушкѣ, живущей подъ крыломъ самой матушки-царицы,—склонилъ бѣдную цыганку на сватовство и обманулъ всѣхъ.

— Не тужи, Маріуленька,—продолжалъ Василій,—назадъ не оглядывайся, прошлаго не воротишь; поищемъ лучше впереди: старую, брыкливую кобылу сбудемъ, огневого коня молодца добудемъ. А чтобъ знать, какъ дѣло повести вѣрнѣе, поразскажи-ка мнѣ «отъ сивки бурки, вѣщей каурки, какъ зачиналась бѣлокаменна Москва», то есть, какъ попала твоя дочка въ княжны.

Послѣ утѣшеній Василія отлегло нѣсколько отъ

сердца Маріулы; опять забилось это сердце надеждами, опять заструились онѣ, какъ новая жизнь, по всему существу ея. Цыганка лелѣетъ эти надежды, убираетъ, няньчитъ ихъ, какъ дитя любимыя свои куклы, и не можетъ отказать виновнику ихъ въ разсказѣ, котораго онъ желаетъ.

Комната, похожая на тюрьму, худо освѣщенная сальнымъ огаркомъ, почернѣлыя отъ сырости стѣны, двѣ нарты, одна противъ другой къ стѣнѣ расположенныя и служащія диваномъ и постелью, вотъ аудиторія цыганки. Осмотрѣвъ тщательно за дверью и увѣрясь, что никто ихъ не подслушиваетъ, начала она свое повѣствованіе.

«Знавалъ, Вася, ты меня молодою, пригожею, засталъ ты еще мою красоту въ Яссахъ; но ужь тогда много сбыло ея; горе сушитъ, а не краситъ. Посмотрѣлъ бы на меня, когда мнѣ не минуло еще 20 лѣтъ, въ годы моей Маріорицы! Цыганскіе таборы наперерывъ хотѣли меня съ отцомъ моимъ къ себѣ: тамъ, гдѣ я была, таборы мурашились гостями; за мои пѣсни, а пуще за взглядъ мой, платили щедро. Таскались мы много по Россіи, Польшѣ и турецкимъ землямъ, и вездѣ знавали меня подъ именемъ «красотки», и вездѣ сулили нашимъ старухамъ горсти золота, лишь бы меня сманить въ западню. Но чего не могли денежки, то сдѣлалъ колдунъ—черный огневой глазъ молдаванскаго князя Лелемико. Онъ былъ молодъ, пригожъ, сладкими рѣчами оступилъ мою душу, какъ тенетами, и вывелъ меня изъ ума. Я полюбила его. Онъ дарилъ меня деньгами, нарядами,—я не брала денегъ; мнѣ надобна была только его любовь; я наряжалась только для него. Въ таборѣ, подъ кибиткою, родила я дочку.

Пеленками изъ лоскутовъ, которые собрала потихоньку отъ добрыхъ людей, я прикрыла наготу ея. Отецъ мой бранилъ меня, проклиналъ, билъ и требовалъ денегъ. Я побрела къ князю и принесла отъ него золото для отца и крещеное дитя. Крестъ, благословеніе отцовское,—съ надписью ножичкомъ дня и года когда родилась, и чего-то еще,—носитъ и теперь моя бывшая Маріуленька. Не въ долгомъ времени старушка-княгиня довѣдалась, что у сына есть любовница изъ цыганъ, и заставила его жениться на богатой и знатной дѣвицѣ. Разставаясь онъ смочилъ мою грудь слезами; я горько плакала, думала, что не переживу этой разлуки; но, взглянувъ на мою Маріуленьку, прижавъ ее, тепленькую, хорошенькую, у груди моей, утѣшилась. Съ этого времени она стала для меня весь Божій міръ, и отецъ, и полюбовникъ, и все родное; въ ея глазкахъ свѣтили мнѣ мое солнце и звѣзды ясныя и каменья самоцвѣтные, на устахъ ея цвѣли мои цвѣты махровые; здоровье ея былъ мой самый дорогой таланъ, жизнью ея я жива была. Знать, родилась я какимъ-то уродомъ. Господь создалъ меня только доброй маткой; я была негодная дочь, можетъ статься была бы и худой женой. Маріуленька ни въ чемъ не нуждалась: при разставаніи князь одарилъ меня серебромъ и златомъ. Она росла въ довольствѣ, въ холѣ, въ нѣгѣ; я убаюкивала ее пѣснями, пригодными и для царскихъ дѣтокъ. Не только я и отецъ, но весь таборъ любилъ ее и баловалъ. Я звала ее своею княжной, и за мною всѣ ее такъ называли. Да у меня въ умѣ, въ разумѣ только и вертѣлось, что она не иное что будетъ, какъ княжна, господарша, а можетъ статься и султанша. Кто бы поспорилъ со мною, тому вырвала

бы глаза. Содержала я таборъ и дѣлала ему разныя милости отъ имени моей Маріуленьки, и потому приказала величать ее своею господаршей. Дорогой взвидѣла ли моя Маріуленька пригожій цвѣтокъ на лугу и манила его къ себѣ ручками—стой таборъ за цвѣткомъ; приглянулся ли ей мотылекъ,—и всѣ мальчики и дѣвочки, словно ея придворные, бросались ловить мотылька. А когда мы подъ шатромъ небеснымъ раскидывали свой шатеръ, надобно было видѣть, какъ обступали ее малые и большіе слуги ея, какъ напере рывъ одинъ передъ другимъ старались ее утѣшить. И какъ она была хороша, вельможна, на своей бѣленькой, пуховой подушкѣ, въ цвѣтномъ нарядѣ, въ золотѣ, въ фольгѣ, въ лентахъ, среди запачканныхъ лохмотниковъ! Маріуленька бросала имъ изъ своихъ рученокъ хлѣбъ, сласти, а иногда и деньги. Маріуленька радовалась, и я была счастлива.»

Цыганка остановилась, какъ бы для того, чтобы забыться въ прошломъ: и теперь прежнее ея счастіе отсвѣчивалось въ ея одинокомъ, блестящемъ глазѣ, горѣло на щекѣ, дрожало въ ея словахъ. Насладившись прошедшимъ, она продолжала вздохнувъ:

«Но въ два года княжеской жизни мы разсыпали свои денежки по Украйнѣ и Россіи и воротились за денежками въ Яссы. Лелемико все еще любилъ меня, но я отказалась его любить — я боялась имѣть другое дитя, я боялась отдѣлить что-нибудь отъ Маріуленьки другому. Мнѣ казалось, что тогда убавится изъ ея счастія или будетъ несчастенъ другой ребенокъ мой. Лелемико не имѣлъ дѣтей отъ жены; лѣкаря говорили, что она никогда не родитъ; старушка-мать его умерла: онъ убѣждалъ меня отдать ему Маріуленьку,

клялся, что выведетъ ее непремѣнно въ княжны, укрѣпитъ за нею все свое имѣніе, а въ случаѣ, коли я не соглашусь, не дастъ мнѣ ни полрубія и пуститъ насъ таскаться по міру. Куда? Я сначала руками и ногами! Отдать Маріуленьку все равно, что отдать жизнь свою!... Но когда увидѣла дочку, милую, безцѣнную дочь, владычицу табора, княжну, въ старыхъ лоскутьяхъ, съ сухаремъ во рту; когда услышала, что ее въ таборѣ разжаловали изъ княженъ въ Маріулку, а потомъ въ лохмотницы, и цыганята начали дразнить ее языкомъ, у меня поворотилась вся внутренность. Лохмотья? по міру? насмѣшки, нужда? что ждетъ ее впереди?... Отъ этихъ мыслей голова у меня закружилась. Ночью, когда мое дитя, мое ненаглядное сокровище, спало,—облобызавъ ее съ ногъ до головы, обливъ ее слезами, я схватила ее съ люлькою, бросилась бѣжать изъ табора и, какъ сказано мнѣ было, подкинула ее въ люлькѣ, съ письмецомъ, въ цвѣтникъ, подъ окна княжескія. Нѣсколько разъ принималась я съ нею прощаться; то отойду шаговъ десятокъ, то назадъ ворочусь. Наконецъ, скрѣпя сердце, ушла отъ нея. Дорогой слышала ея плачь, хотѣла опять воротиться и.... не воротилась. По письму, по словамъ ребенка должно было счесть, что она изъ знатнаго рода, что ее утащили цыгане и они-жъ подбросили за неимѣніемъ чѣмъ содержать. Какъ разочли, такъ и случилось. Добрая княгиня уговорила мужа взять дитя, посланное самимъ Богомъ. Съ того времечка моя Маріуленька ужь Маріорица; дальше и дальше, ее убирали, воспитывали по-княжески и стали величать княжной Лелемикой. Сначала я много тосковала по ней, но когда услышала объ ея счастіи, забыла свое горе. Я жила въ Яссахъ на концѣ города;

закутавшись, видала иногда свою дочь въ прогулкахъ съ мамою, но никогда не смѣла показать свое лицо ни ей, ни слугамъ княжескимъ, потому что Маріорица и тогда была въ меня вся вылита. Сходство это однакожъ потѣшало меня.

«Разъ, это было въ самую полночь, просыпаюсь, будто кто меня ножемъ въ бокъ—открываю глаза: въ комнатѣ моей свѣтлехонько, словно среди бѣла дня. Бросаюсь съ постели къ окну—весь городъ теплится, огненные языки шевелятся ужь надъ кровлями. Боже! Маріорица! вскрикиваю я, и полунагая бросаюсь въ ту часть города, гдѣ она жила. Городъ кипитъ, какъ котелъ, трещатъ кровли, лопаются стекла, огонь бьетъ съ клубами дыма, кричитъ народъ, стучатъ въ набатъ, а у меня пуще въ сердце гудитъ одинъ голосъ, одинъ звукъ: спасай свою дочь! Почти безъ чувствъ прибѣгаю къ дому княжескому и прямо въ двери, охваченная полымемъ, цѣпляюсь по лѣстницамъ, черезъ сундуки,—вижу янычаръ окровавленными руками тащитъ дѣвочку.... Это она!... схватываю ее, изо всей силы толкаю янычара съ лѣстницы, черезъ него выношу Маріорицу, обвившую меня крѣпко рученками, на улицу и... что потомъ со мною случилось, ничего не помню. Знаю только, что я долго очень хворала. Первое мое слово, какъ скоро могла я только зубы разнять, было о княжнѣ Лелемико. Никто не зналъ, куда она дѣвалась. Воспитатель ея сгорѣлъ, жена умерла отъ испуга... Отъ этихъ вѣстей я только-что съ ума не сошла. Спрашиваю о ней встрѣчнаго и поперечнаго; бѣгаю съ утра до ночи по пожарищу, ищу ее въ грудахъ пепла, въ камняхъ, въ обгорѣлыхъ бревнахъ; напослѣдокъ узнаю, что янычаръ продавалъ ее, мое дитя,

на торгу, что родные князя Лелемико заплатили янычару большія деньги, лишь бы увелъ ее подальше. Онъ такъ и сдѣлалъ. Я бѣжала по слѣдамъ его день и ночь, и нагнала въ Хотинѣ. Тутъ украла я Маріорицу, уговорившись напередъ съ нею—она ужь была дѣвочка лѣтъ десяти и смышлена, какъ взрослая, намъ помогала и хозяйка дома, гдѣ квартировалъ янычаръ; я заплатила ей все, что имѣла на себѣ. Не зная однакожъ куда дѣваться съ Маріорицей и боясь, чтобы злодѣй не отнялъ ее и не отомстилъ мнѣ на ея головушкѣ, бросилась я тотчасъ къ хотинскому пашѣ и продала ему родную дочь свою съ тѣмъ, чтобы, когда она выростетъ, сдѣлалъ своею наложницей или подарилъ въ гаремъ султана. И тутъ сердце мое поднимало ее куда-нибудь повыше, да и повыше. Паша любилъ ее какъ родную дочь; у него ей было хорошо, словно въ раю магометовомъ. И тутъ не разъ видала я сквозь щелочку двери; не одинажды слушала, какъ она пѣвала. Пѣсни ея лились мнѣ въ душу такъ сладко, что я хотѣла бы умереть подъ нихъ. И между тѣмъ дочь не знала, что мать ея такъ близко, что ихъ разлучаетъ одна доска. Что я говорю? одна доска! Насъ, какъ и теперь, многое, очень многое разлучало.... Паша состарѣлся, тутъ пришло ему на мысль подарить Маріорицу султану, потому что онъ такой красотки еще не видывалъ; но русскіе пришли въ Хотинъ: моя Маріорица взята въ плѣнъ, отослана въ Питеръ. И я сюда за ней, вездѣ за ней! Гдѣ она, тутъ положу свои косточки; умру, такъ душка моя станетъ надъ ней носиться. И дочь не узнаетъ, что я для нея дѣлала; помянетъ въ сердцѣ имена чужихъ, но никогда не помянетъ своей матери....»

Разсказчица утерла слезы, бѣжавшія изъ одинокаго ея глаза; толстый цыганъ кряхтѣлъ и отвернулся, чтобы не показать на лицѣ своемъ слезъ, измѣнявшихъ его обыкновенной флегмѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗСТРОЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ

Не далѣе, а назадъ, баронъ! мы словно пилигримы по обѣщанію, ступаемъ три шага впередъ, а два обратно.

Марлинскій.

Поутру была оттепель, отчего пострадалъ было нѣсколько «Ледяной домъ»; но къ вечеру погода разыгралась, какъ въ веселый часъ расшучивается злой и сильный человѣкъ — то щелкала по носу градиной, то рѣзала лицо вѣтромъ, то хлопками слѣпила очи. Наконецъ нити снѣга зачастили, словно мотки у проворной мотальщицы на воробѣ, сновались между небомъ и землей будто внизъ и вверхъ, такъ что въ глазахъ рябило и всѣ предметы казались пляшущими; около заборовъ вихорь крутилъ снѣгъ винтомъ и навѣвалъ сугробы; метель скребла окошки, вѣтеръ жалобно укалъ, будто просился въ домы; флюгера на домахъ кричали. Однимъ словомъ, въ природѣ господствовала чепуха, настоящее смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ. Мудрено-ли, что при такой жуткой погодѣ, соединившейся съ темнотою вечера и страхомъ бироновскихъ временъ, ни одинъ житель Петербурга не смѣлъ высунуть носа на дворъ.

Ни одинъ житель,—сказали мы?—Однакожъ неподалеку отъ конюшенъ герцогскихъ, между ними и домомъ тайнаго совѣтника Щурхова, въ развалины горѣлаго дома вошли съ разныхъ сторонъ два человѣка. Одинъ, казалось, пришелъ изъ царства лилипутовъ, другой изъ страны великановъ. Оба тихонько кашлянули по два раза и, по этому условному знаку, сошлись за средней стѣной у трубы; они едва не соприкасались брюхомъ одного съ носомъ другого, а еще искали другъ друга. Наконецъ большой ощупалъ голову маленькаго, нагнулся, пожалъ ему руку и, вздохнувъ, спросилъ:

— Что, другъ?

— Мы точно играемъ въ шахматы,—сказалъ другой, отвѣчая такимъ же вздохомъ и поднявъ свою руку выше своего носа для пожатія руки великана: — ступаемъ шагъ, два впередъ, и опять назадъ; вотъ ужь почти въ доведяхъ, погорячимся, и все испортимъ—стоимъ на томъ же мѣстѣ, откуда начали, и едва-ли не на шахъ и матѣ.

— О! дѣло еще не совсѣмъ испорчено,—возразилъ длинный.—Правда, онъ своею горячностью выбиваетъ изъ рукъ нашихъ орудія, которыми очищаемъ ему дорогу къ цѣли его и нашей; досаждаетъ, бѣситъ, а все-таки отстать отъ него не можешь, и все за благородство его!

— Благородный, но сумасшедшій человѣкъ!—сказалъ маленькій съ сердцемъ.—Я готовъ былъ отступиться отъ него, еслибъ...

— Еслибъ не любилъ его такъ много, не правда-ли? Жалѣю его и не менѣе тебя его люблю. Кабы не проклятая страсть его къ княжнѣ, не проклятый вечеръ, мы скоро одержали бы верхъ!

— Знаетъ-ли государыня?

— Нѣтъ еще. Изъ исторіи этого вечера ничего не выходило наружу, какъ будто ее и не бывало. Герцогъ отдалъ строжайшій приказъ не произносить о немъ словечка: кто видѣлъ, слышалъ, долженъ былъ не видать и не слыхать. Онъ бережетъ золотое обвиненіе на важный случай. Къ тому-жъ я связалъ временщику руки, готовыя поднять сѣкиру: я надулъ ему въ уши, чрезъ кого надо, что въ Петербургѣ на мази, именно противъ него, возмущеніе за разстриженіе монаховъ и монахинь [1]), сюда привезенныхъ. Въ тотъ же роковой вечеръ, пришедши домой, получилъ онъ извѣстіе, что побѣги цѣлыхъ селеній за-границу, по случаю его жестокостей, повторяются. Его злому духу дана работка; надо заняться ему раздѣлкою съ этими вѣстями, такъ чтобы онѣ дошли до государыни. А покуда — протаптываю себѣ слѣдокъ до нея самой: нынѣ ходилъ я ужь къ ней съ докладомъ, и она изволила милостиво разспрашивать меня о разныхъ вещахъ. Дай-ка укрѣпиться въ этой милости, перехитрить архиплутовъ, и тогда пущу такой докладъ, что отъ него будетъ имъ жарко какъ въ пеклѣ!

— Что съ княжной?

— Сдѣлалась было нездорова, вѣрно отъ мысли, что государыня, весь дворъ, знаютъ о тайномъ посѣщеніи, что городъ объ этомъ говоритъ. Видно, ни воспитаніе гаремное, ни соблазнъ примѣровъ и вѣка, ни самая страсть не могутъ задушить въ женщинѣ стыдъ, когда эта женщина не погрязла еще въ порокѣ. Скоро, одна-

[1]) Вслѣдствіе подтвержденія указа Петра I-го, отъ 28-го января 1723 года.

кожъ, ободрили ее ласки государыни, навѣстившей ее на другой же день, глубокое молчаніе на счетъ непріятнаго вечера, вокругъ нея прежнее вниманіе и уваженіе придворныхъ; но, думаю, болѣе всего повѣяли на нее здоровьемъ добрыя вѣсти о Волынскомъ. Тебѣ извѣстно, что государыня звала его къ себѣ. Думали всѣ, что за факелы ему порядочно достанется: ты слышалъ, однакожъ, какъ его приняли?

— Разсказывалъ онъ мнѣ самъ, что она при входѣ его изволила на него милостиво погрозиться, потомъ дала ему поцѣловать свою руку и сказала:

«Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ».—Думаю, что въ этихъ словахъ заключаются не одни факелы, но и ледяная статуя. Она подозрѣваетъ въ этой куколкѣ что-нибудь худое для своего любимца и забвеніемъ прошедшаго хочетъ сблизить соперниковъ.

— Напротивъ, отъ этихъ милостей у нашего курляндца руки сильнѣе чешутся на заплечный ударъ.

Въ это время частый снѣгъ съ вьюгою такъ налегли на плащъ маленькаго, что ему тяжело было стоять подъ нимъ, какъ подъ свинцовой епанчой.

— Освободи изъ подъ снѣгу, другъ,—сказалъ онъ, съ трудомъ произнося слова и двигаясь, — боюсь, что насъ скоро занесетъ.

— Покуда одного тебя,—отвѣчалъ длинный, усмѣхаясь и выковыривая маленькаго пріятеля изъ снѣжной скорлупы.

— Знаешь-ли, однакож, какъ это освѣжило мое воображеніе? Прекрасная, счастливая мысль.

— Любопытенъ слушать.

— Мнѣ пришла фантазія продолжать то, что враги

моего благопріятеля такъ искусно начали, именно помогать любовникамъ.

— Помогать? ты съ ума сходишь!

— Скажи лучше, нашелъ золотой рудникъ ума. Да, да, таки помогать! Прежде бился я изо всей мочи, растратилъ всѣ сильнѣйшіе доводы моего краснорѣчія, чтобы отвесть Артемія Петровича отъ пагубной страсти и навесть на путь разсудка; теперь буду способствовать ей всѣми силами, точно такъ, какъ дѣлалъ Бирономъ. Ненадежны, думаю, цѣпи, которыми прикованъ нашъ патронъ къ молдаванкѣ—онѣ чувственныя; но изъ любви Маріорицы къ нему чего нельзя выковать! О! я изъ этой любви построю лѣстницу хоть на небо, не только до государыни.

Въ голосѣ малютки дрожало вдохновеніе.

— Бѣдное твореніе!—произнесъ вздыхая длинный.— Чего изъ тебя не дѣлаютъ? Обманываютъ, развращаютъ, губятъ; двѣ противныя партіи употребляютъ, какъ средство, каждая для своей пользы, пускаютъ тебя, какъ монету, ходячую въ двухъ непріятельскихъ царствахъ, чтобы подкупить успѣхъ на свою сторону. Такъ прекрасно создана и на какой удѣлъ!... Роскошнѣйшій цвѣтокъ природы, которымъ надо бы только любоваться, какъ безжалостно исщипанъ руками враговъ, чтобы достать въ немъ яду одному на другого!... Нѣтъ, другъ, не знаю еще совершенно твоихъ видовъ, но если они низки, предоставимъ ихъ низкимъ людямъ.

— Не осуждай, не изслѣдовавъ — законъ правды, которыи ты забылъ! Вспомни, что мы дѣйствуемъ не только для блага одного человѣка, но для блага цѣлаго народа. Это одно. Отъ другого довода твои аргументы разлетятся въ пухъ, какъ разсыпались они въ головѣ

моей, когда дала ей работу совѣсть. Княжна погибла рѣшительно въ первую минуту, какъ полюбила Волынскаго: пожалѣть ее можно, спасти нельзя, развѣ самъ Богъ придетъ къ ней на помощь!... Я отгадалъ это существо, лишь только прочелъ ея первое письмо, лишь только увидѣлъ ее. Если ей не суждено сжечь другого, ей суждено сгорѣть въ собственномъ огнѣ. Всѣ способности ея, всѣ силы жизненныя—въ сердцѣ; оно исполнено Волынскимъ, и какъ скоро Волынскаго не будетъ въ немъ, это значитъ, что она перестала жить. Любовь для нея — жизнь. А Волынскій любитъ, пока не обладаетъ предметомъ. Даю тебѣ размыслить о послѣдствіяхъ. И потому — вѣрный логическій выводъ— если мы не можемъ отвести отъ этого созданія возвышеннаго, прекраснаго—кто объ этомъ споритъ?—если мы не можемъ отвести отъ ея сердца неминуемаго, рокового удара, который судьба изловчила на нее съ такою злобой; то воспользоваться ея страстью для исполненія благороднаго подвига ничуть не низко и не грѣшно.

— Тсъ!... слышенъ человѣческій голосъ...

Совѣщатели стали прислушиваться съ страшнымъ замираніемъ сердца.

— Ничего,—сказалъ маленькій,—видно вѣтеръ завываетъ!

— Ничего?... ради Бога, молчи!

Въ самомъ дѣлѣ, начали вскорѣ долетать до нихъ отрывки разговора:—«Сюда... слѣдъ... пропалъ... ты?... Какъ же!... не въ первой... опять слѣдъ. Сюда, сюда, тѣ обошли... не ускользнутъ!»

Послѣднія слова явственно отпечатались въ слухѣ

нашихъ пріятелей; сквозь разсѣлину стѣны замѣтили они ужь и свѣтъ.

— Это голосъ моего дяди, — сказалъ длинный! — насъ обошли! мы пропали!

— Что дѣлать? Нырнуть туда-ль, сюда-ли, попадешь имъ на встрѣчу. Кабы можно было вскарабкаться на окно, я шмыгнулъ бы въ садъ Щурхова.

— Убьешься.

— Лучше, чѣмъ попасть имъ въ руки. Но ты?

— Я отдѣлаюсь съ Божьей помощью! Скорѣй же взлѣзай мнѣ на плеча, голову, на что попало, и маршъ!

Длинный говорилъ, а маленькій ужь исполнялъ. Онъ ужь на рукахъ, плечѣ, головѣ длиннаго, ужь на стѣнѣ, проворно взбирается, какъ кошка, выше и выше, цѣпляясь за что попало, за уцѣлѣвшіе карнизы, поросшіе въ разсѣлинахъ отпрыски деревъ, выбитые кирпичи... Свѣтъ виднѣе и виднѣе... Окно близехонько, но бѣда! желѣзный костыль впился въ мантію ученаго малютки. Тащить ее, драть изо-всей его мочи—не помогаетъ! Освободить руку изъ плаща — неминуемо упадешь. Онъ виснетъ на стѣнѣ, какъ летучая мышь, съ распростертымъ крыломъ... его бросаетъ въ холодный потъ... нѣтъ спасенія! гибель за плечами.

Отдѣленіе опальнаго дома, гдѣ находились пріятели, освѣтилось вдругъ фонаремъ, и сквозь серебряную пыль падавшаго снѣга озарились вполнѣ жалкая, расплетенная фигуры Зуды и вытянутая изъ плечъ голова Липмана, съ ея полудюскомъ рыжихъ космъ, разбѣжавшихся золотыми лучами изъ-подъ чернаго соболя шапки, съ раскрытою пастью, съ дозорными очами, какъ-бы готовыми схватить и пожрать свою жертву, и, наконецъ, сердитое лицо долговязаго, тщедушнаго Эйхлера

съ его бекасинымъ носомъ. Стѣны, какъ чертогъ Феи, заблистали алмазною корою. На этой чудной сценѣ, передъ Липманомъ, державшимъ фонарь, выкроилась какая-то разбойничья образина съ палашемъ на голо, а за нимъ мужичекъ съ длиннымъ багромъ, вѣроятно, чтобы острожить, гдѣ нужно было-бъ, двуногую рыбу, или спустить ее въ одинъ изъ безконечныхъ невскихъ садковъ.

— Это.... вы...а племянничекъ? — спросилъ Липманъ, на котораго нашелъ было столбнякъ.

— Видите, что я,—отвѣчалъ съ сердцемъ кабинетъ-секретарь, бросился къ дядѣ, вырвалъ фонарь изъ рукъ, дунулъ—и въ одно мгновеніе исчезъ алмазный Феинъ дворецъ и стерлись всѣ лица со сцены.

— Еще хотите-ли слышать? Это я, дядюшка! Но зачѣмъ,—продолжалъ онъ ему на ухо,—приходите вы, съ вашимъ безтолковымъ подозрѣніемъ, портить лучшее мое дѣло?

— Что это?... господинъ Эйхлеръ!... Я ничего не понимаю; я не образумлюсь еще.

— А вотъ сейчасъ поймете.

Тутъ Эйхлеръ бросился къ мужику, державшему багоръ, вырвалъ его, подбѣжалъ къ стѣнѣ, къ которой пригвожденъ былъ несчастный Зуда, пошмыгалъ багромъ, гдѣ попало, можетъ статься по головѣ—малютка освободился отъ удавки своей—одно усиліе, разъ, два ручонками по стѣнѣ, и онъ на окошкѣ, кувыркъ вверхъ ногами и бухъ — прямо въ садъ Щурхова. Слышно было, что-то упало, и болѣе ничего.

Живой-ли упалъ, разбился-ли, или задохся въ снѣжномъ сугробѣ, Богъ знаетъ.

— Что это упало?—спросилъ Липманъ недовѣрчиво.

— Развѣ вы не слышите, что человѣкъ?—отвѣчалъ племянникъ; потомъ, сунувъ ощупью багоръ мужику, подошелъ къ дядѣ и продолжалъ, опустивъ голосъ:— Издохнетъ, такъ не бѣда! По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все, что нужно въ моихъ критическихъ обстоятельствахъ. Пойдемте, любезный дядюшка, я разскажу вамъ все дорогой. Ваши сподвижники могутъ услышать, за стѣной—тоже... и тогда не пѣняйте на себя, если испортите все дѣло нашего покровителя и отца.

Сдѣлали кличъ командѣ оберъ-гофкоммисара, велѣли ей идти цѣпью, одному въ нѣсколькихъ шагахъ отъ другого, чтобы не сбиться съ дороги и не попасть въ Фонтанку, и въ такомъ густомъ порядкѣ двинулись къ квартирѣ Липмана, на берегъ Невы. Выбираясь изъ развалинъ, не разъ падали на груды камня.

— Ахъ! дядюшка, дядюшка,—сказалъ Эйхлеръ тронутымъ голосомъ, ведя Липмана подъ руку,—послѣ великихъ жертвъ, послѣ неусыпныхъ трудовъ, въ которыхъ я потерялъ здоровье и спокойствіе, послѣ утонченныхъ и небезуспѣшныхъ стараній скрыть вашу безграмотность отъ герцога и государыни, которой еще нынѣ представилъ отчетъ, будто сочиненный и написанный вами,—послѣ всего этого вы приходите подглядывать за мною... И не давъ отвѣчать дядѣ, продолжалъ:—Знаете-ли, кто былъ со мной

— Нѣтъ!

— Зуда.

— Зуда? Давно-ли, какія у васъ съ нимъ связи?

— Я вижусь здѣсь съ нимъ ужь въ третій разъ.

— Такъ, почти такъ! Мои вѣрные помощники донесли мнѣ только сейчасъ, что во второй разъ сходятся здѣсь два человѣка, и потому я... пришелъ..

никакъ не полагая васъ найти... Для чего не предупредили вы меня?

— Потому что боялся дать вамъ въ руки шнуръ моихъ замысловъ, не скрѣпивъ ихъ мертвымъ узломъ. Но, повѣрьте, штука будетъ чудная, неоцѣненная!... Я не посрамлю ни васъ, ни себя; и если за нее не обниметъ меня герцогъ, такъ я послѣ этого жить не хочу. Хитреца моего я довелъ до того, что онъ ужь и палецъ кладетъ мнѣ въ ротъ... ха, ха, ха! Слышите? въ саду Щурхова залились ужасныя его собаки. А знаете-ли вы, что каждая ходитъ на медвѣдя?... Жаль, если лукавецъ попадетъ на зубокъ ихъ прежде моего! Нѣтъ, милостивецъ мой, я всего тебя скушаю и съ твоимъ буяномъ, Волынскимъ. На мѣсто его махну въ кабинетъ-министры, или я не Эйхлеръ, недостоинъ милостей, которыя вы мнѣ готовите—я просто ротозѣй, ворона, гожусь въ одни трубочисты. Только прошу васъ, умоляю именемъ его свѣтлости не мѣшать мнѣ... если я испорчу дѣло, ведите меня прямо, своими руками, на висѣлицу, на плаху, куда вамъ угодно.

Эйхлеръ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такимъ жаромъ злодѣйскаго восторга, такъ живо описалъ свои планы, что у старика отошло сердце, какъ отъ вешняго луча солнца отходитъ гадъ, замиравшій въ зиму; огромныя уши зашевелились подъ-ладъ сердца, словно мѣдныя тарелки въ рукахъ музыканта, готоваго пріударить ими подъ тактъ торжественной музыки. Пожавъ руку племяннику, Липманъ произнесъ съ чувствомъ тигрицы, разнѣжившейся отъ ласкъ своего дѣтенка:

— Ни слова болѣе, мой дорогой, ни слова болѣе! Подозрѣвать васъ,—все равно, что подозрѣвать себя.

Вы одна моя радость, моя утѣха на старости; вами я не умру, потому что я весь въ васъ. Кабы я зналъ... охъ, охъ! кто безъ ошибокъ?... не привелъ бы сюда этихъ глупцовъ, не подставилъ бы ушей для ихъ басенъ, которыя тянутъ ихъ теперь, будто пудовыя сережки.—Эй! слушайте! — вскричалъ Липманъ своей командѣ,—если одинъ изъ васъ пикнетъ, что я нашелъ племянника въ этихъ дьявольскихъ развалинахъ, то видите... (онъ указалъ на Неву) въ куль—да въ воду!

Съ окончаніемъ этого приказа, дядя и племянникъ очутились на крыльцѣ своей квартиры.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБЕЗЬЯНА ГЕРЦОГОВА

Комаръ съ дубу свалйся,
Великій шумъ учинился.
Старинная русская пѣсня.

Въ длинной залѣ, подернутой слегка заревомъ отъ затопленой въ концѣ ея печи, противъ устья этой печи, стоитъ высокій мужчина пожилыхъ лѣтъ, опираясь на кочергу. Одежда его—красный шелковый колпакъ на головѣ, фуфайка изъ синеполосатаго тика, шелковое исподнее платье розоваго цвѣта съ разстегнутыми пряжками и висячими ушами, маленькій бѣлый фартукъ, синеполосатые шелковые чулки, опущенные до икры и убѣжавшіе въ зеленыя туфли. Взглянувъ на него, не можешь не смѣяться. Но, прочтя на лицѣ чудака, правильномъ, какъ антикъ, безмятежную совѣсть и добродушіе, иронія, готовая выразиться, скрывается внутри сердца. По улыбкѣ его можно прозакладывать сто противъ одного, что въ этого старца поселилась душа младенца. То стоитъ онъ въ свѣтлой задумчивости, облокотясь на ручку кочерги, то этой кочергой

усердно мѣшаетъ уголья въ печи, то кивaетъ дружески четыремъ польскимъ собачкамъ одной масти, вокругъ него расположеннымъ и единственнымъ его товарищамъ. Ласки свои этимъ животнымъ онъ равно на нихъ дѣлитъ, боясь возбудить въ одномъ зависть и огорчить которое-нибудь, — такъ добръ этотъ чудакъ! Вокругъ него совершенная пустыня. Но когда расшевеленные имъ уголья ярко вспыхиваютъ, уединеніе его вдругъ населяется: князья, цари и царицы, въ церемоніальномъ облаченіи и богатыхъ шапкахъ, становятся на стражѣ вдоль стѣнъ, или выглядываютъ изъ своихъ желтыхъ, смиренныхъ рамъ, будто изъ оконъ своихъ хороминъ. Съѣсть хотятъ васъ очи Іоанна Грознаго, и черная борода его, кажется, шевелится вмѣстѣ съ устами, готовыми произнести слово: «казнь!» Ослѣпленъ и истыканъ судомъ домашнимъ бѣдный Годуновъ, котораго благодѣянія народу, множество умныхъ и славныхъ подвиговъ не могли спасти отъ ненависти потомства за одно кровавое дѣло (и маляръ, какъ членъ народа, какъ судья прошедшаго, взялъ *свое* надъ великимъ правителемъ, пустивъ его къ потомству съ чертами разбойника). Геніи-утѣшители являются гурьбою, ибо на нихъ не было недостатка въ жизни русскаго народа; но всѣхъ заслоняетъ своимъ величіемъ Петръ, котораго одного народу достаточно, чтобы русскому произносить имя свое съ гордостью. И въ это время, когда толпа гостей обступаетъ чудака, онъ посреди ихъ, съ кочергою, окруженный сіяніемъ, кажется волшебникомъ со всемогущимъ жезломъ, вызывающимъ тѣни умершихъ, и кисточка на красномъ колпакѣ его горитъ, какъ звѣзда кровавая. Но вдругъ исчезаютъ знатные пришельцы съ того свѣта, и зала попреж-

нему уединена и темна. Чудакъ остается одинъ съ своими собачками и съ своими свѣтлыми думами.

Въ сосѣдней комнатѣ, вѣроятно въ прихожей, кто-то читаетъ по-складамъ духовную книгу. Сколько трудовъ стоитъ ему эта работа! Между тѣмъ въ звукахъ его голоса льется самодовольство: повторяя почти каждое выговоренное слово, онъ упитывается, наслаждается ими, будто самымъ вкуснымъ кускомъ, какой онъ только съѣлъ въ жизнь свою.

— Иванъ!—закричалъ чудакъ въ красномъ колпакѣ.

Глубокій вздохъ за дверью объяснилъ, что чтецъ съ прискорбіемъ оставляетъ душеспасительное чтеніе, затѣмъ выказалась въ залѣ благообразная фигура старика, одѣтаго чисто и прилично слугѣ знатнаго барина. Онъ сталъ, сложивъ пальцы обѣихъ рукъ вмѣстѣ на брюхѣ, довольно выпукломъ, и почтительно ожидалъ вопроса. Этотъ вопросъ не задержался.

— Что, выздоровѣлъ ли поваръ?

— Какой выздоровѣлъ, сударь? пьетъ опять мертвую чашу!

Чудакъ, въ которомъ мы признаемъ господина дома, казалось, оскорбился отвѣтомъ.

— У васъ все пьянъ да пьянъ! — сказалъ онъ.— Вѣрно боленъ! Напоить его мятой, малиной, чѣмъ-нибудь потогоннымъ.

Слуга покачалъ головой и съ сердцемъ возразилъ:

— Вы всѣхъ людей перебаловали, сударь. Изъ 50 душъ дворовыхъ у васъ некому платья вычистить, кушанье изготовить, берлину заложить.

— А ты, Иванъ?...

Въ голосѣ, которымъ этотъ вопросъ былъ сдѣланъ,

заключались слова: «ты, мой драгоцѣнный Иванъ, не замѣняешь ли мнѣ ихъ всѣхъ?»

Не было отвѣта. Слуга показывалъ сердитый видъ, какъ это дѣлаетъ любовница съ своимъ любовникомъ, желая передъ нимъ пококетничать, и молча шевелилъ пальцами по брюху. Баринъ продолжалъ развивать мысль свою:

— А ты? не готовилъ ли мнѣ кушанья въ походахъ, не ѣзжалъ ли со мною кучеромъ, не чистишь ли мнѣ платья?

— Радъ вамъ служить, пока силы есть; да какъ я захвораю!...

— Ну, ну, Леонтьевичъ, полно грусть на меня наводить.

Облако унынія пролетѣло на добродушномъ лицѣ чудака. Была святая минута молчанія. Побѣдивъ себя, онъ съ твердостью сказалъ:

— А развѣ у меня нѣтъ рукъ?

— Воля ваша, сударь, вамъ самимъ? холопскую работу?... это неслыханно!... Вѣдь вамъ *стыдно* будетъ своей братіи бояръ!

— Стыдно дѣлать безчестное дѣло, а не трудиться. Святые отцы сами работали въ потѣ лица.

Это возраженіе свалило бы съ ногъ всю стрѣлковую линію доводовъ, готовыхъ выступить противъ чудака; но Иванъ, погладивъ немногіе волосы, окаймившіе его лысую голову, поправился и отвѣчалъ:

— У святыхъ отцовъ не было на рукахъ 50 душъ служителей и нѣсколькихъ сотъ душъ крестьянъ, которыхъ Богъ и царь вамъ вручили, какъ дѣтей вашихъ. А дѣтки эти пустились въ худое, забыли васъ

и Господа... *Грѣшно* баловать ихъ! Охъ, охъ, сударь, право не худо и лозу, гдѣ не беретъ слово.

— Ну, полно, полно, Леонтьевичъ. Уложи свое сердце на псалтирѣ.

Леонтьевичъ удалился въ свою прихожую и снова принялся за чтеніе по складамъ, и господинъ его въ красномъ колпакѣ стоялъ опять съ особеннымъ удовольствіемъ мѣшать въ печи. Но слуга не успѣлъ еще вытянуть и одного стиха, какъ послышалось новое воззваніе:

— Иванъ!

Иванъ смиренно предсталъ опять въ залѣ, сложивъ персты и почтительно наклонясь.

— Далъ ли ты рублевикъ... ну, тому... что вчера приходилъ?

— Не далъ, сударь!

— Такъ отнеси или отошли завтра.

— Не отнесу и не отошлю, сударь!

— Когда я тебѣ приказываю!

— Вы приказываете недѣльное.

— Я такъ хочу.

— Не дамъ, сударь; онъ пьяница, снесетъ ваши деньги въ кабакъ. Бездѣлица!... рублевикъ!

— Не твои деньги!

— Знаю, ваши; да зачѣмъ отдали вы мнѣ казну на сбереженіе?

Минута гнѣвнаго молчанія. Но аргументы Ивана слишкомъ были сильны, чтобы ему противиться, и чудакъ въ красномъ колпакѣ, смиренно преклоня предъ нимъ оружіе своей логики, сказалъ самъ себѣ вслухъ:

— Гмъ! правда, правда, казна у него! Нечего дѣлать!

И Иванъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ заключеній, отошелъ въ свою келью.

Тутъ собаки начали сильно лаять; имъ отозвались четыре польскія собачки.

— Иванъ!

Бѣдный мученикъ не заставилъ себя ждать.

— Видно, забѣжала опять давишняя коза?

— Помилуйте, сударь, какая коза! Вѣдь давича было днемъ, а теперь ворота на засовѣ.

Дворовыя собаки бросились въ другую сторону и залились горячимъ лаемъ; четыре польскія собачки вторили имъ, хоть уши зажми.

— Ну это, сударь, не даромъ! — сказалъ Иванъ, качая головой, и бросился было на дворъ, какъ проворный мальчикъ.

На встрѣчу ему толпа челядинцевъ, разрумяненныхъ, съ мутными глазами, растрепанныхъ впухъ. Не скоро можно было добраться чрезъ нихъ до толку. У иныхъ языкъ худо двигался, у другихъ слишкомъ скоро, будто жерновъ, мололъ; говорили по нѣскольку вдругъ; у всѣхъ говорило вино. Такова была многочисленная дворня у тайнаго совѣтника Щурова, котораго видѣли мы въ красномъ колпакѣ. Примѣрной чести всегда и твердости душевной только тогда, когда его порядочно разогрѣвали въ дѣлѣ о благѣ общественномъ, умный и благородный вельможа, онъ былъ самый слабый господинъ. То не хотѣлъ огорчить крестника взысканіемъ, то кума, то сына, или племянника своего дядьки и заслуженнаго у отца его домочадца, а болѣе всего не хотѣлъ наказаніемъ ближняго возмутить душу свою. И потому Иванъ съ мужествомъ и терпѣніемъ геройскимъ и честностью нѣмецкою несъ весь домъ на себѣ,

какъ черепаха свою тяжелую, но неразлучную оболочку, съ которою разстается только вмѣстѣ съ жизнью. Онъ жаловался иногда на дармоѣдовъ, своихъ товарищей, и никогда на свою судьбу, тѣмъ менѣе на докучнаго господина. О! его-то онъ любилъ самою чистою безкорыстною любовью и преданъ былъ ему до конца своихъ ногтей и волосъ. Два слова: *«стыдно и грѣшно»*, слова эти были краеугольнымъ камнемъ всей морали Ивана и его господина.

Изъ окрошки вѣстей, которыми обдали Ивана, могъ онъ только разобрать, что обезьяна герцога курляндскаго, вѣроятно, сорвавшись съ цѣпочки, пробралась въ садъ его превосходительства, завязла было въ сугробѣ, но, услыхавъ погоню дворовыхъ собакъ, проворно взлѣзла на стѣну сосѣдняго дома и виснетъ теперь на ней, какъ кошка.

— Окаянная! такъ и щелкаетъ зубами, — сказалъ одинъ:—отъ холоду что-ли, или хочетъ кусаться, какъ баринъ ея?

— Лукава!—продолжалъ другой:—я было ее рычагомъ, а она заговорила по-человѣчьи.

— Сказываютъ, въ обезьянѣ бѣсъ сидитъ какъ въ змѣѣ: убить, такъ на томъ свѣтѣ сорокъ грѣховъ отпустится,—кричалъ третій.

— Убить! убить!—было единодушное воззваніе цѣлой вакхической когорты.

На шумъ дворни вошелъ Щурховъ въ переднюю. Узнавъ о чемъ дѣло шло, потребовалъ себѣ калмыцкій тулупъ и изъявилъ желаніе видѣть обезьяну герцога курляндскаго и, если можно, взять ее въ плѣнъ.

Война объявлена — не бездѣльная! — война партій. Щурховъ со своими домочадцами принадлежитъ партіи

Волынскаго, обезьяна — бироновской. Составилось въ одинъ мигъ грозное ополченіе. Ночь, непогода, духъ войска,—все благопріятствуетъ; самый лукавый изъ непріятелей обойденъ. Идутъ. Впереди Иванъ ведетъ колонну, освѣщая ей путь фонаремъ и остерегая ее отъ снѣжныхъ горъ и опасныхъ мѣстъ. Это Мюратъ войска. Хотя есть пословица, что на Иванѣ не далеко уѣдешь, однакожъ этотъ постоитъ за себя и своихъ; онъ вынесетъ ихъ къ славѣ. За нимъ самъ военачальникъ. Кисточка на красномъ колпакѣ — точка, около которой, въ случаѣ опасности, должны соединиться всѣ силы, побѣдить или пасть; это знамя партіи. Овчинный тулупъ его развѣвается, какъ тога; кочерга въ рукахъ—жезлъ маршальскій. Изъ воиновъ—кто несетъ метлу, кто половую щетку, кто ухватъ, полѣно или сковороду. Иванъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на послѣдняго, кажется, говоритъ: «не оружіе несешь ты на врага, но щитъ противъ стрѣлъ его!» Тотъ съ гнѣвомъ, разумѣется мысленно, отвѣчаетъ: «возвращусь съ щитомъ или на немъ!» Въ резервѣ огромная датская собака тащитъ за собою человѣкъ пять героевъ, пылающихъ огнемъ мужества.

У садовой калитки ополченіе сдѣлало привалъ; но, ревнуя скорѣе стяжать лавровый вѣнецъ, послѣ мгновеннаго отдыха двинулись впередъ къ мѣсту битвы съ возгласомъ:

— Плѣнъ, или смерть обезьянѣ герцога курляндскаго!

Но каково было общее изумленіе! Лишь только обезьяна при свѣтѣ фонаря увидѣла Щурхова, она жалобно возопила:

— Ваше превосходительство, спасите меня!

— А, лукавица!—закричали два, три голоса,—звѣрь, да знаетъ, кого просить о помилованіи. Убить ее!

— Убить ее!—повторили голоса. Одинъ готовился ужь пустить въ бѣдняжку смертоносное орудіе.

— Стойте!—вскричалъ отважно Щурховъ,—никто ни съ мѣста! Иванъ, и только одинъ Иванъ, со мною впередъ!

Войско опустило оружіе и стало, какъ вкопанное. Но общее изумленіе усилилось, когда обезьяна произнесла подошедшему близко подъ нея Щурхову:

— Сжальтесь надо мною, Андрей Ивановичъ, ради самого Бога! Я разбитъ, исцарапанъ, окостенѣлъ отъ холоду; едва душа держится въ тѣлѣ: спасите меня отъ вашихъ собакъ и людей, которые еще злѣе и безумнѣе ихъ!

— А, это вы, мой любезный Зуда? Какою судьбою?—вскричалъ Щурховъ, уронивъ кочергу изъ рукъ.—Иванъ! помоги.

Еще не успѣлъ онъ выговорить этого приказанія, какъ добрый служитель исполнялъ ужь его. Тулупы подосланы подъ то мѣсто, гдѣ висѣлъ, едва держась за камни, истерзанный Зуда, и секретарь кабинетъ-министра бросился съ своего левкадскаго утеса на подстилку, ему приготовленную. Въ этотъ разъ онъ бережно упалъ; но, ушибенный прежнимъ паденіемъ, напуганный собаками и людьми Щурхова и окоченѣлый отъ холода, не могъ двигаться. Самъ Щурховъ и Иванъ (прочіе герои этого вечера не въ силахъ были дѣйствовать) сдѣлали изъ своихъ рукъ носилки и такимъ образомъ отнесли малютку, обсыпаннаго снѣгомъ, будто обсахареннаго, въ домъ, гдѣ раздѣли его, уклали въ постель и гдѣ влили въ него цѣлый мѣдный чай-

никъ зеленаго чаю (самоваровъ тогда еще не было). У постели Зуды появилось новое лицо. Это былъ карла, не участвовавшій въ походѣ, но между тѣмъ наблюдавшій за нимъ издали.

Увѣдомили тотчасъ Волынскаго, что секретарь его ночуетъ у его пріятеля.

Да! я забылъ еще сказать, что слѣдствіемъ похода была потеря туфли: увѣренъ, что замѣчаніе пригодится для будущаго историка чудака въ красномъ колпакѣ и для оправданія моего на случай, еслибъ кто упрекнулъ меня въ исторической невѣрности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОБАКА-КОНЬ

Въ тогдашнее время, когда человѣкъ унижался до скота, и животныя, по какому-то сочувствію, исполняли низкія должности человѣка.

На другой день исцѣлившійся Зуда и добрый хозяинъ—одинъ въ халатѣ и колпакѣ, другой въ колпакѣ и синеполосатой фуфайкѣ—прохаживались по залѣ и разговаривали о предметѣ, для нихъ очень занимательномъ, именно о способахъ побороть ненавистнаго временщика. Иванъ, эффектно разложивъ на стульяхъ, будто въ магазинѣ, блестящую пару платья, парикъ и прочій снарядъ для великолѣпнаго выѣзда его превосходительства, нарушалъ повременамъ разговоръ убѣжденіями приняться за туалетъ. Онъ просилъ, докладывалъ, уговаривалъ, наконецъ сердился и грозилъ уйти доготавливать кушанье. Для Щурхова, привыкшаго къ свободѣ и нѣгѣ домашней одежды, этотъ вызовъ былъ всеравно, что предложеніе надѣть кандалы. Ему такъ хорошо въ красномъ колпакѣ и тиковой фуфайкѣ! А у него отнимаютъ счастіе беззаботности, домашней свободы, и хотятъ стянуть его въ латы пар-

чеваго кафтана, отягчить голову пукомъ чужихъ волосъ, какъ желѣзнымъ шишакомъ.

Пока въ немъ боролась лѣнь съ необходимостью, наѣхали друзья его и Волынскаго, Перокинъ и графъ Суминъ-Купшинъ, оба заклятые враги неправды и потому враги Бирона, оба неколебимые столбы отечества и трона. Они вѣрили, что тотъ дворянинъ почетнѣйшій, кто забываетъ себя для пользы общественной, кто не боится говорить правду передъ сильными земли за утѣсненныхъ и беззащитныхъ, и готовъ за эту правду положить свою голову. Увѣренность эту доказывали они не словами, а дѣломъ. И слово ихъ было все равно, что дѣло. Кривыхъ, темныхъ путей не избирали они для своихъ дѣйствій, даже противъ враговъ: въ обществахъ, въ сенатѣ, въ самомъ дворцѣ, передъ государынею, обличали они зло. Зато въ свѣтѣ пріобрѣли имя людей безпокойныхъ; сама государыня, хотя увѣрена была въ ихъ правотѣ и преданности къ себѣ, считала ихъ людьми докучными. Ни одинъ изъ нихъ не былъ лично обиженъ Биромъ, но оба мстили ему за кровное оскорбленіе отечества.

Зуда только-что увидалъ голову одного изъ гостей, убѣжалъ во всѣ лопатки.

— Готовъ-ли, братъ Андрей?—спросилъ Перокинъ, продирая свой тучный корпусъ сквозь открытую половину двери и высовывая въ залу огромную голову съ выпуклыми, львиными глазами: — ге, ге! да ты еще нѣжишься, какъ старая баба.

— Ты не царская постельная собачка, чтобъ себя такъ баловать,—прибавилъ сердито графъ Суминъ-Купшинъ, старичекъ, бѣлый, какъ лунь, сгорбившійся, какъ могильный сводъ и едва передвигавшійся съ помощью

огромной трости: — стыдно! Да, кажется, здѣсь былъ Зуда въ халатѣ, коли не обманываютъ меня глаза. Секретарь при тайномъ совѣтникѣ!... это еще невидаль на Руси! Охъ, охъ, Андрей Ивановичъ, перебалуешь ты все, что только около тебя повертится. Погоди, мы за тебя возьмемся порядкомъ.

Покраснѣвъ и смутясь, какъ дитя, застигнутое въ шалости своимъ наставникомъ, Щурховъ уже проворно одѣвался, и запинаясь, робко, съ умоляющимъ взоромъ, отвѣчалъ:

— Зуда боленъ, ушибся вчера... ну проворнѣе же, Иванъ!

И слуга, оторопѣвшій за-одно съ своимъ бариномъ, не замѣтилъ, какъ подалъ ему парикъ задомъ и покрылъ имъ лицо; но Щурховъ, не показывая ни малѣйшаго знака гнѣва, обратилъ парикъ назадъ и осмѣлился ужъ самъ спросить:

— Чтожъ нынѣ за необыкновенный день, что вы торопите?

— Да развѣ ты не знаешь? — Да развѣ ты не получалъ нашей записки? — спросили въ одно время Перокинъ и Купшинъ съ видомъ и голосомъ удивленія.

— Не знаю и не получалъ.

— Не можетъ статься! Иванъ, не было-ли посылки къ твоему барину?

Иванъ могъ бы сказать: «я чистилъ платье, лошадей, стряпалъ и прочее», но въ такомъ случаѣ онъ осуждалъ-бы своего господина, а это было-бы тяжелѣй для него, чѣмъ обвинить себя. Онъ отвѣчалъ только:

— Нѣтъ, сударь, не видалъ ничего. Развѣ спросить карлу!...

Позвали карлу Щурхова. Угрюмое лукавство ежилось на лицѣ его, сбористомъ и желтомъ, какъ старые алансовые манжеты.

— Лежитъ какая-то бумага въ передней,—проворчалъ онъ сердито, приводя въ движеніе отвислыя щеки, какъ брыли у собаки:—а какой бѣсъ принесъ ее, не вѣдаю, я спалъ на залавкѣ.

Вошелъ Зуда, прилично одѣтый, и какъ скоро узналъ о предметѣ разговора, бросился въ прихожую, гдѣ и сыскалъ бумагу. Щурховъ раскрылъ ее и началъ читать. Между тѣмъ Купшинъ замахнулся тростью на карлу и вскричалъ съ сердцемъ:

— О! еслибы я не боялся грѣха, придавилъ бы эту гадину въ образѣ бѣса. Вонъ, мерзавецъ, и въ кухню!

Жалобно зарюмилъ карла и, выходя изъ комнаты, сквозь слезы проклиналъ свое житье-бытье при такомъ негодномъ баринѣ, который позволяетъ чужимъ господамъ бранить у себя въ домѣ своихъ вѣрныхъ служителей.

— Наконецъ, благодаря Господу, — сказалъ Щурховъ съ чувствомъ, перекрестясь:—государыня назначила намъ аудіенцію, которую мы такъ долго отъ нея испрашивали.

Зуда покачалъ головой и произнесъ со вздохомъ:

— Думаю, что это предпріятіе только, что испортитъ все дѣло. Еще слишкомъ рано!

— О! коли дожидаться окончанія вашихъ плановъ, перецѣженныхъ и перетроенныхъ, — возразилъ графъ Купшинъ горячась,—такъ надо ждать второго пришествія. Нѣтъ, сударикъ мой, мы, съ нашимъ простымъ умишкомъ, хотимъ, помолясь Богу, приниматься тотчасъ за работу; по нашему, настоящая пора! Дай намъ, го-

лубчикъ, описать тебѣ самому, до какого жалкаго состоянія вы, съ вашею хитростью и дальновидностью, съ вашею ученостью, довели наше дѣло, и какъ мы думаемъ его поправить, разумѣется, съ Божьею помощью, безъ нея же все прахъ и суета. Теперь уложи масштабъ и циркуль своего ума въ карманъ, повѣрь здравымъ разсудкомъ и добрымъ сердцемъ наше намѣреніе, а тамъ возражай. Вникни и ты хорошенько въ дѣло, Андрей Ивановичъ, и помоги намъ во дворцѣ. Насъ не такъ скоро послушаютъ — мы слывемъ озорниками, можетъ статься, и проговоримся; а ты насъ поддержи: государыня жалуетъ тебя больше нашего; стоитъ тебѣ зажурчать сладкою своею рѣчью, такъ поневолѣ развѣсишь уши, и ретивое заговоритъ съ тобою за одно.

— О-го! если и впрямь такъ, слѣлаемъ, что можно и должно,—подхватилъ Щурховъ охорашиваясь.

Глаза его заблистали, движенія и рѣчь стали тверды; казалось, что Купшинъ пустилъ во всѣ жилы его свѣжую, горячую кровь, и еслибы дали ему въ это время начальство надъ лихимъ эскадрономъ, онъ славно повелъ бы его въ атаку, въ пылъ битвы. Это былъ священный костеръ, на который надобно было только посыпать ладану, чтобы онъ загорѣлся.

— Чего не сдѣлаетъ эта золотая голова! — думалъ Иванъ, слушая съ умиленіемъ похвалу своему барину и смотря на него съ гордостью матери. — О! кабы не потворство нашей братьѣ, могъ бы прямо на мѣсто герцога!

Графъ Суминъ-Купшинъ продолжалъ:

— Волынскій отъ своей молдаванки съ ума сошелъ—мы все знаемъ, г. Зуда, хоть никого ни о чемъ

не разспрашиваемъ, все знаемъ. Въ наше время наушничество въ такомъ ходу, что услышишь поневолѣ и то, что ввѣкъ не хотѣлъ бы слышать; душонки и языки налажены на всякую скверность; коли нельзя попасть въ шептуны къ фавориту, норовятъ въ угодники къ второстепеннымъ и такъ далѣе, смотря по случаю. А въ случаѣ только тотъ, кто при упкѣ. Чай, у моего камердинера, у твоего дворецкаго, у его мамки, есть свой наушникъ. Впрочемъ, и то сказать, шила въ мѣшкѣ не утаишь. Итакъ знаемъ, что братъ Артемій вовсе потерялъ голову, разслабъ, будто хворалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сталъ трусливъ, какъ заяцъ, не за себя—о! онъ до этого не дошелъ и не дойдетъ, я увѣренъ въ этомъ; но, сберегая честь и спокойствіе молдаванки, даетъ надъ собою верхъ Бирону, попускаетъ злѣйшему врагу Россіи грабить ее и губить. Бѣдный Артемій! до чего осѣтилъ тебя дьяволъ!... Всегда самъ былъ первый въ заговорѣ противъ временщика, лѣзъ изъ кожи вонъ, какъ скоро кто противъ его замысловъ, хоть глаза выцарапать; а теперь готовъ впопятную. Ясно и вѣрно, какъ дважды два—четыре, что участь нашего друга держится на одной цѣпочки съ тайною молдаванки. Тронься онъ только на какое дѣло противъ Бирона, и княжну сдѣлаютъ чернѣе угля: вотъ, чего страшится несчастный, попавшійся въ эту западню, хитро устроенную, нечего таить, г. Зуда!

— Нельзя расчислить, — примолвилъ Перокинъ съ сильною грустью,—до чего дойдетъ гнѣвъ государыни, когда она узнаетъ, что Волынскій обольстилъ ея любимицу. Несчастный разбилъ лучшую ея игрушку!...

Зуда хотѣлъ что-то возразить, но говорившій сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ молчалъ.

— Дѣйствительно ли это такъ, и буквально ли такъ,—не вѣдаемъ: стыдно намъ входить въ подробности этого дѣла; но у фаворита есть свидѣтели... статься можетъ, въ его рукахъ находится и переписка: чего же болѣе для улики Артемія Петровича? Во всякомъ случаѣ безразсудно, стыдно, грѣшно!... Оправданія нѣтъ. Но всего не воротишь. Дѣло въ томъ теперь, чтобы спасти нашего друга наперекоръ ему и, если можно, черезъ него спасти нашу кормилицу Россію. Бѣдная Россія! не молоко, а кровь выпытываютъ изъ грудей твоихъ. Отважимъ за тебя все, чего дороже намъ нѣтъ на свѣтѣ; а тамъ буди воля Божья!...

Тронутый Перокинъ остановился, какъ бы для того, чтобы собрать силы на объясненіе труднаго подвига, на который онъ рѣшался, и потомъ продолжалъ съ особеннымъ чувствомъ:

— Сердце мое придумало только одно средство, крайнее, рѣшительное. Время терять не надо. Вотъ видишь, въ чемъ это средство. Волынскій не любитъ жены своей, а моей бѣдной сестры; это ясно: что дѣлать? насильно милъ не будешь! Можетъ статься, причина этой холодности и та, что она не имѣетъ дѣтей. Сестрѣ я почти все открылъ письмомъ, и убѣждаю ее для блага общаго согласиться на разводъ. Теперь же отправляемся къ государынѣ съ тѣмъ, чтобы ей разсказать, какъ другъ нашъ вовлеченъ въ любовную связь съ княжной, какъ Бирономъ старался всячески усилить эту связь—на это и мы представимъ документики—и будемъ умолять ея величество позволить Артемію Петровичу развестись съ его женой. Увѣрены, что государыню легко убѣдить къ согласію—она души не чаетъ въ молдаванской княжнѣ. Такимъ образомъ

Волынскій выйдетъ сухъ изъ воды, и государыня получитъ сильное предубѣжденіе противъ своего любимца. Тогда представимъ ей въ живыхъ краскахъ несчастное положеніе Россіи, объявимъ, какъ вѣрноподданные, что для спасенія отечества отъ систематическаго грабежа и опустошенія, для избавленія самой государыни отъ нареканія потомства, остается ей удалить отъ себя курляндца и вручить кормило не государства, но государственныхъ дѣлъ, Волынскому.

— А сестра твоя?...—спросилъ сквозь слезы Щурховъ.

— Это его дѣло, а не твое, — прервалъ съ твердостью графъ Купшинъ.—Тамъ нѣтъ ни сестры, ни брата, тамъ нѣтъ родства, гдѣ дѣло идетъ о благѣ отечества. Трудна жертва нашего добраго Петра, кто изъ насъ съ этимъ не согласится? Но я самъ первый положилъ палецъ въ эту рану и увѣренъ, что, кромѣ ея, нѣтъ другого спасенія. Ожидаемъ теперь твоихъ возраженій, Зуда

— Какія возраженія!... — Зуда прошепталъ отъ изумленія и радости; онъ готовъ былъ пасть въ ноги вельможамъ, сознаваясь, что минута благороднаго восторга можетъ иногда болѣе дальновидныхъ, тонкихъ расчетовъ ума.

— Теперь,—продолжалъ графъ Купшинъ,—благословясь, посовѣтуемся, какъ повести ловчѣе рѣчь матушкѣ государынѣ: умъ хорошо, а два лучше! Худо только то совѣщаніе, гдѣ много умничанья—это знакъ, что совѣщатели думаютъ болѣе о себѣ, нежели о благѣ общемъ.

Всѣ перекрестились, положили по три земныхъ поклона предъ образомъ Спасителя; за ними послѣдо-

валъ въ благоговѣйномъ умиленіи Иванъ, котораго не считали не лишнимъ, ни опаснымъ въ этомъ дружескомъ совѣщаніи. Послѣ того начали разбирать, что каждому изъ трехъ вельможъ, собиравшихся на ауді-енцію къ государынѣ, надо было говорить: приготовлялись немного—каждый долженъ былъ сказать, что Богъ положилъ ему на сердце для блага отечества. И вотъ собрались они во дворецъ, одушевленные чистотою и благородствомъ своихъ намѣреній; но, между тѣмъ, встрѣтилась помѣха.

За дверьми подслушивалъ карла Перокина. Этотъ хотя и наружностью по-пріятнѣе былъ карлы Щурхова, но не менѣе лукавъ и золъ. Подобравшись на цыпочкахъ къ замочной щели и затаивъ дыханіе, повиснулъ на ней слухомъ. Хотя Зуда выходилъ въ прихожую навѣдаться, не подслушиваетъ ли кто, но засталъ его дремлющимъ въ дальнемъ углу на залавкѣ — такъ умѣлъ онъ мастерски спастись отъ всякаго подозрѣнія! Узнавъ о замыслахъ друзей, уродецъ-слуга тихонько, бочкомъ, выползъ изъ прихожей, на дворъ, и къ пріятелю своему, безобразному карлѣ Щурхова.

— Во что ни станетъ,—сказалъ онъ ему, передавъ сущность совѣщанія, — обернись хоть птицей и дай знать проворнѣе герцогу объ этихъ замыслахъ.

Усмѣхнулся безобразный карла такъ, что задрожали брыли его. Это предложеніе для него находка, сладкій кусочекъ на голодный зубъ. Лучшаго случая не найдется отомстить грубіяну Перокину и его друзьямъ.

— Ступай съ свое мѣсто, будетъ сдѣлано! — отвѣчалъ онъ; перекатился въ кухню, взялъ оттуда добрый

кусокъ мяса, растерзалъ его на-двое зубами, свиснулъ, гаркнулъ:—Удалая! сивка, бурка, вѣщая каурка, стань предо мной, какъ лѣсъ передъ травой.

Откуда ни возьмись, огромная датская собака, выше его ростомъ, прямо къ нему; начала около него ластиться, визжать отъ радости, махать хвостомъ, обнюхала куски мяса, но не осмѣлилась схватить ихъ

— Сослужи мнѣ службу,—сказалъ бѣсенокъ, потрепавъ Удалую по спинѣ.

Датчанка хорошо поняла волю его и вытянулась, какъ выѣзжанная верховая лошадь; карла скокъ на нее, схватился одной рукой за шею, какъ за гриву, а другой бросилъ кусокъ мяса за ворота; собака тудажъ, схватила кусокъ и, взметая пылью снѣгъ изъ-подъ ногъ, летомъ помчала своего сѣдока прямо къ Лѣтнему дворцу, который былъ не далѣе ста саженъ отъ дома Щурхова.

Такое путешествіе дѣлалъ бѣсенокъ не въ первый разъ; онъ ѣзжалъ на своемъ буцефалѣ и въ гостиный дворъ, и на почту. Собака-конь извѣстна была въ околодкѣ. Причину ея любви отгадать не трудно: онъ кормилъ ее, когда другіе забывали это исполнить.

У задняго подъѣзда Лѣтняго дворца соскочилъ онъ съ нея, прямо на крыльцо, спросилъ, кого и что нужно, передалъ все вѣрно, получилъ свою награду, опять на коня, который исправно дожидался его—выдалъ ему собачью награду, остальной кусокъ мяса, и, будто ни въ чемъ ни бывалъ, мигомъ возвратился домой, торжествуя въ сердце свой подвигъ. На радость бросилъ онъ гривну дворнѣ.

— Пейте за здоровье Удалой! — закричалъ онъ—и все пило за здоровье собаки-коня.

Друзья совсѣмъ было собрались во дворецъ, когда явился курьеръ герцога курляндскаго съ пакетомъ отъ его свѣтлости.

— Что за новость?—закричали друзья.

Распечатанъ пакетъ, и въ самомъ дѣлѣ неожиданная, чудная новость отняла у нихъ языки и движеніе. Вотъ что заключалось въ пакетѣ.

«Ея императорское величество приказала объявить вашему превосходительству, что назначенная вамъ аудіенція отмѣняется до другого, неопредѣленнаго дня. Вмѣстѣ съ симъ повелѣно дать вамъ знать, чтобы всѣ, имѣющіе входъ ко двору, дамы и кавалеры, явились въ парадѣ нынѣ въ часъ пополудни, въ квартиру Педрилло, на родины его супруги, придворной козы».

Подлинный подписалъ: Эрнстъ, герцогъ курляндскій.

Этотъ ордеръ былъ на имя его превосходительства Андрея Ивановича Щурхова. Посланный герцога, узнавъ, будто нечаянно, что у г-на тайнаго совѣтника находились гофъ-интендантъ Перокинъ и сенаторъ графъ Суминъ-Купшинъ, вручалъ имъ по такому же извѣщенію.

Долго еще послѣ ухода вѣстового стояли друзья, будто ошибенные громомъ. Униженіе, стыдъ, грусть раздирали имъ душу.

— Какая жестокая насмѣшка!—сказалъ, наконецъ, Перокинъ, пыхтя отъ досады.

Графъ Купшинъ дрожалъ отъ чувства униженія и, молча, исколотилъ своею тростью невинный полъ.

Щурховъ кряхтѣлъ.

И всѣ трое отправились къ Волынскому, увѣренные, что униженіе до такой степени русскихъ вельможъ должно взорвать его и подвигнуть на благородную месть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РОДИНЫ КОЗЫ

Страшитесь, чтобъ коза
Не обернулась волкомъ.
Et toi, Brutus?...
Voltaire.

Волынскій получилъ также приглашеніе явиться въ квартиру Педрилло, на родины его четвероногой половины. Онъ не разсуждалъ: унизительно ли для кабинетъ-министра, вмѣсто того, чтобы заниматься государственными дѣлами, присутствовать при невиданномъ и неслыханномъ шутовскомъ представленіи. До того ль ему, когда разсудокъ его помраченъ обстоятельствами, въ которыя онъ впуталъ себя и княжну Лелемико съ помощью благопріятеля своего—Бирона. Онъ не оскорбился этимъ приглашеніемъ: послѣ вечера, въ который сердце его наслаждалось такимъ блаженствомъ и извѣдало столько мукъ, оно не могло остановиться ни на какомъ опредѣленномъ чувствѣ. То клялся онъ ужасною местью отомстить врагу за насмѣшку, и тотчасъ отступалъ отъ своего намѣренія, страшась подвергнуть бѣдную княжну стыду и униженію, гнѣву государыни и, Богъ знаетъ, какой несчастной участи. Одна мысль объ этомъ останавливала въ немъ кровь, и онъ вну-

тренно мирился на нѣсколько мгновеній съ Бирономъ, называя его молчаніе на счетъ рокового вечера благороднымъ поступкомъ, между тѣмъ какъ этотъ поступокъ было только дѣло холоднаго, утонченнаго разсчета. То сбирался онъ писать къ женѣ—добрѣйшему, прекрасному созданію, которое столько любило его и и ни разу, съ тѣхъ поръ, какъ они жили вмѣстѣ, не подало ему причины къ неудовольствію; рѣшался изобразить ей свою неблагодарность, свое безразсудство, и просить ее возвратиться скорѣе въ Петербургъ, чтобы спасти его отъ него самого. Онъ даже плакалъ слезами раскаянія. Но этотъ припадокъ благоразумія и совѣсти былъ коротокъ: одна мысль о Маріорицѣ съ пылающимъ поцѣлуемъ, — и всѣ намѣренія исчезали, какъ тѣнь, наведенная мимолетнымъ облачкомъ, и душа его съ жадностью хваталась за чашу наслажденій, еще недопитую. «Погоди, — нашептывалъ ему сатана-страсть, — не весь еще міръ дивныхъ восторговъ развилъ я для тебя; я раскрою тебѣ чертоги, полные чудесъ. Взгляни только на нее; оцѣни сокровище, которымъ обладаешь, и—трусъ! уступи его, если можешь, угрозамъ судьбы и людей.

И несчастный поддавался опять своей страсти, а можетъ статься, только силѣ своего пламеннаго воображенія.

— Но, — думалъ онъ, — если Маріорица узнаетъ, что я женатъ? Каково ей это услышать въ обществѣ, между подругами, можетъ статься, при самой государынѣ! Она измѣнитъ себѣ, она погубитъ себя и меня. Если она и будетъ умѣть скрыть свое смущеніе, каково мнѣ тогда показаться ей на глаза? Что сказать? Какое извиненіе принести? Нѣтъ! лучше самому предупредить

ее, объявить ей письмомъ все какъ было. Страсть все оправдаетъ. Другого средства нѣтъ спасти ее отъ новаго мучительнаго положенія. Надо, чтобъ она, рано или поздно, это узнала; довольно, что я два, три мѣсяца скрывалъ свою тайну; надо когда-нибудь развязку. Разводъ съ женой еще остался къ моему спасенію. Есть надежда!.. Что будетъ, то будетъ!

Все это, однакожъ, легче было говорить въ чаду страсти, со словъ надежды, нежели сдѣлать. Кажется, на душу его набѣгали уже нечистыя, своекорыстныя намѣренія. Благороднаго, возвышеннаго Волынскаго нельзя было въ немъ узнать,—такъ сѣти лукавыхъ, его безразсудство и любовь опутали со всѣхъ сторонъ умъ и сердце его.

Онъ написалъ письмо къ княжнѣ; но съ кѣмъ доставить его? Не новую ли неосторожность прибавить къ прежнимъ и усилить несчастіе Маріорицы? Бывало, цыганка такъ проворно, такъ мастерски исполняла его порученія; а теперь нельзя и подумать, чтобъ согласилась взяться за это дѣло эта чудесная, загадочная женщина, столько похожая на княжну и такая заботливая объ ея спокойствіи и счастіи, какъ будто это спокойствіе и счастіе были ея собственныя — даже болѣе, чѣмъ ея. Какъ жестоко платитъ она Волынскому за его преступную любовь! Цыганка неугомоннѣй его совѣсти; вездѣ преслѣдуетъ его. Онъ во дворецъ—цыганка тутъ, на дворцовой площади, у дворцового крыльца, киваетъ ему, указываетъ на небо; онъ изъ дворца — неумолимая опять тутъ же и опять напоминаетъ ему небо. Кабинетъ-министръ думалъ уже употребить противъ нея свою власть: ей ли напоминать ему его обязанности?..

Какія жъ средства возьметъ онъ доставить письмо? Онъ званъ на родины придворной козы. Кстати, онъ заѣдетъ во дворецъ доложить государынѣ, что всѣ затѣи къ свадьбѣ Кульковскаго готовы, и спроситъ, когда ея величеству угодно будетъ назначить день церемоніи. Не увидитъ ли тамъ Маріорицы? не удастся ли отдать ей письмо?

Лошадей! — онъ скачетъ во дворецъ. Слѣдъ его кареты занесло уже снѣгомъ, когда пріѣхалъ къ нему дружескій тріумвиратъ и съ нимъ маленькій Зуда. Что дѣлать? Перокинъ объявляетъ, что онъ не поѣдетъ на шутовскія родины козы, хотя на то была воля государыни. Щурховъ колеблется: онъ хотѣлъ бы возвратиться къ своему красному колпаку, тиковой фуфайкѣ, польскимъ собачкамъ и неизмѣнному Ивану, къ своей блаженной лѣни и свободѣ, къ своему маленькому міру, замѣняющему все, что за нимъ дѣлается въ большомъ, земномъ мірѣ. Графъ Суминъ-Купшинъ ѣдетъ, но клянется, что не умолчитъ предъ государыней униженія, въ какомъ фаворитъ водитъ русское дворянство на шутовской цѣпочкѣ или на колодничьей цѣпи. И коль скоро оба друга его узнаютъ его твердое намѣреніе, они клянутся раздѣлить съ нимъ опасности и честь этого дня.

Проѣзжая дворцовую площадь, Волынскій боится взглянуть сквозь окно кареты, чтобы не увидать своей совѣсти, воплощенной въ видѣ цыганки.

Онъ засталъ государыню на выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ. Ее принимаетъ подъ руку Бирон съ подобострастіемъ самаго преданнаго слуги.

— Подождите, — сказала она, возвращаясь назадъ: — я хочу перекрестить свою Лелемико *отъ призору очесъ.*

Вдали, въ дверяхъ, показались, какъ въ рамѣ, блѣдное, но все еще прекрасное лицо и стройная фигура восточной дѣвы. Не знаю, говорили ли мы, что государыня находила особенное удовольствіе почти каждый день переряжать ее по своему вкусу; надъ ней, какъ надъ куклой, дѣлала она опыты костюмовъ разныхъ народовъ, а иногда, по собственной прихоти, соединила ихъ нѣсколько вмѣстѣ. Особенно любила играть ея длинными черными волосами: то разсыпала ихъ кругомъ головы, то свивала густыми струями вдоль щекъ и по шеѣ, то заплетала въ двѣ косы, позволяя имъ сбѣгать изъ-подъ золотой фески, или обвивала ими голову подъ собольей шапкой, или пускала по спинѣ въ одну густую косу почти до полу. И всегда кстати можно было сказать княжнѣ: *«во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша!»* Нынѣ Маріорица одѣта по-своему, по-молдавански. Увидавъ Артемія Петровича, она вдругъ вся вспыхнула и поблѣднѣла. Эти перемѣны были такъ быстры, что глазъ едва могъ за ними слѣдовать. Государыня подозвала ее къ себѣ, перекрестила, поцѣловала въ лобъ и глаза и потомъ, обернувшись къ своему кабинетъ-министру, промолвила:

— Я вѣдь правду говорила, что вы сглазите мою Лелемико, помните ли?..

Волынскій хотѣлъ улыбнуться, но его улыбка выразилась такъ насильственно, что походила на гримасу; блѣднѣя, онъ искалъ словъ — и не находилъ ихъ. Въ словахъ государыни было столько убійственной правды. Княжна, не зная также, что дѣлать, цѣловала руки государыни, и въ этихъ ласкахъ старалась укрыть себя отъ наблюдательныхъ взоровъ, на нее обращенныхъ.

— Каково? вы не помните! — сказала государыня, возвращаясь назадъ и принявъ руку Бирона, чтобы на ней опереться: — вотъ видите, женщины — памятливѣе!

— Виноватъ, ваше величество... дѣла государственныя... заботы, могли... — отвѣчалъ, не докончивъ отвѣта, смущенный Волынскій.

Государыня, усмѣхаясь, продолжала:

— Охъ, охъ, Артемій Петровичъ, не даромъ говорятъ, что у васъ глазъ не простой. Воля ваша, вы знаетесь съ нечистой силой! Повѣрите ли, я сама иногда хочу на васъ посердиться, но вы лишь только на меня взглянете, я, хотя и владычица могущественной имперіи, уступаю вамъ...

Въ это мгновеніе герцогъ неосторожно отнялъ свою руку, но ловкій кабинетъ-министръ, оживленный лестной шуткой императрицы, успѣлъ занять мѣсто Бирона.

— Что съ вами, герцогъ? — спросила она, покраснѣвъ и съ сердцемъ.

Но этотъ гнѣвъ только-что промелькнулъ.

Она вскорѣ отняла потихоньку руку отъ Волынскаго, кивнувъ ему, однакожъ, ласково въ знакъ благодарности, потомъ протянула руку Бирону, отъ которой этотъ не смѣлъ отказаться, покачала головой въ видѣ упрека и примолвила дружескимъ тономъ:

— Что съ вами, мой любезный Эрнстъ?.. Если на васъ нашелъ вчерашній припадокъ, отдохните; а я не хочу другого провожатаго, кромѣ васъ...

Послѣ этихъ словъ можно ли было думать побороть любимца государыни въ умѣ и сердцѣ ея? Несчастенъ, кто это замышлялъ только! Правду говорилъ Зуда,

предрекая Волынскому неудачу въ самомъ началѣ борьбы его съ Бирономъ. Но кто разгадаетъ сердце человѣческое, этого сфинкса, доселѣ неразобраннаго во всѣхъ причудахъ его, этого оборотня, неуловимаго въ своихъ измѣненіяхъ? Одна минута — и государыня могла перемѣниться.

Съ неудовольствіемъ уступилъ Волынскій своему счастливому врагу, но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отстать отъ государыни, продолжавшей свой путь къ одной изъ внутреннихъ дворцовыхъ лѣстницъ. Бросивъ, какъ милостыню, слова два, три то одному, то другому изъ свиты ея и, между разговоромъ давая проходить толпѣ, жаждущей лицезрѣнія императрицы, онъ очутился одинъ въ комнатѣ. Оглянулся назадъ — сердце угадало — Маріорица стоитъ въ концѣ этой комнаты, унылая, неподвижная, опираясь на ручку двери. Она провожала его взорами, подстерегая въ его движеніяхъ и взглядахъ хотя минутное къ себѣ участіе; душа ея влеклась по его слѣдамъ. Какъ скоро она замѣтила, что Волынскій отсталъ, любовь заиграла румянцемъ въ ея щекахъ.

Артемій Петровичъ опять осмотрѣлся — въ комнатѣ ни души! Вынулъ письмо изъ кафтана, преклонилъ его до земли, положилъ на ближайшее окно, стараясь объяснить страстною мимикой, что сердце его раздирается отъ горести, и поспѣшилъ догнать свиту императрицы и вовремя вмѣшаться въ толпу. Маріорица схватила письмо, прижала его къ сердцу и исчезла. Все это было сдѣлано въ два, три мгновенія, быстрыя, какъ молнія. У квартиры Педрилло успѣлъ еще Артемій Петровичъ быть замѣченнымъ государыней, и — въ отсутствіе Бирона, уходившаго впередъ установить

зрѣлище — взысканъ милостью ея, выраженною глазами и на словахъ. Такое обращеніе государыни съ Волынскимъ держало еще нѣкоторыхъ царедворцевъ въ надеждѣ, а другихъ въ страхѣ, не поколеблются ли рѣшительно на его сторону вѣсы царскаго благорасположенія къ невыгодѣ Бирона.

Диво-дивное ожидало зрителей въ квартирѣ Педрилло, превращенной на сей разъ изъ нѣсколькихъ комнатъ въ одну обширную залу со сценою, на которую надо было всходить по нѣсколькимъ ступенямъ. Сцена была убрана разными атрибутами изъ козьихъ роговъ, переднихъ и заднихъ ногъ, хвостовъ и такъ далѣе, связанныхъ бантами изъ лентъ. Въ глубинѣ сцены, на пышной постели и богатой кровати, убранной малиновымъ штофнымъ занавѣсомъ, лежала коза, самая хорошенькая изъ козьяго прекраснаго пола. Она убрана была въ блондовый чепецъ съ розовыми лентами; изъ-подъ шелковаго розоваго одѣяла, усыпаннаго попугаями и заморскими цвѣтами, изрѣдка замѣтно было безпокойное движеніе ея связанныхъ ножекъ. Впрочемъ, она глядѣла на посѣтителей довольно умильно, приподнимая повременамъ свою голову съ подушки. Подлѣ нея, на богатой подушкѣ, лежала новорожденная козочка, повитая и спеленатая, какъ должно. Отъ обоихъ концовъ кровати до авансцены расположены были въ два ряда всѣ придворные шуты, кто прямо, какъ столбъ, кто сгорбившись болѣе или менѣе, кто на колѣнахъ, такъ что представляли собою лѣстницу, восходящую къ сторонѣ кровати. Всѣ они были въ блестящихъ кафтанахъ и пышно причесаны. Двое изъ нихъ, одинъ противъ другого, держали по дымящейся курильницѣ, двое по умывальницѣ, и въ такомъ же порядкѣ по серебряному

блюду, утиральнику, шитому золотомъ, и другимъ вещамъ, нужнымъ для туалета. За кроватью, въ почтительномъ отдаленіи, стояло нѣсколько десятковъ карлъ и карлицъ съ козьими рожками, рыльцами и въ косматомъ одѣяніи изъ козьей шерсти, а ближе къ родильницѣ, въ такомъ же нарядѣ, съ прибавкою чепца, повивальная бабка, которая повременамъ брала на руки новорожденную и убаюкивала ее. Не видать было одного Балакирева: онъ наканунѣ дошутилъ свою послѣднюю земную шутку, уложась въ гробъ и не вставши изъ него (за нѣсколько дней назадъ потребованъ онъ былъ къ герцогу для полученія отеческаго наставленія за острое словцо, не во-время сказанное временщику). Педрилло, одѣтый богаче прочихъ своихъ собратій и вчесанный двумя этажами волосъ выше ихъ, при орденѣ Бенедетто, принималъ гостей со всѣмъ приличіемъ, должнымъ ихъ сану, и непринужденною заботливостью хозяина-придворнаго.

Введенная въ спальню родильницы, государыня подошла къ постели, изволила высыпать изъ кошелька на особо приготовленную подушку нѣсколько десятковъ золотыхъ монетъ *на зубокъ* и потомъ спросила г-жу Педрилло объ ея здоровьѣ. Родильница (тиснутая за ногу повивальною бабкой) преумилительно заблеяла отвѣтъ и вмѣстѣ съ этимъ весь ея козій штатъ заблеялъ: хоромъ, кто басомъ, кто теноромъ, кто дискантомъ: чему ея величество изволила отъ души смѣяться. Въ тоже самое время кабинетъ-секретарь Эйхлеръ записывалъ на длинномъ листѣ особъ, бывшихъ въ залѣ, и потомъ, когда Анна Іоанновна присѣла на кресла, герцогъ вызывалъ по этому списку всѣхъ посѣтителей и посѣтительницъ, одного за однимъ, по классамъ, съ

тѣмъ, чтобы они подходили къ родильницѣ и исполняли то же, что сдѣлала государыня. Выполнивши этотъ обрядъ, спрашивалъ также о здоровьѣ г-жи Педрилло, и на каждый вопросъ давала она исправно козій отвѣтъ, которому вторилъ тотъ же гармоническій хоръ. На сценѣ одни шуты удерживали свое хладнокровіе и важность, отъ чего еще болѣе усиливалось смѣшное зрѣлище. Однимъ словомъ, потѣха была такая, что государыня забыла свою болѣзнь и хохотала до слезъ; все за нею смѣялось также, не въ состояніи бывъ соблюсти должнаго приличія, чѣмъ она нимало не оскорблялась. И Волынскій положилъ свою богатую дань на подушку родильницы; и онъ навѣдался, какъ и прочіе придворные, о здоровьѣ козы!..

Между тѣмъ какъ толпа обоего пола, въ неподдѣльномъ восхищеніи, обступала постель родильницы, вошли въ залу три человѣка и стали посреди нея какъ бы оглашенные, сомкнувшись рядомъ. Одинъ, сѣдовласый старецъ, опирался въ глубокой горести на трость: въ немъ узнаютъ графа Сумина-Купшина. Не трудно угадать, кто были по бокамъ его. Появленіе этихъ трехъ фигуръ, такъ смѣло и дружно отдѣлившихся отъ придворной толпы, такъ одиноко, молчаливо и мрачно стоявшихъ посреди огромной комнаты и веселія шутовскаго праздника, дерзавшихъ, повидимому, ослушаться воли императрицы, сковало смѣхъ и обратило на себя общее вниманіе. Пророки, явившіеся въ сонмѣ грѣшниковъ, не сдѣлали бы между ними бо́льшаго впечатлѣнія. Сначала пронесся глухой шопотъ въ толпѣ; потомъ все замолкло, вперивъ взоры на лицо государыни, на которомъ хотѣли разгадать приговоръ дерзкимъ возмутителямъ ея удовольствій. Биронъ

казался встревоженнымъ, ожидая на себя, по предчувствію нечистой совѣсти, какого-нибудь нападенія этихъ смѣлыхъ подвижниковъ правды. Не менѣе его смутился Волынскій. Сама государыня, которую всякая нечаянность сильно тревожила, пораженная грозною неподвижностью трехъ друзей, не могла скоро освободиться отъ мучительнаго чувства, ее обнявшаго. Наконецъ она спросила, обратясь къ герцогу:

— Что они тамъ? велите имъ подойти.

Хозяинъ праздника, Педрилло сошелъ къ нимъ и объявилъ волю государыни, чтобы они подошли къ родильницѣ и сдѣлали то же, что и другіе. Вельможи не дали отвѣта, и Педрилло доложилъ, что они не повинуются.

— Опасные люди!.. — сказалъ Бирономъ, наклонясь почти къ уху государыни. — Я вамъ ужъ докладывалъ, что они замышляютъ... Еще нынѣ получилъ я тайныя извѣстія о худыхъ намѣреніяхъ... заговоръ... статься можетъ, они выбрали этотъ случай... есть важные сообщники... но я взялъ свои мѣры.

Петръ, Екатерина и... (умолчимъ: Онъ живъ — живымъ хвала столько похожа на лесть) пошли бы на встрѣчу бѣдѣ. Такъ дѣлаютъ великіе духомъ; но Анна Іоанновна была больная женщина, и любимецъ ея умѣлъ пользоваться ея немощами. Оторопѣвъ и блѣднѣя, она шопотомъ просила его усилить свои предосторожности на случай худого намѣренія. Бирономъ пошелъ отдавать, кому нужно, приказы. Страхъ невольно сообщился толпѣ, а чего боялись, никто не зналъ.

Эти распоряженія, этотъ страхъ достойны были смѣха, опасность существовала только на языкѣ коварнаго фаворита и перешла въ воображеніе государыни,

покоренной его демонскому вліянію, отъ нея къ женщинамъ и нѣкоторымъ царедворцамъ, испуганнымъ, можетъ быть, только для виду, изъ угожденія.

Все заволновалось.

Волынскій, слышавшій коварныя остереженія Бирона, вспыхнулъ — онъ забылъ все, и Маріорицу, и свою любовь, и свои опасенія; онъ видѣлъ только благородный подвигъ друзей — и одной искры прекраснаго, брошенной во-время въ эту душу, довольно было, чтобы воспламенить ее. Пока не падаетъ лучь солнца на Мемнонову статую, она не издаетъ дивныхъ звуковъ. Онъ подошелъ къ государынѣ и сказалъ ей съ особенною твердостью:

— Напрасно коварство пугаетъ ваше величество пустыми опасеніями. Я кладу голову мою на плаху, если эти господа не пришли повергнуть къ стопамъ твоимъ, какъ вѣрноподданные, а не какъ бунтовщики, моленія бѣдствующаго отечества, которыми внять пора.

Этою смѣлою рѣчью открыта была война соперниковъ, скрывавшаяся доселѣ въ потаенныхъ дѣйствіяхъ.

— Здѣсь не мѣсто для докладовъ, — вскричалъ озлобленный Биронъ. — А чѣмъ, сударь, назвать, какъ не бунтовщиками людей, которые приходятъ возмущать удовольствія ея величества и въ глазахъ ея противиться ея волѣ. И вы, г. кабинетъ-министръ, заодно съ ними!

— Да! всегда заодно съ вѣрными сынами отечества, а не врагами его! И я горжусь этимъ, ваша свѣтлость! — отвѣчалъ Волынскій.

— Что за споры въ присутствіи моемъ? — сказала государыня сначала гнѣвно, потомъ смягчивъ голосъ.—

Здѣсь, конечно, вовсе не мѣсто... Мнѣ нигдѣ не дадутъ покоя, Боже мой!.. Этого недоставало!.. И вы, Артемій Петровичъ?..

Обратясь къ Волынскому, государыня покачала головой, какъ бы хотѣла сказать: «И ты, мой сынъ?.. Тобою я такъ дорожила, такъ долго сберегала тебя отъ нападеній моего любимца, закрывала своею грудью, а ты поразилъ меня такъ нечаянно, прямо въ сердце?»— Хотя этихъ словъ произнесено не было, но Артемій Петровичъ выразумѣлъ смыслъ ихъ въ голосѣ и взорахъ императрицы, и покорясь ея милостивому упреку, приблизился къ друзьямъ и просилъ ихъ выбрать другое время и мѣсто для своихъ представленій.

— Гдѣ-жъ мѣсто, — воскликнулъ съ негодованіемъ графъ Суминъ-Купшинъ, — когда мы не можемъ болѣе имѣть доступъ къ нашей государынѣ? Нынѣ назначена была намъ аудіенція у ея величества — и чтожъ? выгоды иностраннаго шута предпочтены выгодамъ отечества?

— Мы не выйдемъ отсюда, пока не будемъ услышаны, — произнесъ съ жаромъ Перокинъ.

Всѣ трое подошли къ сценѣ и пали на колѣна передъ императрицей. Восторженный старецъ продолжалъ:

— Въ послѣдній разъ, можетъ быть, передъ смертнымъ часомъ, пришли мы говорить тебѣ истину. Вели насъ казнить, но выслушай ее! Поруганная злодѣемъ Россія взываетъ къ тебѣ, матери ея. Услышишь голосъ ея позднѣе, тамъ, гдѣ и цари предстаютъ на судъ верховнаго владыки и отдаютъ ему отчетъ въ дѣлахъ своихъ; но тогда ужъ будетъ не время. Каждый изъ твоихъ подданныхъ явится къ тебѣ не на

колѣнахъ, какъ мы теперь, съ моленіемъ и слезами, — но укажетъ Господу на кровавыя язвы свои, на рубища, на цѣпи, которыми недостойный любимецъ твой насъ отягчилъ, разскажутъ Господу униженіе человѣчества. Скоморохи предпочтены истиннымъ слугамъ отечества и твоимъ, подозрѣніе дало брату ножъ противъ брата, сыну противъ отца.

Биронъ давно взялъ государыню подъ руку и примѣтно увлекалъ ее, сохраняя, однакожъ, наружное уваженіе.

— Не хочу ничего слышать, — кричала она, махая платкомъ и сходя со ступеней. — Здѣсь не мѣсто, говорю вамъ. Я вамъ назначу день... Не хочу ничего слышать... Они продолжаютъ. Боже мой! Боже мой! Грубіяны, дерзкіе, бунтовщики!

— Нѣтъ, государыня, матушка наша, мы не бунтовщики, — прервалъ Щурховъ, — вели намъ пролить кровь нашу, но только за тебя и отечество, и мы источимъ ее до послѣдней капли. Умилосердись надъ своею Россіею: грудь ломится у ней отъ того, что она, боясь проговориться, затаила даже свое дыханіе; все ходитъ въ ней на цыпочкахъ, чтобы не оскорбить слуха курляндскаго герцога; вѣрные сыны твои запаяли свои уста, придавили свое сердце, чтобы оно не выстучало завѣтной чести и правды. Русскіе до того дошли, что стыдятся, не только что боятся, быть благородными. Правда и опала, честь и казнь — стали одно и тоже.

Государыня, продолжая идти, не слыхала ужъ этихъ словъ. Скоро сковалось около нея кольцо изъ царедворцевъ, такъ что нельзя было видѣть ее, и она осторожно вынесена потокомъ, хлынувшимъ изъ квартиры Педрилло.

Зала опустѣла, и стало въ ней такъ тихо, какъ въ хижинѣ поселянина, когда онъ со всею семьею своей отходитъ въ поле. Остались только на ступеняхъ сцены три друга, въ прежнемъ положеніи на колѣнахъ, опустивъ печально голову, и посреди сцены Волынскій, прежній Волынскій, во всемъ величіи и красотѣ благороднаго негодованія, выросшій, казалось, на нѣсколько вершковъ, отрясая свои кудри, какъ гнѣвный левъ свою гриву, поднявъ нахмуренное чело и пламенные взоры къ небу, послѣдней защитѣ отечеству противъ ея притѣснителя. На постели лежала еще бѣдная, связанная козочка и подлѣ нея, прикованная къ кровати страхомъ, повивальная бабка, карлица, одѣтая по-козьему.

Наконецъ три друга встали, пославъ дружески горестный взглядъ кабинетъ-министру, съ которымъ примирилъ ихъ благородный его характеръ. Онъ подошелъ къ нимъ. Всѣ молча пожали другъ другу руку.

— Развѣ Богъ и Елисавета — дщерь великаго Петра, спасутъ Россію! — воскликнулъ вздохнувъ графъ Купшинъ.

Еще не успѣли они выдти изъ дворца, какъ Щурхову, Перокину и графу Сумину-Купшину объявленъ арестъ въ крѣпости. Щурховъ просилъ одной милости, прислать ему въ мѣсто заключенія четырехъ польскихъ собачекъ его, колпакъ и фуфайку. Объ Иванѣ онъ не упоминалъ; но этотъ самъ явился, и ему не отказали въ почетномъ мѣстѣ на соломѣ возлѣ его господина.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПИСЬМО И ОТВѢТЪ

Въ письмѣ [1]), переданномъ, какъ мы ужъ сказали, княжнѣ Лелемико, открывалъ ей Волынскій, со всѣмъ краснорѣчіемъ страсти и отчаянія, что онъ женатъ. Вмѣстѣ съ этимъ, стараясь возвысить ее до небесъ, дѣлая изъ нея женщину необыкновенную, какъ будто не здѣшняго міра, думалъ данью лести умилостивить ее и испросить себѣ прощеніе. Ослѣпленный, онъ еще не зналъ ее хорошо.

Отвѣтъ.

«Не знаю, выше, ниже ли я другихъ женщинъ, но увѣрена, что ни одна не можетъ любить тебя, какъ я.

«Нѣсколько ужъ дней извѣстно мнѣ, что ты женатъ. О женщинѣ, которую называютъ твоей женой, говорили при государынѣ. Сначала поразило меня это

[1]) Письмо это выпущено по обстоятельствамъ.

извѣстіе, не скрою отъ тебя. Но оно пришло поздно. Я не могу перемѣнить себя, не могу покинуть любви своей; она сильнѣе меня, сильнѣе самой судьбы! И какъ и откуда изгоню я тебя? Нѣтъ капли крови во мнѣ, которая не напитана была бы самою пламенною къ тебѣ любовью; нѣтъ біенія сердца, которое не отозвалось бы ею, — мѣста во всемъ существѣ моемъ, гдѣ бы ты не жилъ. Я вся твоя! Имѣй сто женъ, сто любовницъ — я твоя, ближе, чѣмъ кора при деревѣ, растенье при землѣ. Дѣлай изъ меня, что хочешь, какъ изъ вещи, которая тебя утѣшаетъ и которую, измявши, можешь покинуть, какъ изъ плода, который ты воленъ высосать и — бросить!.. Я создана на это; мнѣ это опредѣлено при рожденіи моемъ. Говори мнѣ, что хочешь, противъ себя; пускай цѣлый міръ видитъ въ тебѣ дурное: я ничего не слышу, ничего не вижу, кромѣ тебя — прекраснаго, возвышеннаго, обожаемаго мною!

«Ты виноватъ предо мною?.. Никогда! Ты преступникъ изъ любви жъ ко мнѣ: могу ль тебя наказывать? Каждый ударъ на тебѣ повторился бы сторицей на моемъ сердцѣ.

«Видишь, я женщина слабая, самая слабая женщина!

«Скажи мнѣ только, милый, безцѣнный другъ, что ты не любишь своей жены; повтори мнѣ это нѣсколько разъ: мнѣ будетъ легче. И она не стоитъ тебя! Еслибъ она тебя любила, покинула ли бы тебя на такое долгое время?

«Погода или ведро будетъ, подъѣзжай въ полночь къ дому Апраксина. Я хочу доказать тебѣ, какъ я тебя люблю. Горничная моя предана мнѣ; она подку-

пила еще одного вѣрнаго человѣка: меня проводятъ. Доставь мнѣ въ другое время денегъ, поболѣе денегъ — все для тебя, мой неоцѣненный другъ! Если-бъ можно, я подкупила бы весь міръ, чтобы владѣть тобою — безъ страха за тебя».

Отвѣтъ написанъ, но съ кѣмъ послать? Горничная, которая со времени рокового вечера освобождена отъ дальнѣйшаго присмотра за княжной и доносовъ (за что положила уже сто земныхъ поклоновъ), съ восторгомъ отправляетъ при ней должность повѣренной. Груня переродилась; она ужъ не раба, а слуга самая преданная, самая усердная. Для своей барышни полѣзетъ въ огонь и въ воду. Что дѣлается свободно, дѣлается такъ легко, такъ успѣшно. Тяготитъ ее только повременамъ память прошедшаго; особенно мучитъ похищеніе изъ ящика всѣхъ записокъ, полученныхъ княжною отъ Волынскаго. Сколько могла, облегчила она этотъ ударъ для Маріорицы. — Непремѣнно требовали этихъ записокъ — говорила Груня; но она, желая избавить свою барышню отъ позора, въ отсутствіе ея поспѣшила сжечь ихъ и потомъ сказала лазутчику Бирона, что сама княжна ихъ сожгла. Груды пепла свидѣтельствовали объ истинѣ ея словъ. Обманутая Маріорица, собравъ пепелъ, плакала надъ нимъ, какъ надъ прахомъ любимаго человѣка, и спрятала въ шелковой подушкѣ, которую нерѣдко держала у своего сердца. Теперь, во что ни станетъ, надо послать записку. Груня беретъ порученіе на себя; но лишь только она изъ дворца, навстрѣчу Маріула. Цыганка такъ давно, такъ жалобно упрашивала ее позволить видѣться съ ея барышнею, теперь еще усерднѣе молитъ объ этомъ—едва не цѣлуетъ ея рукъ.

«Вотъ вѣрный случай поручить ей записку — думаетъ Груня: — цыганка не разъ ужъ ихъ носила. А то я могу заплутаться вечеромъ и не найти дома Волынскаго».

Ахъ! какъ отлегло отъ сердца матери, когда она узнала подробности тайнаго свиданія, за которыя дарили ей фатой...

Вводятъ цыганку къ княжнѣ; Груня шопотомъ докладываетъ, зачѣмъ она воротилась.

Отъ радости дрожитъ Маріула, увидѣвъ свою дочь — едва вѣритъ, что у ней, осматриваетъ ее съ ногъ до головы. Въ восторгѣ цыганка забываетъ все прошедшее. Одно, что ее безпокоитъ, такъ это блѣдность Маріорицы. Бѣдная, похудѣла съ того времени, какъ она видѣла ее въ первый разъ въ Петербургѣ, и все отъ любви къ нему, къ негодному обманщику Волынскому!

Маріорица ласкаетъ ее, цѣлуетъ, и вкрадчивымъ голосомъ спрашиваетъ цыганку, любитъ ли она ее попрежнему.

— Люблю ли я?.. Скажи, чѣмъ это доказать?

— Вотъ видишь это письмецо; ты знаешь, къ кому оно... отнеси къ нему, но только сейчасъ, сію минуту, въ собственныя руки.

— Къ нему?.. въ собственныя руки?..

Ужасъ изобразился на лицѣ цыганки. Каково порученіе для матери!

— Да, да, къ нему сейчасъ! — возразила гнѣвно княжна: — или не знай моего порога.

— Несу! — отвѣчала мать. — Но знаешь ли, — прибавила она, отдохнувъ нѣсколько отъ тягости своей

жертвы: — знаешь ли, милая барышня, что онъ женатъ? что онъ негод...

Вспыхнула Маріорица, заградила ей уста своей рукой, и нахмуривъ брови, какъ маленькій Юпитеръ на свою землю, съ пылающимъ взоромъ, вскрикнула:

— Цыганка! берегись!.. не говори мнѣ про него худого, или я проклину тебя...

— Она!.. проклянетъ меня?.. — думала Маріула, оледенѣвъ отъ ужаса: — дочь проклянетъ свою мать?.. Боже, Боже мой! скажи, бывало ли это въ твоемъ мірѣ?.. Неужели надо мной должно совершиться!

— Несу твое письмецо, барышня! — сказала она, и лишь хотѣла проститься съ дочерью, почувствовала въ рукѣ деньги... плату за...

Нѣтъ имени этому слову на языкѣ порядочныхъ людей! Земля, казалось, растворилась, чтобы ее поглотить; дрожь ее проняла, деньги невольно выпали изъ рукъ; она хотѣла бросить и письмо, но вспомнила проклятіе, и въ какомъ-то священномъ страхѣ, боясь, чтобы одно слово не погасило навѣки небеснаго огня, которому обрекла себя на служеніе, и не погребло ее живую въ землю, спѣшила исполнить волю дочери.

— Что пишетъ она въ этомъ письмѣ? — думала Маріула, неся его къ Волынскому. — Какъ дорого заплатила бы, чтобъ знать его содержаніе! Но смѣетъ ли нарушить тайну дочери, поручивъ другому прочесть его? Нѣтъ, никогда не допуститъ она, чтобы чужія уста читали стыдъ Маріорицы, чтобы они растворились для коварной усмѣшки надъ нею!

Когда Волынскій возвратился домой съ шутовскаго праздника, цыганка стояла ужъ у крыльца. Какими

ужасными взорами помѣнялись они! Она подала ему письмо, тотъ принялъ его.

— Что? одумалась! — сказалъ онъ.

Ни слова отвѣта: но глаза ея были ужасны — такъ и разстались.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОЧНОЙ СТОРОЖЪ

Съ негодованіемъ и грустью возвращался Волынскій домой, помышляя объ участи, ожидавшей его друзей. Они принесли себя въ жертву дѣлу, котораго онъ былъ главнымъ зачинщикомъ и проводникомъ; его долгъ спасти ихъ или погибнуть вмѣстѣ. Въ такомъ состояніи застигла его цыганка, когда онъ вышелъ изъ кареты на свое крыльцо. Принадлежа весь долгу своему, онъ было забылъ, что писалъ къ Маріорицѣ: такъ одна страсть обхватывала вдругъ эту душу, не давая въ ней мѣста другой. Появленіе неотступной цыганки, этого ужаснаго Полифема въ женскомъ видѣ, готовой, кажется, броситься на него и истерзать, напомнило ему и письмо его, и всю гнусность обольщеній, по которымъ онъ провелъ сердце неопытной дѣвушки. Эта мысль помутила въ немъ чистоту и возвышенность измѣреній, возбужденныхъ твердостью друзей его. Что еще готовитъ ему отвѣтъ княжны! Онъ спѣшитъ и боится прочесть его; онъ кается, что писалъ къ ней, и до того дошелъ, что желаетъ въ ней

перемѣны чувствъ. Можетъ быть, и произвела это въ ней вѣсть объ его женитьбѣ. Кабы такъ?.. Чудный человѣкъ! могучъ, какъ море, и непостояненъ, какъ оно съ своими отливами и приливами: то безбоязненно ходятъ на днѣ его птички, то на разъяренныхъ волнахъ своихъ поднимаетъ оно корабли до облаковъ.

«Маріорица предалась мнѣ, думаетъ онъ, увлекаясь чувствомъ прекраснаго, пустившаго уже во всемъ существѣ его сильные побѣги. — Маріорица моя, но еще не осквернена преступленіемъ. А свѣтъ?.. онъ считаетъ ее преступницею со дня рокового вечера. Свѣтъ! это завистливое собраніе личностей, готовое оклеветать все, что только дѣлается не для каждой изъ нихъ, и поднять до небесъ все, что ей льститъ! Стоитъ мнѣ побѣдить себя, возвратить Маріорицу этому себялюбивому уроду, и, снова предметъ его надеждъ и искательства, взлелѣянная снова имъ, она выйдетъ чиста и непорочна изъ устъ его, будто сейчасъ вышла изъ купели.

Что за чародѣй человѣкъ, когда нужно ему оправдать свои проступки и помириться съ судьбой! Какъ легко въ мысляхъ своихъ разстановляетъ онъ на сценѣ міра актеровъ, разыгрывающихъ съ нимъ драму его жизни, заставляетъ ихъ говорить, дѣйствовать и чувствовать по-своему, и ведетъ эту драму къ желанному концу! Какой онъ искусный лекарь для тѣхъ ранъ, которыя самъ надѣлалъ и растравилъ такъ мастерски! Но подумалъ ли ты, Артемій Петровичъ, что сердце, которое ты смѣсилъ въ своихъ рукахъ, по горячей прихоти своей, приняло уже форму, которую ты хотѣлъ ему дать, и отвердѣло въ ней такъ, что ты можешь перемѣнить ее не иначе, какъ разбивъ? Поду-

малъ ли, что ты развратилъ уже несчастную дѣвушку страстными рѣчами; письмами, лобзаніями; что ты отдалъ ее въ добычу общественному мнѣнію? А знаешь ли, что такое въ твое время общественное мнѣніе? Эхо сильнаго и богатаго, — ротозѣй, который ловитъ мухъ, и готовъ, смотря по намеку своего повелителя, назвать ихъ соловьями или тарантулами, — выточенное искусно до пустоты дерево, издающее звукъ, угодный камеръ-тону, въ него ударяющему, — обезьяна, повторяющая темпы временщика! Свѣтъ молчитъ, пока властелинъ его сковалъ ему уста грозою: но одно слово — и безчестье бѣдной дѣвушки, какъ ходячая монета, разойдется по рукамъ черни, жадной къ злословію. Знаю, что Маріорица еще достойна обожанія, но прибавь — обожанія мудреца, не дающаго своего суда по первымъ признакамъ и вліянію другихъ. Глупое множество судитъ иначе, по одной наружности, или какъ ему прикажутъ. Ты, забывшись, обнялъ кумиръ въ глазахъ черни, и чернь перестала ему поклоняться, и безсмысленная повергаетъ его въ прахъ. Ты возстановляешь его, снова служишь ему съ благоговѣніемъ, приносишь чистыя жертвы, достойныя божества, созидаешь ему храмъ до неба; но чернь говоритъ: — кумиръ оскверненъ — и бѣжитъ поклоняться другимъ богамъ.

Зуда встрѣчаетъ Волынскаго и, не давъ ему прочесть отвѣтъ княжны, разсказываетъ, съ какими прекрасными намѣреніями тріумвиратъ друзей собрался на свой подвигъ, какъ Перокинъ рѣшался пожертвовать благополучіемъ своей сестры дѣлу общему, уничтоживъ бракъ ея съ Артеміемъ Петровичемъ. Пристыженный такимъ великодушіемъ, Волынскій даетъ

обѣтъ не уступить имъ въ благородствѣ, чтобы ни заключалось въ отвѣтѣ Маріорицы. Онъ колеблется даже, не раскрывъ письма, сжечь его. Но на днѣ сердца затаилась еще любовь вмѣстѣ съ первороднымъ грѣхомъ, любопытствомъ, и онъ читаетъ отвѣтъ княжны. Слезы капаютъ на письмо: онъ цѣлуетъ бумагу.

— Нѣтъ, я недостоинъ всѣхъ этихъ жертвъ, — говоритъ онъ, отдавая Зудѣ письмо для прочтенія. — Ѣду на свиданіе — не могу не ѣхать... Господи! подай мнѣ твердость. Другъ! Молись за меня о томъ же.

Но прежде, чѣмъ онъ отправляется на это свиданіе, поручаетъ Зудѣ вложить въ разсѣлину камня, въ оградѣ Лѣтняго сада, бумажку, на которой написано: «*Наднях*ъ, *или я дѣйствую одинъ*!» Такъ приказалъ тайный, неизвѣстный другъ на случай нужды въ немъ.

Онъ ѣдетъ въ условленный часъ, но боится, чтобы клевреты Бирона не подшутили вновь надъ нимъ; онъ страшится за Маріорицу, и молитъ всѣ силы небесныя сохранить ее отъ новой бѣды, а ему не дать упасть въ борьбѣ неравной

За нѣсколько сотъ шаговъ до дома Апраксина, оставляетъ Волынскій свои сани. Ночь темна, онъ бредетъ ощупью вдоль стѣнъ, и у назначеннаго мѣста становится на стражѣ въ пустой будкѣ. — «И теперь, — думаетъ онъ, — долженъ я проститься навсегда съ этой чародѣйкой, для которой было забылъ отечество, друзей, жену, все на свѣтѣ, теперь, когда она отдается мнѣ совершенно и лучшія мечты мои исполняются? Чѣмъ не пожертвовалъ бы я, нѣсколько недѣль назадъ, еще вчера, за мигъ, который мнѣ нынѣ обѣщанъ и котораго страшусь! Но подвигъ, мною затѣянный, не свыше ли силъ человѣка?.. Устою ли я про-

тивъ него? Друзья въ тюрьмѣ, отечество гибнетъ: вотъ мысль, которою долженъ я себя поддерживать.

И вотъ онъ ждетъ Маріорицу полчаса и болѣе, въ шорохъ шаговъ запоздалаго прохожаго или ночного лазутчика, въ шелестѣ вѣтра, въ полетѣ птицы, въ огонькѣ, блеснувшемъ и померкшемъ въ одной изъ дворцовыхъ комнатъ. Никого. Окостенѣвъ отъ холода, выходитъ онъ изъ своей засады... слышенъ говоръ... сердце у него замираетъ — все опять замолкло: никого! Тихо, жутко, какъ на кладбищѣ. Вдругъ мимо его пронеслось что-то черное, какъ духъ полуночный, какъ вихрь, и пахнуло на него ужасомъ; но, замѣтивъ его, остановилось, страшно взглянуло ему въ глаза, и захохотало такъ, что подрало его по кожѣ и волосы встали дыбомъ. Онъ за привидѣніемъ, хочетъ его схватить — привидѣніе отъ него, и снова адскій хохотъ разсыпается въ тишинѣ ночи, и ужасъ впился когтями въ сердце, и терзаетъ его на части.

— Опоздалъ! — каркнулъ наконецъ будто надъ его ухомъ зловѣщій голосъ, сопровождаемый свистомъ и скрежетомъ зубовъ: — ужъ было проклятіе!.. Но все-таки ты пришелъ поздно, голубчикъ!..

Внѣ себя, Волынскій ищетъ схватить вѣщуна, и хватаетъ одинъ холодный воздухъ. Ему чудится, сыпалъ искры слѣдомъ бѣсовскій глазъ и кто-то чернымъ клубомъ кувыркался предъ нимъ по снѣгу. Крестъ, охотничій ножъ, спасутъ его отъ злого духа или человѣка; но что сдѣлалось съ княжною? почему не пришла она на свиданіе, ею самой назначенное? Не насмѣшка ли?.. Не можетъ быть! Какое-нибудь несчастіе задержало ее дома или переняло на пути!.. Онъ идетъ таки ко дворцу, бродитъ долго около него — ни

одной души, кромѣ часовыхъ! Къ страху, къ мукѣ душевной, присоединилось вскорѣ и чувство физической боли: морозъ обулъ его ноги въ ледяные коты, накинулъ на грудь ледяной панцырь, который кольцами своими дальше и дальше врѣзывается ему въ тѣло. Нѣтъ силъ терпѣть болѣе! Онъ возвращается къ своимъ санямъ съ тяжелою ношею страшныхъ воспоминаній и еще ужаснѣйшей неизвѣстности объ участи княжны, проникнутый насквозь холодомъ, проклиная свою любовь, себя и все въ мірѣ. Ужъ эта любовь начинаетъ ему надоѣдать...

Съ княжною вотъ что случилось.

Нетерпѣніе любви заставило ее выдти изъ дворца нѣсколькими минутами ранѣе назначеннаго для свиданія времени. Ее нельзя признать въ одеждѣ горничной; такой прелестной субретки еще свѣтъ не видывалъ. Любовныя проказы такъ же обыкновенны во дворцѣ, какъ и въ хижинѣ, и ее пропустили вмѣстѣ съ Груней безъ препятствій, тѣмъ легче, что надзоръ за нею, какъ мы сказали уже, былъ снятъ по повелѣнію герцога. Но шагъ за дворцовое крыльцо, и ее ожидаетъ присмотръ болѣе строгій, болѣе неусыпный, замѣняющій цѣлую сторожевую цѣпь, самую исправную полицію, превосходящій своею бдительностію даже шпіоновъ Бирона: это присмотръ матери. Сердцу Маріулы дана вѣсть, что дочери ея грозитъ бѣда, и она съ первою тѣнью ночи на безсмѣнной стражѣ, у маленькаго дворцоваго подъѣзда. Никто не смѣетъ ее отгонять: она купила это право заслугами Липману.

Все существо ея обратилось въ слухъ. Видите ли, какъ она изъ-за колонны вытягиваетъ шею, будто пеликанъ изъ гнѣзда своего, стерегущій птенцовъ отъ

хищнаго звѣря; видите ли, какъ сверкаетъ ея одинокій глазъ и роетъ во мракѣ и удитъ въ немъ предметы, какъ она жаднымъ ухомъ прислушивается ко всему, что только движется? Сквозной вѣтеръ отъ Невы хлещетъ ее крыломъ по лицу, морозъ прохватываетъ до сердца, коробитъ ее — Маріула терпитъ. Одна мысль держитъ еще теплоту жизни въ ея груди: она, можетъ быть, спасетъ дочь свою отъ погибели. Бѣдная грѣетъ попеременно руки, то подъ мышками, то своимъ дыханіемъ; она боится переминаться, чтобы не заскрипѣть по снѣгу ногами. Бьетъ зубъ объ зубъ, какъ у собаки, окоченѣлой отъ холода; мысли мутятся, но одна изъ нихъ не покидаетъ ее — мысль о спасеніи дочери. Вотъ идутъ... Сходятъ съ лѣстницѣ двѣ женщины... оглядываются... Вѣтеръ пахнулъ на лица ихъ бѣглый свѣтъ отъ фонаря: одна изъ нихъ — Маріорица; это она, сердце матери не могло ошибиться. Дано имъ нѣсколько шаговъ впередъ, и въ нѣсколько прыжковъ цыганка догнала ихъ.

— Куда ты, барышня? — спросила она встревоженнымъ голосомъ, остановивъ княжну за рукавъ шубы.

Маріорица хотѣла бѣжать, но, узнавъ голосъ цыганки, остановилась.

— А, это ты? — сказала она, — какъ ты меня испугала! Что, отдала?.. Будетъ?..

Этотъ вопросъ все объяснилъ матери.

— Отдала... Но ты не пойдешь далѣе! — произнесла Маріула глухимъ, но твердымъ, повелительнымъ голосомъ, стиснувъ ей руку своею.

— Какая царица!.. Пусти-жъ!.. Тебѣ что за забота?

— Мнѣ, мнѣ много заботы. Ни съ мѣста, говорю

тебѣ, или я тебя опозорю, закричу *слово* и *дѣло*, созову народъ, встревожу дворецъ, весь городъ.

— Проклятая цыганка!.. Хочешь денегъ? Мало что-ль тебѣ дано?

— Нѣтъ, мнѣ дано много..: надъ тобою, видишь, тамъ на небѣ, откуда блеститъ звѣздочка, — произнесла Маріула вдохновеннымъ голосомъ; потомъ силою отведя ее отъ Груни въ сторону, наклонилась на ухо и сиповатымъ шопотомъ, въ изступленіи прибавила: — Я... мать твоя. Вспомни таборъ цыганскій, пожаръ въ Яссахъ... похищеніе у янычара, продажу пашѣ, уродство мое, чтобы не признали во мнѣ твоей матери: это все я, вездѣ я, гдѣ грозила только тебѣ бѣда, и опять я... здѣсь, между тобою и Волынскимъ: слышишь ли?

Она говорила, и казалось, вся утроба ея трепетала; въ горлѣ ея бился предсмертный колоколецъ.

Въ этихъ словахъ было столько могущества, столько ужасной истины, что княжна въ какомъ-то очарованіи, въ какомъ-то непонятномъ убѣжденіи, что это ея мать, не показывая ни радости, ни печали, не говоря ни слова, уничтоженная, машинально повлеклась назадъ во дворецъ. Но цыганка изнемогла: жестокость ударовъ, нанесенныхъ ей въ такое короткое время, безпрерывная душевная тревога, страхъ за дочь, ночи безъ сна на холодѣ, дни безъ пищи, проклятіе дочери, мысль, что погубила ее, открывъ, что она, цыганка, ея мать, помутили тутъ же ея разсудокъ. Бѣдная мать!

Мы разсказали ужъ, какъ она, въ первомъ припадкѣ своего сумасшествія, встрѣтила Волынскаго и столько напугала его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВОТЪ КАКОВЫ МУЖЧИНЫ!

Aussi tu me dois plus que de l'amour... tu dois m'aimer comme maitresse et comme mère... enr tends-tu, Henri, il y va de ton honneur... ca. c'ste une chose sainte et sacrée qu' un tel amour-

Suc.

Что скажетъ ему Маріорица въ оправданіе? что можетъ она сказать? Она встрѣтила свою мать, цыганку—не такъ ли? Тогда какъ Волынскій хочетъ развестись съ женою для того, чтобы жениться на ней, жениться однакожъ на княжнѣ, любимицѣ государыни—не на цыганкѣ же! Чтобъ ему принадлежать, она готова идти къ нему въ услуженіе; ея любовь выдержитъ всѣ превратности судьбы, всѣ пытки; но выдержитъ ли это испытаніе его сердце? Ужасная ночь! Съ какою безотчетною радостью шла она въ объятія друга, и вмѣсто сладкаго поцѣлуя, прожгло все ея существо клеймо позора. На какія жертвы рѣшалось пламенное дитя Востока, и чѣмъ вознаграждена за это!... Она горько плачетъ, она смочила всю подушку слезами, хотѣла бъ выплакать на ней свое сердце, свою жизнь. Но мысль разстаться съ нимъ, какъ бы то ни было, хоть смертью, для нея ужаснѣе всего

Дочь цыганки!.. отъ одной мысли объ этомъ кровь останавливается и стынетъ, разсудокъ мутится. Но, полно, говорено ли это было?.. Слышала ли она точно эти слова? Если и сказано, не обманъ ли изъ какихъ-нибудь видовъ?.. «Нѣтъ,—говоритъ Маріорица сама съ собою, все это слышала я, все это слишкомъ горькая правда! Такъ—помню, будто во снѣ, телѣгу съ навѣсомъ изъ грубаго холста, теплую грудь и теплыя лобзанія женщины, пожаръ и опять эту женщину въ борьбѣ съ янычаромъ, похищеніе, завѣтъ и опять ее, и вездѣ ее. Кто-жъ это все, какъ не мать?.. Понимаю теперь и первое страшное свиданіе наше здѣсь, въ Петербургѣ, и робость ея, и жаркія ласки, которыя только можетъ выдумать мать и которыхъ мнѣ было такъ стыдно, не знаю отъ чего. О! съ какою нѣжностью, съ какою любовью цѣловала она мои руки, и я не понимала, почему посторонняя женщина меня такъ любитъ. За деньги Волынскаго,—думала я. Неужели сердце можно купить до такого притворства? Пускай придетъ она, я сама расцѣлую ея руки сто, тысячу разъ, оболью ихъ слезами... Только, чтобъ никто этого не видалъ,—чтобы *онъ* не узналъ! Да она этого сама не потребуетъ. Понимаю теперь и заботы обо мнѣ, и брошенныя деньги, будто обожгли онѣ ее. Самая эта ночь не доказываетъ ли ея любви? Она говорила, что изуродовала себя для меня-жъ—навѣрно, чтобы не признали во мнѣ ея дочери. Волынскій сказывалъ вѣдь мнѣ когда-то, что видѣлъ женщину, на меня очень похожую: онъ говорилъ, конечно, про нее! Добрая мать!.. Чѣмъ я тебѣ заплатила за это? постыдными порученіями, проклятіемъ!.. Господи милостивый, возьми назадъ мое безумное слово!.. Матушка, прости

меня! Добрая, несчастная мать! несчастная дочь! Видно, обѣ родились подъ злополучною звѣздою!»

Такъ говорила сама съ собою Маріорица, обливаясь слезами. На всѣ вопросы Груни отвѣчала она только, будто цыганка сказала ей, что Артемій Петровичъ не могъ придти на свиданіе.

Роковая тайна была похоронена на днѣ сердца, но съ этого дня червякъ смерти засѣлъ уже въ немъ. Правду говорила когда-то Маріорица цыганкѣ—первый поцѣлуй сжегъ ее.

На другой день послѣ этого происшествія, сидѣлъ Волынскій дома въ своемъ кабинетѣ, озабоченный участью своихъ друзей, преданныхъ суду, и ломая себѣ голову, какъ бы скорѣе распилить цѣпи на нихъ и Россіи. Повѣренный камень, на углу Лѣтняго сада, отвѣчалъ ему: «*скоро, очень скоро, нынь, завтра, на дняхъ, или никогда!*»

— Не скрою отъ васъ,—говорилъ Зуда кабинетъ-министру,—что я работаю вдвоемъ, даже втроемъ; но клянусь вамъ, что не могу еще объяснить вамъ, кто мои сообщники, или чей я сообщникъ. Скажу только, что одинъ—мужчина, другая—женщина.

— Не спрашиваю, кто *вы*, не хочу спрашивать,—отвѣчалъ Волынскій;—боюсь нынѣ самъ за себя.... Дѣйствуйте, но только скорѣе, хоть бы стоило мнѣ это головы.

О! Богъ дастъ, мы спасемъ вашу голову, перемѣнивъ теперь способы нашихъ дѣйствій. Прежде, какъ вамъ извѣстно, старались мы взбѣсить Бирона ледяною статуей и другими средствами, чтобы онъ нагрубилъ ея величеству и вывелъ ее изъ терпѣнія; теперь хотимъ прямо къ сердцу государыни, но путями тихими,

вкрадчивыми, которые не могли бы ее испугать и которыхъ однакожъ не могла бъ она избѣгнуть.

Оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, Волынскій предался тоскѣ о прошедшемъ и какому-то тяжкому предчувствію. Голова его спустилась на грудь; черные, длинные волосы пали въ безпорядкѣ на прекрасное, разгорѣвшееся лицо и образовали надъ нимъ густую сѣть, сквозь которую глаза бросали отблескъ пламенной и сумрачной души. Въ такомъ точно состояніи застали мы его, когда сотни разноплеменныхъ паръ являлись къ нему на смотръ. Много ли прошло тому времени? Еще не было и праздника, для котораго дѣлался этотъ смотръ, а чего не извѣдало съ того дня его сердце, какого блаженства и мукъ оно не испытало! Онъ мысленно прошелъ фазы своей безумной любви, и слезы закапали изъ глазъ.

Свѣча нагорѣла, думы смѣняли думы; дремота отягчила его вѣки, и онъ заснулъ.

Впросонкахъ слышитъ суету въ домѣ, потомъ скрипъ дверей.... Открываетъ глаза, и видитъ предъ собою въ сумракѣ.... женщину въ пышномъ расцвѣтѣ лѣтъ и красоты, съ голубыми глазами, въ которыхъ отражается цѣлое небо любви! Замѣтно, однакожъ, что оно подернуто облакомъ уныніе. Щеки ея пылаютъ, густые, бѣлокурые локоны раскиданы въ безпорядкѣ по шеѣ, бѣлой, какъ у лебедя. Боже! не видѣніе ли это?... Это жена его!

Волынскій не смѣетъ пошевелиться

Она стоитъ у дверей, какъ изгнанная Пери у воротъ рая; она смотритъ на него съ робостью, ищетъ чего-то въ глазахъ его, проситъ, умоляетъ о чемъ-то и боится подойти. Никогда не казалась она ему такъ

хороша! Любовь и еще какое-то чувство, не менѣе горячее, но болѣе чистое, вооружили ее въ эти минуты всѣми своими прелестями для побѣды надъ невѣрнымъ.

Въ смущеніи продираетъ Волынскій глаза.

— Ты не узнаешь меня, Артемій Петровичъ?— говоритъ она ему, смягчивъ упрекъ нѣжностью выраженія, и слезы заструились по ея лицу.—Ты не выгонишь меня теперь; развѣ выбросишь меня мертвую, истоптавъ прежде своими ногами; но знай.... ты погубишь со мною своего младенца. Я пришла къ тебѣ на судъ мужа и отца.

— Наташа! милая Наташа!—могъ только произнести Волынскій, и она въ объятіяхъ его.

И онъ увлекаетъ ее къ себѣ на колѣна, прижимаетъ ея руки къ сердцу, цѣлуетъ ее въ очи и въ уста. Она прильнула къ нему всѣмъ существомъ своимъ, обвилась около него, какъ плющъ, то прижимаетъ его страстно къ груди своей, то посмотритъ ему въ очи, не вѣря своему счастію, то милуетъ его, рѣзвится, какъ дитя, убираетъ его кудри, потопивъ въ нихъ свои розовые пальчики, то путаетъ съ ихъ черною смолью ленъ своихъ кудрей.

— Милый Артемій!—говоритъ она, упоенная чистымъ восторгомъ,—вижу, ты меня любишь попрежнему... А какъ они мнѣ солгали, жестокіе!.. Будто ты... нѣтъ, нѣтъ, языкъ не двигается, чтобы выговорить ихъ ложь. Не вѣрю! Они, можетъ статься, хотѣли испугать меня и заставить скорѣе пріѣхать. Но ты простишь меня, когда узнаешь, зачѣмъ я такъ мѣшкала.

Она потупила свои прекрасные глаза и покраснѣла, какъ дѣвушка.

— Видишь,—прибавила она, взявъ его руку и приложивъ ее подъ сердце:—здѣсь наше дитя.... ты отецъ его!

Только тотъ, кто въ первый разъ носитъ это имя, можетъ понимать все высокое этого слова, все его очарованіе. Но Волынскій боится вѣрить и предаться новому чувству: оно такъ неожиданно! Не обманываетъ ли жена, чтобы болѣе привязать его къ себѣ? Она знаетъ, какъ онъ желаетъ дѣтей.

— Ты не вѣришь, другъ мой?...

Тутъ она взглянула на образъ Божьей Матери, стоявшій въ углу въ кіотѣ.

— Повѣрь Ей!... Возьми, положи свою руку, вотъ здѣсь.... слышишь, какъ трепещетъ твое дитя, будто рыбка; онъ отозвался своему отцу, онъ тебя привѣтствуетъ.... Я сама не вѣрила, когда поѣхала въ Москву, долго не вѣрила. Но когда узнала совершенно, что я мать.... не вѣдаю, что со мною дѣлалось отъ радости; счастье мое было такъ велико, что я не смѣла ему предаться и потомъ боялась его потерять. Я прибѣгнула къ Богу, къ святымъ угодникамъ Его, съ молитвами сохранить наше дитя; ѣздила къ Троицѣ на поклоненіе Сергію Чудотворцу, въ Кіевъ къ почивающей тамъ Святынѣ, въ Нилову пустынь. Для чего жъ другого оставаться было мнѣ такъ долго безъ тебя! Но вездѣ мысль о тебѣ меня не покидала; на пути, въ храмахъ Божьихъ, у святыхъ гробницъ, ты былъ со мною; вездѣ молилась о тебѣ, о твоемъ здоровьѣ, о твоей любви ко мнѣ. Думала, какъ ты обрадуешься неожиданной вѣсти—тебѣ такъ хотѣлось дѣтей!... Пишу къ тебѣ письмо объ этомъ; но ты, видно....

— Не получалъ, другъ мой!

— Злые люди! Какъ они искусно работали!... Не получалъ?... И вотъ причина твоего молчанія. Но я все-таки не переставала думать, какъ тебя это обрадуетъ. И вдругъ, въ Москвѣ говорятъ мнѣ, что ты полюбилъ какую-то молдаванскую княжну.... братъ мой пишетъ, что ты хочешь....—Господи! не понимаю теперь, какъ у меня достало силъ жить послѣ этого письма...—онъ писалъ, что хочешь развестись со мною. И братъ самъ уговаривалъ меня, для какого-то общаго блага, согласиться на этотъ разводъ. Меня съ тобою разлучить?... О! они не знаютъ меня! Пускай самъ Богъ придетъ развести насъ!... (Наталья крѣпче обвила его своею рукою, какъ будто боролась еще, чтобъ его не отняли у нея). Злодѣи! едва не убили меня, наше дитя. Не знаю, какъ я все это перенесла. Я молила Пречистую Дѣву Богородицу сохранить тебя отъ убійства; едва не выплакала душу свою въ молитвахъ. Милости Ея велики; все, что насказали мнѣ о тебѣ, ложь, я это вижу, я это чувствую по твоимъ ласкамъ. Хочу думать, что все это былъ сонъ ужасный! Повтори мнѣ, милый Артемій, что это все солгали злые, завистливые люди, что ты любишь меня попрежнему.

— Да, милая, душа моя, это все ложь,—повторялъ Волынскій, осыпая ее самыми пламенными ласками, отъ которыхъ она убиралась въ лучшіе цвѣты счастія, какъ невѣста къ вѣнцу, и горѣла непзъяснимымъ восторгомъ.—Можетъ статься, это вышло оттого, что я пошутилъ съ одною полоненной княжной.... но божусь тебѣ, это была шалость, глупость, вспышка одинокаго сердца, развлеченіе отъ скуки безъ тебя.... Негодные! стоило ли изъ этихъ пустяковъ пугать тебя!... Съ чѣмъ

могу я тебя сравнить, тебя, прекраснаго, безцѣннаго друга!... Какъ сладко любить безъ боязни! Ни Богъ, ни люди не мѣшаютъ намъ.

Можетъ быть, вспомнилъ онъ въ это время вчерашній морозъ, страхъ и муки.

— Восторги наши такъ чисты, а кто намъ мѣшаетъ быть самыми страстными любовниками? Не правда ли?

— О! я буду молить Бога дать мнѣ уразумѣть все, что есть прекраснаго, дорогого въ любви на землѣ и въ небѣ, соберу въ груди моей всѣ сокровища ея, весь міръ любви, открою всѣ заповѣдныя тайны ея, и буду истощать ихъ для тебя, милый другъ! Сердце научитъ меня находить для тебя новыя ласки, каждый день изобрѣтать новыя.

— Безцѣнная!... Нѣтъ, я тебя не зналъ! (И въ забвеніи страсти онъ хотѣлъ сказать: «и я могъ промѣнять тебя!...» но остерегся). Такъ у насъ будетъ дитя, милое, прелестное, похожее на тебя? можетъ быть, дочка!

— Нѣтъ, я подарю тебѣ сына, такого же пригожаго, статнаго, какъ и ты. Посмотри, сдержу ли слово!

Съ этихъ минутъ любовь и счастіе семейное водворились въ домѣ Волынскаго, и Маріорица была забыта.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЮБОВЬ ПОВѢРЕННАЯ

Когда Зуда говорилъ, что изъ любви Маріорицы построитъ лѣстницу хоть на небо, онъ зналъ, что́ говорилъ. Поспѣшая воспользоваться этою любовью для своихъ видовъ, написалъ слѣдующее письмо къ княжнѣ:

«Обстоятельства, въ которыхъ находится г. Волынскій, заставляютъ адресоваться прямо къ вамъ безъ околичностей. Я—Зуда, секретарь и другъ его; отъ меня ничего не имѣетъ онъ скрытаго. Этотъ приступъ достаточенъ, чтобы меня выслушать.

«Вамъ извѣстно, что друзья Артемія Петровича за смѣлую выходку противъ герцога курляндскаго посажены въ крѣпость и ждутъ тамъ своего смертнаго приговора. Не миновать этого-жъ и Артемію Петровичу, если какая-нибудь могучая рука, силою чудотворною, силою безпредѣльной дружбы или любви, не оградитъ его заранѣе и сейчасъ отъ удара, на него

ужъ нанесеннаго. Требуется высокая энергія, самоотверженіе, готовое на всѣ жертвы. Угадываю, скажете вы: «мнѣ предстоитъ этотъ подвигъ, и никому другому».

«Такъ: вамъ, княжна, вамъ, благороднѣйшее, возвышенное существо, предлагаю этотъ подвигъ; вы позавидуете, если онъ будетъ предоставленъ другому. Можетъ статься, нужно броситься прямо въ огонь; но это единственное средство спасти человѣка, который вамъ такъ дорогъ, не говорю уже, необходимъ для Россіи. Не упоминаю вамъ о благѣ человѣчества въ этомъ случаѣ: вы этого теперь не поймете. Представляю только гибель любимаго человѣка, обращаюсь только къ сердцу вашему, и, увѣренъ, скорѣе достигну, чего хочу. Грустно, больно было бы мнѣ, да и напрасно объяснять вамъ, что появленіе ваше въ Петербургѣ, ваши наружныя и душевныя совершенства, которымъ никто не могъ бы противиться, отняли у насъ государственнаго человѣка, вырвали краеугольный камень изъ-подъ храма, начатаго имъ во имя спасенія отечества. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ васъ, онъ забылъ всѣ святыя обязанности свои, измѣнилъ супругѣ, друзьямъ, чести, Богу. Враги его воспользовались слабостью его или страстью, чтобы сдѣлать ее орудіемъ своихъ козней. Но да идутъ мимо вашего сердца эти слова. И пойдутъ они навѣрно мимо! Все это для васъ вздоръ; ваше сердце не пойметъ теперь ничего изъ этого. И потому не говорю: возвратите его святымъ его обязанностямъ — напоминаю только гибель любимаго человѣка, твержу только: спасите его отъ плахи и униженія, которое для него еще ужаснѣе смерти.

«Минуты дороги. Вотъ въ чемъ дѣло.

«Вы найдете здѣсь двѣ бумаги. Постарайтесь всячески, чтобы государыня ихъ увидѣла и прочла, но подъ условіемъ, чтобы Бирона при этомъ случаѣ съ нею не было. Да благословитъ васъ любовь на этотъ подвигъ! Провидѣніе, конечно, васъ назначило спасти любимаго человѣка отъ гибели и позора. Что можетъ быть сладостнѣе этого для васъ, существо необыкновенное!

«Но какимъ образомъ, — спроситъ васъ государыня, — достались вамъ эти бумаги? Учитель вашъ Тредьяковскій, — скажете вы, — оставилъ у васъ книгу (которую при семъ посылаю); перебирая листы ея, нашли вы бумаги и при нихъ записку (тоже здѣсь прилагаемую). Съ Тредьяковскимъ мы ужъ сдѣлаемся на случай, если-бъ потребовали его къ государынѣ на-лицо для допроса. Записку можете ей показать. Вручаю вамъ судьбу А. П.»

«Если вы любите государыню, — сказано было въ особой запискѣ, — если вамъ добрая слава ея и спокойствіе дороги, вручите ей осторожнѣе вложенныя въ книгу Тредьяковскаго бумаги, но только тогда, когда не будетъ у нея злодѣя Бирона».

Все это перешло чрезъ руки негра Волынскаго въ руки черномазой его пріятельницы, жившей во дворцѣ, и никто не видалъ, какими путями эта посылка закралась на грудь Маріорицы.

Какъ дорого ей это порученіе!.. Не другому кому, не женѣ его врученъ залогъ его спасенія. Ей, одной ей!.. Провидѣніе знаетъ, что она любитъ его болѣе всѣхъ на свѣтѣ. Какъ радуетъ ее, возвышаетъ это порученіе! Она забываетъ ужъ свое горе, бѣдственную

ночь, мать; спасеніе милаго Артемія тутъ, у сердца ея, тутъ онъ самъ, его жизнь, его спокойствіе, счастіе, честь! Какая нужда для нея, что она цыганка: она выше всѣхъ въ мірѣ — она спасительница милаго человѣка! — «Онъ узнаетъ,—говоритъ сама Маріорица,— что все это я, не кто другой, для него сдѣлала. Еще прикажите что-нибудь, г. Зуда, но только именемъ его, и вы увидите, буду ли я умѣть исполнить».

И глаза этого прекраснаго созданія разгорались огнемъ неземнымъ, и щеки ея пылали. Съ какимъ восторгомъ примѣриваетъ она на себѣ терновый вѣнецъ, ей такъ разсчетливо предлагаемый! А Волынскій что дѣлалъ въ это время? Забывалъ ее въ объятіяхъ той, которой нѣкогда измѣнилъ для нея-жъ, дочери фатализма. Чтожъ была его любовь, пылкая, безумная?.. вы легко отгадаете. Не ошибался и въ этомъ случаѣ Зуда!

Вечеръ во дворцѣ.

Государыня необыкновенно тосковала во весь день. Въ ушахъ и сердцѣ ея отзывались смѣлыя истины, сказанныя ея вельможами. Несчастія Россіи, если и вполовину существовали, какъ ей изобразили, налегли на грудь ея, и безъ того растерзанную болѣзнями и привычкою къ предмету недостойному. Освободиться однако-жъ отъ него не имѣла силъ. Биронъ, понимая очень хорошо свое настоящее положеніе, былъ весь день неотступно при ней, окружалъ ее своею заботливостью и изыскивалъ средства разсѣять грустное состояніе императрицы. Стрѣльба въ цѣль въ галлереѣ, нарочно для того устроенной, карты, шуты, дурочки, ничто не могло ее разсѣять. Наконецъ она объявила герцогу, что очень нездорова и желаетъ остаться одна.

Спросивъ руку княжны и опираясь на нее, государыня перешла въ свою спальню.

— Дитя мое, — сказала она, подвигаясь къ креслamъ, стоявшимъ возлѣ кровати, — какъ стучитъ у тебя сердце! такъ и бьетъ мнѣ въ руку. Здорова-ли ты?

— Здорова, — отвѣчала Маріорица, встревоженная приближеніемъ роковой минуты, въ которой должна была рѣшиться участь любимаго человѣка, — но безпокоюсь о васъ.

Вмѣсто отвѣта, Анна Іоанновна съ нѣжностью пожала ей руку и едва дошла до креселъ, въ которыя тяжело рухнулась. Она велѣла было позвать камеръдѣвицу, чтобы подать ей другія кресла, на которыя обыкновенно клала больныя ноги; но Маріорица съ какою-то упрямою заботливостью сама спѣшила все это исполнить, стала возлѣ нея на колѣна и начала слегка поводить ладонью то по одной, то по другой ногѣ государыни, какъ это дѣлалось каждое утро и вечеръ для облегченія ея страданій. Дѣтскія попеченія ея, замѣтно, были пріятны Аннѣ Іоанновнѣ.

Онѣ были однѣ въ комнатѣ. Безмолвіе нарушалось только вздохами страждущей императрицы Свѣтъ отъ тройного канделябра сквозилъ черезъ голубой штофъ занавѣсовъ и падалъ на блѣдное лицо ея, отъ чего оно принимало синеватый цвѣтъ мертвизны; утомленные глаза ея повременамъ закрывались, и, чтобы усилить еще это подобіе смерти, пышная кровать возлѣ нея, съ своимъ убранствомъ, казалась великолѣпнымъ катафалкомъ, готовымъ принять останки того, что была нѣкогда царица. Смотря ей пристально въ глаза и слѣдя за движеніемъ ея губъ, княжна какъ бы стерегла выходъ ея души изъ тѣла. Кто-бъ подумалъ,

чтобы здѣсь, въ этихъ двухъ женщинахъ, одной, носящей уже всѣ признаки смерти и уничтоженной подъ тяжестью предчувствія, — другой, юной, но слабой, дочери цыганки, принадлежащей единственно любви, ничего не постигающей, кромѣ нея, заключалась въ эти мгновенія судьба имперіи!.. Нѣсколько минутъ продолжалось ихъ безмолвное состояніе.

— Господи! — молила княжна, обмирая отъ страха пропустить удобное время для подачи бумагъ, — Господи! брось мнѣ на этотъ разъ въ душу лучъ своего уразумѣнія.

Наконецъ государыня открыла глаза и сказала:

— Довольно, милая! мнѣ легче.

Маріорица, все стоя на колѣнахъ, схватила ея руку, съ жаромъ прижала ее къ губамъ своимъ — губы были холодны; на руку государыни закапало что-то горячее.

— Что съ тобою? ты плачешь, кажется?

— Государыня, когда я вижу, что вы страдаете, можетъ быть, и не однѣми тѣлесными болѣзнями, когда меня завѣряютъ въ этомъ люди вамъ преданные и даютъ мнѣ способы спасти васъ, что должна я дѣлать?

— Новая бѣда!.. Объяснись, что такое? — воскликнула государыня, оторвавшись отъ спинки креселъ, къ которымъ была прикована своимъ изнеможеніемъ.

Маріорица вынула изъ груди бумаги и, подавая ихъ, разсказала искусно, съ жаромъ, что велѣно ей было сказать. Дрожащими руками приняты бумаги, приказано осмотрѣть, не стоитъ ли кто у дверей, и, когда это было исполнено, государыня начала про себя чтеніе.

Одна изъ поданныхъ бумагъ былъ подлинный доносъ Горденки, за который его заморозили, допрашивали цыганку, застрѣлился Гросноть, пытали, мучили и уморили столько людей.

«Дойдетъ до государыни, — умирая говорилъ мученикъ, — я передалъ мое челобитье Богу».

И Господь услышалъ этотъ завѣтъ на порогѣ смертномъ, принялъ это условіе земли съ небомъ, уберегъ его сквозь всѣ препятствія человѣческія и вручилъ по назначенію. Сколько въ этой бумагѣ ужасныхъ истинъ насчетъ Бирона! Въ ней описывались разныя дѣйствія его жестокости и корыстолюбія такъ ясно, съ такими вѣрными доказательствами и важными свидѣтельствами, что можно было ихъ, какъ бы въ очи, видѣть.

«Но сердце твое, всемилостивѣйшая государыня, обольется кровью», — писано было между прочимъ въ доносѣ, — «когда узнаешь способы, употребляемые для обогащенія доимочнаго приказа, отдающаго отчетъ одному Бирону и его одного обогащающаго. Батоги, плети, окачиваніе на морозѣ водою, соленая пища безъ питья, тысячи жестокостей, какія только адская изобрѣтательность умѣетъ разнообразить и оттѣнить, употребляемы безъ всякаго уваженія къ истинному несчастію и безъ всякой отвѣтственности. Закона тутъ въ поминѣ нѣтъ; надъ всѣмъ владычествуетъ одна воля Бирона. Изъ тысячи случаевъ спишу тебѣ, всемилостивѣйшая государыня, только два, которые покажутъ, какъ сборщики должны быть осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ, и внушатъ твоему сердцу правила для руководства ихъ въ подобныхъ случаяхъ: да различаютъ они на будущее время неплательщика по несча-

стію, насланному свыше, отъ несостоятельнаго по закоснѣлой лѣни, разврату или упрямству. Самодержавное слово твое пусть облегчитъ участь одинокихъ, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ, несчастныхъ, которыхъ настигла кара Божія, лишивъ болѣзнями нѣсколько рабочихъ рукъ, падежомъ — скота, пожарами — крова, неурожаемъ — куска хлѣба. Составители закона должны помнить, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, а не съ вещью, готовою все вытерпѣть.

«Въ село NN [1]) на самое Рождество Христово нахлынули сборщики. Святость дня должна бы ужъ освободить отъ подобнаго нашествія. Напротивъ, они, кажется, выбрали одинъ изъ самыхъ торжественныхъ праздниковъ христіанина, чтобы наругаться надъ человѣчествомъ, котораго образъ благоволилъ принять въ этотъ день самъ Искупитель. Они разсыпались по деревнѣ, какъ волки, на беззащитное стадо, требовали недоимокъ, безъ толку собирали ихъ, по собственной волѣ и расчету накладывали пени, обирали скотъ, земледѣльческія орудія, хлѣбъ въ амбарахъ, мучили, терзали безпощадно тѣхъ, которые и этими способами не могли удовлетворить ихъ. Стукъ палочныхъ ударовъ смѣнялся плачемъ и стенаніемъ. Надъ однимъ отцомъ многочисленнаго семейства, котораго онъ былъ единственнымъ кормильцемъ, обрушилась болѣе всего ихъ жестокость. На сходкѣ пытали его всѣми бироновскими пытками, но при каждой перемѣнѣ, вмѣсто денегъ, получали отъ него отвѣтъ, что у него шестеро дѣтей, малъ-меньше другого, безъ матери, и что онъ не вѣдаетъ даже, гдѣ добыть имъ хлѣба.—«Лжешь!

---

[1]) Читателю до имени нѣтъ, кажется, нужды.

прикидываешься!» — кричали сборщики, и совѣщались, какого новаго рода пытку приложить къ нему. — «Батюшки, заплачу, — вопилъ несчастный, — дайте мнѣ только дойти до моей избы». — Съ этимъ условіемъ пріостановили новыя муки, для него изготовленныя. Въ ожесточеніи онъ приходитъ домой; навстрѣчу ему дѣти, обступаютъ его, просятъ у него хлѣба. — «Тотчасъ!» — говоритъ онъ, — всѣмъ достанется!» — Изступленный схватываетъ онъ ножъ и зарѣзываетъ все свое семейство. Одного шестимѣсячнаго, лежавшаго въ люлькѣ и надсѣвшагося отъ крика, беретъ окровавленными руками за ноги, приноситъ на сходку и съ ужаснымъ хохотомъ размаживаетъ ему голову о голову главнаго сборщика. — «Дайте жъ квитокъ, разбойники! — закричалъ онъ: — шесть душъ ровно изъ вашего счета вонъ».

«Черезъ недѣлю деревня опустѣла; въ польскихъ лѣсахъ появилась новая.

«Въ другомъ селѣ, при подобномъ случаѣ, отецъ отвелъ пятерыхъ дѣтей своихъ въ поле — это было зимою — и, несмотря на плачъ ихъ, всѣхъ заморозилъ. — «Я хоть одинъ пойду въ адъ» — говорилъ онъ — «зато вы избавитесь отъ мукъ бироновскихъ».

Въ другой бумагѣ, поданной Маріорицей, заключалось описаніе мученической смерти Горденки и послѣдствій ея.

При чтеніи этихъ бумагъ, государыня смочила платокъ слезами.

— Какъ насъ обманываютъ, — сказала она всхлипывая. — Я и сотой части этого не знала. Какъ терзаютъ бѣдное человѣчество, и все именемъ моимъ!.. Живой человѣкъ.., почти въ моихъ глазахъ... ледяная

кукла!.. Боже мой! этому нельзя почти вѣрить! И вотъ преданность, вотъ любовь ко мнѣ!.. Все это одна жажда корысти, одно желаніе властвовать надо всѣмъ, даже надо мною!.. Надо конецъ!.. Господи! прости мои прегрѣшенія и не лиши меня въ трудное это время Своей великой помощи.

— Милая,—прибавила она,—молчи обо всемъ, что ты знаешь изъ этихъ бумагъ, изъ этого вечера; я хочу собраться съ силами... чтобы наказать... О! какъ тяжело не имѣть ни къ кому довѣрія, не имѣть друга! И вотъ царскій санъ, которому столько завидуютъ!..

Государыня опять зарыдала.

— У васъ остается Артемій Петровичъ Волынскій — сказала княжна съ особеннымъ восторгомъ.— Вырвите свою довѣренность изъ рукъ недостойныхъ и отдайте ему... онъ достоинъ быть любимцемъ царей, вручите ему управленіе Россіи, и вы увидите, какая слава, какое счастіе прольется на народъ вашъ, какъ всѣ будутъ благословлять ваше имя!

Изумленная необыкновеннымъ одушевленіемъ, необыкновенною силою, съ которою говорила Маріорица, Анна Іоанновна пристально посмотрѣла ей въ глаза. отъ чего эта, краснѣя, потупила свои.

— Несчастная! — грустно произнесла государыня, качая головой:—и тебя успѣлъ обворожить этотъ чародѣй! и тебя не избѣгнулъ злой рокъ! О, молись, молись Богу!.. Теперь, позови камеръ-дѣвицу; тебѣ и мнѣ нуженъ покой.

Но княжна не двигалась. Опомнившись отъ смущенія, въ которое бросили ее догадки государыни, она разсчитывала, и очень вѣрно, что если нынѣ же, тотчасъ послѣ чтенія этихъ бумагъ, не сдѣлано хоть

рѣшительнаго приступа въ пользу Волынскаго, то впослѣдствіи и подавно ничего не сдѣлается. Любовь, и такая любовь, какъ ея, внушаетъ смѣлость; одушевленная ею, она сказала:

— Государыня, дайте же приказъ освободить...

— Друзей Волынскаго!—прервала Анна Іоанновна, какъ бы испуганная этою просьбою,—теперь... ночью?..

— Теперь же, государыня! Господь пошлетъ вамъ и лучшій сонъ, и утѣшеніе вашему сердцу.

Она говорила съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, съ такою нѣжностью цѣловала руки императрицы, что эта не могла отказать, велѣла подать себѣ чернильницу, перо и бумаги, и написала приказъ коменданту крѣпости — освободить изъ-подъ ареста трехъ вельможъ, засаженныхъ туда въ день празднованія извѣстныхъ родинъ козы.

Чрезъ минутъ пять хотѣли воротить посланнаго съ этимъ приказомъ—такъ была велика нерѣшимость Анны Іоанновны, все еще боявшейся выйти изъ-подъ опеки временщика,—но было поздно! Друзья пользовались уже свободою и, увѣренные, что вмѣстѣ съ нею падетъ могущество фаворита, благословляли за нее императрицу.

Съ какимъ умиленіемъ чистаго, благодарнаго сердца, съ какими радостными слезами молилась княжна, когда она пришла въ свою спальню!..

— Мнѣ, мнѣ обязаны его друзья своею свободою, его собственное счастіе, слава его — будетъ дѣломъ моимъ!—говорила она, въ упоеніи своего счастія.

ГЛАВА ВТОРАЯ

УДАРЪ.

И что ни шагъ,
То новыя бѣды иль новый врагъ.

Въ ту же ночь узналъ Биронъ о приказѣ коменданту Петропавловской крѣпости. Бѣшенство его не знало мѣры, пока онъ не могъ доискаться, что было причиною этого распоряженія, на которое онъ не давалъ своего согласія. На всѣ разспросы, кто былъ послѣ него у императрицы, ему могли только сказать, что оставалась съ нею вдвоемъ княжна Лелемико и что, когда укладывали ея величество спать, глаза ея были красны отъ слезъ, между тѣмъ какъ любимица ея пришла къ себѣ въ необыкновенной радости

— О! я отплачу этой поганой дѣвчонкѣ. Это ея дѣльце!—повторялъ онъ, грызя ногти до крови; и почти всю ночь проходилъ, какъ часовой, вдоль и поперекъ кабинета своего.

Утромъ слѣдующаго дня явился герцогъ во дворецъ. Угрюмый и молчаливый, онъ былъ принятъ государынею съ необыкновенною холодностью и принужденіемъ. Боясь остаться одна съ нимъ, она приказала

княжнѣ не отходить. Съ той и другой стороны ни слова объ освобожденіи трехъ вельможъ изъ-подъ ареста. Заговорили однакожъ непримѣтно о праздникѣ, который такъ давно готовили къ свадьбѣ Кульковскаго.

— Когда жъ онъ состоится?—спросила государыня.

— Это зависитъ отъ воли господина кабинетъ-министра,—отвѣчалъ Бирономъ,—не знаю, когда ему угодно будетъ назначить.

Неудовольствіе явно означилось на лицѣ Анны Іоанновны.

— Напротивъ, думаю, когда мнѣ угодно будетъ. А чтобы доказать вамъ, какъ онъ скоро исполняетъ мои желанія, я назначаю завтрашній день.

По приказанію ея, записка къ Волынскому съ этимъ распоряженіемъ написана княжною, подписана государынею и тотчасъ же отправлена. Биронъ кряхтѣлъ отъ досады, и, не боясь оскорбить слуха императрицы, пускалъ повременамъ неблагозвучныя вспышки воздуха, который собиралъ въ груди своей.

— Ваши желанія? — повторилъ онъ, иронически усмѣхнувшись. — Смѣю завѣрить, что онъ считаетъ порученіе вашего величества оскорбительнымъ для себя. Онъ объявилъ это при Остерманѣ и Минихѣ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ.

— Дѣла говорятъ лучше словъ. Покуда дозвольте вамъ не повѣрить. Впрочемъ, съ нѣкотораго времени, замѣчаю, вы особенно нападаете на кабинетъ-министра, который столько преданъ моимъ и моей Россіи пользамъ — и преданъ не на однихъ словахъ. Не съ этого ли времени, какъ онъ выставилъ на показъ вашу ледяную статую?

Тутъ она пристально посмотрѣла на герцога.

Герцогъ поблѣднѣлъ и побагровѣлъ.

— Позвольте выйти княжнѣ, — сказалъ онъ, собираясь обрушить разомъ на голову Волынскаго рѣшительный ударъ, такъ давно изготовленный, и, между тѣмъ, стыдясь вмѣшивать княжну въ свой доносъ передъ ней самой. Но и этотъ стыдъ онъ скоро забылъ.

— Моя Лелемико останется при мнѣ, — отвѣчала государыня съ необыкновенною твердостью.

— Васъ обманываютъ.

— Знаю, но только не Волынскій.

— Именно онъ. Государыня! ужъ подъ крыломъ голубки свиваютъ доносы на вѣрнаго, преданнаго вамъ слугу (онъ посмотрѣлъ значительно на княжну, отъ чего эта вся вспыхнула); поберегитесь, чтобы коршунъ не сѣлъ на вашъ престолъ.

На лицѣ государыни изобразилось какое-то сомнѣніе и робость.

— Покуда этотъ коршунъ хочетъ выклевать мнѣ глаза, чтобы я не видалъ его коварныхъ замысловъ. Но пусть прежде выпьетъ сердце мое! Пора къ развязкѣ! Я не могу долѣе терпѣть мое униженіе, которое доселѣ скрывалъ отъ васъ, сберегая ваше здоровье. Одинъ изъ насъ долженъ очистить другому мѣсто, но не иначе, какъ мертвый. Дорого цѣню ваши милости, и не дешево уступлю ихъ. Выслушайте меня, ваше величество; я прошу, я требую этого, и теперь же.

— Въ другое время.

— Надѣюсь, скоро!.. Правда, вамъ нынѣ не до меня; васъ и безъ меня оступятъ жалобами... можетъ статься, нынѣ жъ упадетъ къ ногамъ вашимъ жена его...

При этомъ словѣ кровь ударила въ голову Маріорицы; все въ глазахъ ея запрыгало и закружилось.

— Жена? Да развѣ она пріѣхала?—спросила государыня.

— Вчера вечеромъ, и, вѣроятно, тотчасъ узнала его связи съ непотребною...

Ножъ клеветы былъ прямо устремленъ въ сердце бѣдной дѣвушки. Она не вынесла удара; грудь ея зажгло, у сердца что-то оторвалось; она кашлянула, прижала бѣлый носовой платокъ къ губамъ, и розовое пятно означилось на немъ! Какъ жестоко наказываетъ ее судьба за одну минуту неземного блаженства на землѣ! Герцогъ радовался ужъ своему торжеству, видя, что государыня склонялась на его сторону; но ожесточеніе, съ которымъ онъ напалъ на любимицу ея, разрушило все, что онъ успѣлъ выиграть вновь изъ потерянныхъ правъ своихъ, и положило между ею и имъ новую преграду. Нельзя было не догадаться, на кого устремлены были его стрѣлы, облитыя ядомъ; цѣль сама означала себя слишкомъ явно; но время, мѣсто и способъ обвиненія были худо выбраны. Государыня замѣтила ужасное положеніе княжны, сжалилась надъ нею и взяла ея сторону. Отпустить ее отъ себя, чтобы освободить отъ ужасныхъ намековъ своего фаворита, она не рѣшалась, боясь услышать что-нибудь важное на счетъ своей любимицы. Какъ бы по предчувствію, она страшилась потерять свое послѣднее утѣшеніе. И потому съ прежнею холодностью и твердостью разговоръ былъ обращенъ на другой предметъ.

Вскорѣ доложили о Волынскомъ. При имени его Маріорица, казалось, ожила; она не старалась опра-

виться, она въ одну минуту оправилась, воскреснувъ душою.

Артемій Петровичъ вошелъ. Еслибъ онъ видѣлъ, какой взглядъ на него бросили! Это былъ цѣлый гимнъ любви. Чего въ немъ не было! моленіе, упованіе, страхъ, покорность, любовь земная, судорожная, кипящая, и любовь неба съ его глубокою безпредѣльностью, съ его таинственнымъ раемъ. Но другой взглядъ... о! онъ пронизилъ бы васъ насквозь холодомъ смерти. Артемій Петровичъ вошелъ и не удостоилъ взглянуть на нее, преданный ли своей новой любви къ женѣ, или дѣлу друзей и отчизны.

— Можетъ статься, — думала Маріорица, утѣшая себя, — онъ мститъ мнѣ за то, что я не пришла на свиданіе, мною жъ назначенное! Не могъ ли онъ подумать, что я насмѣялась надъ нимъ? И то можетъ статься, что сберегаетъ меня отъ подозрѣній... Одинъ утѣшительный взоръ любви, ничего болѣе, а тамъ хоть погибнуть!

И этого взора не было.

— Артемій Петровичъ,—ласково произнесла государыня,—вы читали мое желаніе?

— Оно будетъ выполнено, ваше величество!

— Завтра?

— Завтра, въ часъ, въ который вамъ угодно будетъ назначить.

— Слышите, ваша свѣтлость?

— Развѣ кабинетъ-министръ въ первый разъ себя обольщаетъ несбыточнымъ? развѣ онъ въ первый разъ говоритъ такъ необдуманно?—сказалъ Бирономъ, не удерживая болѣе своей злобы.

Кружева на груди Волынскаго запрыгали; но онъ

сдѣлалъ усиліе надъ собой и отвѣчалъ, сколько могъ, умѣреннѣй:

— Благодарите присутствію ея величества, что я не плачу вамъ дерзостью за дерзость. Волынскій никогда, даже вамъ, не измѣнялъ своему слову, хотя бъ это стоило ему жизни.

— Но знаете ли, государь *мой*, что дѣлается между людьми, снаряженными на праздникъ и вамъ порученными?

— Болѣе, нежели вы думаете, государь *мой!* Знаю, что одного изъ нихъ, именно малороссіянина, вамъ угодно было исключить изъ списка живыхъ. Да это для васъ, сударь, такая бездѣлица! Человѣкъ!.. къ тому же русскій!.. ну, стоило ли изъ-за этой дряни хлопотать! Однакожъ, вы сами тотчасъ же поспѣшили замѣнить его другою живою, подставною куклой.

— Сказка, вами сплетенная! тысяча вторая ночь, которою прекрасная ваша плѣнница ищетъ убаюкать вашу скуку и, можетъ-быть, оградить васъ отъ наказанія нашей правосудной владычицы!

— Клевета, которою вы вмѣсто надгробной надписи хотите скрасить памятникъ надъ своими мертвецами, чтобы они не пугали вашей младенческой совѣсти! Гмъ! поставьте лучше изъ цѣлой Россіи великолѣпный мавзолей.

— Боже мой! да эти буяны такъ забылись въ присутствіи моемъ, что у меня въ ушахъ ломитъ отъ ихъ крику. Пожалуй, чего добраго, возьмутся за святые волоса!.. Я обоимъ вамъ приказываю замолчать,—вскричала грозно государыня,—я это все разберу послѣ, въ свое время. — Всѣ ли у васъ пары на-лицо? — приба

вила она, немного погодя, смягчивъ голосъ. Обращеніе было сдѣлано къ кабинетъ-министру

— Всѣ, государыня!

— Опять неправда!—воскликнулъ Бирономъ.

— Докажите.

— Цыганка Марiула вчера съ ума сошла (при этомъ словѣ княжна помертвѣла, встала съ своего мѣста, чтобы идти, и не могла); полиція вынуждена была посадить ее въ яму.

— Та самая, которая?.. — спросила-было государыня.

— Гадала нѣкогда вашему величеству,—подхватилъ герцогъ.

— Съ ума со...?—И государыня не договорила.

Тамъ, гдѣ стояла княжна Лелемико, послышался глухой стонъ, будто грянулось что-то тяжелое о-земь. Всѣ оглянулись, княжна лежала недвижимо на полу.

— Боже! ее убили! — закричалъ Волынскій, схвативъ себя за голову, и первый бросился подавать ей помощь, за нимъ Бирономъ.

Но государыня, несмотря на то, что перепугана была такъ, что дрожала всѣмъ тѣломъ, дернула сильно за шнурокъ съ звонкомъ, чтобы прибѣжала прислуга, и сердито указала дверь герцогу и кабинетъ-министру, примолвивъ:

— Прошу уволить отъ вашихъ нѣжныхъ попеченій. Снявши голову, не плачутъ по волосамъ. Ступайте...

— Не пойду, ваше величество, — вскричалъ Волынскій, ставъ на колѣна подлѣ княжны и схвативъ руку ея, которую старался согрѣть своимъ дыханіемъ.

— Какой позоръ!.. и меня заставляютъ смотрѣть на него!.. Вы хотите быть ослушникомъ?.. — сказала грозно императрица, — не заставьте меня въ другой разъ повторить.

Во время этого ужаснаго спора подданнаго съ своею государынею, Биронъ стоялъ у дверей. Прислуга дворцовая явилась.

— Теперь пойду, — сказалъ Волынскій, всталъ, посмотрѣлъ еще на княжну и вышелъ, герцогъ за нимъ.

Лишь только они успѣли занести ногу за первый порогъ, Биронъ сказалъ съ коварною усмѣшкою своему врагу, шедшему въ глубокой горести:

— Полюбуйтесь своимъ дѣльцемъ.

Не было отвѣта. Можетъ статься, Волынскій, убитый тѣмъ же ударомъ, который поразилъ княжну, не слыхалъ насмѣшки; можетъ статься, не находилъ словъ для отвѣта, потому что, оборачивая брошенный ему жетонъ на ту или другую сторону, вездѣ читалъ: «*достойному награда*». Кровавое пятно, имъ замѣченное на бѣломъ платкѣ, терзанія бѣдной дѣвушки, у которой онъ отнялъ спокойствіе, радости, честь, можетъ быть и жизнь; сумасшествіе цыганки, столько любившей княжну и связанной съ нею какими-то таинственными узами, — все, все дѣло его. Нельзя отказаться отъ этихъ подвиговъ. Адъ его начинался на этой землѣ; зато путь къ нему былъ усыпанъ такими розами!..

Выходя изъ дворца, онъ былъ въ состояніи человѣка, который слышитъ, что за горою рѣжутъ лучшаго его друга. Стоны умирающаго подъ ножомъ разбойника доходятъ до него и отдаются въ его сердцѣ, а онъ не

можетъ на помощь—ужасная гора ихъ отдѣляетъ. Все наконецъ тихо, все мрачно вокругъ него... Или не скорѣе ли можно сравнить состояніе его съ состояніемъ человѣка, который въ припадкѣ безумія зарѣзалъ своего друга и, опомнившись, стоитъ надъ нимъ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МЕЖДУ ДВУХЪ ОГНЕЙ.

Съ этимъ адомъ въ груди приходитъ онъ домой. Взоры его дики; на лицѣ сквозитъ нечистая совѣсть, вся наружность искомкана душевною тревогой. По обыкновенію, его встрѣчаютъ заботы слугъ. Непріятны ему ихъ взгляды; каждый, кажется, хочетъ проникнуть, что дѣлается у него въ душѣ.—«Прочь, къ чорту!»—говоритъ онъ имъ ужаснымъ голосомъ.—И все съ трепетомъ удаляется, объясняя себѣ по-своему необыкновенное состояніе барина. Въ тогдашнее время не было въ домахъ ни мужниной, ни женниной половины; все было между ними общее. Не желая встрѣтить жену, Волынскій нейдетъ въ дальніе покои и остается въ залѣ; то прохаживается по ней тяжелыми, принужденными шагами, будто совѣсть и въ нихъ налила свой свинецъ, то останавливается вдругъ, какъ бы нашелъ на него столбнякъ. Онъ желалъ бы убѣжать изъ дому, отъ семейства, отъ всего свѣта, въ лѣса дремучіе, въ монастырь; онъ желалъ бы провалиться въ землю. Вездѣ преслѣдуетъ его кровавое пятно; на всемъ бѣломъ видитъ онъ этотъ ужасный знакъ.

Наталья Андреевна, узнавъ, что онъ возвратился домой, спѣшитъ къ нему. Онъ холодно принимаетъ ея ласки; на всѣ вопросы ея, нѣжную заботливость, отвѣчаетъ несвязно, сухо, едва не съ сердцемъ. Мысль, что съ нимъ случилось несчастіе, тревожитъ ее; она умоляетъ его открыться. Онъ грубо ссылается на хандру. Но слезы, блеснувшія въ ея глазахъ, пробиваютъ наконецъ путь къ его сердцу.—«Довольно и одной жертвы! не эту ли еще убить за любовь ко мнѣ?»—думаетъ онъ, старается ее успокоить, увлекаетъ въ свой кабинетъ, цѣлуетъ ее и силится забыться въ ея ласкахъ. Доброе, милое это существо радуется своей побѣдѣ, торжествуетъ ее разными пламенными изъясненіями любви своей; она уже не та тихая, только что нѣжная супруга, которую нѣкогда упрекалъ Волынскій въ холодности—она страстная любовница, утончающая свои ласки; она плачетъ отъ упоенія любви. Но что съ нею вдругъ?.. Она отпрянула отъ него, какъ будто самъ сатана ее укусилъ; она дрожитъ, будто провели по всему ея тѣлу замороженнымъ желѣзомъ.

Безумный! среди пламенныхъ изъясненій любви, забывшись, онъ произнесъ: «*милая Маріо...*» и уста его, не договоривъ околдованнаго слова, оледенѣли, и волосъ его всталъ дыбомъ.

— Чтожъ вы, сударь, не доканчиваете?—сказала Наталья Андреевна, судорожно усмѣхаясь.

Она хотѣла продолжать, но не могла; ревность задушила ее.

Артемій Петровичъ почти насильно обвилъ ее своими руками, какъ бы заключилъ ее въ волшебный кругъ, изъ котораго она не могла высвободить себя цѣловалъ

ея руки, умолялъ ее взоромъ; но она, вырвавшись изъ его объятій, оттолкнула его.

— Прочь, прочь, обманщикъ, негодный человѣкъ!— говорила она рыдая. — Такъ вотъ ваша любовь! вотъ мое сокровище, за которое я не хотѣла всѣхъ богатствъ міра и за которое нельзя дать гроша!.. Прекрасная любовь! Въ то время, какъ меня ласкаете, какъ я думаю быть счастлива, сколько можетъ быть счастливо Божье созданье, у васъ на умѣ, въ сердцѣ, ваша молдаванка; ваши ласки, мнѣ расточаемыя, принадлежатъ другой. Я только болванчикъ, кусокъ дерева, на которомъ вамъ угодно примѣривать ваши нѣжности вашей прелестной, божественной Маріорицѣ. Нѣтъ, этого болѣе не будетъ; я не дойду до такого позора... И вотъ причина вашей горести!.. Зачѣмъ же было меня обманывать? Давно бъ мнѣ просто сказать: ты мнѣ постыла, я люблю свою молдаванку, одну ее! Мнѣ было бы легче!.. Повторите мнѣ это теперь, и оставьте меня; разстанемся лучше... У меня будетъ кого любить и безъ васъ—со мною останется мой Богъ и Спаситель, Котораго вы забыли!..

И несчастная рыдала, ломая себѣ руки. Ревность заставляла ее говорить то, что она, конечно, не въ состояніи была бъ выполнить. Артемій Петровичь сталъ предъ нею на колѣна, увѣрялъ, что хотѣлъ ее испытать, божился, что ее одну любитъ, что ее одну ввѣкъ будетъ любить, что къ Маріорицѣ чувствуетъ только сожалѣніе. Истинная любовь легковѣрна. Наталья Андреевна повѣрила, но напередъ требовала, чтобъ онъ подтвердилъ свою клятву предъ образомъ Спасителя. И онъ, какъ бы въ храмѣ, предъ алтаремъ, подтвердилъ ее со словъ Натальи Андреевны, дикто-

вавшей ему то, что онъ долженъ былъ сказать для успокоенія ея. Въ этомъ случаѣ онъ не думалъ лицемѣрить ни передъ нею, ни передъ Богомъ: отъ любви къ Маріорицѣ, возмущенной такими неудачами и несчастіями, лишенной своего очарованія, дѣйствительно осталось только глубокое сожалѣніе; но это чувство такъ сильно возбуждало въ немъ угрызенія совѣсти, что онъ готовъ былъ желать себѣ скорѣе смерти. Жизнь его опутана такими дьявольскими сѣтями; одинъ конецъ ея могъ ихъ разрубить. Любилъ онъ истинно свою жену?—Да, онъ дорожилъ ею съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что она скоро будетъ матерью его младенца; но могло ли чувство чистое, возвышенное, нераздѣльное имѣть мѣсто въ сердцѣ, измученномъ страстью, раскаяніемъ, бѣдствіями Маріорицы, страхомъ быть уличеннымъ въ связи съ нею, бѣдствіями отечества? Сердце его была одна живая рана.

Наталья во всѣхъ случаяхъ жизни любила прибѣгать къ Святынѣ. Вѣра вознаграждала ее за всѣ потери на землѣ, осушала ея слезы, святила для нея земные восторги, обѣщала ей все прекрасное въ этомъ и другомъ мірѣ. И теперь, успокоенная своимъ мужемъ, разставшись съ нимъ, она прошла въ свою спальню и тамъ молилась, усердно, со слезами, чтобы Господь сохранилъ ей любовь супруга, который послѣ Бога былъ для нея дороже всего.

Успокоивъ ее, Волынскій хотѣлъ также утѣшить чѣмъ-нибудь и бѣдную дѣвушку, безжалостно брошенную имъ на смертный одръ. Совѣсть его требовала этого утѣшенія. Но при каждомъ скрипѣ шаговъ въ ближней комнатѣ, при малѣйшемъ шорохѣ, дрожалъ, какъ дѣлатель фальшивой монеты. Не *она* ли идетъ?..

Ну, если застанетъ его надъ письмомъ къ своей соперницѣ! Артемій Петровичъ, кажется, боится шелеста отъ собственныхъ своихъ движеній. Кабинетъ-министръ, который нѣкогда смѣло шелъ на встрѣчу грознымъ спутникамъ временщика, пыткамъ, ссылкѣ, казни и смерти, удалый, отважный во всѣхъ своихъ поступкахъ, труситъ нынѣ, какъ дитя.

Дверь на запоръ.

Письмо, которое онъ писалъ къ Маріоричѣ, было орошено слезами, такъ что по немъ сдѣлались пятна. Но лишь только начерталъ онъ нѣсколько строкъ, какъ стукнули въ дверь. Онъ спѣшилъ утереть слезы и бросить письмо подъ кипу бумагъ; рука, дрожащая отъ страха, отперла дверь. Вошедшій слуга доложилъ, что его превосходительство желаютъ видѣть графъ Суминъ-Купшинъ, Перокинъ и Щурховъ. Тысячу проклятій ихъ безвременному посѣщенію! Политика и дружба для него теперь гости, хуже чѣмъ татары для бывалой Руси. Однакожъ велѣно просить друзей.

Они пришли благодарить за ходатайство объ нихъ у государыни и вмѣстѣ радоваться, что правое ихъ дѣло начинаетъ торжествовать. Когда бъ знали они, что обязаны своимъ освобожденіемъ молдаванской княжнѣ! Волынскій и не принимаетъ на себя успѣха этого дѣла, а приписываетъ его только великодушію государыни. Бесѣда освятилась новою клятвою друзей дѣйствовать рѣшительно противъ врага Россіи, и если онъ не будетъ удаленъ отъ управленія государствомъ, требовать, чтобы ихъ опять отвели въ крѣпость.

Какъ доволенъ былъ хозяинъ, когда гости удалились! Онъ продолжалъ и кончилъ письмо. Арабу поручено доставить его, во что бъ ни стало, и сейчасъ.

Когда княжна была приведена въ чувство и государыня оставила ее въ ея спальнѣ, увѣренная, что ей лучше, горничная ея Груня наэлектризовала ее однимъ прикосновеніемъ къ рукѣ. Въ этой рукѣ очутился клочекъ бумаги, могучій проводникъ, возбудившій ее къ жизни, полной, совершенной, къ жизни любви. При этомъ было произнесено три волшебныя слова: *«отъ Артемія Петровича»*. Казалось, она встала изъ гроба и услышала райское пѣнье. Глаза ея заблистали попрежнему, грудь ея взволновалась. — Что бы ни было въ этой запискѣ, думала она, цѣлуя ее съ восторгомъ, я ужъ счастлива — это знакъ, что онъ помнитъ обо мнѣ.

Задыхаясь, она читала письмо:

«Безумный! до чего довелъ я тебя?. И вотъ небо, которое тебѣ обѣщалъ! Что долженъ я сдѣлать, чтобы возвратить тебѣ прежнее спокойствіе и счастіе? Скажи, милая, безцѣнная Маріорица, научи меня. Одно слово, одно твое желаніе, и я спѣшу исполнить его, хотя бы стоило мнѣ то жизни, хотя бъ я долженъ купить твое благополучіе муками въ здѣшнемъ мірѣ и за предѣлами гроба. Дай малѣйшую отраду — напиши одно слово о своемъ здоровьѣ. Ради Бога, укрѣпи себя для лучшихъ дней, или я уничтожу себя, жену, все, что только носитъ мое имя, что можетъ носить его. Я не усну, если не получу отъ тебя отвѣта».

Половина того, что писалъ Волынскій, была ложь, но она сдѣлала свое дѣйствіе — успокоила, утѣшила Маріорицу, и цѣль его была достигнута. Княжна отвѣчала:

«Ты обѣщалъ мнѣ небо на землѣ, и далъ мнѣ его. Виноватъ ли что не могъ сдѣлать его вѣчнымъ?

Вѣдь ты не Богъ! За блаженство, которое я вкусила, пошли Онъ мнѣ тысячу мукъ, все не покроетъ этого блаженства. Ты съ своей стороны мнѣ ничего не долженъ — ты далъ мнѣ болѣе, нежели я ожидала; съ тобою узнала я благо, какого и самыя горячія мечты мои не обѣщали мнѣ. Теперь мое дѣло жить и умереть для тебя, для твоего спокойствія, счастія и славы.

«Ты плакалъ? слѣды твоихъ слезъ остались на бумагѣ — о! для чего пали онѣ на нее? для чего не могла я выпить ихъ моими поцѣлуями? Боже! и я виною ихъ...

«Мнѣ сдѣлалось дурно отъ словъ этого злого человѣка, Бирона; я къ этому не приготовилась, еще не привыкла. Но съ этой минуты даю тебѣ слово не потревожить тебя и тѣнью огорченія; буду тверда, какъ любовь моя. Спи, милый другъ; сны твои да будутъ такъ радостны, какъ теперь сердце мое».

Ни слова о неудачѣ свиданія, о болѣзни своей, ни слова о цыганкѣ: она все забыла; она помнитъ только своего обольстителя. Сердце ея благоухаетъ только однимъ чувствомъ — похожее на цвѣтокъ хлопчатой бумаги, который издаетъ тѣмъ сильнѣйшій запахъ, чѣмъ далѣе въ него проникаетъ губительный червь: отпадаетъ червь, и благоуханіе исчезаетъ.

Прочитавъ письмо, Волынскій нѣсколько успокоился: оно убаюкало его совѣсть, но и въ дремотѣ ея видѣлись ему страшныя грезы. Письмо было сожжено, и пепелъ брошенъ въ печь, чтобы и слѣдовъ его не оставалось. Ту же участь имѣли прежнія письма къ нему Маріорицы: такъ сдѣлался онъ остороженъ, боясь попасть съ ними подъ новый ужасный упрекъ жены. Воспоминанія прошлой любви его къ княжнѣ разгорѣлись было при этомъ случаѣ; онъ заплатилъ

ей дань нѣсколькими слезами. Но съ прежняго его кумира *обстоятельства* сняли лучи, которыми любилъ онъ ее убирать во дни своей страсти, изъ которыхъ онъ свилъ было для нея такой блистательный вѣнецъ, и сердце его недолго удерживалось на этихъ воспоминаніяхъ. Не завидна была двусмысленная роль его: надобно было обманывать и любовницу, и жену, столь горячо его любившихъ. Волынскій сдѣлался низокъ въ собственныхъ глазахъ и растерялся. Могъ ли онъ въ этомъ состояніи работать отечеству съ прежнею силою и благородствомъ души?.. Всякая жертва требуетъ очищенія.

Зуда и на этотъ случай сказалъ свое пророческое слово.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КУДА ВѢТЕРЪ ПОДУЕТЪ

Нечистая каморка, худо освѣщенная сальнымъ огаркомъ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ. На полкахъ множество фоліантовъ съ важною и преважною физіономіей; большая часть съ надгробною надписью: «Rollin». На другихъ полкахъ обгорѣлые горшки, накрытые дощечками и книгами; деревянная чаша, пара оловянныхъ ложекъ, мышеловка, бутылка, заткнутая бумажкой, и еще кое-какая посуда, довольно нечистая. Столъ съ бумагами, изъ которыхъ одна кипа придавлена кирпичомъ (ci-gît: сынъ Одиссея, родившійся на островѣ Итакѣ, взлелѣянный Минервой и Фенелономъ и зарѣзанный въ С.-Петербургѣ профессоромъ элоквенціи); тутъ же великанша-чернильница, надутая, какъ... (не скажу кто, чтобы гусей не раздразнить), песокъ въ коробочкѣ, сложенной изъ писчей бумаги, и желѣзные съемцы по образцу адамовыхъ. Въ комнатѣ два стула, огромный сундукъ и постель, на которой подушки черны, какъ будто готовили на нихъ блины, и одѣяломъ служитъ тулупъ. Къ стѣнѣ жмется портретъ съ бородавкою; подлѣ него туго насаленный

парикъ и хлопушка для мухъ. Стѣны вспаханы стихами, писанными мѣломъ — для вытягиванія ихъ нужна бычачья грудь. Роллень? нечеловѣческіе стихи? бородавка? А! тутъ вѣрно живетъ любитель музъ Тредьяковскій. Василій Кирилловичъ занимаетъ одно изъ сѣдалищъ. Голова его съ обнаженною макушкою представляетъ цѣлый земной шаръ; съ одной стороны къ свѣчкѣ, служащей солнцемъ (какъ въ свѣтѣ нерѣдко случается, что сальные огарки служатъ инымъ солнцами), сіяетъ лучезарный полдень, далѣе разсвѣтъ, ночь и сумракъ. Противъ него, на другомъ стулѣ, молодой офицеръ съ краснымъ носомъ. Ба! да это его благородіе Подачкинъ. Видно, бесѣдуютъ.

Подачкинъ. Смотри-жъ, не забудь. Тебя потребуютъ къ государынѣ—ты прямо въ ноги и разскажи, какъ стращалъ тебя Волынскій висѣлицею, плахою, хотѣлъ тебя убить изъ своихъ рукъ, коли не скажешь молдаванкѣ, что онъ вдовецъ, и не станешь носить его писемъ; какъ заставлялъ тебя писать вирши противъ ея величества и раздавать по народу...

Тредьяковскій. Заставлялъ, конечно... но я и вознести мысль не посягнулъ..

Подачкинъ. Ужъ, разумѣется, братецъ! Слышь? переврешь и не доврешь, въ караульню, на палочную.

Тредьяковскій. Возлягте упованіемъ своимъ на меня, какъ на адамантовъ камень. Чего не возмогу я исполнить за великія щедроты, которыя ниспосылаетъ на меня его свѣтлость! Да не дозволите ли утруждать ваше благородіе. Вы, какъ особа, обрѣтаетесь при высокостепенномъ господинѣ... удостойте презентовать его свѣтлости недостойное мое стихосложеніе. въ честь его персоны составленное!

Подачкинъ (*качаясь на стулѣ*). А почему-жъ не такъ, почему-жъ? Однако не худо, братецъ, понимаешь... ну, ты самъ разумная голова... безъ мази и возъ съ мѣста не тронется, а съ нею въѣдемъ, пожалуй, хоть въ спальню къ герцогинѣ.

Тредьяковскій отпираетъ сундукъ, вынимаетъ изъ *кошки* [1]) цѣлковый и вручаетъ его съ поклонами.

Подачкинъ. Я тамъ видѣлъ у тебя другой.

Ты раздайся, разступись, туга *киса*;
Хоть глазкомъ однимъ мигни, моя краса!

И другой цѣлковый — тутъ было почти все денежное богатство Василія Кирилловича — отданъ милостыне-раздавателю его свѣтлости. Но золотыя горы и слава были впереди.

Тредьяковскій. Соблаговолите ли, ваше благородіе, дозволить прочитать вамъ подносъ мой?

Подачкинъ. Похвально!.. (Сынокъ барской бабыни игралъ уже роль покровителя наукъ). Не худо бы однакожъ при этомъ винца.

Желаніе его благородія было исполнено, и попойка началась. Между тѣмъ Василій Кирилловичъ читалъ ему стихословный акростихъ въ честь герцога курляндскаго, благодѣтеля и просвѣтителя Россіи, Аристида, Ѳемистокла, Солона и нѣсколько разъ Мецената.

Подачкинъ (*перебивая его*). Похвально, ей-ей, хотя не понимаю! да ты, чортъ побери, на виршахъ собаку съѣлъ. Знаешь ли, братецъ, напиши что-нибудь на свадьбу моей матери. Шутъ бы ее взялъ,

---

[1]) Кошельки дѣлались изъ кошачьей кожи, почему и назывались *кошками*; отъ того-жъ должно происходить и слово *киса*.

славная матка!.. Воспоила, воскормила меня, въ офицеры вывела, да сама себя не забыла...

Тредьяковскій. За особенное себѣ удовольствіе долженъ почитать и съ отмѣнною ревностью готовъ вамъ таковымъ стихословіемъ моей работы презентовать. На всякую потребу я изготовилъ преизящные эпиталамическіе стихи, которые, безъ сомнѣнія, пригодны будутъ и на бракосочетаніе вашей высокой матери.

Подачкинъ. Что высока, то высока, — 14 вершковъ мѣрныхъ! Однако, братецъ, доходитъ ли ваше мастерство до того, чтобы твои стихи на бракосочетаніе можно тотчасъ, лихо, передѣлать въ стихи на смерть?

Тредьяковскій *(съ гордостью охорашиваясь)*. Чего *мы* не возможемъ?.. О! го, го!.. И доложить вамъ осмѣливаюсь, что стоитъ только нѣкоторыя слова, рѣзвунчики, прыгунчики, какъ горныя козочки, вытѣснить, а на мѣсто ихъ вогнать траурныя и тяжелыя, какъ черные волы, съ трудомъ раздирающіе плугомъ утробу земную. Однакожъ дозвольте обратиться къ предпринятому мною труду въ честь его свѣтлости, великаго покровителя наукъ и благодѣтеля Россіи.

И Василій Кирилловичъ, надуваясь, читалъ свой панегирикъ, и новый валетъ высшихъ валетовъ герцогскихъ допивалъ свою бутылку. Между тѣмъ неслышными шагами вошелъ въ комнату старичекъ, едва ли не семидесятилѣтній, худощавый, блѣдновосковой, съ серебрянымъ вѣнцомъ изъ волосъ, съ рѣдкою, сѣдою бородкой, въ черномъ русскомъ кафтанѣ, подпоясанный ремнемъ — настоящій мертвецъ, котораго требовала къ себѣ земля! Одни глаза обнаруживали

въ немъ жизнь, и жизнь мощную, пламенную. Это былъ дядя нашего стихотворца, нѣкогда учитель въ кіевской академіи и потомъ служка тверскаго архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго, который за то, что не хотѣлъ отложиться отъ убѣжденія, проникшаго умъ и сердце его, но непріятнаго временщику, былъ схваченъ отъ священнодѣйствія въ полномъ облаченіи и брошенъ въ Петербургѣ въ смрадную темницу. Увидавъ старика, племянникъ сталъ втупикъ.

— Продолжай, племянничекъ, продолжай!—сказалъ служка, усмѣхаясь пронзительной усмѣшкой:—прибавь къ своимъ похваламъ новый подвигъ благодѣтелю Россіи! новый кровавый стихъ къ твоимъ великолѣпнымъ виршамъ!

Старикъ разстегнулъ на себѣ поясный ремень, спустилъ лѣвый рукавъ кафтана и рубашки, отъ чего обнажилось плечо. Оно было изрыто кровавыми бороздами; кровь, худо запекшаяся, струилась еще по остову старца.

Тредьяковскій смутился.

— Что, другъ? не правда ли, стоитъ твоего панегирика? — продолжалъ онъ одѣваясь. — И это все онъ! твой Аристидъ, твой Солонъ и Ѳемистоклъ!.. За то, что я осмѣлился сквозь рѣшетку тюрьмы подать моему архипастырю, моему благодѣтелю и отцу, чистую рубашку — три мѣсяца носитъ одну, не скидая; гнѣзда насѣкомыхъ источили ужъ ее! Вотъ человѣкъ—ирой... Отрекся ли онъ отъ своей вѣры, лишенный посоха своего, церкви, Божьяго свѣта, воздуха, изгложенный червями и болѣзнями? Вымучили ли изъ него пытки хотя одно слово противъ его совѣсти?.. Его бы славить, его бы воспѣвать!.. Гдѣ вамъ!.. На васъ только обликъ

человѣческій, а такъ же ползеете, какъ четвероногія. Вамъ скорѣй награду здѣсь, на землѣ, хоть мѣдный грошъ, лишь бы не даромъ!.. А небо? О! никогда не глядѣлось оно въ вашу душу, никогда не тянуло оно ее къ себѣ; ни одна іота изъ языка человѣка съ Богомъ не тревожила васъ дивнымъ восторгомъ! Твое сердце бѣжало ли когда на уста вмѣсто словъ? бесѣдовалъ ли ты когда съ этимъ Богомъ слезами? Несчастный! ты изъ этого ничего не знаешь. Камень камнемъ и будетъ. Продолжай, любезный, подноси на колѣнахъ свое стихотворное вранье: сынъ времени погладитъ тебя по головкѣ, можетъ статься, окутаетъ тебя въ свою ливрею, озолотитъ тебя и поставитъ на запятки. Но, знай! внуки наши обрекутъ тебя достойному позору, оплюютъ твои подлыя творенія. Слышишь?.. громы надо теперь на палачей, ужасные громы неба; а не чиликанье синицъ подъ ружьемъ охотника, на блеянье овецъ подъ ножомъ мясника! И грянетъ этотъ громъ! Горе вамъ тогда! Слышишь ли?..

Голосъ вдохновеннаго старца умолкъ — можетъ остаться, послѣдняя его лебединая пѣснь на землѣ. Онъ исчезъ.

Долго еще племянникъ слушалъ его, поверженный въ ничтожество громовыми истинами старца, какъ бы приходившаго на мигъ изъ гроба, чтобы обличить его въ раболѣпствѣ. Подачкинъ, разинувъ ротъ, слушалъ также, ничего не понимая. Налитый стаканъ стоялъ нетронутый.

Наконецъ, Василій Кирилловичъ одумался, всталъ, подошелъ на цыпочкахъ къ двери и припалъ къ ней ухомъ: никого! Отворилъ ее—никого! Тутъ онъ осмѣлился произнести:

— Сумасшедшій! накупается каждодневно на побои: то няньчится около своего архіерея, дерзнувшаго воспротивиться власти его свѣтлости, то шляется по караульнямъ, воздвигаетъ на него ненависть солдатъ и предсказываетъ восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны. Кончить ему неблагообразно!

Василій Кирилловичъ началъ опять читать свой *поднось*, но чтеніе было опять прервано. Вошелъ въ каморку кабинетъ-секретарь Эйхлеръ. Подачкинъ выгянулся во фронтъ; хозяинъ всталъ, смутившись, и привѣтствовалъ гостя, какъ могъ; но этотъ, не давъ ему расплыться въ многоглаголаніи, отвелъ его въ сосѣднюю, еще меньшую, каморку. Здѣсь шопотомъ объявилъ, что всѣ усилія произвесть Василія Кирилловича въ профессоры элоквенціи остались тщетны, потому что фаворитъ рѣшительно падалъ и судьба его на волоскѣ. Цѣлая свита сожалѣній, вздоховъ, жалобъ на несправедливость людей и перемѣнчивость фортуны слѣдовали за этимъ объясненіемъ. Стукъ-стукъ, новый гость — и кто жъ? Зуда, котораго не видали цѣлые вѣки. Никогда еще каморка Тредьяковскаго не имѣла у себя столько разнородныхъ посѣтителей. Разумѣется, что поклоненіе піита обратилось къ восходящему солнцу, и Эйхлеръ вынужденъ удалиться.

Тутъ Волынскаго торжество было объявлено во всеуслышаніе, такъ что и Подачкинъ струсилъ. Не обошлось однакожъ безъ новыхъ, тайныхъ переговоровъ въ сосѣдней каморкѣ, гдѣ Василію Кирилловичу предлагали милости, какія ему самому угодно будетъ назначить. Заслуги его умѣли всегда цѣнить, но случая не было къ наградѣ; теперь этотъ случай представился, и спѣшили имъ воспользоваться. Въ замѣнъ требовали

только: въ случаѣ спроса государыни, сказать, что онъ дѣйствительно былъ вчера у Волынскаго и отъ него пошелъ давать урокъ княжнѣ Лелемико, у которой оставилъ свою книгу (а были ли въ ней бумаги, ему неизвѣстно), и потомъ на счетъ связи кабинетъ-министра свалить свою вину на Бирона, который будто бы угрожалъ Василію Кирилловичу висѣлицею и плахою, если онъ не поддержитъ этой связи и не завѣритъ княжну, что Волынскій вдовецъ. Да это бездѣлица!.. Василій Кирилловичъ полѣзетъ для его превосходительства, своего благодѣтеля, покровителя и мецената, въ огонь и въ воду. Пошли увѣренія, клятвы, всепокорнѣйшія, всенижайшія, вседолжнѣйшія, такъ что крошечный Зуда едва не задохся отъ нихъ. Кончилось тѣмъ, что два серебряные рублевика, послѣ упорной битвы, были отняты піитомъ, сильнымъ, какъ Геркулесъ, и возвратились въ свое прежнее обиталище, и новое его благородіе согнано съ Парнаса въ толчки:

Вѣдь Парнасъ гора высокая,
И дорога къ ней негладкая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СВАДЬБА ШУТА

Гименъ на торжественной ѣхалъ колесницѣ,
Купидушки ту везли, прочіе шли сице.
Тредьяковскій.

Приданаго за ней полмилліона.
Вотъ выдали Матрену за барона...
. . . . . .
И сдѣлалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона.
Крыловъ.

Назначенный праздникъ не былъ отмѣненъ. По особенной привязанности къ княжнѣ Лелемико, государыня хотѣла имъ воспользоваться, чтобъ показаться вмѣстѣ съ нею придворнымъ и тѣмъ отразить стрѣлы клеветы, которыя могли на нее посыпаться. Она вѣрила любви Маріорицы къ Волынскому—и какъ не вѣрить? Свидѣтельства были слишкомъ явны; бѣдная не умѣла скрывать свои чувства—но въ головѣ Анны Іоанновны развилась мысль сдѣлать эту любовь законною...

При докладѣ Волынскаго, что шутовская свадьба снаряжена, съ нимъ обошлись необыкновенно милостиво. Что, казалось, вело его къ гибели, то послужило къ выгодамъ его. Какихъ же странностей нѣтъ на свѣтѣ! Прошу угадывать, гдѣ встать, гдѣ упасть.

Напротивъ, къ изумленію всего двора, Бирономъ былъ принятъ чрезвычайно холодно. Онъ хотѣлъ говорить о предметѣ, лежавшемъ у него на сердцѣ, и не имѣлъ возможности: сначала рѣчь его перебивали, потомъ рѣшительно объявили, чтобы онъ не смѣлъ упоминать о княжнѣ. Зато отплатилъ онъ при выходѣ изъ внутреннихъ комнатъ, хлопнувъ сильно дверью.

Тигра вводили въ клѣтку, но боялись еще запереть ее; онъ зналъ свою силу и игралъ желѣзной клѣткой, входя и выходя изъ нея. Никто не смѣлъ говорить объ охлажденіи къ фавориту—не вѣрили ни слухамъ, ни глазамъ, боялись даже вѣрить, чтобы не проговориться; хотѣли скорѣй думать, что тигръ притворяется спящимъ.

Праздникъ! народный праздникъ! какое магическое слово для толпы! Полно, для одной ли толпы? Это слово не кличъ ли къ общему веселію? И кто жъ не хочетъ забыться отъ заботъ здѣшней жизни, вкусивъ хоть нѣсколько капель у фонтана веселья, бьющаго для всѣхъ и про каждаго? Мужичекъ окунаетъ свою бороду, такъ онъ жаденъ напиться его до безумія; мудрецъ — хоть и мудрецъ, съ припѣвцемъ изъ Соломона *«все суета суетъ»*, осторожно, изподтишка, лѣзетъ тоже, за щитомъ густой бороды черни, испить съ отдыхами ковшичекъ удовольствія—народнаго, грубаго, какъ онъ называетъ его, но все-таки удовольствія. Накрой же кто его на этомъ ковшикѣ любимою его сентенціею: *«все суета суетъ»*, у него тотчасъ готова оговорка: вѣдь надобно жъ было испытать, какова водица, чтобы описать ея свойства! А все это сведемъ къ тому, что всѣ мы не прочь отъ народныхъ увеселеній.

Не пользуясь маѳусаиловой жизнью, мы не могли быть на праздникѣ, который въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны данъ былъ по случаю свадьбы пажа и шута ея Кульковскаго. Постараюсь, однакожъ, описать праздникъ, будто самъ видѣлъ его. А отчего я такъ хорошо его знаю, то, извольте знать, слышалъ я объ немъ отъ покойной моей бабушки, которая видѣла его своими глазами и вынесла изъ него разсказовъ на цѣлую жизнь, восторговъ на цѣлую вѣчность, еслибъ вѣчность дана была въ удѣлъ моей бабушкѣ.

Итакъ просимъ ко мнѣ подъ бочекъ: смотрите жъ, что я буду вамъ показывать.

Видите ли? становится на площади между Зимнимъ дворцомъ и Ледянымъ домомъ карета золотая, десятистекольная, запряженная восемью *неаполитанскими* лошадьми. Что за кони! будто писанные! Сбруя пылаетъ на нихъ, страусовыя перья развѣваются на головахъ, снѣгъ курится изъ-подъ ногъ, тонкихъ, какъ у оленя. Пифъ, пафъ бичомъ — каково жъ рисуются! Благородная кровь означилась струями по атласу ихъ шерсти. Двѣнадцать пѣшихъ гайдуковъ идутъ по бокамъ цуга, готовые смирить рьяность коней, въ случаѣ, если бъ забыли узду и бичъ. Кучера въ треугольныхъ шляпахъ съ позументами, изъ-подъ которыхъ прицѣливается въ карету длинная оса, — въ откидныхъ ливрейныхъ шубахъ, исписанныхъ блестящими галунами, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ съ огромными пряжками. Пажи унизали карету ожерельемъ, которому служатъ какъ бы замкомъ два араба въ золотыхъ шубахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. Охраняютъ ее *12 пздовыхъ сержантовъ* верхами, въ гренадерскихъ съ плюма

жемъ шапкахъ. Въ ней сидитъ государыня, напротивъ ея княжна Лелемико (кабы знали, что она дочь цыганки!). На лицѣ послѣдней играетъ ужъ румянецъ, въ глазахъ искрится удовольствіе. Скоро жъ оправилась! Мудрено ли? она увѣрена, что любима. Позади этой кареты нѣсколько другихъ съ великими княжнами и придворными дамами. Въ одной изъ нихъ — посмотрите, настоящая русская дѣва, кровь съ молокомъ, и взглядъ, и привѣтъ царицы: это дочь Петра Великаго, Елизавета. Она даритъ толпу улыбкой, будто серебрянымъ рублемъ. Кажется, сердце хочетъ сказать: «желанная, царствуй надъ нами!» Какъ ей легко увлечь эту толпу! Невыгодно сравненіе съ нею для Анны Іоанновны, смуглой, рябоватой, съ длиннымъ носомъ, тучной, мрачной. Прибавьте къ непріятной наружности потворство ужасному Бирону, и можете судить, почему ее прозвали грозною, когда она, въ самомъ дѣлѣ, не была такою. Замѣтьте и эту молоденькую женщину въ придворной каретѣ — милое, дутое личико, на которомъ набросано кое-какъ простодушіе, доброта, вѣтренность. Это Анна Леопольдовна, супруга герцога брауншвейскаго. Кто бы подумалъ, что ей предоставлено смѣнить временщика и править государствомъ? Кому, однакожъ, какъ не голубкѣ, принести вѣтвь мира человѣчеству, усталому отъ казней! Къ каретѣ нерѣдко подъѣзжаетъ мужъ ея, незначащее лицо, и статный, красивый Линаръ, этотъ очаровательно... Но я разскажу вамъ когда-нибудь въ другое время ихъ исторію. Вотъ и карета герцога курляндскаго, съ его гусарами, скороходами, егерями и пажами. Онъ ослѣпляетъ великолѣпіемъ своего экипажа и прислуги и красотою лошадей; онъ давитъ толпу своимъ грознымъ взоромъ и

именемъ. Жена его съ ногъ до головы облита корою алмазною: знатоки цѣнятъ ихъ въ два милліона. Вотъ и фельдмаршалъ Минихъ верхомъ — герой, инженеръ, честолюбецъ, волокита, любящій страстно ветчину съ сахаромъ и женщинъ, но болѣе всего славу. Посмотрите, какъ онъ увивается около кареты С—вой (дочери В—ва), первой красавицы при дворѣ — первой, хотѣлъ я сказать, послѣ княжны Лелемико. Она небрежно отвѣчаетъ ему; отуманенные грустью взоры пронзаютъ толпу всадниковъ и ищутъ между ними — молодого В—ва, двоюроднаго брата ея, къ которому пылаетъ страстью преступной. Зато мужъ ея у ногъ прекрасной княжны Т—вой, вѣнчающей его не однѣми надеждами. Но слышали ли вы про чудную смерть С—вой, и про сердце ея, выставленное въ церкви на золотомъ блюдѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ и проч..?

О, Господи! положи на уста мои храненіе. Когда-нибудь, если удастся, разскажу все, что я про нихъ слышалъ отъ девяностолѣтняго старца [1]), которому тайны ихъ жизни были извѣстны, какъ его собственная спальня. А теперь станетъ ли меня управиться и съ настоящимъ разсказомъ!

Какой щегольской съѣздъ! Играютъ волны страусовыхъ перьевъ: переливается блескъ золота въ блескъ алмазовъ; бархаты пышутъ яркостью своихъ цвѣтовъ, черные соболи нѣжатся на женскихъ колѣнкахъ. Какое отборное собраніе женщинъ! какія хорошенькія, свѣжія лица, будто сейчасъ умылись снѣгомъ, или съ серебра подъ первый, весенній громъ! Горятъ опасные

---

[1]) Отъ него жъ узналъ и исторію молдаванской княжны Лелемико.

взоры ихъ, или проблескиваетъ на васъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ лучъ потаенный. Кокетничаютъ и красавицы-лошади. Все блеститъ, все радуется снаружи. Зато какой хламъ становится за придворными экипажами. Чего тутъ нѣтъ! Вотъ курятникъ, изъ котораго выглядываетъ жирная насѣдка съ полдюжиной хохлатыхъ птенцовъ; вотъ человѣческая мумія подъ бѣлымъ парикомъ, прилѣпленная къ своему сѣдалищу, устроенному въ богатомъ берлинѣ, который везутъ четыре лошадиныя муміи веревочными постромками; она боится малѣйшаго толчка, чтобы душа не вылетѣла изъ нея вонъ. Думаю, что и въ сосѣдней каретѣ, со взводомъ прислуги въ нарядной ливреѣ на запяткахъ, барыня, разряженная, какъ жаръ-птица, при каждомъ ухабѣ дрожитъ не менѣе старика — не за душу свою — кажется, душонки-то и нѣтъ у нея — а за свои соколиныя брови, за жемчугъ своихъ зубовъ, за розы и перловую бѣлизну лица, взятыя на-прокать. Тутъ найдете въ экипажахъ живыя колоды картъ, живыя корзины съ цвѣтами, свѣжими и поблекшими, простыми и расписными, индѣйскихъ пѣтуховъ, вѣтвистыхъ оленей, и прочее, и прочее, что и нынѣ можете найти на всякомъ съѣздѣ. Какая смѣсь вкуса съ безвкусіемъ, блеска съ чернотою, великолѣпія съ недостаткомъ! Настоящая вывѣска необразованности тогдашняго времени! Только два, три экипажа вполнѣ щеголеватс снаряжены, и въ числѣ ихъ карета Волынскаго. Въ ней сидитъ супруга его, счастливая, гордая имъ, только имъ и — развѣ плодомъ любви ихъ, который носитъ подъ сердцемъ. Какая мысль блеснула въ головѣ ея и Маріорицы; что почувствовали онѣ, когда издали взглянули другъ на друга въ первый разъ? Ужъ вѣрно не

Наталья Андреевна завидовала участи княжны, сидящей съ государыней. — Самъ Волынскій разъѣзжаетъ на саняхъ, чтобы удобнѣй распоряжаться всѣми частями праздника.

Однакожъ вниманіе, господа и госпожи! Не заглядывайтесь такъ на прекрасную, блѣдную княжну Лелемико и пригожую супругу кабинетъ-министра. Знаю, что обѣ заглядѣнье. Одною, говорите вы, любуетесь, какъ звѣздою любви на роскошномъ ложѣ неба, какъ обольстительною дѣвою, которая должна украшать рай магометовъ: всѣ помыслы о ней — соблазнъ, грѣхъ, безсонница, видѣнія, бунтующія кровь вашу. Другою восторжены вы, какъ мурилловымъ идеаломъ, на который, кажется, боишься глядѣть не душевными очами, котораго взглядъ соучастія даетъ крылья, чтобы летѣть на небо христіанское. Знаю, что вы колеблетесь кому изъ нихъ отдать золотое яблоко, но теперь не время играть роль Париса. Итакъ прошу вниманія, господа и госпожи!

Въ головѣ шествія рота гвардейцевъ: треугольныя шляпы солдатъ украшены еловыми и дубовыми вѣтвями, у офицеровъ лаврами — такъ ходили они, возвратившись изъ славнаго турецкаго похода. Проходя мимо императрицы, они привѣтствуютъ ее громкимъ: «*виватъ!*»

Вотъ выступаетъ огромный слонъ — сильное, мудрое животное изъ числа четвероногихъ, которое, однакожъ, повинуется, какъ вы видите, маленькому двуногому животному, можетъ быть, и довольно глупому. Но этотъ простачокъ получилъ отъ одного лукаваго выскочки изъ своего рода талисманъ—молотокъ, которымъ онъ, сидя на его хребтѣ, долбитъ силача и мудреца

въ голову и управляетъ имъ, какъ хочетъ. Тяжело выступаетъ слонъ въ теплыхъ котахъ. Но какихъ это двухъ звѣрковъ везутъ на спинѣ его въ огромной желѣзной клѣткѣ, утвержденной къ ней подпругами! Народъ, несмотря на присутствіе императрицы, встрѣчаетъ ихъ радостными восклицаніями, хохочетъ, плещетъ руками. Поѣзжай они на слонѣ и не въ клѣткѣ, народъ не посмѣлъ бы смѣяться! Эти звѣрки, судя по образу ихъ, человѣка. Одинъ — Кульковскій, другой — супруга его, бывшая Подачкина и барская барыня. Кланяйтесь имъ, господа и госпожи, и поздравляйте ихъ со вступленіемъ въ законное супружество. Они ѣдутъ изъ церкви на свадебный обѣдъ, провожаемые многочисленнымъ поѣздомъ. Напыщенные, какъ лягушка, собиравшаяся въ быки, сидятъ они другъ противъ друга въ богатыхъ креслахъ. Штофъ, бархатъ, золото, вспыхивая отъ луча солнечнаго, сквозятъ черезъ желѣзные прутья клѣтки, муфты придаютъ новобрачнымъ высокую степень кукольнаго барства. Есть чѣмъ и похвалиться: отъ Баязета до нихъ еще никто не ѣзжалъ въ такомъ чудесномъ экипажѣ; а Баязетъ, какъ вы изволите знать, былъ не мелкая спица въ колесницѣ міра — легко сказать, султанъ!

Любезная старина! завидная старина! Увы! теперь не повезутъ человѣка въ желѣзной клѣткѣ!..

Съ какой высоты смотрятъ новобрачные на толпу! Все мало и низко передъ нимъ. Съ какимъ самодовольствомъ озираются они! Не для нихъ ли съѣздъ двора, стеченіе всего Петербурга? Для нихъ собраніе всей Россіи — всѣ диковинки, нигдѣ еще невиданныя! Особенно торжественна г-жа Кульковская: ей пожаловано богатое приданое, хоть бы невѣстѣ Миниха; она ужъ

столбовая дворянка, можетъ покупать на свое имя крестьянъ и колотить ихъ изъ своихъ рукъ; мечты о столѣ царскомъ, гдѣ сядетъ рядомъ съ женою Волынскаго, бывшею своею барынею, о пирахъ, и болѣе о наказаніяхъ, которыя будетъ разсыпать, кружатъ ей голову. Осмѣлься кто изъ ея крестьянъ пискнуть передъ ней: кликнула — заплечный мастеръ садится на облучекъ ея повозки—летятъ, пріѣхали и по ея мановенію, безъ дальняго суда, расправа готова. Все дѣло нѣсколькихъ цѣлковыхъ и власти боярской. Чудныя времена!.. Г-жа Подачкина опьянѣла отъ восхищенія, и ей не вѣрится, что она на такой высотѣ и почестей и могущества.

Глядите, глядите, что за странный поѣздъ тянется за экипажемъ новобрачныхъ! Честь первыхъ за ними принадлежитъ остякамъ, или, лучше сказать, оленямъ, на которыхъ они ѣдутъ. Красивыя животныя дрожатъ и упираются; отъ страху, по шерсти ихъ перебѣгаютъ тѣни. За ними новгородцы на парѣ козловъ, малороссіяне на волахъ, чухонцы на ослахъ, татаринъ съ своею татаркою—на откормленныхъ свиньяхъ, на которыхъ посадили ихъ, чтобы доказать, какъ можно преодолѣть натуру и обычаи. Тутъ и рыжеволосые финны на крошечныхъ коняхъ, камчадалы на собакахъ, калмыки на верблюдахъ, бѣлорусцы подъ войлокомъ колтуна, зыряне, которыхъ честность могла бы поспорить съ нѣмецкою, ярославцы, взявшіе верхъ на этой человѣческой выставкѣ статью, красотою, щегольствомъ наряда, — и такъ далѣе, всѣ 150 разноплеменныхъ паръ, каждая въ своемъ народномъ костюмѣ, на отличной парѣ животныхъ, въ различныхъ саняхъ и салазкахъ. Блеянье, лай, мычанье, ревъ, ржанье, звонъ

бубенчиковъ и колокольчиковъ, какая чудная музыка при этомъ диковинномъ поѣздѣ! Опять скажу, только въ Россіи можно было составить такой богатый этнографическій праздникъ. На одной площадкѣ собрались весь сѣверъ Азіи и почти весь востокъ Европы: для этого стоило только русской царицѣ махнуть платкомъ изъ окна своего терема.

По волѣ государыни поѣздъ сдѣлалъ два оборота на луговой линіи, и тянется къ манежу Бирона. Тамъ приготовленъ обѣдъ для новобрачныхъ и гостей. Столъ накрытъ на 302 куверта. Музыка, составленная изъ трубъ, гобой и литавръ, встрѣчаетъ поѣздъ. Садятся за столъ чинно, парами, въ томъ порядкѣ, въ какомъ ѣхали — разумѣется, князь и княгиня свадьбы на переднемъ мѣстѣ. Передъ каждою парою поставлено національное ея кушанье.

Государыня съ своею свитою расположилась на возвышеніи подъ балдахиномъ. Около нея составляется блестящая гора дамъ и кавалеровъ.

За обѣдомъ Тредьяковскій громогласно произноситъ стихи «собственной работы»:

Здравствуйте женившись, дуракъ и дура,
Еще... тота и фигура!
Теперь-то прямое время вамъ повеселитца,
Теперь-то всячески поѣзжанымъ должно бѣситца.
Ну Мордва, ну Чуваша, ну Самоѣды!
Начните веселье молодые, дѣды!
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рыпки.
. . . . . .
Ахъ, вижу какъ вы теперь ради!
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!
Свищи весна, свищи красна!
. . . . . .

И такъ надлежитъ новобрачнымъ привѣтствовать нынѣ.
Дабы они во все свое время жили въ благостынѣ:
Спалось бы имъ да вралось, пилось бы да ѣлось.
Здравствуйте жъ женившись, дуракъ и дурка,
Еще... тота и фигурка!

Государыня рукоплещетъ, именуетъ Василія Кирилловича придворнымъ піитомъ, и по приказанію ея, все ее окружающее осыпаетъ пѣвца рукоплесканіемъ. Онъ встаетъ, изнемогшій подъ бременемъ своего торжества. Два пажа берутъ его подъ руки и сажаютъ на противный конецъ стола, гдѣ для него поставленъ особенный кувертъ подъ бесѣдкою изъ вѣниковъ. Ему одному нѣтъ пары; онъ единственъ. Во время обѣда служатъ ему пажи—честь, равняющая его съ Шапеллемъ, если не съ Тассомъ.

Обѣдъ кончился, начинаются пляски, каждая пара свою національную. Тамъ плыветъ лебедкою русская дѣва, и около нея увивается соколомъ ея товарищъ; за ними ломаются, какъ одержимые духомъ, въ шайтанской пляскѣ; далѣе пристукиваютъ *козачка*, или выкидываютъ *журавля*. Тутъ мчатся степнымъ вихремъ цыгане: «эй, жги, говори! эвое, эванъ!» — и взоры изступленно-краснорѣчивы, и каждая косточка говоритъ, каждая жилка бьется, и грудь дышетъ бурею любви. Но что съ княжною Лелемико?.. Она блѣднѣетъ. Пляшущая цыганка не мать ея, но ее напоминаетъ, и это напоминаніе леденитъ все существо Маріорицы. Она старается укрѣпиться, ищетъ взорами Волынскаго, находитъ, и оживаетъ. Между тѣмъ цыгане пролетѣли, голосъ ихъ отдается слабѣе и слабѣе, наконецъ совсѣмъ замираетъ. Новыя пары, новыя пляски и голоса! И страхъ и грусть Маріорицы промчались, какъ мимолетныя видѣнія.

Великолѣпный балетъ! Испытайте задать намъ подобный, гг. директоры театровъ!..

Пиръ конченъ, и новобрачные съ своимъ пестрымъ многочисленнымъ поѣздомъ отправились въ прежнемъ порядкѣ въ ледяной домъ. Здѣсь, при звукѣ трубъ, литавръ и гобой, подъ хоръ козловъ, быковъ, собакъ иословъ, высадили ихъ изъ желѣзной клѣтки и отвели съ подобающею честію въ спальню, гдѣ и заперли. Поѣздъ распущенъ. Часовые приставлены къ дому, чтобы влюбленная чета не могла изъ него освободиться. Каковъ алтарь Гименею!.. На что ни садятся, къ чему не прикасаются, все ледъ—стѣны, брачное ложе, утварь, отвсюду пашетъ на нихъ холодъ, ближе, тѣснѣе, наконецъ душитъ, костенитъ ихъ. Нѣсколько минутъ утѣшаетъ ихъ огонь въ ледяномъ каминѣ, на ледяныхъ свѣчахъ; но этотъ фосфорный огонь не грѣетъ—вотъ и онъ слабѣе перебѣгаетъ по ледянымъ дровамъ, цѣпляется за нихъ, бьется умирая, исчезаетъ... Холодно, мрачно, какъ подъ землею! Сердце замерло. Сначала *молодые* силятся побороть холодъ: то бѣгаютъ взадъ и впередъ по комнатѣ, пляшутъ, кривляются, то кувыркаются, то колотятъ другъ друга. Смѣхъ, да и только!.. Нѣтъ болѣе силъ выдерживать. Стучатся въ дверь, стонутъ, умоляютъ часовыхъ выпустить ихъ, припадаютъ заочно къ ихъ ногамъ, клянутся по-гробъ не забыть ихъ благодѣяній, обѣщаются озолотить ихъ. Ничто не помогаетъ. Отчаяніе беретъ верхъ. Отъ мольбы переходятъ къ проклятіямъ; все проклинаютъ, что только носитъ имя человѣческое; ломаютъ и уничтожаютъ все, что могутъ разломать и уничтожить, силятся разрыть стѣну... наконецъ, предавшись отчаянію, садятся на постель... Глаза слипаются, дремота

одолѣваетъ ихъ болѣе и болѣе, смерть ужъ протягиваетъ на нихъ руки, усыпляетъ ихъ, убаюкиваетъ сказками, сладкими видѣніями; еще одна минута... и они заснули бы на вѣки. Но утро отрясаетъ уже свои бѣлокурыя кудри изъ-за снѣжнаго подзора; начинаетъ свѣтать... Къ новобрачнымъ входитъ караульный офицеръ и, найдя ихъ въ предсмертномъ усыпленіи, старается ихъ оживить. Ихъ оттираютъ снѣгомъ и относятъ на квартиру, гдѣ помощь лекаря скоро возвращаетъ имъ жизнь.

Въ этотъ день Бирона былъ чрезвычайно скученъ, государыня очень весела, какъ бы утѣшаясь побѣдою надъ своимъ любимцемъ и самой собою. Унизительное вниманіе герцога простиралось почти на каждаго изъ придворныхъ, кромѣ отъявленныхъ враговъ его. Упавшій временщикъ всегда низокъ.

На слѣдующій день государынею назначено кабинетское совѣщаніе по случаю вознагражденія поляковъ. Твердость ея дѣлала успѣхи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОПАЛА

Грозой утомлено,
Спитъ море — тигра сонъ! не вѣрь ему: оно
Предъ новой бурею такъ страшно помертвѣло.
В. Теплаковъ.

Въ полдень, когда кончились совѣщанія, Эйхлеръ стоялъ у дверей государынина кабинета. Подъ мышкою держалъ онъ какія-то бумаги. Его, племянника Липмана, его, преданнаго Бирону, осыпаннаго благодѣяніями герцога курляндскаго, избрали для доклада о полякахъ, рѣшеннаго въ государственномъ кабинетѣ. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. При этомъ докладѣ лукавый умъ Эйхлера докончитъ то, что начали коварство и сила временщика. Тяжкая забота налегла на чело его; повременамъ трепетъ губъ и рукъ обнаруживаетъ въ немъ сильное душевное волненіе. То садится онъ на стулъ, разбираетъ бумаги, углубляется въ чтеніе ихъ, съ негодованіемъ комкаетъ ихъ въ рукахъ, опять складываетъ; то встаетъ, утираетъ холодный потъ съ лица, подходитъ къ окну, смотритъ на небо, будто съ укоризной, то дѣлаетъ разныя странныя движенія, какъ бы говоря съ самимъ собой. Это

ужъ не тотъ двусмысленный, сонный Эйхлеръ, котораго мы видѣли съ его дядей въ домашней канцеляріи герцога, когда они допрашивали Маріулу; это не тотъ ротозѣй, который считалъ на небѣ звѣзды, столкнувшись съ кабинетъ-министромъ на лѣстницѣ лѣтняго дворца; не тотъ умышленный разгильдяй, приходившій благодарить своего патрона за высокія къ нему милости: это правда, Эйхлеръ, племянникъ Липмана, кабинетъ-секретарь, но Эйхлеръ обновившійся. Наружность его благородна, отчетлива; на лицѣ его, во взорахъ, рѣзко написаны намѣреніе, цѣль, подвигъ. Въ душѣ его ворочается какой-то демонъ; видно, что ему надобно разрѣшиться отъ него.

— Къ ея величеству! — закричалъ дежурный пажъ, отворяя дверь кабинета, и указалъ туда рукою, давая знать, что государыня уже тамъ.

Невольный трепетъ пробѣжалъ по всему составу Эйхлера; онъ имѣлъ только время поднять глаза къ небу, какъ бы умоляя его о чемъ-то.

Онъ въ кабинетѣ государыни.

Анна Іоанновна сидѣла за письменнымъ столомъ; къ ногамъ ея, покоющимся на шелковой подушкѣ, прислонилась отвратительная карлица, которая повременамъ слегка терла ихъ. Этотъ уродецъ слылъ глухою... Кивнувъ привѣтливо кабинетъ-секретарю, ея величество, въ знакъ благоволенія, подала ему свою руку поцѣловать.

— Что сдѣлано? — спросила она потомъ съ живымъ участіемъ.

— Несправедливость восторжествовала, государыня! Всѣ члены подписали вознагражденіе, кромѣ кабинетъ-министра Волынскаго. Онъ одинъ не измѣнилъ ни

себѣ, ни правдѣ: одушевленный любовію къ отечеству и преданностью къ вашему величеству, онъ одинъ защищалъ ее горячо, благородно, какъ истинному вельможѣ слѣдуетъ. Каждое слово его, подобно огненному мечу ангела, карателя зла, падало на сердца его противниковъ; сильные доводы его заставили ихъ умолкнуть. Но герцогъ уже напередъ подписалъ свое мнѣніе, и всѣ молча, страшась ужасныхъ гоненій, подписали за нимъ свой стыдъ и униженіе Россіи. Простите мнѣ, ваше величество, если я, увлеченный любовью къ правдѣ, къ пользамъ вашимъ и Россіи, слишкомъ смѣло изъяснился.

Эйхлеръ говорилъ съ горячимъ чувствомъ; слова его излетали, какъ молніи; когда онъ кончилъ, по его лицу катились слезы

Кто бы могъ подумать! Эйхлеръ! племянникъ Липмана, его сотрудникъ, клевретъ и наслѣдникъ, пѣстунъ злодѣйскихъ замысловъ Бирона!

— Ты?.. плачешь? — сказала изумленная государыня: — ты, любимецъ герцога?

— Ахъ! ваше величество, еслибы вы знали, чего стоила мнѣ эта любовь!.. Теперь, когда она не нужна мнѣ болѣе, въ эту рѣшительную минуту, когда я могу все потерять отъ вашего гнѣва и все пріобрѣсть отъ вашихъ милостей, я признаюсь, что моя преданность къ герцогу была только личина. Скидаю эту личину, достигнувъ своей цѣли: открыть вашему величеству всю истину. Ненавижу Бирона, который угнетаетъ мое второе отечество, покрылъ кровавымъ струпомъ народъ русскій и безславитъ ваше царствованіе; ненавижу его милости, презираю ихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ все благородство души Волынскаго, я

предался ему безгранично, какъ другъ, какъ сынъ его. Ему это неизвѣстно; онъ даже считаетъ меня въ числѣ своихъ враговъ. Вотъ моя исповѣдь, государыня! Предаю вамъ всего себя.

— Чудныя вещи слышу я!.. Чему и кому вѣрить?.. — произнесла Анна Іоанновна, качая головой; потомъ взяла бумаги изъ рукъ Эйхлера, читала ихъ про себя, перечитывала и долѣе всего останавливалась на мнѣніи Волынскаго, которое состояло въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *«одинъ вассалъ Польши можетъ изъявить свое согласіе на вознагражденіе; но русскій, храня пользы и честь своего отечества, какъ долгъ велитъ истинному сыну его, не дастъ на сіе своего голоса»*.

Пока государыня читала бумагу и озабоченный Эйхлеръ слѣдилъ ея взоры, карлица ускользнула изъ-подъ стола и скрылась.

— Вассалъ? Это однакожъ грубо!.. — сказала государыня: — развѣ онъ не могъ употребить другихъ выраженій?..

— Не вините его, ваше величество, за то, что онъ, для пользы Россіи и чести вашей, увлекся благородною пылкостью своего характера и не взвѣсилъ, какъ должно, словъ своихъ. Эти же слова произнесъ онъ нѣкогда самому герцогу, и нынѣ хотѣлъ быть вѣренъ себѣ и на бумагѣ, которая пойдетъ къ потомству. Герцогъ тогда же сильно чувствовалъ свое оскорбленіе: зачѣмъ же не жаловался вашему величеству? Оттого, что самъ связанъ былъ по рукамъ и ногамъ ужасною смертью Горд...

Анна Іоанновна замахала рукой.

— Не говори мнѣ про это... Мнѣ всегда дурно дѣлается, лишь только я объ этомъ вспомню.

— Запутанный, онъ искалъ средствъ погубить кабинетъ-министра въ глазахъ вашего величества. Случай скоро представился — любовь къ княжнѣ Лелемико. — «Государыня не надышетъ на нее», — вотъ точныя слова герцога моему дядѣ, — «государыня лелѣетъ ее, какъ свое дитя, свое утѣшеніе, свою любимую игрушку. Надо воспользоваться этою страстью, помогать ей, скрыть отъ княжны, что Волынскій женатъ, облегчить имъ переписку, а тамъ, когда онъ погубитъ ее и будетъ пойманъ, довесть все до свѣдѣнія государыни. Она разгнѣвается... и тогда голова его въ нашихъ рукахъ». — Такъ и дѣлалъ герцогъ, вѣрный своему плану. Не онъ ли перехватывалъ письма къ Волынскому жены его и письма любовниковъ? Первыя сжигалъ, другія доставлялъ по принадлежности. Не онъ ли ввелъ цыганку во дворецъ и къ вашему величеству, какъ знаменитую гадальщицу, чтобы она могла удобнѣе передавать тайныя посланія? И если любовь княжны и кабинетъ-министра привела ихъ на край пропасти, виноватъ одинъ герцогъ.

Съ живымъ участіемъ слушала государыня все, что говорилъ Эйхлеръ; она была тронута его убѣжденіями, но спросила: «готовъ ли онъ подтвердить это именемъ Бога?»

— Да поразитъ меня Всемогущій Богъ, если хоть одно слово неправды донесъ я вашему величеству!

Государыня погрузилась въ глубокія размышленія; потомъ, прервавъ ихъ, сказала, будто говоря сама съ собою, однакожъ вслухъ:

— Я всѣ эти планы разстрою!.. Я женю на княжнѣ... Почему же не такъ?.. Онъ жены не лю-

бить; кажется, и она за нимъ не погонится... дѣтей нѣтъ... грѣха не будетъ!..

Выговоривъ это, она опять задумалась; то судорожно брала перо въ руки, то бросала его. Видно было, что въ душѣ ея происходила сильная борьба и она не смѣла рѣшиться на подвигъ, для нея небывалый.

— Чтожъ могу я сдѣлать, — присовокупила она наконецъ, — когда всѣ члены кабинета подписали?

— Согласиться съ мнѣніемъ кабинетъ-министра, — отвѣчалъ съ твердостью Эйхлеръ, — и тѣмъ возстановить униженную истину. Одно самодержавное слово ваше, только одно слово, подпись вашей руки — и потомство прибавитъ золотую страницу въ исторіи вашей. Какъ слава легка для царей!

Была рѣшительная минута.

Краснорѣчіе сердца превозмогло. Дрожащею рукой взяла Анна Іоанновна перо и написала на кабинетской бумагѣ: «*Быть по мнѣнію кабинетъ-министра Волынскаго*».

Эта подпись скрѣпила побѣду Волынскаго и опалу герцога.

Эйхлеръ бросился къ ногамъ государыни и съ восторгомъ поцѣловалъ руку, ему протянутую. Но лишь только собрался онъ выйти изъ кабинета, обремененный своими трофеями, какъ вошелъ Бирономъ, по обыкновенію, безъ доклада. Онъ будто съ неба упалъ. Губы его помертвѣли; голова, руки, колѣна дрожали. Каково-жъ? онъ все слышалъ!.. Пораженные его внезапнымъ явленіемъ, государыня и кабинетъ-секретарь, казалось, окаменѣли, такъ было еще ужасно это лицо! Никогда и самъ Бирономъ не бывалъ въ такомъ страш-

номъ положеніи; онъ хотѣлъ говорить, и языкъ его не двигался. Наконецъ Анна Іоанновна сказала дрожащимъ голосомъ:

— Что вамъ угодно?.. Я васъ не звала... Чтобъ ваша нога... не была у меня...—И, не дожидаясь отвѣта, вышла.

Бирономъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ. Опомнившись, Эйхлеръ схватилъ кабинетскую бумагу за подписью государыни и собирался идти, но былъ остановленъ...

Онъ чувствовалъ, что по немъ невѣрно шарила ледяная рука, что по всему его существу блуждали глаза демона, какъ будто допытывали, онъ ли это, Эйхлеръ, племянникъ Липмана! И ни слова—языкъ не говорилъ. Презрительно посмотрѣлъ на Бирона кабинетъ-секретарь и оставилъ его.

Вскорѣ потребовали Волынскаго во дворецъ. Тутъ имѣлъ онъ ужъ случай развернуть предъ государыней со всѣмъ усердіемъ вѣрноподданнаго и горячностью истиннаго патріота картину ужасныхъ золъ, которыми Бирономъ отягчилъ Россію.

Къ вечеру весь городъ узналъ объ опалѣ Фаворита. Сотни экипажей разнаго калибра осадили подъѣздъ къ дому Волынскаго: никто, кромѣ его друзей, не былъ принятъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧЕРНАЯ КОШКА

Душа твоя чиста, унынье чуждо ей;
Свѣтла какъ ясный день, младенческая совѣсть;
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?

Пушкинъ.

Медленно, заботливо сходила г-жа Волынская съ дворцовой лѣстницы. Ступени двоились у ней въ глазахъ, и она съ усиліемъ старалась поймать ихъ своею ногою. Досада, сильнѣе декартовыхъ вихрей, кружила ей голову, разрывала сердце, наводила оттѣнки злости на это лицо, прежде столь добродушное и пріятное. И какъ не досадовать, какъ не бѣситься ей! Она во второй разъ пріѣзжаетъ во дворецъ, во второй разъ ей отказываютъ. Какая причина такой неблагосклонности государыни?.. И тогда, когда мужу ея изъявляютъ особенныя милости, когда онъ взялъ верхъ даже надъ Фаворитомъ? Тысячи предположеній, и между ними одно, темное, но самое вѣрное, то, что на униженіи ея строятъ торжество ея соперницы. Боже! какое оскорбленіе!.. Чѣмъ она заслужила его?.. Любовью къ мужу, исполненіемъ своихъ обязанностей!

Опутанная этими думами, она нѣсколько разъ оступалась: дворцовая лѣстница казалась ей мрачнымъ, перегнившимъ сходомъ въ могилу. Гады ползутъ, шипятъ, обступаютъ ее, обвиваютъ своими холодными кольцами, готовы ее задушить. Но одно воззваніе къ Богу, и нечистое сонмище исчезаетъ.

Внизу лѣстницы кто-то назвалъ ее по имени. Едва не вскрикнула она отъ испуга, увидавъ предъ собою длинный, предлинный и неподвижный станъ, какъ будто проглотившій аршинъ, на огромныхъ фижмахъ, при собольей муфтѣ, сборищѣ румянъ, бѣлилъ, морщинъ, мушекъ и цвѣтовъ, подъ высокостепенной, напудренной прической, все это на высокихъ, красныхъ каблукахъ.

— Вы не узнаете меня, матушка, Наталья Андреевна? — сказала эта размалеванная вывѣска придворной дамы, важно присѣдая.

Вглядѣлась пристально г-жа Волынская: а! это бывшая ея барская барыня — черная кошка, которая должна была пробѣжать ей чрезъ дорогу.

— Не узнала-таки, не узнала, Акулина Савишна! Какъ можешь? — спросила Волынская, обнявъ ее отъ доброты души, ей свойственной.

И г-жа Кульковская, супруга столбового дворянина, старшаго пажа и старшаго придворнаго шута, щепетильно дозволила себя поцѣловать въ щеку, охраняя, сколько возможно, дѣвственность своихъ румянъ, мушекъ и фижмъ.

— Правду сказать, матушка, немного похворала послѣ свадьбы... спазмы, удушье... не мудрено! хлопоты во дворцѣ... около сучки ея величества... да господинъ Карлъ Карловичъ, дай Богъ ему здоровья,

помогъ. Вѣдь, вы знаете Карла Карловича, придворнаго дохтура?

Произнося это, Кульковская натягивала изо всей мочи на тонъ знатной барыни

— Какъ же, знаю! Не задерживаю ли я тебя?

— Помилуйте, Наталья Андреевна, я помню вашу отеческую (она хотѣла сказать: аттенцію) ко мнѣ, и готова для васъ и сучку царскую оставить. Признаться вамъ со всею открытостью моей души, я поджидала васъ таки нарочно (тутъ она вздохнула). Много, очень много было бы мнѣ вамъ въ потаенность шепнуть... не для прочаго иного, какъ для пожеланія вамъ добра... Примѣромъ будучи сказать, можетъ статься, вы и огорчаетесь, что васъ Анна Ивановна не приняла... Господи, Боже мой! да этакой кровной обиды не снести бы и мнѣ... слечь бы таки, слечь въ постелю... А все это, матушка, не взыщите, вашъ дражайшій супругъ напроказилъ... У насъ во дворцѣ чудеса про него разсказываютъ, слушать, такъ ушки вянутъ... и будто онъ разводится съ вами... и будто... Да на семъ мѣстѣ насъ могутъ подслушать; а коли угодно было бы вамъ, сударыня, по старой памяти удостоить меня своимъ посѣщеніемъ, такъ я поразсказала бы вамъ все... Милости просимъ! я живу недалечко, здѣсь во дворцѣ, рукой подать.

Черная кошка не только что пробѣжала черезъ дорогу Волынской, она вцѣпилась въ грудь ея, скребетъ ей сердце, душитъ ее. Какъ не идти ей за демономъ-искусителемъ? Онъ манитъ ее плодомъ, который дороже для нея, чѣмъ первой женщинѣ плодъ познанія добра и зла: въ немъ заключается познаніе сердца ея мужа. И когда она вкуситъ отъ него,

ея рай, такъ же какъ рай Еввинъ, долженъ исчезнуть.

Она идетъ — слѣды ея горятъ. Слугѣ при ней велѣно дожидаться въ саняхъ.

Чрезъ лабиринтъ коридоровъ вошли они въ чистую комнату со сводами. Постель, напыщенная и вздутая, какъ толстая купчиха, съ двумя пирамидами подушекъ, китайскій фарфоръ въ шкапѣ за стекломъ, картина великаго мастера въ золотой рамѣ, украденная изъ дворца, и рядомъ съ нею лубочные эстампы съ изображеніемъ, какъ мыши кота погребаютъ, и русскаго ада, въ которомъ жарятъ, пекутъ, вѣшаютъ за языкъ, за ребро, за ногу, во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ, — вотъ что составляло главное украшеніе знаменитаго жилища гг. Кульковскихъ. На лежанкѣ дремалъ ея сынокъ Мать разбудила его, и когда онъ совершилъ три ужасныхъ зѣвоты, которыми, казалось, хотѣлъ проглотить пришедшихъ, сказала ему съ нѣжностью:

— Душенька, выдь куда-нибудь прогуляться или развеселиться; да не забудь своей офиціи...

— На веселье нужны деньги, — отвѣчалъ онъ сурово: — дай цѣлковенькій прогулять, такъ пойду, а не то, хоть тресни, не выйду.

Нѣжнаго сынка удовлетворили, и онъ, опоясавшись мечомъ-кладенцемъ, привѣтствовалъ его глупо-умильной усмѣшкой.

— Такой вѣтренникъ, все шпагу забываетъ!.. Да скажи въ австеріи, чтобы не слишкомъ шумѣли, а то какъ разъ пришлю унять. — Вотъ, матушка, Наталья Андревна, — продолжала Кульковская, когда наслѣдничекъ ея высокихъ душевныхъ достоинствъ вышелъ не

поклонясь, — нажила себѣ заботъ. Да здѣсь не покойнѣе ли вамъ будетъ? а то противъ двери...

— Хорошо, хорошо,—повторяла Волынская, истерзанная душевными муками.

Если бъ посадили ее въ это время на уголья, на ледъ, если бы земля колебалась подъ нею и громы надъ ней гремѣли, она ничего бъ не слыхала, ничего не видала бы.

— Воля ваша... матушка... неловко... пересядьте сюда.

Ужасная женщина!.. каковы послуги передъ тѣмъ, какъ собиралась убить? Такъ палачъ, готовясь снять голову съ своей жертвы, заботился бы на эшафотѣ о томъ, чтобъ оградить ее отъ луча солнечнаго или сквозного вѣтра.

— Ахти, бѣдная головушка, — сказала наконецъ Кульковская, приведя въ движеніе топоръ своего языка, — до какого позору дожила ты!.. На гибель свою прокатилась въ Москву. Самъ лукавый шепнулъ тебѣ ѣхать въ этотъ путь-дорожку. Кабы тебѣ, сизая голубушка, половину разсказать, что было здѣсь безъ тебя, такъ сердце бы замерло, охъ, охъ!.. — и Кульковская заплакала; потомъ, осушивъ свои слезы, продолжала: — Добро бъ волокитство на рѣчахъ, а то пошли записочки—пересылались сначала черезъ школьника Тредьяковскаго, потомъ носилъ ихъ бездѣльникъ Николка, черномазый дьяволъ; напослѣдокъ... языкъ не двигается... застали вашего благовѣрнаго супруга въ спальнѣ молдаванки...

— Неправда, Савишна, неправда! — сказала полумертвая Волынская: — видно, зло беретъ иныхъ на Артемія Петровича, что выдумали такія сказки!..

— Сказки?.. хороши сказочки, только не на сонъ грядущій, а на упокой души!.. Не вѣрите мнѣ, матушка? такъ, пожалуй, выставлю свидѣтелей, старика Липмана, самого герцога, человѣкъ десятокъ пажей, дворцовыхъ лакеевъ, горничную-дѣвку... Да коли распоясываться, языкъ и душка устанутъ. Видно, приходитъ конецъ міра! Господи, надолго ли станетъ твоего долготерпѣнія?.. Неправда? А почто жъ васъ государыня Анна Ивановна не принимаетъ? Спросили бъ давно насъ, дворцовыхъ!.. Потому что вашъ дражайшій бросился вчера ей въ ноги, плакалъ, билъ себя въ грудь, и упросилъ ея величество дозволить ему развестись съ вами и жениться на молдаванкѣ... Что, матушка, вы не вѣрите? Такъ вотъ повѣрьте этому свидѣтелю, повѣрьте своимъ оченькамъ...—Она отошла къ лежанкѣ, и изъ шкатулки, на ней стоявшей, вынула сложенную бумажку. —Чай, вы рукописаніе своего муженька знаете?.. прочтите, полюбуйтесь, а послѣ скажите, наврала ли я вамъ, глупая баба, нанесла ли на святого человѣка околесицу... Да этихъ записочекъ ходитъ довольно по всему дворцу... Коли охота станетъ читать, наберу ихъ вамъ десятка два, хоть въ книжечку извольте переплесть...

Не дождалась Волынская, чтобы подали ей записку— сама вырвала изъ рукъ.

Это посланіе было одно изъ тѣхъ, отъ которыхъ неопытную дѣвушку бросаетъ въ одно время и въ пламя, и въ дрожь, отъ земли на небо, въ атмосферу, напитанную амброю, розой и ядомъ, гдѣ сладко, будто подъ крыломъ ангела, и душно, какъ въ объятіяхъ демона, гдѣ пульсь бьется удвоенною жизнью и сердце замираетъ восторгами, для которыхъ нѣтъ языка.

Надо было видѣть, что дѣлалось съ несчастною Волынскою. Давно ли онъ былъ такъ нѣженъ, такъ страстенъ? давно ли призывалъ Бога въ свидѣтели своей любви? Какъ она была счастлива!.. И чтожъ? въ одинъ мигъ исчезло очарованіе этого счастья: знойное дыханіе сатаны испепелило всѣ ея надежды, всѣ радости въ мірѣ! Глаза ея помутились, будто у безумной; запекшіяся губы дрожали; изъ полураствореннаго рта, казалось, готовъ былъ вылетѣть крикъ смерти. Видно было, какъ младенецъ ея трепеталъ... Что ей до младенца?.. *Былъ* одинъ — по немъ и другого дорого цѣнила; нѣтъ *того*, и ей ни по чемъ дитя ея.

Сама Кульковская испугалась ужаснаго состоянія, въ которое ее повергло. Зная силу ея вѣры, напомнила ей о Богѣ, о страданіяхъ Іисуса Христа, оставившаго намъ собою образецъ терпѣнія, показала ей на икону Скорбящей Божіей Матери... И Наталья Андреевна, придя въ себя, судорожно зарыдала и распростерлась предъ ликомъ небесной Утѣшительницы. Долго лежала она на полу, молясь и прерывая свои молитвы рыданіями; наконецъ встала, съ горячею вѣрою приложилась къ образу.. Божья Мать съ такою небесною улыбкою то смотрѣла на своего Младенца, то, казалось ей, на нее, какъ бы показывая, что она должна жить для того, кто у ней лежитъ подъ сердцемъ, — этого существа невиннаго въ преступленіяхъ отца... Она не всего лишилась: съ нею ея Богъ и Господь; ея не покидаетъ и Матерь Божія; она сама мать. Для младенца своего останется она жить, клянется жить — ни одной еще клятвы въ жизнь свою не нарушала — и неземное утѣшеніе прокралось невидимымъ лучомъ въ ея душу.

Но съ какими глазами встрѣтитъ она Артемія Петровича? Что будетъ она въ домѣ, откуда ее скоро изгонятъ холодность мужа и воля государыни? Какъ станетъ смотрѣть она на осквернённое ложе, гдѣ замѣнитъ ее счастливая соперница? Неужели дождется, чтобъ ее выгнали?.. Нѣтъ, она не дойдетъ до такого униженія; она предупредитъ его. Нога ея не будетъ ужъ на порогѣ мужнина дома. У нея есть братъ — тотъ приметъ ее къ себѣ. Пускай придутъ тамъ оспаривать ея законныя права! Самъ Богъ сказалъ, что когда Онъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучитъ — пускай придутъ поспорить съ Богомъ!..

Написано письмо къ Артемію Петровичу: въ немъ объясняли, что, обманутая, осмѣянная, не можетъ она ужъ явиться къ нему въ домъ. Отказъ отъ дворца, вѣрные слухи, что государыня желаетъ ихъ развода для того, чтобы женить его на своей любимицѣ, собственное письмо его къ княжнѣ — чего болѣе? какихъ еще свидѣтельствъ?

Письмо отослано тотъ же часъ.

Въ домѣ брата своего, Перокина, просила она убѣжища и защиты. Ни убѣжденія разнаго рода, ни обѣщанія помирить ихъ съ мужемъ, не имѣли никакого дѣйствія: несчастная осталась непреклонною.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

Тебѣ сказать не долженъ болѣ:
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.
Пушкинъ.

Гнѣвъ Липмана дошелъ до бѣшенства, когда онъ узналъ объ измѣнѣ своего племянника. Онъ проклиналъ неблагодарнаго, рвалъ на себѣ волосы, терзалъ себѣ грудь ногтями, изрыгалъ богохуленія; но — прошелъ пароксизмъ бѣшенства, и онъ опять мудрецъ на злое. Сдѣланы новые, хитрые разсчеты. Волынскій не приметъ его подъ крыло свое; онъ пропалъ, если пропадетъ Биронъ: слѣдственно, надобно остаться вѣрнымъ герцогу не для него, а для себя; надобно спасти герцога, чтобъ спасти себя. Эту вѣрность запечатлѣлъ онъ клятвою выпутать его изъ худыхъ обстоятельствъ. Гнѣвъ государыни не былъ твердъ, одна Маріорица могла помѣшать примиренію и доставить новую пищу къ немилостямъ... на этой оси вертѣлось колесо фортуны обоихъ соперниковъ. Чтожъ? сокрушить ее!.. Такія ли помѣхи уничтожаютъ злодѣи? Между тѣмъ и герцогъ долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ

Остермана и людей, преданныхъ ему изъ собственныхъ своихъ видовъ

Съ другой стороны, Артемій Петровичъ принималъ поздравленія неохотно. Онъ доволенъ былъ, что сдѣлалъ свое дѣло, но отчаявался распутать домашнія обстоятельства. Поставленный между любовью Маріорицы и любовью жены, онъ долженъ былъ погубить одну изъ нихъ. Что еще скажетъ онъ, когда узнаетъ рѣшеніе послѣдней?

Въ глубокихъ раздумьяхъ засталъ Зуда того, кого весь городъ почиталъ первымъ счастливцемъ и будущимъ виновникомъ счастія народнаго. Зуда вошелъ не одинъ. Лицо, бывшее съ нимъ, поразило кабинетъ-министра своимъ появленіемъ. Не видѣніе ли?.. Эйхлеръ?.. Можетъ ли статься!

— Что вамъ нужно отъ меня? — спросилъ его Волынскій сурово.

— Имѣть честь вамъ рекомендовать себя, — отвѣчалъ улыбаясь Эйхлеръ.

— Напрасный трудъ!.. я васъ давно очень хорошо знаю...

— Теперь только, — подхватилъ Зуда, — извольте узнать его, какъ вашего тайнаго друга, какъ того человѣка, который былъ вамъ столько полезенъ своими безыменными посланіями, подъ маскою астролога, подъ личиною нищаго, черезъ конюховъ; доставилъ вамъ подлинный доносъ Горденки, вползалъ невидимкою въ карету герцогскую, добрался до кабинета государыни, заставлялъ говорить камни: однимъ словомъ, это самый тотъ, которому обязаны вы побѣдой надъ герцогомъ и настоящимъ своимъ счастливымъ положеніемъ, если еще можно назвать его счастливымъ.

Нѣсколько мгновеній стоялъ Волынскій, какъ бы обезумленный; наконецъ бросился обнимать Эйхлера.

— Какъ это сдѣлалось, Боже мой! — говорилъ онъ. — Могъ ли я подумать?.. Другъ мой, благороднѣйшій другъ! зачѣмъ вы ранѣе не открылись мнѣ? зачѣмъ вы такъ долго играли роль моего врага, и я не могъ васъ достойно оцѣнить? Сколько униженій разнаго рода, сколько оскорбленій отъ меня претерпѣли!

— Простите мнѣ, если скажу, что характеръ вашъ, возвышенный, но слишкомъ пылкій, слишкомъ безрасчетный, налагалъ на меня эту скрытность. Я боялся, чтобы вы, узнавъ своего тайнаго корреспондента и помощника, не измѣнили себѣ при случаѣ и не потеряли во мнѣ того, чѣмъ я хотѣлъ быть для васъ до конца своего назначенія. Могу теперь открыть, что Зуда, съ которымъ я связанъ былъ узами дружбы еще на школьной скамейкѣ, въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, былъ со мною въ заговорѣ.

— Каковъ? Ай-да пріятель!.. Дай же, лицемѣръ, и тебя прижать къ моему сердцу. — Волынскій крѣпко обнялъ и маленькаго секретаря. Слезы были у всѣхъ на глазахъ. — Подвигъ вашъ, друзья мои, могу чувствовать, но оцѣнить его должна Россія. Да, народъ русскій будетъ вамъ нѣкогда признателенъ. Стыжусь, а долженъ сказать, я недостоинъ такихъ товарищей, такихъ безкорыстныхъ поборниковъ правды и любви къ отечеству. Чѣмъ заплатилъ я вамъ?.. Вмѣсто того, чтобы нести мои жертвы хоть рядомъ съ вами, если я не могъ васъ обогнать — я сбивалъ васъ съ пути, я дѣлалъ ваши жертвы безполезными, сквернилъ ихъ моею глупою страстью!.. Господи! если проступки

мои, мое безуміе, должны получить изъ рукъ Твоихъ достойное возмездіе на этой землѣ, то да идетъ чаша золъ, по-крайней-мѣрѣ, мимо этихъ двухъ прекраснѣйшихъ твоихъ созданій!

— Если и намъ суждено погибнуть, — сказалъ Эйхлеръ, — утѣшимся, что пали за дѣло человѣчества. Умирая, ничѣмъ упрекнуть себя не можемъ; мы дѣйствовали не какъ возмутители народнаго спокойствія, не изъ корыстныхъ видовъ, но какъ вѣрные сыны отечества, преданные государынѣ и долгу нашему. Не нарушали мы закона, но шли противъ беззаконника въ лицѣ временщика; всѣ наши дѣйствія вели къ престолу и несли ему въ дань. Его дѣло принять ее или отвергнуть. Чистъ нашъ подвигъ, и стыдъ будетъ тому, кто исказитъ его!.. Не унижаясь передъ счастливымъ злодѣяніемъ, жили; но унижаясь — умремъ.

— Да, скажутъ наши правнуки, имъ было больно угнетеніе Россіи, и они рѣшались выкупить ее и честь государыни цѣною своей крови и жизни! Пускай тотъ, кто не желаетъ счастія своему отечеству, выйдетъ изъ рядовъ потомства, чтобы объявить намъ приговоръ. Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ! Съ Бирономъ кончится пора скомороховъ, шутовъ и подлыхъ угодниковъ, кончится униженіе Россіи, и благородный потомокъ нашъ, кто бы онъ ни былъ, придетъ нѣкогда сказать свое спасибо на могилѣ нашей. Помянувъ честно борцовъ и мучениковъ временщика, онъ самъ возвысится духомъ.

Такъ въ день своей побѣды и торжества говорили кабинетъ-министръ и его совѣтники, будто готовились на казнь... Замѣтно было, что Эйхлеръ имѣлъ нѣчто тяжелое передать Волынскому, и что Волынскій, не

какому-то предчувствію, постигалъ его тайны. Такъ въ знойный день, хотя еще нѣтъ ни одного облачка на небѣ, уже душно передъ бурею. Долго собирался кабинетъ-секретарь открыться, наконецъ сказалъ:

— Горестно мнѣ присовокупить теперь, что подвигъ нашъ еще не конченъ, что надъ головою вашей собирается грозная туча. Настоящее посѣщеніе мое, кромѣ желанія скинуть предъ вами гнусную личину и открыть себя, каковъ я есть, имѣетъ еще цѣлію исполненіе трудной миссіи... О! чего бъ не далъ я, чтобы жребій этого порученія палъ не на меня! Оно выше силъ моихъ.

— Говорите, — отвѣчалъ съ твердостью Волынскій,—по словамъ моимъ, вы видите, что я ко всему приготовился.

— Я несу вамъ предложеніе отъ самой государыни. Долженъ предупредить, что ваше согласіе утвердитъ васъ въ милостяхъ ея величества и послужитъ еще болѣе къ уничтоженію вашего врага и слѣдственно къ благополучію Россіи. Не могу также скрыть, что отказъ вашъ поведетъ васъ къ непріятнымъ слѣдствіямъ и что вы можете черезъ него потерять едва ли не всѣ свои пріобрѣтенія. Итакъ счастіе ваше и благоденствіе Россіи въ вашихъ рукахъ.

— О! по этому вступленію вижу, что не могу исполнить желаніе государыни. Но я не боюсь его услышать и сдѣлать отказъ, душа моя испытана; тяжкій молотъ судьбы билъ ее со всѣхъ сторонъ... не виню никого въ своихъ несчастіяхъ, кромѣ себя самого... Одинъ лишній, рѣшительный ударъ немного сдѣлаетъ надъ этой душой. Жду вашего объясненія.

— Не знаю, откуда вѣтеръ подулъ, но дѣло государственное взяло курсъ семейный, домашній. Ея величеству угодно было, совсѣмъ для меня неожиданно, позвать меня сейчасъ къ себѣ. Воля ея передать вамъ, что она, желая согласить честь своей любимицы, княжны Лелемико, съ ея благополучіемъ, и зная, что вы... Извините... враги васъ оклеветали... свидѣтельства слишкомъ явныя...

— Говорите, говорите прямѣй! Боюсь вашего суда, а не осужденія злодѣевъ и низкихъ людей.

— Итакъ государыня, зная, что вы будто вовлекли княжну въ порочную связь, что вы любите ее неограниченно (доказываютъ это письма ваши въ рукахъ у государыни); получивъ также вѣрныя свидѣтельства, что вы не любите супруги вашей, отъ которой не имѣете и дѣтей, и что вы хлопотали уже о разводѣ, предлагаетъ вамъ свое покровительство въ этомъ дѣлѣ. Преступная любовь ваша и любовь сироты, столь драгоцѣнной сердцу ея величества, должна освятиться у алтаря.

Всталъ дыбомъ волосъ на головѣ Артемія Петровича; онъ весь дрожалъ.

— А жену мою?.. — спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Убѣдятъ идти въ монастырь.

— Въ монастырь?.. Волынскую?.. жену мою съ моимъ ребенкомъ!.. Нѣтъ, этому не бывать!

Внѣ себя Волынскій ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, какъ безумный, ударялъ себя въ лобъ, ужасно вскрикивалъ повременамъ:

— Вотъ до чего довелъ я ихъ и себя!.. Мнѣ это смѣли предложить?.. И я?..

Крикъ этотъ сопровождался судорожнымъ хохотомъ, судорожнымъ плачемъ, наконецъ подошелъ онъ къ Зудѣ и спросилъ его:

— Ты что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ?

— Вспомните, что говорилъ я вамъ, когда вы только затѣвали борьбу съ герцогомъ,—отвѣчалъ хладнокровно Зуда.—Надо было остановиться въ началѣ... но теперь, зашедши такъ далеко... чѣмъ нельзя пожертвовать для блага отечества! Я согласился бы на предложеніе ея величества.

— О! зачѣмъ было добиваться чувства у этого сердца, изсохшаго на Макіавели!.. Онъ тогда не человѣкъ, когда дѣло идетъ о цѣли политической; у него нѣтъ сердца—у него только умъ.—Но вы, господинъ Эйхлеръ?

И какъ будто испугавшись, что Эйхлеръ скажетъ одно съ Зудою, продолжалъ, не давъ ему отвѣчать:

— Нѣтъ, нѣтъ, прежде чѣмъ вы дадите отвѣтъ, я разскажу вамъ, въ какомъ состояніи теперь нахожусь, въ какихъ отношеніяхъ я къ двумъ особамъ, которыхъ судьбу связалъ неразрывно съ своею. Этотъ желѣзный человѣкъ знаетъ все...—онъ указалъ на Зуду.—Видно, ему нужно растравить мои раны... Но вамъ долженъ я открыть эти отношенія. Видите, сударь, жена моя беременна; она любитъ меня горячо, выше всего въ мірѣ, кромѣ своего Бога, и счастлива увѣренностію, что я ее также люблю. Еслибъ я оставилъ ее, недолго бы пережила она мой гнусный поступокъ. Убійца жены, убійца своего младенца, какую жизнь влачилъ бы я, двоеженецъ, на этой бѣдной землѣ?.. За что погубилъ бы я это созданіе, чистое, какъ ангелы?.. Безуміе страсти ужъ исчезло вмѣстѣ съ очарованіемъ

ея... Положимъ, что Наталья Андреевна перенесла бы свое несчастіе и осталась жить: чувствуете ли позоръ, который падалъ бы на меня?.. Жена Волынскаго, монахиня, родила бы въ кельѣ!.. Что за адская смѣсь! А потомъ? гдѣ-бъ ни появилась она, вездѣ указывали бы на нее пальцами; каждый прохожій, лохмотникъ, враги мои, смѣли бы говорить: «Вотъ бывшая жена кабинетъ-министра Волынскаго! Онъ въ чести, въ холѣ у государыни, а она, глядите... въ какомъ черномъ тѣлѣ!.. А этотъ мальчикъ или дѣвочка, это дитя, которое за нею таскается, это его отродье: ему нѣтъ имени!.. Каждый нищій счастливѣе его: онъ можетъ указать на своего отца, а этотъ не смѣетъ назвать своего—все равно, что сынъ грѣха, сынъ блуда! Волынскій продалъ жену свою, свое дитя, счастіе и свободу ихъ, законъ, совѣсть, продалъ здѣшнюю и будущую жизнь—за чтожъ? За мѣсто любимца!.. Своекорыстнымъ видамъ!..» Кто скажетъ, благу отечества?.. Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ! Пускай отдамъ Богу отвѣтъ на Страшномъ Судѣ за любовь мою къ Маріорицѣ—назовите ее слабостью, заблужденіемъ, безразсудствомъ, безуміемъ, чѣмъ хотите—пусть за нее караетъ меня правосудная десница Господа! Но когда умолкнула страсть и говоритъ разсудокъ, когда дѣло идетъ о расчетахъ личныхъ—какимъ бы покровомъ вы ихъ ни одѣвали, выгодами ли общими, пользою отечества,—никогда не посягну на это святотатство. Я до того еще не унизился. Знаю, что отказомъ моимъ оскорблю государыню, увѣренную въ успѣхѣ своего предложенія; знаю, что лишаю себя, друзей и дѣло правое необходимой его опоры, что попрежн му ввожу Бирона въ милости ея величества и долженъ

ожидать ужасной грозы; но... такъ низко я низачто не продамъ души своей! Рѣшеніе мое неизмѣнно, донесити это государынѣ.

— Еслибъ вы дали другой отвѣтъ, — сказалъ Эйхлеръ съ восторгомъ, — я каялся бы, что служилъ вамъ. Благодарю Бога, что въ васъ не ошибся.

— Виноватъ, — подхватилъ Зуда, нѣсколько смущенный, — можетъ быть, я такъ созданъ... перемѣнить себя не могу... но скажу опять, что не понимаю, къ чему все это ведетъ. Когда вы готовились на подвигъ освобожденія отечества, не рѣшались ли пожертвовать собою исполненію этого подвига? А теперь.

— Собою однимъ, да! А теперь, по-твоему, я спасалъ бы себя и жертвовалъ бы другими.

— Развѣ отказомъ государынѣ, какъ вы сами говорите, не вовлекаете въ собственную гибель и вашихъ друзей, и вашей супруги?

— Хотя бы и такъ, не сдѣлаю подлаго дѣла! И кто и чѣмъ поручится мнѣ, что я, обрадовавшись безъ души предложенію государыни и согласившись на него, не получу скоро достойной награды за своекорыстное угожденіе? Кто поручится, что Биронъ черезъ мѣсяцъ, черезъ нѣсколько дней не овладѣетъ снова милостями государыни и не насмѣется достойнымъ образомъ надъ подлымъ двоеженцемъ? Мудрено-ль? Видишь, какой оборотъ взяло дѣло; я нуженъ не для государства, а къ случаю!.. Что скажешь тогда? Какими глазами прикажешь мнѣ смотрѣть на людей, на Божій свѣтъ? Какъ умирать мнѣ будетъ?.. Теперь, по крайней мѣрѣ, буду и тѣмъ доволенъ, что поколебалъ силу временщика и облегчилъ другимъ

средства совсѣмъ его свергнуть. Отечество и за то останется мнѣ признательнымъ. Сколько дозволяло мнѣ мое слабое человѣчество, я исполнилъ долгъ свой и не запятналъ его гнуснымъ поступкомъ, который не можетъ извиниться никакою цѣлью. Если я и совратился съ должнаго пути, то да судитъ меня Богъ! — Требую, чтобы объ этомъ мнѣ болѣе не говорили. Рѣшеніе мое свято. Только прошу васъ, г. Эйхлеръ, не объявлять моего отвѣта государынѣ до завтрашняго дня. Я приготовилъ бы ко всему друзей своихъ. Можетъ быть, найдемъ еще способы съ честью охранить наше дѣло отъ новыхъ ударовъ судьбы.

Этимъ кончилась бесѣда. Зуда рѣшился прибѣгнуть еще къ одному средству, письмомъ объяснить княжнѣ Лелемико затруднительное положеніе, въ какомъ находился человѣкъ, ей столько драгоцѣнный. Любовь изобрѣтательна: не придумаетъ ли чего къ спасенію его?

Нѣсколько времени спустя, принесли Волынскому письмо.

— Отъ кого? — спросилъ онъ слугу.

— Отъ барыни, — отвѣчалъ этотъ.

— Гдѣ-жъ она?

— У его превосходительства, братца своего.

— Письмо изъ дома брата? должно быть, чрезвычайное! — сказалъ встревоженный Волынскій, распечатавъ письмо нетвердою рукой.

Первое, что бросилось ему въ глаза, было собственное его посланіе къ Маріорицѣ. Будто ножомъ полоснуло его по сердцу. Онъ догадывался объ истинѣ, и одна догадка приводила его въ ужасъ. Немалаго подвига стоило ему прочесть письмо жены

— По дѣламъ вору мука! — воскликнулъ онъ, изорвавъ то и другое въ клочки. — Но... баба шалитъ!.. Есть мѣра всему!.. Не ожидаетъ ли, что притащусь къ ней умаливать о милости?.. Этого слишкомъ много! Этого не будетъ!.. Послѣ увѣреній моихъ, послѣ доказательствъ страстной любви и клятвы, она должна была не раскрывать прошлаго, не дотрогиваться до этой опасной струны. Чтожъ она дѣлаетъ? Выкапываетъ въ навозной кучѣ старые грѣхи мои, вездѣ чутьемъ отыскиваетъ ихъ слѣды. И гдѣ-жъ наводитъ справку о поведеніи мужа?.. У бывшей своей барской барыни, у сквернавки, которая продавала меня злѣйшему врагу моему, на которую и плевать гадко!.. Дойти до такого униженія, Боже мой! Отнынѣ я самъ не хочу ее знать... Что за жена!.. Пускай себѣ живетъ на здоровье у своего братца, да распускаетъ басни о мужѣ, да себѣ и людямъ на потѣху малюетъ его сажей съ ногъ до головы!.. Нѣтъ, Маріорица на ея мѣстѣ не то бы сдѣлала... О! это душа возвышенная, нерядовая! Да много ли Маріорицъ на свѣтѣ? И я пожертвовалъ ею!. Неблагодарный!..

— Но, — прибавилъ онъ, успокоившись нѣсколько отъ сильнаго душевнаго волненія, въ которое бросила его ужасная посылка, — я исполнилъ долгъ свой. Не пойду назадъ. Пускай вина будетъ не на моей сторонѣ!..

Въ этотъ же день Зуда доставилъ ему другого рода посланіе. Оно было отъ княжны Лелемико.

«Мнѣ все извѣстно, — писала она, — все, и предложеніе государыни, и любовь къ тебѣ жены, и отношенія твои къ ней. Не хочу быть причиною твоего несчастія. Въ сердцѣ моемъ отыскала я средства по-

мочь всему... Но я сама должна съ тобою переговорить... тайну мою не довѣряю ни бумагѣ, ни людямъ. Будь у «Ледяного дома» къ сторонѣ набережной, въ 12 часовъ ночи. Теперь никто... не помѣшаетъ...»

Да! никто не помѣшаетъ: ея ангела-хранителя ужъ нѣтъ; сумасшедшая мать сидитъ въ ямѣ.

Что ей мать? У ней въ мірѣ никого нѣтъ, кромѣ *него*; *онъ* одинъ для нея все — законъ, родство, природа, начало и конецъ, алфа и омега ея бытія, все, все.

— О! эта пишетъ иначе, — сказалъ Волынскій, — буду, непремѣнно буду, хоть на зло *той*...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НОЧНОЕ СВИДАНІЕ.

О, милый! пусть растаетъ вновь
Моя душа въ твоемъ лобзаньѣ;
Приди, допей мою любовь,
Допей ее въ моемъ дыханьѣ.
Прильну я къ твоимъ устамъ,
И все тебѣ земное счастье,
И всей природы сладострастье
Въ послѣднемъ вздохѣ передамъ.

В. Тепляковъ.

Не шути съ огнемъ, обожжешься.

Пословица.

— Зачѣмъ долѣе жить?—думала Маріорица, прочитавъ письмо отъ Зуды. — Я любила, узнала все, что въ любви и въ жизни есть прекраснаго... Чего мнѣ ждать еще? Разрушенія моего и конца этой любви, не во мнѣ, нѣтъ — моя любовь должна перейти со мною и въ другой міръ—но въ его сердцѣ. Я только помѣха *его* счастію. Если я буду за нимъ, что принесу ему? Минутные восторги и, можетъ статься, раскаяніе, чувство несчастія его жены и младенца — о! это дитя мнѣ такъ же дорого, какъ бы оно было мое; оно мнѣ не чужое, дитя моего Артемія! Лучше умереть, и умереть любимою, гордою, счастливою его любовью, съ именемъ невѣсты, любовницы, друга, унеся съ собою память сердца милаго человѣка. Я прикую ее къ своей

могилѣ восторгами, признательностью, жертвами. Не завиднѣе ли это, чѣмъ жить для того, чтобы вѣчно тревожить его спокойствіе и ждать охлажденія, видѣть его невѣрность, можетъ статься, и презрѣніе? Лучше всего умереть теперь, когда всѣ зовутъ меня прекрасною. Хочу и въ гробу лежать достойною его любви, а не сухимъ, желтымъ остовомъ, отъ котораго онъ будетъ отворачиваться, который поцѣлуетъ съ отвращеніемъ.

Такъ думала Маріорица, рѣшаясь пожертвовать собою для блага Волынскаго. Находили минуты, въ которыя ей становилось грустно, холодно отъ мысли умереть такой молодою, когда существо ея только-что раскинулось было пышнымъ цвѣтомъ, когда на устахъ и груди ея млѣли поцѣлуи любви, когда сердце нѣжило такъ много темныхъ и вмѣстѣ сладкихъ желаній. Но мысль, что ей обязанъ *онъ* будетъ своимъ спокойствіемъ, счастіемъ, славою, торжествовала надо всѣмъ, уносила ее въ небо, откуда она смотрѣла глазами любви неземной на свой земной подвигъ. Ей становилось тогда легко, радостно; какой-то дивный восторгъ согрѣвалъ ее; казалось ей, душа ея расправляла огненныя крылья, чтобы скорѣе понестись въ это небо и утонуть въ немъ.

Вотъ какіе способы изберетъ она, чтобы исполнить свои замыслы.

Маріорица оставитъ письмо къ государынѣ, въ которомъ откроетъ, что она дочь цыганки. Ужъ и этотъ подвигъ не бездѣлица! Знаю, чего стоитъ инымъ просить граматы на дворянство, то есть объявить, что былъ нѣкогда не дворяниномъ... Каково жъ княжнѣ, царской либимицѣ, которую носили на рукахъ, которой улыбка цѣнилась вмѣсто милости, ей признаться этимъ

самымъ людямъ, что она дочь... бродяги! Она, однакожъ, сдѣлаетъ это. Для чего жъ? Для того, что Волынскому нельзя будетъ жениться на дочери цыганки, и это самое послужитъ Волынскому оправданіемъ. Потомъ Маріорица будетъ лгать въ письмѣ своемъ... въ первый разъ въ жизни солжетъ — будетъ клеветать на Бирона... Чего не сдѣлаетъ для милаго Артемія?.. О! въ какія злодѣянія не пустилась бы она, еслибъ онъ былъ злодѣй!.. Она скажетъ въ письмѣ къ государынѣ, что герцогъ зналъ ея низкое происхожденіе, но самъ уговорилъ Маріулу не открывать этого никому, а помогать всячески связи дочери съ кабинетъ-министромъ. Она будетъ клеветать и на себя: скажетъ, что еще до пріѣзда въ Петербургъ была порочна... что она, неблагодарная, негодяйка, презрѣнное орудіе Бирона, избранное имъ для погибели его врага; что, взявшись погубить Волынскаго, невольно полюбила его и потомъ изъ любви рѣшилась его спасти, доставивъ государынѣ бумагу съ доносомъ на герцога. Маріорица прибавитъ, что раскаяніе, нестерпимыя угрызенія совѣсти заставили ее наконецъ открыть все предъ тѣмъ, какъ она рѣшилась прекратить недостойную жизнь... Прекрасно! Биронъ послѣ этого письма падетъ рѣшительно... а Артемій, ея милый Артемій, будетъ въ милости, въ чести, въ славѣ, дитя его не умретъ, жена не посмѣетъ его упрекнуть ни въ чемъ... Но милый, безцѣнный Артемій ея также долженъ будетъ знать, что она все это налгала, наклеветала на себя, что все это жертва, ему принесенная... Она хочетъ видѣть его въ послѣдній разъ, и доказать, что его одного любила и вѣчно будетъ любить. А тамъ... пукъ его волосъ у сердца, мысль о немъ и снѣжный саванъ,

какой лучше смерти желать?.. Но — прибавила — нынѣшній день *мой*; онъ долженъ мнѣ его подарить!

Въ такомъ упоеніи сердечныхъ замысловъ, послала она къ Артемію Петровичу записку, которую мы ужъ видѣли; потомъ приготовила письмо къ государынѣ и, запечатавъ, положила у себя за зеркаломъ.

Но какимъ образомъ Маріорица выполнитъ свое обѣщаніе, придти въ назначенный часъ къ Ледяному дому? Повѣренная ея тайнъ, Груня, больна (ей велѣно сказаться больной, потому что она неспособна къ злодѣяніямъ: видно, что власть Бирона имѣетъ еще во дворцѣ скрытыхъ, но ревностныхъ исполнителей). Груня замѣнена какою-то дуэньей, которой наружность не предвѣщаетъ ничего добраго. Свободный выходъ Маріорицѣ изъ дворца уладитъ арабка, пріятельница Николая; но можно ли утаить свое ночное путешествіе отъ горничной, спящей за перегородкой ея спальни? Чего бъ ни стоило, надо купить молчаніе ея. Любовь Маріорицы готова и на это униженіе: вѣдь, эта жертва послѣдняя! Послѣ смерти ея пускай говорятъ, что хотятъ, лишь бы милый Артемій зналъ ее тѣмъ, чѣмъ она есть! Неосторожная!.. Время быть осторожной!.. Открывается... Съ радостью, которой изученное притворство непонятно для неопытной дѣвушки, отвѣчаютъ, что готовы помогать во всемъ такой милой, доброй барышнѣ, предлагаютъ услуги бойкія, ловкія, сулящія успѣхъ вѣрный. Ничего не требуютъ, кромѣ молчанія. Тайна запечатлѣна ужасною клятвою. Все улажено.

Ожиданія 12 часа исполнены душевной тревоги. Въ этотъ часъ все уляжется во дворцѣ, и мѣсяцъ

уйдетъ за снѣжную окрайницу земли. А теперь, какъ все вездѣ суетится! на зло ей, какимъ яркимъ свѣтомъ налился мѣсяцъ! какъ ослѣпительно вырѣзывается онъ на голубомъ небѣ! Только по-временамъ струи облачковъ наводятъ на него легкую ржавчину или рисуются по немъ волнистымъ перламутромъ. Какъ пышетъ свѣтъ этого мѣсяца на серебряный матъ снѣговъ и преслѣдуетъ по немъ малѣйшіе предметы! Гдѣ укрыться отъ этого лазутчика?

— Можетъ быть, — говоритъ сама съ собою Маріорица, сокращая разлуку думами о *немъ*, — можетъ быть, и онъ смотритъ теперь этому безжалостному мѣсяцу въ глаза и упрашиваетъ его о томъ же, о чемъ я умоляю его. Лучъ этотъ, который падаетъ на меня и гнететъ такъ мое сердце, можетъ статься, проникъ и въ его грудь. Чувствуетъ ли онъ, что я зову его проститься со мною навсегда — навѣки. Боже! какъ ужасно это слово!.. Не жалко бы мнѣ покинуть Твой міръ, гдѣ бы его не было, Твое прекрасное солнышко, которое не освѣщало бы его вмѣстѣ со мною, блескъ двора, алмазы, зависть подругъ, почести которыхъ онъ не раздѣлялъ бы со мной; это все, чѣмъ Ты, мой Боже, такъ щедро надѣлилъ меня!.. (Она посмотрѣла въ зеркало, отражавшее всю роскошь ея прелестей) это все, если-бъ оно не было ему назначено; не жалко бы мнѣ тогда покинуть Твой міръ; но теперь... когда онъ въ этомъ мірѣ, разстаться со всѣмъ этимъ... больно, грустно!

И Маріорица плакала.

— На то была Твоя всемогущая воля, — прибавила она, упавъ на колѣна и молясь, — я призвана была на землю спасти его своею любовью отъ бѣдъ, убс-

речь для славы его и счастія другихъ... Да будетъ Твоя воля! жертва готова.

Потомъ она вспомнила мать... Ей извѣстно было, что государыня посылала навѣдаться о цыганкѣ Маріулѣ: говорили, что бѣдной лучше, что она ужъ не кусается... Сердце Маріорицы облилось кровью при этой мысли. Чѣмъ же помочь?.. Фатализмъ увлекъ и мать въ бездну, гдѣ суждено было пасть дочери. Никто ужъ не поможетъ, кромѣ Бога. Его и молитъ со слезами Маріорица облегчить участь несчастной, столько ее любившей. Запиской, которую оставляетъ при письмѣ къ государынѣ, завѣщаетъ Маріулѣ все свое добро.

Но—мѣсяцъ скрылся за снѣжный обзоръ; во дворцѣ все расходится на покой по отдѣленіямъ; въ коридорѣ слышна неучтивая зѣвота гофъ-лакея; скоро 12 часовъ... и съ мыслью объ этомъ часѣ Волынскій, одинъ Волынскій становится на стражѣ у сердца Маріорицы. Мечты ея обняли его и не хотятъ болѣе покинуть: ей ужъ такъ мало осталось времени любить его и думать о немъ на землѣ!.. Она горитъ вся въ ожиданіяхъ роковыхъ минутъ свиданія; щеки ея пылаютъ, грудь пожираетъ ужасное пламя, въ устахъ пересохло... жажда томитъ ее... Она проситъ пить. Приносятъ воды... довольно мутной... Поднось въ рукахъ служанки дрожитъ такъ, что питье плещетъ чрезъ край стакана; помертвѣлое лицо ея что-то страшно подергиваетъ. Маріорица ничего не замѣчаетъ; вода выпита разомъ. Когда ей замѣчать! на Адмиралтействѣ ударяетъ 12 часовъ, и все существо ея судорожно потряслось...

Набросана кое-какъ на плеча шуба, накинута ша-

почка на-бекрень... кто-то стукнулъ въ дверь: это арабка. Идутъ... по коридорамъ, худо освѣщеннымъ или вовсе темнымъ, спускаются по узкимъ, истертымъ, душнымъ лѣсенкамъ, кое-гдѣ ощупью, кое-гдѣ падаютъ... Скоро-ли? — Вотъ сейчасъ!

И вотъ онѣ у какой-то двери: ключъ щелкнулъ, дверь вздохнула... Маріорица дышитъ свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ; она на дворцовой набережной. Неподалеку, въ темнотѣ, слабо рисуется высокая фигура... Ближе къ ней. Обмѣнялись вопросами и отвѣтами; «ты?» «я!» — и Маріорица пала на грудь Артемія Петровича. Долго были они безмолвны; онъ цѣловалъ ее, но это были не прежніе поцѣлуи, въ которыхъ горѣла безумная любовь — съ ними лились теперь на лицо ея горячія слезы раскаянія.

— До чего довелъ я тебя, несчастную! — сказалъ онъ наконецъ.

— О! не говори мнѣ про несчастія! — возразила она, увлекая его далѣе. — Чего не достаетъ мнѣ теперь? я съ тобою... Вотъ видишь, какъ я обезумѣла отъ своего счастія... мнѣ столько было тебѣ сказать, и я все забыла. Постой немного... дай мнѣ насмотрѣться на тебя, пока глаза могутъ еще различать твои черты; дай мнѣ налюбоваться тобою можетъ быть, въ послѣдній разъ...

Они остановились. Маріорица схватила его руку, жала ее въ своихъ рукахъ, у своего сердца, силилась пламенными взорами прорѣзать темноту, чтобы вглядѣться въ Артемія Петровича и удержать милыя ей черты.

— Въ послѣдній разъ?—спросилъ онъ съ горестнымъ участіемъ.—Отчего такъ?

— Намъ должно разстаться! — отвѣчала она.

Онъ не возражалъ, но съ нѣжностью поцѣловалъ ея руку. Молчаніе его говорило: намъ должно разстаться!

— Ну, если-бъ я умерла, поплакалъ ли бы ты обо мнѣ?

— Что это значитъ?.. объяснись...

— Надо-жъ когда-нибудь умереть... не нынѣ, завтра... когда-нибудь...

— Милая! не мучь меня, ради Бога... Что за ужасныя мысли, что за намѣренія? скажи мнѣ.

Догадываясь по трепету его рукъ, по сильному біенію сердца, ударявшаго въ ея грудь, что мысль объ ея смерти встревожила Артемія Петровича; довольная этими знаками любви, она старалась успокоить его.

— Нѣтъ, милый, нѣтъ, я пошутила... я буду жить, но такая жизнь все равно, что смерть... намъ надо разстаться для твоего счастія, для твоего спокоѣствія... Однакожъ пойдемъ далѣе; здѣсь могутъ насъ замѣтить... Видишь, какъ я стала осторожна!

Они пошли далѣе.

На этотъ разъ Волынскій далъ было обѣтъ сохранить себя отъ всѣхъ искушеній; но ласки Маріорицы были такъ нѣжны, такъ жарки, что обѣты его понемногу распадались...

Надо было имѣть силу остановиться на первомъ шагу, объяснить свои намѣренія, какъ друзья, проститься; но... они пошли далѣе.

Какимъ изступленнымъ восторгомъ пылала она, жрица любви возвышенной и вмѣстѣ жертва самоотверженія!.. Не земнымъ наслажденіямъ продавала она себя, Маріорица сожигала себя на священномъ кострѣ...

Любовники остановились у дверей «Ледяного дома». Чудное это зданіе, уже заброшенное, кое-гдѣ распадалось; стража не охраняла его; двери сломанныя лежали грудою. Вѣтеръ, проникая въ разбитыя окна, нашептывалъ какую-то волшебную таинственность. Будто духи овладѣли этимъ ледянымъ дворцомъ. Два ряда елей съ вѣтвями, густо опушенными инеемъ, казались рыцарями въ панцыряхъ матоваго серебра, съ пышнымъ страусовымъ панашемъ на головахъ.

Волынскій сталъ у порога и не шелъ далѣе. Святое чувство заглянуло еще разъ въ его душу.

— Чтожъ?.. — сказала она, увлекая его, какъ изступленная вакханка.

— Если переступимъ порогъ, мы погибли, — отвѣчалъ онъ.

— Дитя!.. Ты боишься любви моей?.. Не погубить, спасти тебя хочу; но вмѣстѣ хочу, чтобы ты меня зналъ.

Этимъ упрекомъ все святое опрокинулось въ душѣ его. Пристыженный, онъ схватилъ ее въ свои объятія и понесъ сладкое бремя...

— О, милый! — сказала она, крѣпко обнявъ его своими руками, — наконецъ ты *мой*, на этотъ часъ ты *мой*; не отдамъ тебя никому, приди хоть самъ Богъ!.. Для этого часа я послана Провидѣніемъ на землю, для него я жила... въ немъ мое прошедшее и будущее...

Дворецъ въ своей черной мантіи уже приподнимался предъ ними. Они прощались, долго прощались... Лицо Волынскаго было мокро отъ слезъ Маріорицы; сердце его разрывалось.

Они разстались было, но опять воротились другъ къ другу. Еще одинъ длинный, томительный поцѣлуй... онъ проводилъ ее до дворца. Еще одинъ... губы ея были холодны, какъ ледъ, она шаталась... Дверь отворилась, дверь вѣчности... Маріорица едва имѣла силы махнуть ему рукой... и исчезла.

Онъ еще долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, погруженный въ ужасное предчувствіе.

Несчастный! ты увидишь ее — развѣ тамъ, гдѣ мертвые встаютъ!..

— Не покидай меня, — сказала Маріорица, стиснувъ руку арабкѣ, отворившей ей потаенную дверь, — у меня ножи въ груди... рѣжутъ ее... Но счастіе мое было такъ велико!.. Я все преодолѣла... побѣда за мной!.. Теперь нѣтъ силъ терпѣть... Понимаю... ядъ... Какъ я имъ благодарна!.. Они... за меня сами все исполнили... избавили меня отъ самоубійства... Господи! какъ ты милостивъ!

Испуганная арабка съ трудомъ дотащила ее до ея комнаты. Было въ ней темно. Служанка спала или притворялась спящею. Маріорица не велѣла будить ее, не велѣла зажигать свѣчу. Сильныя конвульсіи перебирали ее; повременамъ слышенъ былъ скрежетъ зубовъ, но она старалась, сколько могла, поглотить въ себѣ ужасныя муки.

— Какія страданія! — говорила она, не пуская отъ себя арабку, — но все это пройдетъ сейчасъ!.. Вотъ ужъ и прошло!.. Ахъ! милая, кабы ты знала, какая прекрасная ночь!.. На мнѣ горятъ еще его поцѣлуи... Какое блаженство умереть такъ!.. Завтра ты скажешь ему, что я умерла счастливая, какъ нельзя счастливѣе, какъ нельзя лучше; прибавь, что никто не будетъ лю-

бить его, какъ я... О! онъ меня не забудетъ... онъ оцѣнитъ, что я для него сдѣлала... Сыщи за зеркаломъ письмо, отдай государынѣ, но только тогда, когда меня не станетъ... поклянись, что отдашь... Въ этомъ письмѣ его счастіе...

И арабка, не зная, что дѣлаетъ, клялась, обливаясь слезами.

— Охъ! Боже, Боже мой!.. что-то у меня въ груди... Ничего, ничего, — произнесла она тише, уцѣпясь за рукавъ арабки, — это пройдетъ скоро... Слышишь ли? скажи ему, что посреди самыхъ жестокихъ мукъ... милый образъ его былъ передо мною... пойдетъ со мной... что имя его... на губахъ... въ сердцѣ... охъ! милый... Артемій... прости... Арт...

Конецъ этого слова договорила она въ вѣчности.

Бренная храмина опустѣла; духъ, оглашавшій ее гимнами любви и пропѣвшій послѣдній высокій стихъ этой любви, отлетѣлъ... Арабка держала ужъ холодный трупъ на рукахъ своихъ. Она вскрикнула, ужасно вскрикнула, такъ что стѣны задребезжали.

— Что такое? что такое? — спросила вскочившая съ постели служанка.

— Княжна... умерла!—могла только сказать арабка.

— Княжна умираетъ, — повторила служанка, выскочивъ въ коридоръ, и этотъ возгласъ раздался по дворцу и дошелъ осторожно, шопотомъ, до изголовья государыни.

Призваны были искуснѣйшіе лекари, употребляли все, чтобы... Но мертвые не воскресаютъ. Съ трудомъ оттащили Анну Іоанновну отъ трупа любимицы ея.

Когда этотъ трупъ клали въ гробъ, на груди ея, у сердца, лежалъ вѣнкомъ черный локонъ... Ни одна

злодѣйская рука не посягнула на него; онъ пошелъ съ нею въ гробъ.

Небо услышало твои молитвы, прекрасное, высокое созданіе! ты умерла въ лучшія минуты своей жизни; ты отлетѣла на небо съ вѣнкомъ любви, еще не измятымъ, еще вполнѣ сохранившимъ свое благоуханіе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОХОРОНЫ

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла..
О, другъ! я все земное совершила,
Я на землѣ любила и жила!

Жуковскій.

Поутру, чтобы не тревожить государыни близостью мертвеца, вынесли княжну Лелемико въ церковь Исаакія Далматскаго.

Выносы были великолѣпные.

Въ дворцѣ рѣшили, что она умерла отъ удара. Сама Анна Іоанновна видѣла разъ, какъ она кашляла съ кровью.—По разнымъ признакамъ, надо было ожидать такой смерти, — говорили доктора. Вспомнили теперь, будто профессоръ физики и вмѣстѣ придворный астрологъ (Крафтъ) за нѣсколько дней предсказывалъ ея кончину. Утѣшались тѣмъ, что суженаго не избѣгнешь.

Письма Маріорицы къ государынѣ не нашлось за зеркаломъ...

Всѣ въ городѣ знали о смерти княжны; но тому, кто былъ первою виною ея, не смѣли о ней сказать. Наконецъ... и *онъ* узналъ.

Отказываюсь отъ муки описывать ужасное его состояніе. Скажу только, что у него, какъ у несчастной королевы Маріи-Антуанеты, въ одинъ день побѣлѣли волосы.

Было много посѣтителей у гроба княжны Лелемико.

Какъ хорошо лежала она въ немъ, будто живая! Какъ шли къ ней на ея черныхъ волосахъ этотъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ и эта золотая діадема, которою вѣнчаютъ на смертномъ одрѣ и послѣдняго изъ людей!..

Видѣли у этого гроба рыдающую женщину; видѣли, какъ она молилась съ горячею вѣрою за упокой души усопшей; какъ она поцѣловала и перекрестила ее...

Молившаяся за Маріорицу, благословлявшая ее, была жена Волынскаго.

Видѣли потомъ у гроба мужчину... Лицо мертвеца, искаженное страданіями, всклокоченные волосы... въ мутныхъ, страшныхъ очахъ ни слезинки! Видъ его раздиралъ душу. Это былъ самъ Волынскій. Забывъ стыдъ, мнѣнія людей, все, онъ притащился къ трупу той, которой лобзанія еще не остыли на немъ... Долго лежалъ онъ полумертвый на холодномъ помостѣ храма. Вставъ, онъ застоналъ... отъ стона его потряслись стѣны храма, у зрителей встали волосы дыбомъ... Служитель алтаря оскорбился этими стенаніями... нѣсколько десятковъ рукъ вытащили несчастнаго... Ему не дали проститься съ ней... Можетъ быть, онъ и не посмѣлъ бы!

Цѣлый день женщины, дѣти, старики, множество народа, толпились около гроба княжны. Всякій толко-

валъ по своему о смерти ея; иной хвалилъ приличіе ея наряда, другой узоры парчи, богатство гроба, всѣ превозносили красоту ея, которую и смерть не посмѣла еще разрушить.

Въ этотъ самый день Маріула жалобно просилась изъ ямы; въ ея просьбѣ было что-то неизъяснимо убѣдительное. На другой день опять тѣ же просьбы. Она была такъ смирна, такъ благоразумна, съ такимъ жаромъ цѣловала руки у своего сторожа, что ей нельзя было отказать. Доложили начальству, и ее выпустили. Товарищъ ея, Василій, не отходилъ отъ нея. Лишь только почуяла она свѣжій воздухъ и свободу, прямо — на дворцовую площадь. Пришла, осмотрѣлась... глаза ея остановились на дворцѣ и радостно запрыгали.

— Вѣдь это дворецъ? — спросила она.

— Ты видишь, — отвѣчалъ печально цыганъ, знавшій уже о смерти княжны Лелемико.

— Да, да, помню!... Тутъ живетъ она, мое дитя, моя Маріорица... Давно не видала ее, очень давно! Божье благословеніе надъ тобой, мое дитя. Порадуй меня, взгляни хоть въ окошко, моя душечка, мой розанчикъ, мой херувимчикъ! Видишь... видишь, у одного окна кто-то двигается... Знать она, душа моя, смотритъ... Она, она! Сердце ея почуяло свою мать... Васенька! вѣдь она смотритъ на меня, говори же...

— Смотритъ, — сказалъ старикъ, и сердце его поворотилось въ груди. Онъ отвернулся, чтобы утереть слезы.

— Каково-жъ, Васенька? Княжна!.. въ милости, въ любви у государыни!.. Невѣста Волынскаго... скоро свадьба!.. Каково? Вѣдь это все я для тебя, милочка,

устроила. Ты грозишь мнѣ, чтобы я не проговорилась... Небось, не скажу, что мать твоя цыганка... Да не проговорилась ли я когда, Васенька?..

Она терла себѣ лобъ, какъ будто припоминала себѣ что-то.

— Нѣтъ, никогда.

— То-то и есть!.. Не пережить бы мнѣ этой бѣды!.. Проговориться!.. да развѣ я съ ума сошла!.. Не бойся, душечка моя, не потревожу твоего счастія... Богъ это будетъ знать да я.

Маріула была счастлива; это счастіе горѣло въ черныхъ, дикихъ глазахъ ея.

Вдругъ отъ Исаакія Далматскаго вѣтеръ донесъ до слуха ея заунывное похоронное пѣніе.

— Что это? — сказала она, откинувъ фату свою, чтобы лучше слышать.

Пѣніе приближалось.

— Кого-то хоронятъ... Слава Богу, что не съ той стороны... не изъ дворца несутъ!..

— Да, не изъ дворца, — подхватилъ испуганный цыганъ. — Мнѣ сказывали, что княжна Лелемико будетъ нынѣ въ Гостиномъ дворѣ. Пойдемъ лучше туда дожидаться ее.

— Пойдемъ, — отвѣчала Маріула, крѣпко схвативъ его за руку, — можетъ статься, мы тамъ увидимъ ее.

Они отошли къ *Большой першпективѣ*.

Въ это время вдали поровнялся съ ними розовый гробъ, предшествуемый многочисленнымъ синклитомъ. Маріула остановилась... Вытянувъ шею, она жадно прислушивалась къ пѣнію; сердце ея шибко билось, синія губы дрожали... Гробъ на поворотѣ улицы исчезъ.

— Слава Богу, что не изъ дворца! — повторила она; кивнула еще раза два дворцу, какъ бы говоря: — «Божье благословеніе надъ этимъ домомъ!» — и побѣжала съ товарищемъ къ Гостиному двору искать, смотрѣть княжну Лелемико.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

АРЕСТЪ.

Дѣлайте съ нимъ, что хотите... съ той поры, какъ земля взяла ее къ себѣ, онъ пересталъ быть вельможею, подданнымъ, гражданиномъ, мужемъ... всѣ связи его съ міромъ прерваны.

Прошло нѣсколько дней. Волынскій, убитый своею судьбой, не выходилъ изъ дому. До слуха Анны Іоанновны успѣли ужъ довести ночное путешествіе... Дѣла государственныя стали. Она грустила, скучала, досадовала... Въ такомъ душевномъ состояніи призвала къ себѣ Остермана, Миниха и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ (всѣ, кромѣ Миниха, были явные противники Волынскаго), и требовала совѣтовъ, какъ ей поступить въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Остерманъ и за нимъ другіе объявили, что «спасти государство отъ неминуемаго разстройства можетъ только герцогъ курляндскій».

Минихъ молчалъ.

Этотъ отвѣтъ льстилъ сердцу государыни; она спѣшила имъ воспользоваться. Биронъ былъ позванъ.

Собираясь во дворецъ, герцогъ велѣлъ позвать къ себѣ Липмана. Среди ликованія семейнаго, онъ обнялъ его и поздравилъ съ побѣдой.

— Я вамъ ручался за нее головой моей, — отвѣчалъ Липманъ.

Глаза обоихъ блистали адскимъ огнемъ. Герцогъ хотѣлъ показать свое великодушіе.

— Желаешь ли, — сказалъ онъ, — чтобъ я облегчилъ участь твоего племянника и ограничился однимъ изгнаніемъ?

— Требую его казни, — подхватилъ клевретъ съ жестокою твердостью, поразившею самое семейство своего патрона.

За эту твердость, достойную Брута (какъ говорилъ Бирономъ), онъ удостоился новаго прижатія къ груди его свѣтлости.

Пасмурный, угрюмый, явился Бирономъ во дворецъ. Не уступая, онъ хотѣлъ возвратить прежнее свое вліяніе на душу государыни. Это ему и удалось. Лишь только показался онъ у нея, она протянула ему дрожащую руку и сказала голосомъ, проникнутымъ особеннымъ благоволеніемъ:

— Забудемъ старое; миръ навсегда!

Припавъ на колѣно, Бирономъ спѣшилъ поцѣловать эту руку; потомъ, вставъ, произнесъ съ твердостью:

— Благоволеніемъ вашего величества вознагражденъ я за несправедливости. Въ нихъ вовлекли васъ враги мои; но забыть прошедшее могу и долженъ только съ условіемъ. Не хочу говорить о кровныхъ оскорбленіяхъ слуги, преданнаго вамъ до послѣдняго издыханія, посвятившаго вамъ себя безусловно, неограниченно, готоваго для васъ выдержать всѣ пытки: за эти обиды предоставляю судъ вамъ самимъ. Но оскорбленіе моей императрицы мятежными подданными, унизительное приноровленіе васъ къ какой-то Іоаннѣ, нарушеніе

вашего спокойствія даже среди невинныхъ забавъ вашихъ, позорная связь въ самомъ дворцѣ, которой причину нагло старались мнѣ приписать, безчестье и смерть вашей любимицы, умышленное разстройство государственнаго управленія и возбужденіе народа къ мятежу... о! въ такомъ случаѣ, чѣмъ кто ближе къ вамъ, тѣмъ сильнѣе, неумолимѣе долженъ быть защитникомъ вашихъ правъ. Онъ не отойдетъ отъ вашего престола, пока не охранитъ его и нарушители этихъ правъ не будутъ достойно наказаны. Ваше величество возвращаете мнѣ снова милости ваши и прежнюю мою власть: не приму ихъ иначе, какъ съ головою мятежнаго Волынскаго и сообщниковъ его...

— Этого никогда не будетъ! — вскричала государыня, испуганная рѣшительнымъ предложеніемъ своего любимца.

— Въ такомъ случаѣ я, какъ ложный обвинитель вѣрноподданныхъ вашихъ, повергаю себя высшему суду: вы должны меня казнить.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы попрежнему мой совѣтникъ, мой другъ; Волынскаго мы удалимъ...

— Этого мало для примѣра подобныхъ ему или мнѣ. Моя или его голова должна слетѣть: нѣтъ середины, ваше величество? Избирайте.

— Боже мой! что они со мною дѣлаютъ! — говорила Анна Іоанновна, обращая глаза къ небу, какъ бы прося его помощи.

— Вашему величеству предлагаютъ собственно ваше благо, благо имперіи, ввѣренной вамъ Богомъ.

— По крайней мѣрѣ, не безъ суда... Да, я хочу, чтобы онъ преданъ былъ суду, и если оправдается...

— Обвиненія законныя, — сказалъ Биронъ, вынувъ

изъ бокового кармана бумагу и подложивъ ее къ подписи государыни, — законъ и долженъ наказать или оправдать. Я ничего другого и не требую. Осмѣлюсь ли я, преданный вашъ рабъ, предлагать что-либо недостойное вашего характера, вашей прекрасной, высокой души?.. Взгляните на осужденіе... Государыня! твердость есть также добродѣтель... Вспомните, что этого требуетъ отъ васъ Россія.

Перо подано государынѣ. Дрожащею рукою подписала она приказъ держать Волынскаго подъ арестомъ въ собственномъ домѣ и предать его суду за оскорбленіе ея величества и проч., и проч.

Участь кабинетъ-министра и его друзей была рѣшена. Такъ вертится колесо фортуны!..

Пока наряжался судъ, Эйхлеръ успѣлъ дать знать объ этомъ Артемію Петровичу.

— Спасайтесь, — говорилъ онъ ему, — голова ваша обречена плахѣ.

— Я ожидалъ этого, — отвѣчалъ хладнокровно Волынскій, приподнявъ съ подушки отяжелѣвшую голову, — я готовъ... Пора! Недостойный мужъ, недостойный сынъ отечества, омерзѣвшій друзьямъ, самому себѣ, я только тягочу собою землю. Зуда правъ: не мнѣ, съ моими страстями, браться было за святое, великое дѣло!.. Наказаніе, посылаемое мнѣ Богомъ, считаю особенной для себя милостью. Ахъ! еслибъ оно искупило хоть часть грѣховъ моихъ... Нѣтъ, другъ мой, я не побѣгу отъ руки, меня карающей. Жаль мнѣ только васъ... Спасайтесь вы съ Зудою, пока еще время.

Волынскій всталъ, отперъ свое бюро и вынулъ нѣсколько свертковъ съ золотомъ.

— Возьмите это, друзья мои... поспѣшите гдѣнибудь укрыться... деньги вамъ помогутъ лучше людей... а тамъ проберетесь въ чужіе края. Да спасетъ васъ десница милосердаго Бога отъ новыхъ бѣдъ и страстей, подобныхъ моимъ... Когда меня не будетъ, не поминайте меня лихомъ...

— За кого почитаете вы меня? — прервалъ съ негодованіемъ Эйхлеръ. — Я поклялся раздѣлить вашу участь, какова бы она ни была, и никогда не измѣнялъ своему слову. Развѣ и у меня недостанетъ силъ умереть?..

Не было отвѣта. Рыдая, они обнялись.

Когда Волынскій узналъ, кто былъ наряженъ судить его, онъ увѣрился, что смертный его приговоръ неминуемъ.

— Но прежде казни моей, — сказалъ онъ, — хочу еще замолвить одно слово государынѣ за мое отечество. Истина предъ смертнымъ часомъ должна быть убѣдительна.

Надѣясь всего хорошаго отъ личнаго свиданія его съ государыней, Эйхлеръ не отговаривалъ его.

Наскоро одѣлся кабинетъ-министръ и отправился во дворецъ. Внезапному его тамъ появленію изумились, какъ удивились бы появленію преступника, сорвавшагося съ цѣпи. Придворные со страхомъ перешептывались; никто не смѣлъ доложить о немъ императрицѣ. Недолго находился онъ въ этомъ положеніи и собирался ужъ идти далѣе, прямо въ кабинетъ ея величества, какъ навстрѣчу ему изъ внутреннихъ покоевъ Педрилло. Наклонивъ голову, какъ разъяренный быкъ, прямо, всею силою, въ грудь Волынскаго. На груди означился кругъ отъ пудры

Ге, ге, ге! каковы рога у козла! — вскричалъ Педрилло, отскочивъ шага на два назадъ, выпучилъ страшно глаза и заблеялъ по-козлиному.

Разъяренный, забывъ, что онъ во дворцѣ, кабинетъ-министръ замахнулся на шута тростью... ударъ былъ силенъ и пришелъ въ шутовскую харю... Съ ужаснымъ крикомъ растянулся Педрилло; кровь полила изъ носу струею.

— Кровь! кровь! убилъ!.. — раздалось по дворцу.

Тревога, бѣготня, шумъ. Прислуга, лекаря, придворные, все смѣшалось, все составило новый, грозный обвинительный актъ противъ кабинетъ-министра.

Шута, вскорѣ оживленнаго, прибрали. Но черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ фельдмаршалъ Минихъ и объявилъ Волынскому отъ имени ея императорскаго величества, чтобъ онъ вручилъ ему свою шпагу и немедленно возвратился домой, гдѣ ему назначенъ арестъ. Это объявленіе сопровождалось дружескимъ и горестнымъ пожатіемъ руки.

— Графъ! — отвѣчалъ Волынскій, отдавая ему свою шпагу и гофъ-лакею свою трость, — участь моя рѣшена... Отъ васъ Россія имѣетъ право ожидать, чтобы вы докончили то, что внушила мнѣ любовь къ отечеству и что я испортилъ моею безумною страстью... Избавьте ее отъ злодѣя и шутовъ, и поддержите славу ея...

Когда онъ возвращался домой, нѣсколько людей остановили его карету.

— Спасайся, нашъ отецъ, — говорили они, — домъ твой окруженъ крѣпкимъ карауломъ. Отпряжемъ лошадей и ускачемъ отъ бѣды.

— Благодарю, друзья мои, — отвѣчалъ Артемій Петровичъ, и велѣлъ кучеру ѣхать прямо домой.

Плѣнникъ самъ отдался стражѣ. На дворѣ успѣлъ онъ только проститься съ Зудою, котораго увлекали. Въ прихожей встрѣтили его объятія жены, забывшей все прошедшее при одной вѣсти, что мужъ ея въ несчастіи. Она узнала отъ Зуды благородный поступокъ Артемія Петровича по случаю предложенія государыни жениться на княжнѣ Лелемико.

Судъ продолжался нѣсколько дней. Не всѣ формы были соблюдены. Но Волынскаго и друзей его велѣно осудить, и кто смѣлъ отступить отъ этого повелѣнія?.. Къ прежнимъ обвинительнымъ пунктамъ присоединили и пролитіе крови во дворцѣ. Одинъ изъ судей (Ушаковъ), подписывая смертный приговоръ, заливался слезами.

Съ этимъ приговоромъ герцогъ курляндскій явился къ государынѣ.

— Что несете вы мнѣ? — спросила она дрожащимъ голосомъ и вся поблѣднѣвши.

— Смертный приговоръ мятежникамъ, — отвѣчалъ онъ съ грозною твердостью.

— Ахъ! Герцогъ, въ немъ написана и моя смерть... Вы рѣшились отравить послѣдніе дни моей жизни...

Государыня заплакала.

— Я желаю только вашего благополучія и славы! Впрочемъ, на всякій случай, я изготовилъ другое рѣшеніе.

Биронъ, трясясь въ ужасномъ ожиданіи, подалъ ей другую бумагу.

— Что это значитъ? — вскричала Анна Іоанновна, — казнь ваша?.. И вы даете мнѣ выбирать?..

— Ту голову, которая для васъ дороже. Я не могу пережить униженіе закона и честь вашу.

— Господи! Господи! что должна я дѣлать?.. Герцогъ, другъ мой! сжальтесь надо мною... мнѣ такъ мало остается жить... я прошу васъ, я васъ умоляю...

Государыня внѣ себя ломала себѣ руки. Биронъ былъ неумолимъ. Въ эти минуты онъ истощалъ все свое краснорѣчіе въ защиту чести, закона, престола... Злодѣй восторжествовалъ. Четыре роковыя буквы: «*Анна*», подписаны рукою полуумирающей... Слезы ея испятнили смертный приговоръ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

РАЗВЯЗКА

Во все время, пока продолжался судъ, Наталья Андреевна не отходила отъ своего мужа, утѣшала его, какъ могла, читала ему псалмы, молилась съ нимъ и за него. Послѣдніе часы его были услаждены этимъ ангеломъ, посѣтившимъ землю, не принявъ на ней ничего земного, кромѣ человѣческаго образа. Она понемногу облегчала для него ужасный путь.

Наступилъ роковой часъ. Прислали — кого-жъ? — Подачкина — взять бывшаго кабинетъ-министра изъ-подъ домашняго ареста, чтобы до исполненія приговора держать его въ крѣпости.

— Безумцы! — сказалъ, горько усмѣхаясь, Волынскій, когда надѣвали на него цѣпи, — они думаютъ оскорбить меня, подчинивъ надзору бывшаго моего слуги! Я ужъ не земной, а *тамъ* не знаютъ ни оскорбленій, ни цѣпей.

Только при видѣ жены, лежавшей безъ памяти на порогѣ и загородившей ему собой дорогу, онъ потерялъ твердость. Обливъ слезами ея ледяныя руки, по-

вергнулся предъ образомъ Спасителя, молился о ней, поручилъ ее, съ младенцемъ своимъ, милостямъ и покровительству Царя Небеснаго.

— Будь имъ отецъ вмѣсто меня! Если у меня будетъ сынъ, научи его любить отечество выше всего и...

Только Богъ слышалъ остальныя слова.

— Я хотѣлъ просить ея благословенія, — сказалъ онъ, когда толкнулъ его грубо Подачкинъ и напомнилъ, что время идти, — но видно, я недостоинъ и его...

— Прости мнѣ, хоть заочно, — прибавилъ онъ; съ грустью еще разъ поцѣловалъ ея руку, и перешагнулъ черезъ нее...

На дворѣ ожидало его новое горестное зрѣлище. Вся дворня, отъ малаго до большого, выстроилась въ два ряда. Все плакало навзрыдъ; всѣ цѣловали его руки, прощались съ нимъ, молили Отца Небеснаго помиловать ихъ отца земного. Каждаго обнялъ онъ, всѣхъ умолялъ служить Натальѣ Андреевнѣ, какъ ему служили... не покидать ея въ случаѣ невзгоды...

Умолчу объ ужасномъ заточеніи, объ ужасныхъ пыткахъ... скажу только: онѣ были достойны сердца временщика.

Наконецъ, день казни назначенъ.

Къ лобному мѣсту, окруженному многочисленнымъ народомъ, привезли сначала Волынскаго, потомъ тайнаго совѣтника Щурхова, въ красномъ колпакѣ и тиковой фуфайкѣ (не знаю какъ, очутились тутъ же и четыре польскія собачки его; вѣрнаго Ивана не допустили); прибыли на тотъ же пиръ сѣдовласый (сенаторъ) графъ Суминъ-Купшинъ, неразлучный съ нимъ (гофъ-интендантъ) Перокинъ и молодой (кабинетъ-секретарь) Эйхлеръ. Какое отборное общество! по-

все, что было благороднѣйшаго въ Петербургѣ!.. Недоставало только одного... Друзья осматривались, какъ будто искали его.

— Гдѣ-жъ Зуда? — спросилъ Эйхлеръ.

— Онъ сосланъ въ Камчатку, — отвѣчалъ офицеръ наряженный въ экзекуцію [1]).

— Благодареніе Богу! — воскликнуъ съ чувствомъ Волынскій, — хоть однимъ меньше!

Негодованіе вылилось на лицѣ Эйхлера.

— А развѣ меня выкинете изъ вашего счета? — сказало новое лицо, только-что приведенное на лобное мѣсто (это былъ служка несчасинаго архіепископа Ѳеофилакта), — по крайней мѣрѣ, я благодарю Господа, что дозволилъ мнѣ умереть не посреди рабовъ временщика. Утѣшьтесь! мы идемъ въ лоно Отца Небеснаго.

Друзья, старые и новый, обнялись, прочитали съ умиленіемъ молитву, перекрестились и ожидали съ твердостью смерти.

Сначала пала рука Волынскаго, потомъ три окровавленныя головы (его, Щурхова и Перокина). Эйхлеръ и служка не удостоены этой чести: ихъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь, въ каторжную работу. Графу Купшину (по лишеніи его чиновъ!..) отрѣзали языкъ и дали паспортъ въ вѣчную ссылку. Видно было по знакамъ его, что онъ просилъ смерти

---

1) Участь Зуды облегчена, безъ всякаго однакожъ со стороны его домогательства, потому только, что онъ въ самомъ началѣ борьбы Волынскаго съ Бирономъ уговаривалъ перваго не вступать въ нее. До ссылки наказанъ онъ однакожъ плетьми. Одну участь и въ одно же время съ Эйхлеромъ имѣлъ генералъ-кригскомисаръ Соймоновъ.

Въ это время раскаленное ядро солнца съ какимъ-то пламеннымъ рогомъ опускалось въ тревожныя волны Бельта, готовыя его окатить [1]); заливъ, казалось, подернулся кровью. Народъ ужаснулся... «Видно, передъ новой бѣдой», — говорилъ онъ, расходясь.

Все мертвое отвезли на телѣгѣ, подъ рогожкою, на Выборгскую сторону, ко храму Сампсона Страннопріимца [2]); все живое выпроводили, куда слѣдовало.

Преданіе говоритъ, что на первомъ этапѣ нашли Эйхлера, плавающаго въ крови, и подлѣ него ржавый гвоздь, которымъ онъ себя умертвилъ.

Со дня казни полиція безпрестанно разбирала въ дракѣ людей Волынскаго, пустившихся въ пьянство, съ людьми Бирона. Неугомонныхъ принуждены были выслать изъ города, а нѣкоторыхъ наказать плетьми.

Отъ всего этого разрушенія осталась одна несчастная Волынская — Божье дерево, выжженное почти до корня ужасною грозою. Она дала слово жить для своего младенца — и исполнила его.

Все имѣніе осужденныхъ было взято въ казну. Женѣ бывшаго кабинетъ-министра оставили дворовъ пять въ какомъ-то погостѣ, удаленномъ отъ Петербурга. За нею проснлись всѣ дворовые люди; но позволили идти только двумъ старикамъ.

Ледяной домъ рухнулся; уцѣлѣвшія льдины развезены по погребамъ. Въ домѣ Волынскаго, прежде столь шумномъ и веселомъ, вылъ вѣтеръ. Народъ говорилъ, что въ немъ поселился духъ...

---

[1]) Послѣ жестокихъ морозовъ была оттепель, отъ чего въ заливѣ переломался ледъ.

[2]) Выстроенному Петромъ I-мъ въ память побѣды, одержанной подъ Полтавою.

Когда растаялъ снѣгъ, на берегу Невы оказался весьма хорошо сохранившійся трупъ человѣка съ бритой головой и хохломъ... Подъ смертною казнью запрещено было говорить объ этой находкѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЭПИЛОГЪ

...Ангеламъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ.

Пс. XC., ст. 11.

Анна Іоанновна недолго пережила казнь Волынскаго. Чтобы сдѣлаться правителемъ Россіи, Бирону недоставало только имени: исторгнувъ его отъ умирающей государыни, предсказавшей вмѣстѣ съ этимъ паденіе своего любимца, *регентъ* недолго пользовался своею грозною, хищническою властью. Слово мученика не прошло мимо. Кто не знаетъ объ ужасной ночи, въ которую, подъ неучтивыми ружейными прикладами, стащили его за волосы съ пышной, дворцовой постели, чтобы отправить въ Сибирь, по пути, протоптанному тысячами его жертвъ! Кто не слыхалъ объ этой ночи, въ которую жена его, столь надменная и пышная, предана поруганію солдатъ, влачившихъ ее по снѣгу, въ самой легкой, ночной одеждѣ? За плащъ, чтобы прикрыть свою наготу, отдала бы она тогда всѣ свои брилліанты!.. Минихъ совершилъ это дѣло, можетъ быть оплодотворивъ въ сердцѣ своемъ сѣмена, брошенныя на него Волынскимъ.

Мелькнула на ступеняхъ трона и неосторожно оступилась на немъ Анна Леопольдовна, это миловидное, простодушное дитя-женщина, рожденная не для управленія царствомъ, а для нѣги и любви. Россія ждала *свою*, родную царицу, дочь Петра Великаго, и Елисавета Петровна однимъ народнымъ именемъ умѣла въ нѣсколько часовъ пріобрѣсть державу, которую оспаривала у ней глубокая, утонченная, хотя и своекорыстная, политика, умѣвшая постигнуть русскій умъ, но не понимавшая русскаго сердца.—«*Вы знаете, чья я дочь?*—сказала она горсти русскихъ, и эта горсть, откликнувшись ей роднымъ привѣтомъ *матери*, въ одну ночь завоевала для нея вѣнецъ, у ней несправедливо отнятый.

Чего не могла сдѣлать государыня по сердцу народа? Она сбросила съ него цѣпи, заживила раны его, сорвала черную печать, которою сердце и уста были запечатаны, успокоила его на счетъ *Православія*, которымъ онъ такъ дорожитъ, воскрылила побѣду, дала жизнь наукамъ, поставивъ сердце Россіи краеугольнымъ камнемъ [1]) того храма, которое, съ ея времени, въ честь ихъ такъ великолѣпно воздвигается. Она — чего намъ забыть не должно — своимъ примѣромъ, внушивъ нѣмецкой княжнѣ, что можетъ *народность* надъ сердцемъ русскаго, подарила насъ великою государынею, которая потому только въ исторіи нашей не стоитъ на первомъ мѣстѣ, что оно было занято Петромъ безпримѣрнымъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, Елисавета спѣшила посѣтить въ душ-

---

[1]) Московскій университетъ.

номъ, мрачномъ заключеніи тверского архіепископа Ѳеофилакта.

— Узналъ ли ты меня? — спросила она, снимая съ него желѣза.

— *Ты искра Петра Великаго!* — отвѣчалъ старецъ, и умеръ вскорѣ, благословляя Провидѣніе, дозволившее ему увидѣть на русскомъ престолѣ народную царицу.

Русскій геній поэзіи и краснорѣчія, въ лицѣ холмогорскаго рыбака, привѣтствовалъ ея царствованіе первыми гармоническими, сладкозвучными стихами и первою благородною прозой. Но лучшею одою, лучшимъ панегирикомъ Елисаветѣ были благословенія народныя. Вскорѣ забыли о кровавой бироновщинѣ, и развѣ въ дальнихъ городахъ и селахъ говорили о ней, какъ теперь говорятъ о пугачевщинѣ; да развѣ въ хижинахъ, чтобы унять плачущихъ ребятъ, пугали именемъ *басурмáна-буки*.

Здѣсь долженъ я, однакожъ, разсказать одно происшествіе, которое невольно напоминаетъ намъ грознаго временщика.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1743 года, когда, вмѣстѣ съ жителями Петербурга, улыбалась и природа, подходили отъ московской стороны къ Исаакію Далматскому три лица, на которыхъ наблюдательный взоръ невольно долженъ былъ остановиться, которыя живописецъ вырвалъ бы изъ толпы, тутъ же сновавшей, чтобы одушевить имп свой холстъ. Впереди шла крестьянка, повидимому лѣтъ тридцати. Несмотря на худобу ея и темный загаръ, напоминающій картины греческаго *письма*, взоръ вашъ сейчасъ угадалъ бы, что она была нѣкогда красавица; сердце и теперь назвало бы ее прекрасною — столько было души въ ея

печальныхъ взорахъ, такъ много было возвышеннаго, благороднаго, чего-то небеснаго, разлитаго по ея интересной физіономіи. Это благородство въ чертахъ, какая-то покорность своему жребію, несвойственная черни, и руки, хотя загорѣлыя, но чрезвычайно нѣжныя, не ладили съ ея крестьянской одеждой. За нею шелъ сѣдовласый старикъ, что-то въ родѣ отставного солдата, въ сѣромъ балахонѣ и въ бѣломъ, чистомъ галстукѣ, въ лаптяхъ и съ бритой бородой. Онъ имѣлъ одно изъ тѣхъ счастливыхъ лицъ, по которому, съ перваго взгляда, вы поручили бы ему свои деньги на сохраненіе, свое дитя подъ надзоръ. Онъ и несъ на рукахъ дитя, лѣтъ трехъ, смугло-розовое, съ черными кудрями, завитыми въ кольца, съ черными, острыми глазами, которые, казалось, все допытывали, все пожирали. «Прекрасный цыганенокъ!» — сказали бы вы. Между тѣмъ въ немъ было что-то такое, почему-бъ вы его тотчасъ признали за барскаго сына. Обвивъ лѣвою рукою шею старика, онъ то прижимался къ нему, когда встрѣчалъ экипажъ, съ громомъ на нихъ наѣзжавшій, то ласково трепалъ его рученкою по щекѣ, миловалъ его, то съ любопытствомъ указывалъ на высокіе дома и церкви, на флаги кораблей, на золотую иглу адмиралтейскаго шпица.

— Это что, дядя, это что? — спрашивалъ онъ, поворачивая за подбородокъ голову старика, куда ему нужно было.

На лицѣ послѣдняго тяжелыми слоями лежала печаль, такъ же какъ и на лицѣ молодой женщины; но замѣтно было, что онъ, вызываемый изъ своего пасмурнаго состоянія живыми вопросами малютки, силился улыбнуться, чтобы не огорчить его. Не съ

большею бережью и заботливостью несъ бы онъ царское дитя.

У паперти Исаакіевской церкви остановились они. Дверь въ церковь была отворена; въ темной глубинѣ ея мелькала отъ лампады свѣтлая, огненная точка. Молодая женщина взяла малютку съ рукъ пѣстуна его, велѣла ему молиться и сама положила три глубокихъ земныхъ поклона. Когда она встала, въ глазахъ ея блистали слезы. Потомъ вынула изъ сумочки, на поясѣ висѣвшей, свернутую, крошечную бумажку и три гроша и, отдавая ихъ слугѣ, сказала: — «поскорѣй! намъ надо поспѣшать къ обѣднѣ». — Слуга вошелъ въ церковь, гдѣ причетъ готовился къ священнослуженію, отозвалъ къ себѣ дьячка, вручилъ ему бумажку и два гроша, на третій взялъ восковую свѣчу, поставилъ ее предъ образомъ Спасителя и, положивъ предъ нимъ три земныхъ поклона, возвратился къ молодой женщинѣ. Дьячокъ передалъ бумажку священнику, а тотъ, развернувъ ее при свѣтѣ лампады, прочелъ вслухъ: — «*за упокой души рабы Божьей Маріи*» — и прибавилъ лаконическое — «будетъ исполнено!»

Молодая женщина сама ужъ взяла на руки дитя, несмотря на заботливыя предложенія слуги понести это бремя. Потомъ вся эта занимательная группа побрела далѣе, чрезъ дворцовую площадь, въ какомъ-то сумрачномъ благоговѣніи, молча, съ поникшими въ землю взорами, какъ будто шла на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Самъ малютка, смотря на пасмурное лицо молодой женщины, долго не смѣлъ нарушить это благочестивое шествіе. Но противъ дворца необычайность поразившаго его зрѣлища заставила его вскрикнуть:

— Мамаша, мамаша! посмотри, что это такое?

Мать оглянулась, куда указывало дитя, и увидѣла въ двухъ шагахъ отъ себя что-то безобразное, изуродованное, въ лохмотьяхъ, похожее на цыганку. Эти развалины живого человѣка лежали въ двухколесной телѣжкѣ, которую везъ старикъ, цыганъ. Грозно приподнявъ на него палку, полицейскій служитель кричалъ, чтобъ они съѣзжали съ дворцовой площади и никогда на ней не показывались; что имъ уже давно велѣно изъ Петербурга вонъ. Повидимому, цыганка была лишена ногъ. Въ дикихъ глазахъ ея выражалось совершенное разстройство ума. Она дѣлала разныя движенія рукой, указывая на дворецъ, и бормотала какія-то привѣтствія какой-то княжнѣ, называя ее самыми нѣжными именами. Когда цыганъ хотѣлъ везти ее далѣе, безумная приходила въ бѣшенство, и тотъ принужденъ былъ уступать, увѣряя полицейскаго солдата, что они сейчасъ съѣдутъ, лишь бы ему немного вздохнуть.

Поравнявшись съ ними, молодая крестьянка, — или та, которую мы за нее принимаемъ, — бросила во имя Христа въ телѣжку нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Будто гальванической силой приподняло цыганку при взглядѣ на ребенка.

— Подай, подай мнѣ!.. это *его* сынъ... — закричала она такъ, что мать въ испугѣ бросилась бѣжать, озираясь частенько, не выскочила ли изъ телѣжки ужасная женщина, не преслѣдуетъ ли ее...

Потерявъ цыганъ изъ виду, она перекрестилась; но замѣтно было, что какія-то мрачныя думы тревожили ее во всю дорогу, и шаги ея, прежде твердые, стали запинаться. Чаще взглядывала она на свое дитя, еще нѣжнѣе прижимала его къ груди.

Путь ихъ былъ на Выборгскую сторону.

Они спѣшили. День былъ жаркій. Лицо молодой женщины разгорѣлось, щеки малютки алѣли, слуга убѣждалъ отдать ему драгоцѣнное бремя, но мать не соглашалась, какъ бы боясь поручить его хилымъ рукамъ старика, изъ которыхъ какая-нибудь новая цыганка могла бы вырвать.

Вотъ они ужъ на Выборгской сторонѣ, вотъ и у церкви Сампсона Страннопріимца. Благоговѣйный ужасъ выразился на лицахъ пилигримовъ, когда они черезъ ворота вошли въ ограду. Здѣсь представился имъ погостъ, усыпанный многочисленными возвышеніями, изрытыми смертью, этимъ всемірнымъ, неутомимымъ кротомъ, — гостиница, гдѣ для всякаго новаго пріѣзжаго и прихожаго всегда найдется приличная почивальня, на которую ни одинъ изъ нихъ еще не жаловался. И почти надъ всякимъ возвышеніемъ по камню, положенному будто изъ боязни, чтобы принятый землею не возвратился на нее! И на каждомъ крестъ, знаменіе жизни земной и стремленія къ небу!.. Съ трепетомъ оглянулись путники на могилу у самыхъ воротъ... молодая женщина поблѣднѣла, губы ея посинѣли и руки затряслись такъ, что она была готова уронить свое дитя. Слуга успѣлъ принять его и опустить возлѣ себя на землю. Рыдая, пала странница на могилу и долго, очень долго лежала на ней безъ чувствъ. Старикъ стоялъ на колѣнахъ; онъ молился... слезы текли по изрытымъ его щекамъ. Дитя плакало и, уцѣпившись ручонками за платье матери, силилось приподнять ее.

Эта крестьянка была — Наталья Андреевна Волынская; это дитя — былъ ея сынъ, старикъ — слуга ея и пѣстунъ малютки.

Наталья Андреевна пришла въ Петербургъ, куда вызвало ее правительство для возвращенія ей имѣнія, отнятаго въ казну во время бироновщины. Первымъ дѣломъ ея, по прибытіи въ городъ, было идти на святую для нея могилу.

Ударили въ колоколъ къ обѣднѣ. Стараніями усерднаго служителя приведена она въ себя. Она перекрестилась, стала на колѣна, схватила сына и, наклонивъ его голову на могилу, говорила ему, нерѣдко прерывая свою рѣчь рыданіями:

— Здѣсь лежитъ отецъ твой... молись за упокоіі души его... скажи: «папенька! благослови меня съ того свѣта!»

И дитя твердило:

— Папенька! благослови меня съ того свѣта...

— О, милый, незабвенный другъ! видишь, я исполнила обѣтъ свой... я дала тебѣ сына... посмотри — онъ весь въ тебя... благослови насъ, милый мученикъ!.. Кабы не онъ, я давно бъ лежала здѣсь подлѣ тебя.

Здохновенная своею любовью, она, казалось, видѣла кого-то сходящаго съ неба, и глаза ея блистали дивнымъ, неизъяснимымъ восторгомъ.

Слуга напомнилъ, что пора къ обѣднѣ. Въ самомъ дѣлѣ, она началась, и Волынская, бросивъ еще взглядъ на бугоръ, гдѣ, казалось, почивало существо, для нея безцѣнное, шатаясь побрела съ своимъ младенцемъ въ церковь. Тамъ дьячокъ читалъ ужъ Апостолъ. Кромѣ двухъ, трехъ старухъ, богомольцевъ никого не было. Невольно взглянулъ чтецъ на пришедшихъ... и чтожъ? онъ смѣшался... голосъ его началъ прерываться, болѣе и болѣе, наконецъ слезы задушили его.

— Что съ тобой?—спросилъ священникъ съ неудовольствіемъ.

Этотъ выговоръ заставилъ его оправиться; кое-какъ докончилъ онъ чтеніе. Нерѣдко вглядывался въ него и слуга Волынскаго.

По окончаніи обѣдни, когда Наталья Андреевна просила отслужить панихиду на могилѣ мужа, дьячокъ бросился цѣловать у ней руки и сказалъ:

— Матушка, Наталья Андреевна, вы не узнали меня?.. А помните ли тайнаго совѣтника Щурхова... пріятель былъ вашего сожителя и положилъ вмѣстѣ съ нимъ голову: я Иванъ... бывшій дворецъ...

Дьячокъ не договорилъ, и залился опять слезами.

Это былъ вѣрный служитель благороднаго, возвышеннаго чудака въ красномъ колпакѣ. Онъ выучился исправно читать и опредѣлился дьячкомъ къ той церкви, при которой былъ погребенъ его баринъ. Онъ не хотѣлъ разстаться и съ прахомъ его.

Съ любовью сестры Наталья Андреевна обняла Ивана и *представила* ему своего сына.

Можно догадаться, съ какимъ чувствомъ пѣлъ онъ похоронныя пѣсни при служеніи панихиды.

По окончаніи ея, повелъ онъ Волынскую на могилу.

— Здѣсь лежатъ косточки моего барина...—началъ онъ, и опять не договорилъ.

Немного погодя, оправившись, продолжалъ:

— Ахъ! матушка, кабы вы знали, какъ все его-то я меня дорого... Обноски его берегу, словно зѣницу ока... Двѣ польскія собачки и теперь живутъ со мною; а двухъ другихъ—повѣрите ли?—не могъ оттащить отъ его могилы; на ней, бѣдненькія, и издохли...

Съ того времени видали очень часто молодую, знатную барыню, всю въ черномъ, съ маленькимъ сыномъ, на могилѣ Волынскаго. На ней, казалось, она состарилась, на ней выростила и воспитала его.

Слышно было вскорѣ, что въ Рыбачьей слободѣ умерла какая-то сумасшедшая цыганка, и что ея товарищъ ускакалъ, Богъ вѣсть куда, на кровномъ конѣ, котораго укралъ съ бывшей конюшни Бирона.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 076299236